

ЧАЮ ВОСПРЕСЕНИМ ЖЕРТВЫХЪ

И ЖИЗНИ БУДУЩАГО ВЪКА. ЗАННЪ.

ВЕЛИКИЕ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ

ИВАН ЧЕРНИКОВ

РУССКИЕ
УКРАИНЫ

ЗАВОЕВАНИЯ
ВЕЛИКОЙ
ИМПЕРИИ

ВЕЛИКИЕ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ

ИВАН ЧЕРНИКОВ

РУССКИЕ
УКРАИНЫ

ЗАВОЕВАНИЯ
ВЕЛИКОЙ
ИМПЕРИИ

ИВАН ЧЕРНИКОВ

**РУССКИЕ
УКРАИНЫ
ЗАВОЕВАНИЯ
ВЕЛИКОЙ
ИМПЕРИИ**

7

Москва
«АСТ»
Санкт-Петербург
«Астрель-СПб»

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)
Ч-49

Черников, И.

Ч-49 Русские Украины. Завоевания Великой Империи /Иван Черников. — М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2008. — 448с.:ил., 16 л. ил.

ISBN 978-5-17-052656-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9725-1267-6 (ООО «Астрель-СПб»)

(Историческая библиотека 84)

ISBN 978-5-17-052655-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9725-1199-0 (ООО «Астрель-СПб»)

(Великие противостояния)

Это уникальное исследование, хронологические рамки которого охватывают период от начала нашей эры до конца Первой мировой войны, посвящено судьбе тысячелетней России, триумфальное расширение границ которой стало возможным благодаря техническому превосходству над соседними государствами. Как Россия завоевывала и присоединяла к себе многочисленные земли, как ей удавалось играть огромную и важную роль в Европе, как и почему она начала утрачивать свою мощь — об этом рассказывает книга «Русские украинцы».

Книга предназначена широкому кругу читателей, как специалистам, так и любителям истории, географии и этнографии.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

Подписано в печать 24.04.08. Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 23,52.

С.: Ист. библ. 84. Тираж 2000 экз. Заказ № 959.

С.: Великие противостояния. Тираж 3000 экз. Заказ № 959.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

© И. Черников, 2008
© ООО «Астрель-СПб», 2008

От автора

В этой книге предлагается оригинальная версия истории тысячелетней России — одной из величайших стран мира. При этом утверждается, что триумфальное продвижение наших предков на Кавказ, в Сибирь, Туркестан и к берегам Тихого океана прошло благодаря их военному и техническому превосходству над соседями.

Название книги выбрано не случайно. Во многих славянских языках «край» означает «границу». Особое место в колонизации земель сыграли казаки. Думается, что понятия казак и украинца неразрывно связаны. Лев Толстой заметил: «Граница родила казачество, а казачество создало Россию». Бытовала и другая крылатая фраза: «Границы империи проходят по луке казачьего седла».

Во время правления КПСС отечественная наука прочно стояла на постулате о том, что казаки пошли от беглых крестьян и преступников. Смущали тюркские имена многих из них, так как станичникам полагалось быть русскими, с татарами воевавшими постоянно и насмерть. Но, кроме славянских, казаки имели более древние — тюркские корни. Видимо, это и подразумевал великий поэт Александр Блок, говоря об азиатской физиономии Руси. Действительно в Европе осталась недобрая память о станичниках, ибо впереди армии России всегда двигались их наводившие ужас полчища.

Благодаря славным рейдам этой конницы европейцы зачастую считали Россию наследницей грозной

империи Чингисхана, о которой, как и о гуннах Аттилы, здесь кратко упомянуто.

Среди народов Степи станичники выделялись как мореходы, и неслучайно их славянское имя — бродники, а свои войска казаки называли именами рек. Поэтому в монографии освещено судоходство как одна из технологий освоения новых стран. Через народный эпос облик этих великих землепроходцев осветили многие художники. Так, в Русском музее экспонируются замечательные картины сибиряка В. И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком» и «Степан Разин». Их герои сражаются на казачьих лодках и есаульских стругах.

В книге показаны дела основательно забытого сейчас так называемого собирателя земли русской Ивана Грозного. Трагические события опричнины и русской Смуты привели к реформам Петра Великого, поломавшим образ жизни, прежде всего, правящей элиты, которую пришлось кардинально менять, вплоть до строительства в чухонских болотах новой столицы — Санкт-Петербурга, названного великим поэтом А. С. Пушкиным «Окном в Европу».

Во времена блистательного Петербурга возросла роль флота и казаков в расширении и защите границ России. Пожалуй, эти два явления наиболее ярко отражали парадоксальную суть Руси, так как флот впитал в себя самые передовые технологии Запада, а станичники заявили о себе еще задолго до времен Аттилы, пришедшего из глубин Азии. Имперская миссия русских на Кавказе и в Средней Азии трактуется как важнейший элемент их национального самоопределения. В связи с этим освещено сотрудничество и противостояние России с другими великими державами.

Свое место в книге отведено социальным отношениям и политике, в частности модной в то время панславянской идее и мистической проблеме черноморских проливов, связанной с Турцией, которая с

1453 г., после падения Византии, стала доминировать в Малой Азии и на Балканах.

Применение новой боевой техники повысило роль образования, и при анализе исхода войн показан мировой уровень культуры и технологий тех лет, а также способность правящей элиты отвечать на вызовы времени.

Особенно остро значение техники проявилось в начале XX в., когда Япония, за 50 лет динамичного развития, вошла в клуб великих держав, а Россия проиграла ей в конкурентной борьбе на Тихом океане. Показаны также трагические события Первой мировой войны, революции и Гражданской войны.

Несмотря на огромную военную мощь, империю разрушил внутренний социальный взрыв. После чего Русь, изнежившись за окном в Европу, как это изображено на замечательной картине академика И. Глазунова, вернулась в свое московское естество.

Особенностью книги является её энциклопедичный характер. Изложены научные труды XIX—XX вв. и народные предания казаков. В Европе сейчас популярны темы Великого Рима, кельтов, викингов, гуннов Аттилы и империи Чингисхана. Все это нашло отражение в книге, применительно к истории России. В приложении содержатся данные, отражающие личный вклад автора в историческую реконструкцию внешнего вида различных классов и типов кораблей и судов нашей Родины.

Многие сейчас ностальгируют по русской империи времен Петербурга. Возможно, эта работа даст ответ читателю на многие болезненные вопросы, волнующие современное общество.

Часть I

ОКРАИНЫ ЕВРОПЫ

У европейской цивилизации очень давняя история, начало которой, не позднее XVI в. до н. э., положили мореходы острова Крит, а затем, в IX столетии до н. э., продолжили финикийцы. К V в. до н. э. древние греки, пройдя через Дарданеллы, Мраморное море и Босфор, обошли северные и западные берега Черного моря с низовьями Дуная, Днестра и Днепра, а также берега Азовского моря с низовьями Дона и Кубани, на которых уже жили наши предки.¹

Освоение побережий Балтики в начале VIII в. провели древние новгородцы, владения которых бесспорно являлись окраинами Европы. Это отмечалось еще учеными Петербургской академии наук, которая в 1876 г. выпустила фундаментальный труд С. А. Гедеонова «Варяги и Русь».² По мнению историка, легендарный Рюрик вышел «из земель балтийского Помория или Пруссии». Экономическое могущество древнего Новгорода давала торговля с Ирландией, Британией, Северной Францией, Византией и арабским Востоком.

В XIII в. на Европу двинулись доблестные тумэны грозной Монгольской империи, захватившие Русь, Кавказ, Трансильванию, Венгрию, Моравию и Польшу, на некоторое время ставшие окраинами Орды, границы которой охраняли станичники. Затем Москва начала прибирать к рукам западные земли империи Чингисхана, привлекая казаков к себе на службу.

¹ История мировой цивилизации автором несколько упрощена. *Здесь и далее примеч. ред.*

² Труд С. А. Гедеонова к настоящему времени можно считать устаревшим.

Глава 1. Народ у края

Оставим на совести великого писателя Л. Н. Толстого его утверждение, что казаки якобы создали Россию, и используем его как повод для рассказа об этом легендарном народе, известном еще писателям Древней Греции. Предки казаков обитали сначала в кожаных шатрах. Когда жизнь стала стабильной и оседлой, появились деревянные или глинобитные курени (дома), составлявшие станицу (укрепленный лагерь). Их кланы, с жестким авторитаризмом и примитивной демократией, характерны для жителей незащищенных территорий, гордившихся статусом вольных людей и защищавших его до конца. Реки изначально играли особую роль в их жизни, и при атаке врага станичники скрывались со своими стадами на островах.

Собрание всех членов общины называлось кругом, избиравшим атамана и принимавшим наиболее важные решения. Однако, несмотря на автономию, этот древний этнос всегда находился в вассальной зависимости от какого-либо соседнего государства.

Видимо, предки казаков пошли от скифских племен кос-сака (или ка-сака) и приазовских славян мето-кайсаров с некоторой примесью асов-аланов или танаитов. Работы древних историков и географов, вместе с данными археологии, позволяют установить время и место появления казаков как народа и господство среди них славянской речи. Задолго до того, как упоминание «казаков» впервые появилось в актах Москвы, Константин Багрянородный еще в 948 г. писал первоначальное их название.

От глубокой 20-вековой древности и до наших дней звучание и начертание названия казаков в источниках отличаются незначительно. Так, греческий географ Страбон отмечал, что еще при жизни Христа Спасителя в Закавказье жил воинственный народ кассахи. Через 3—4 века это имя часто встречается в

танаидских надписях, обнаруженных и изученных В. В. Латышевым. Греческое начертание касакос сохранилось до X в., когда летописцы Руси стали смешивать его с кавказскими именами: касагов, касогов, казягъ.

Казаки жили на северо-западе Скифии. Их миграция в кочевой период известна по так называемым торческим погребениям воина с конем, говорящим о переселении казаков в III—II вв. до н. э. из Закавказья на Северный Кавказ. На Северном Кавказе и Дону появились смешанные славяно-тюркские племена, известные как тореты, торпеты, торки, удзы, беренджеры, сираки, брадас-бродники и др.

В 375 г. из Азии на берега Дона пришли гунны, которые затем двинулись на Европу и господствовали там 75 лет. Их вождь, легендарный Атила, сея разрушение и смерть, дошел до Галлии, но в 451 г. был разбит войсками Рима на Каталунских полях. Вскоре после этого отдельные племена гуннов потянулись назад в Черноморье. Прокопий Кесарийский и другие записали хранимое ими предание об олене. Якобы вначале гунны не знали, как переправиться через Азовское море. Но вот однажды олень, уходя от охотников, указал им мелкий брод, после чего орды и двинулись на Европу.

Следует подчеркнуть, что коссак имеет скифо-иранское понятие белый олень. Но белый олень издавна считался символом донцов. Можно предположить, что уже тогда предки казаков владели искусством мореплавания и обеспечивали переправы конницы через реки и лиманы.

В VI в. на северо-западе Кавказа и в низовьях Дона создано государство, которое в Византии называли Великой Булгарией. В это время предки казаков приняли христианство. В 645 г. умер хан Кубрат, при котором Великая Булгария достигла наибольшей мощи.

Хазарский каганат в низовьях Волги воспользовался раздором трех сыновей хана Кубрата и стал захва-

тывать земли болгар. Старший сын Кубрата Батбай подчинился хазарам. Средний — Кодрак ушел вверх по Дону и на месте слияния Волги и Камы основал Волжскую Булгарию (предки казанских татар). Младший — Аспарух двинулся на запад, к Мизии, южнее Дуная. Здесь болгары и славяне основали Дунайскую Булгарию.

Известно, что предки казаков занимали юг Киевской Руси, весь бассейн Дона с верховьев реки до ее низовьев и Кубань. Их тогда называли черкасы, что в переводе с древнетюркского означает воины асы. Асы — это ясы русских летописей, а ясы — другое название болгар. Название казаки черкасы получили позднее, в XVIII в.

Рядом с черкасами жили печенеги и половцы. Но они не мешали друг другу. Черкасы постоянно жили в поймах рек Дона и Днепра с густыми зарослями и островками лесов. А печенеги и половцы кочевали по степи, только на зиму останавливаясь в своих временных поселениях. Видимо, из-за жизни на берегах рек летописи Руси иногда называют черкас бродниками, так как они хорошо знали реки и могли оказать при необходимости свои услуги по переправе через них.

На верхнем Дону арабы в VIII в. упоминали сакалибов, а персы, через 100 лет после них, — брадасбродников. Ореал этих племен, осевших на Кавказе, в Приазовье и Тамани, персидская география X в. Гудуд ал Алем называла Землей Касак.

В это время на просторах степей Черноморья и Кубани от Днепра до Каспия доминировал Хазарский каганат. Этим полиэтническим государством управляла аристократия тюрок, защищавшая славян и финно-угров от нападений с юга и востока, позволяя им относительно спокойно заниматься сельским хозяйством. В Хазарию входил будущий Киев, а на юге она соперничала с Аббасидским халифатом за контроль над Кавказом и с Византией — за Крым.

Известно, что хазарский хакан Булан (по-татарски лось, или большой олень) во второй половине VII в. победоносно воевал с арабами, в их владениях взял персидский Ардебиль, а после возвращения из похода стал иудеем.

В 815 г. хазары (они же казары) захватили низовья Дона и разрушили стоявший на берегу замок асов-аланов. Затем, по просьбе хакана, византийский строитель Петрона Каматер поставил в 836 г. на левом берегу Нижнего Дона (недалеко от станицы Цымлянской) крепость Саркел. Хотя стены её сложили из красного кирпича, славяне называли крепость Белой Вежой, очевидно, по памяти о белом замке асов-аланов, стоявшем на противоположном берегу Дона. Но Саркел мог иметь и тюркское значение — желтая крепость.

Тут же после апостольской проповеди святого Кирилла в 860 г. среди предков казаков окончательно восторжествовало христианство.

В конце IX в. по всему Приазовью и Дону уже звучала славянская речь. Об этом знали греки, давшие основание автору русских Четых миней утверждать, что жители Приазовья, «коих греки козарами, римляне же газарами называли, был народ скифский, языка славянского, страна же их была близ Меотического озера».

Поздний антропологический тип и разговорная речь казаков сложились при количественном преобладании славян. Но еще в середине XIX в. станичники сохраняли много антропологических свойств и оборотов речи тюрков, из которых самым значительным надо признать отсутствие форм среднего рода. Не напрасно казачий язык тогда считался славяно-татарским.

Константин Багрянородный в 948 г. оговаривал положение Касахии на севере Кавказа между зихами-адыгейцами и аланами. На 30 лет позже персидский географ Гудуд ал-Алем указал северную грани-

цу принадлежавшей аланам, очевидно, той же Земли Касак по берегу Азовского моря.

В XI—XII вв. на развалинах Саркела появилось какое-то новое племя, строившее саманные дома. Археолог М. И. Артамонов предполагает в нём одних из предков казаков — бродников. Другой археолог, В. Д. Белецкий считает, что появление славян в низовьях Дона следует связать с более ранним (VII в.) их движением на юго-восток. Кроме того, постройка славянами Саркела саманок боршевского типа говорит об их приходе с верховьев Дона. Подтверждением этому может служить обнаруженное в середине XX в. А. М. Москаленко городище Титчиха боршевского круга, которое своим положением (в 40 км вниз по Дону от Большого Боршевского городища) как бы указывает направление продвижения этой группы славян.

Это мнение советского ученого подтверждает персидский географ Гудуд ал-Алем, который указывает, что в 982 г. бродники (брадас) проживали на Среднем Дону между Хопром и Волгой, откуда, по арабским источникам, полководец Мерван в 737 г. вывел 20 000 семей славян (сакалибов).

По исследованиям советских ученых М. И. Артамонова и С. А. Плетневой, киевлян в Саркеле жило мало. А местные славяне появились здесь сразу после сооружения крепости.

Но в курганах, разбросанных вокруг развалин крепости, оказалось множество погребений с конями, в этих захоронениях покоились останки предков казаков из племени торков. То же касается и подонских бродников, известных еще Гудуд ал-Алему. На Среднем Дону бродники жили вплоть до XIII в., после чего это их прозвище заменяется в источниках общим казачьим именем.

После нашествия половцев в 1060 г. юг Земли Касак, с её столицей Томаторканью, еще 150 лет оставался независимой страной. Это и есть колыбель казаков

азовских, гребенских и черкасов, вышедших отсюда на Дон и Днепр. Жители же степи, занятой половцами, отошли в лесостепь и, как конфедераты Руси, продолжали бороться с ними. В летописях их называли черные клобуки, а позднее — черкасами и казаками. Все они, попав на Днепр, оставались там 7 веков. Часть казаков скрылась в Крыму и охраняла фактории Генуи.

В XIII в. горную часть Казакии заняли кабардинцы, покинувшие Северокавказскую равнину под давлением туменов монгол. Но осетины, храня память о прежних обитателях этого края, продолжали называть Большую Кабарду старым именем — Казах.

Однако при освещении истории станичников многие исследователи предпочитают использовать документы политически слабой тогда Руси. Первое упоминание в русских летописях о казаках относится к 1444 г., времени правления великого князя Василия Темного, когда речь шла о набеге ордынского царевича Мустафы на Переяславль-Рязанский. Затем, в 1502 г., при первом государе всея Руси Иване III летописи упоминают о городских казаках Рязани. Наконец, в 1538 г. в источниках появляются «воровские» (вольные) казаки на южных окраинах Руси, а в 1549 г. (1546 г., по В. С. Левченко) — донцы. И сейчас мнение о казаках разделилось: многие считают их верными холопами, а другие — беглыми холопами матушки Москвы. Из русских историков первым упомянул Казакию А. Попов, в 1814 г. вышла его «История о Донском Войске».

Этому воинственному народу принадлежит особое место в истории. В ней было все — борьба за свободу, губительные внешние войны, кровавый террор и великие победы. Станичники расширяли территории и защищали границы России, проявляя исключительную храбрость и героизм во многих войнах, которые вел Петербург, прежде всего в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813—1814 гг., а

также в Первой мировой войне, когда они составляли две трети всей конницы России.

Казаки имели культурные особенности, позволявшие им сохранять (или пытаться это делать) свой древний суверенитет. Правителям Руси приходилось так или иначе считаться с этим удивительным народом. К сожалению, любовь к воле не раз заканчивалась для станичников трагически. Естественно, что противники правящего режима Руси часто пытались воспользоваться этой особенностью казаков и старались привлечь их на свою сторону. Так, в 1812 г. император Наполеон хотел создать королевство Казацкое, а прославленный маршал Франции Мюрат пытался прельстить этим атаманов.

Сейчас от этого малочисленного народа, к сожалению, видимо, только имя осталось, так как казаков уже рассматривают как военное сословие или «группу русского населения» с известной культурно-бытовой спецификой, проживавшей в XV — начале XX вв. в бассейнах рек Дон, Днепр, Кубань, Терек, Урал, а также в Казахстане, Сибири и на Дальнем Востоке. В отечественной науке наибольшее распространение получила классификация народов по их языковой близости: сходство языков говорит либо о генетическом родстве народов, либо об их длительных культурных контактах. Это действительно так, однако история нового и новейшего времени стран Европы, России и СССР говорит, что единство языка и культуры еще не обеспечивает формирование нации.

Глава 2. Гунны в Европе

Первые завоеватели, потрясшие основы Старого Света, пришли с земель нашего отечества. Так что россиянам будет полезно узнать нечто малоизвестное из истории их предков, вторгнувшихся в Европу задолго до легендарных монголов. Тюркские кочевые

племена гуннов обитали вначале от Охотского моря до Алтая и далее по границе Китая. В середине I в. н. э. они двинулись на запад, в IV в. пришли в Европу, вызвав Великое переселение народов. Покорив аланов, готов, ряд казачьих и германских племен, живших на территории нынешней России и Польши, они заняли равнины между Волгой и Дунаем.

Надвигавшиеся с Востока орды гуннов и предков казаков напали на племя вестготов, живших у низовьев Дуная, которые в 376 г. поселились на территории Рима. Затем, в начале V в., готы прорвались в Италию, в 410 г. разгромили Рим, а в 412 г. основали королевство в Южной Галлии и в Испании. На юге Испании некоторое время держалось германское племя вандалов, в 429 г. захватившее Северную Африку.

В 445 г. германцы, нарекшие вождя гуннов Аттилу жутковатым титулом Бич Божий, объединились под его властью. Столица этого недолговечного царства находилась в Венгрии, близ Токая.

В 451 г. гунны напали на Рим, но в Северной Галлии их с помощью германцев разбили легионеры. Однако в 452 г. гунны опять вторглись в Италию и опустошили ее.

При реке Арции разбитые Римом готы отступили к Аквилее, которую Аттила разрушил, и затем опустошили весь северо-восток Италии. Император Рима Валентиниан, выдав Аттиле дочь Гонорию и выплатив дань, обратился за помощью к императору Византии Маркиану. Аттила разгневался и уже стал готовиться к походу, но внезапно умер на 49 году жизни, в ночь после своей свадьбы с Гильдегундой, дочерью германского князя Герика. Огромное царство гуннов тут же распалось, и часть их слилась с народами юго-востока Европы — готами, венграми и др.

В мифах германцев Аттила олицетворял разрушительные силы природы. После его смерти гунны ушли обратно за Прут и Днестр, а с конца V в. исторических сведений о них нет.

Видимо, в рейдах Аттилы участвовали и предки казаков. После поражения гуннов они потянулись на Дон, и среди них бытовало предание об олене, издревле считавшемся символом донцов.

Любопытный факт отмечали этнографы конца XIX в. Потомки монголов — буряты Забайкальского войска, сами себя называли гуннами, то есть людьми, а все казаки и буряты говорили на двух языках. И эта благостная идиллия создавала иллюзию воскресшей Монгольской империи.

В XIX в. многие европейцы восхищались военными подвигами гуннов и монголов. Так, русский офицер, барон Унгерн гордился тем, что в его древнем тевтонском роде текла и венгерская — от гуннов Аттилы — кровь. Среди русских барон выделял и любил только солдат, интеллигенцию же люто ненавидел. Эту загадку славянской души трудно объяснить, так как интеллигенты тогда тоже боготворили мужиков. После революции 1917 г. Унгерн русских стал презирать, а уважал только монголов за их преданность и честность. Унгерн мечтал о рыцарском ордене, подобном тевтонскому или японскому бусидо. Он хотел создать огромную империю в Азии, а затем, как великий хан, отправиться на завоевание Европы, чтобы обратить ее в учение Будды.

Глава 3. Русь изначальная и её украинны

Еще совсем недавно советские люди не сомневались, что Русь пошла от легендарного Киева, который называли «матерью городов русских». При этом целомудренно умалчивалось о Великом Новгороде, истории которого уделяли внимание во времена блистательного Петербурга. Но, после того как в 1918 г. госаппарат переехал в Москву, ученые единодушно признали ставшей бесспорной гипотезу о киевских истоках Руси. Это привело к тому, что только в 80-х годах XX в. исследо-

ватели выяснили, что еще в V—VII вв. предки западных славян заселили берега Ильменя, Белоозера, Ладоги, Онеги, Невы и Финского залива, а также верховья Северной и Западной Двины, Днепра, Волги. Но это лишь подтвердило теорию, сформулированную ректором Казанского университета, профессором Н. П. Загоским еще в середине XIX в., по которой так называемые восточные славяне очень рано сформировали два центра: один на севере — Новгород, другой на юге — Киев. Этой же точки зрения придерживался ученый мирового уровня С. М. Соловьев.

Известно, что в 862 г. племена славян и финно-угров Балтии призвали на княжение варяжского конунга Рюрика, основавшего Русь, военная элита которой жила торговлей, грабежом и данью от племен. Пришельцы поставили укрепленные торговые фактории вдоль пути из варяг в греки. Одна из них лежала в верховьях Ладожского озера, от которого расходились два пути: южный вел к Днепру, юго-восточный — к Волге и Каспию. Укрепления стояли и на реке Волхов, в том числе и там, где она впадает в озеро Ильмень, рядом с нынешним Новгородом.

Затем, в 865 г., дружины русов двинулись на Константинополь. Через 8 лет они перешли к середине Днепра и захватили Киев, плативший тогда дань хакану Хазарии. Этот город был хорошо защищен от нападений кочевников — предков казаков.

И лишь в 882 г. князь Олег присоединил Киев к своим северным владениям. Положив, так сказать, начало Киевской Руси.

Новгород, из-за своего географического положения, стал торговым центром Руси. Богатства давали леса вокруг Ладожского и Онежского озер, простирающиеся затем к Белому морю, до северной части Печоры и арктических склонов Урала. Город всегда исправно собирал дань с балтийских и финно-угорских племен, заселявших эти территории. До XI в. новгородцы торговали мехом, медом и воском с Булгарией

по Волге, с Киевом и Византией по Днепру, а также с Балтией и Скандинавией.

Благодаря помощи Новгорода великий князь Ярослав Мудрый (1119—1159), победив в борьбе за престол Киева, даровал юридическую независимость городу, разделил его на две части, одной из которых он правил сам, а другую отдал боярам, выбиравшим посадника и тысяцкого, управлявшим народным ополчением. Кроме того, бояре приглашали или отвергали князей, заключая с каждым из них договор на исполнение определенных военных обязанностей за определенный годовой доход.

После этого основной политической силой в городе стал совет господ, который с 1165 г. контролировал архиепископ. В боярской части города в середине XI в. возвели каменный собор Святой Софии, соперник киевского храма. Этот шаг впервые на Руси показал, что статус города определяет его богатство, но никак не княжеская власть. Теперь он называл себя Господин Великий Новгород.

В отличие от других земель Руси Новгород управлялся не какой-то одной династией, а приглашал представителей разных, иногда воюющих между собой князей. Кроме храма Святой Софии Новгород гордился еще и каменным кремлем (а не деревянным, как у других). Его жители отличались грамотностью, о чем свидетельствуют последние исследования найденных там берестяных грамот. Подобно Нью-Йорку в США или Кёльну на Рейне, город обладал значительными богатствами и поэтому всегда мог стать завидным призом для завоевателей.

Богатство вооруженных горожан более 3 веков обеспечивало их политическую самостоятельность. Но негостеприимная, с суровым климатом земля долгое время оставалась малозаселенной. И даже Петербург, основанный среди этой промозглой пустыни в начале XVIII в., смог привлечь за свои стены сотни

тысяч жителей только благодаря политической централизации и торговле.¹

При нашествии монголов (1238—1240 гг.) политическая жизнь Новгорода разительно изменилась. Из-за географического положения и дипломатии князя Александра город занял привилегированное положение в Золотой Орде. Его земли не захватывали монголы, с новгородцев не взимали налоги. Но пришлось платить существенную дань за право самоуправления.

Отдалив от себя угрозу монголов, Новгороду пришлось отражать натиск шведов, продвигавшихся из Финляндии к лесам и озерам между Ботническим заливом и Белым морем. В этих краях рыболовство и охота давали солидную прибыль. Чем севернее земли и холоднее климат, тем мягче и ценнее мех пушных зверей. В 1240 г. шведы приплыли вверх по Неве, но их разбил князь Александр, названный Невским в честь этой победы.

Кроме шведов, в XIII в. Новгород защищался и от тевтонов, шедших к язычникам Балтии. Как и крестоносцы, взявшие Царьград в 1204 г., они ополчились против православия. В 1241 г. так называемые псы-рыцари заняли крепость Изборск и важный торговый город Псков. Александр, решив дать отпор западной угрозе, разбил тевтонов на Чудском озере в 1242 г. Благодаря фильму Сергея Эйзенштейна эта битва представлялась как одна из величайших в мире. Последние исследования показали, что две армии на самом деле оказались небольшими, а силы новгородцев превышали тевтонцев втрое. Однако несмотря на это битвы под Нарвой и на Чудском озере остались символами противостояния между Русью и Западом.

Но у князя Александра остались многочисленные враги в самом Новгороде, особенно среди ремесленников и купцов, заинтересованных в мире с тевтон-

¹ История Новгородской республики («Господин Великий Новгород») изложена автором в виде отдельных фрагментов.

ским орденом для продолжения торговли на Балтике. Младший брат князя Андрей преуспел в поддержке как веча, так и хана и правил 5 лет. Александру же удалось вновь завоевать доверие хана и обезвредить своих братьев при поддержке половцев. Впоследствии он дважды обращался к ним за помощью для подавления прозападных мятежей. Поддержанный Ордой, Невский получил титул великого князя Владимирского — главного на Руси, который он сохранил до самой смерти в 1263 г. Это единственный случай, когда титул князя Новгорода совпал с экономическим значением города.

Более серьезный кризис Новгород пережил в 1257 г., когда монголы попытались напрямую переписать население и собрать налоги. Баскаки требовали церковную десятину и таможенную пошлину тамгу, но новгородцы им отказали. Монголы вернулись на следующий год. Эскорт Александра, парадным строем пройдя по улицам, затем буквально уничтожил оппозицию.

Но после падения Византии в 1204 г. и Киева в 1240 г. торговый путь по Волге и Днепру потерял свое значение. Важнейшим оставался лишь западный, и новгородцы им пользовались. В центре города стоял шведский готский двор. Германия быстро богатели, покупая у новгородцев меха, золото и серебро. Ганза имела в городе свою территорию — Петергоф, с конюшнями, гостиницами, большими магазинами и складами. Торговля Новгорода шла через порты в Риге и Ревеле (Таллин). Дважды в год купцы отплывали из Ревеля к острову Котлин (место нынешнего Кронштадта), откуда все товары переносились на суда Новгорода. Этот караван охраняли новгородцы, а немцы Петергофа жили по своим законам и имели свою тюрьму.

Товары из Персии, Индии и Аравии перевозились по Каспию, затем шли по рекам Волжского бассейна до самого Новгорода. Хазары поставляли сюда же дорогие меха из древней Биармии.

Торговал Новгород и с Москвой, куда отправлялись рыба, звериные шкуры, жир и сало взамен хлеба, привозимого по Двине и Печоре.

В своих колониях на северо-востоке (в так называемых землях заволоцких), на берегах Белого моря и даже в Сибири Новгород стал центром ремесел, искусств, образования и духовности. «Кто против Бога и Великого Новгорода?» — гласила известная поговорка. Главная обязанность выбранных князей состояла в защите от врага внешнего. Вече с пристрастием следило за исполнительной властью. При малейшем проявлении недовольства новгородцы «кланялись князю и показывали путь», говоря: «Мы не хотим тебя! Ступай от нас добром, а не то прогоним тебя». Они могли и православного митрополита на телегу погрузить.

Однако положение этого экономически мощного, но политически слабого центра зависело от покровительства Золотой Орды. Монгольская смута XIV—XV вв. привела к падению статуса города. Спустя 50 лет после смерти Александра Невского, в начале XIV в., горожане отвергли титул князя Новгорода и признали суверенитет за внешним правителем, обычно князем Твери или Москвы. Распри бояр ослабили мощь города.

С ростом могущества Москвы и Литвы Новгород оказался перед выбором стратегического союзника. В отличие от православной Москвы, совсем недавно ставшая католической Литва предоставляла большие услуги для торговли и контакт с культурой Европы.

Во второй половине XV в. борьба между сторонниками Москвы и Литвы ожесточилась. Немногочисленным новгородцам пришлось защищаться против многолюдной и могущественной Москвы. Это стало следствием духовного конфликта, войны мировоззрений, так как тоталитарная, деспотичная Русь не могла более терпеть у себя под боком республику. Возглавил крестовый поход князь

Иван III, и Новгород вскоре лишился своих северо-восточных земель.

Дальнейшая история Новгорода состоит из ряда поражений и бедствий. После бурного обсуждения в 1471 г. вече отклонило притязания Москвы и пригласило на правление князя Литвы Казимира IV. Иван III послал карателей. Москва и примкнувший к ней завистливый, беспринципный, но прагматичный Псков разбили ополчение города. К слову сказать, в состав многочисленного войска Москвы входила доблестная татарская конница, против которой легендарные ушкуйники ничего поделать не смогли.

Но в городе все еще действовала пролитовская партия семьи Борецких, а вече не разорвало связей с Литвой. И в 1478 г. князь Москвы послал туда новое войско, которое, захватив город, демонстративно «вырвало язык» у вечевого колокола и вместе с легендарной посадницей Марфой Борецкой увезло его в Москву. Новгороду пришлось принести присягу на верность матушке Москве, и донос стал обязателен. В следующем году подозреваемых граждан казнили, а тысячи семейств отправили в земли Москвы.

В это же время один из степных полководцев — хан Ахмат, собрав в низовьях Волги остатки Золотой Орды, попытался обложить Москву данью. В 1480 г. Ахмат заключил союз с Литвой и заручился помощью братьев Ивана III Андрея и Бориса. Царь же пошел на союз с ханом Крыма, угрожавшим теперь Ахмату с тыла. Войско Ахмата двинулось вверх по реке Угре, притоку Оки. После неудачной попытки пересечь реку татары стали грабить окрестности. Не дождавшись помощи от Литвы и Бориса с Андреем, они ушли обратно в степь.

Несмотря на то что татары еще 3 века грабили, никогда более они не угрожали суверенитету Москвы. Поэтому историки часто считают эту несостоявшуюся битву как прекращение власти монголов над Русью,

так как ни одно из степных государств — наследников Орды — уже не имело достаточно сил для сбора дани.¹

Отразив угрозу с юга, Иван III вновь занялся Новгородом, в 1494 г. закрыл немецкий двор. В 1497 г. казни возобновились, опять осудили на изгнание более 1000 семей, конфисковав свыше миллиона гектаров земли, отданной холопам за верную службу.

Но даже после уничтожения самоуправления в Новгороде некоторое время теплилась духовная жизнь в виде православных ересей на основе западных и еврейских религиозных течений. Однако уже в конце XV в. матушка Москва привела этот некогда богатый и независимый город если не к нищете, то к экономическому прозябанию.

После того как Москва разорила Новгород, лишив его приставки Великий, вместе с ним пришли в упадок окружающие его города. В их числе и Псков. Избавившись от давнего конкурента, он недолго сохранял свои вольности. В 1509—1510 гг. Василий III, захватив город, низвергнул его традиционную систему собраний. Вечевой колокол, некогда созывавший вольную общину у собора Святой Троицы, сняли и увезли в Москву. Из Пскова изгнали наиболее деятельных и богатых граждан. Сотни семейств высылались в другие города Москвы, их земли великий князь передал своим приближенным. Псков быстро утратил свое торговое значение и пришел в упадок. Развал и запустение воцарились на прежде многолюдных улицах.

Хотя к середине XVI в. Москва, казалось бы, уже полностью разгромила Новгород, заселив его своими людьми. Но самым выдающимся душегубом стал царь Иван IV, не отличавшийся политическими и стратегическими талантами. Однако он и поныне почитаем русскими, видимо, за его необычную на-

¹ События конца XV в. изложены автором схематично, без учета общей исторической обстановки.

божность, так как его холопы зачастую убивали политических противников в храмах, у алтаря. В 1570 г. этот деспот окончательно и страшно разгромил Новгород. Тотально подозревая всех, он здесь вполне оправдал свое прозвище. По свидетельству летописца, «благочестивейший царь» казнил 60 000 человек. Каждый день 5 недель бросали в Волхов сотни граждан с женами и детьми. Чтобы никто не спасся, опричники ездили в лодках и добивали всплывавших наверх. Реку запрудили трупы. И с той поры, как гласило предание, вода более не замерзает в месте массового убийства.

Установив на развалинах демократии естественную монополию и укрепив вертикаль власти, Иван IV пожелал торговать. Но, погубив многих горожан, царь лишился мореходов, и Москве пришлось принять англичан, которые приходили со своими товарами через Ледовитый океан в Белое море. Истребитель Новгорода позволил гостям свободно и беспошлинно торговать в пределах Московии.

Геноцид граждан Новгорода (две трети сел и деревень буквально уничтожили) привел к тому, что о многом в жизни Севера Руси теперь остается только гадать. Этнографы отмечали, что в XIX в. еще сохранялись несколько поговорок, направленных против Москвы. Однако теперь уже не осталось ничего от древнего национального духа. И лишь некоторые из его купцов и ремесленников в XVIII в. стали первыми жителями столицы, основанной в устьях Невы.

Иван Грозный много сделал для укрепления авторитета Русской православной церкви на землях Новгорода. Так, прилегающие к Белоозеру земли он раздал монастырям, из которых самым знаменитым слыл Кирилло-Белозерский. Впервые увидев это благолепие, истребитель так расчувствовался, что, в очередной раз, пожелал остричься в монахи, но утром одумался и начал ссылатъ сюда своих возможных политических конкурентов. Известно также, что Соловецкий мона-

стырь царь наделил правами налоговой полиции. Поэтому современные исследователи могут составить некоторое представление о типах новгородских судов по так называемым Таможенным грамотам Соловецкого монастыря.

Кроме того, царь предусмотрительно приказал вывезти свитки летописей из опального города. Затем московские переписчики, из политических соображений, безжалостно исказили древние документы. Известно, что новгородские летописцы в XII—XIII вв. ревностно отделяли свою республику от всей остальной Руси и особо подчеркивали свое старшинство по отношению к Киеву. Это отметили еще ученые Петербурга, готовя к печати в конце XIX в. «Полный свод русских летописей» (ПСРЛ). Отредактированные еще под присмотром опричников и затем опубликованные Московской синодальной типографией в начале XIX в., копии свитков отличаются единообразным литературным стилем трогательного и неспешного повествования о значении Москвы и Киева в истории Руси. Так, матушке Москве пришлось отдать лавры основателя Отечества Киеву, замешав мистические отношения с этой «матерью» на крови Великого Новгорода.

Во время русской смуты, последовавшей после разорительной для Руси опричнины, шведы захватили старинные пригороды Новгорода (Ивангород, Ямы, Копорье, Орешек) и оттеснили Москву от Балтийского моря. Следует напомнить, что до этого Новгород успешно отражал продвижение шведов и немцев на восточное побережье Балтийского моря.

Затем императору Петру I пришлось выводить Москву из самоизоляции и, по меткому выражению поэта, «в Европу прорубать окно». В это время Русь Святая пережила потрясения, но на развалинах её духовности появилась Россия. Забавно, но этот коренной москвич Москву не любил, что принято объяснять неприятными воспоминаниями детства и отрочества Петра, не любившего, видимо, и свою

новую столицу, спешно построенную не в лучшем месте. Но этот выбор обеспечил транспорт грузов из России в Европу, так как Волга — становой хребет экономики отечества и основная магистраль его.

Глава 4. Юг Руси, или Томаторкань

Выше уже упоминался Киев как мать городов русских. Этой благодатной теме посвящено много произведений литературы, музыки, кино- и анимационных фильмов, в которых славянские чудо-богатыри бьют неказистых степняков. Поэтому полезно здесь познакомить читателя с малоизвестными предками его соотечественников — противников киевлян.

В 966 г. Землю Касак захватил Киев. Пройдя огнем и мечом по Донцу и Дону, русичи обратили в руины бывшие там поселения и замки, перебив много казар, асов, черных болгар и подонских славян. От зверств дружины Святослава пострадали славяне и турки, оседлые и кочевники, христиане и язычники.

После этого Приазовье вместе с портом Томаторкань стало колонией Киева. Сын Святослава Владимир после крещения женился на царевне Греции и, расставаясь с гаремом, разделил свои земли между 12 отпрысками, прижитыми в язычестве, с тем чтобы вместе с ними удалить из столицы и их матерей. Себе он оставил Киев и право облагать детей «уроком», или денежной данью.

Далекая Томаторкань в 988 г. досталась младшему сыну Мстиславу, еще ребенком жившему здесь вместе с матерью Рагнедой. Приазовье персидский географ тех лет Гудуд ал-Алем, называл Землей Касак. Молодой князь, когда Владимир Святославич умер в 1015 г., отложился от Киева, и, с касакими (косаги, казяг, по летописям Руси) и казарами заняв подонские и донецкие степи, стал государем Томаторкани.

В летописях Киева удел Мстислава называли Тьмуторакань, а иногда также Тмуторокань и Тьмуторокань с твердым знаком в первом слогe. Явно обидный смысл русские придали этому имени, очевидно, по причине своей неприязни к населению Приазовья.

В 1022 г. Мстислав устранил одного из соседей — князя Редедю. По летописи, дело было так: Мстислав пошел на касогов. И когда два войска стали друг против друга, Редедя великодушно предложил Мстиславу не губить бойцов, а сойтись без оружия в единоборстве. И ответил Мстислав: «Пусть будет так». «И схватились крепко, и долго боролись, и стал Мстислав изнемогать, потому что Редедя был большой и сильный». Тогда взмолился Мстислав: «О, Пречистая Богородица, помоги мне! Если я его одолею, то построю церковь во имя твое». Вынул ножик из-за голенища и зарезал простодушного Редедю. «И пошел в его землю и взял его достояние и жену его, и детей его и наложил дань на касогов. А вернувшись в Тмутаракань, заложил церковь Пресвятой Богородице и построил ее».

Петербургский ученый XVIII в. И. К. Тауберт считал подданных Редеди казаками. Летописцы называли их касагами, касогами, казягами. Все они пополнили войско Томаторкани, сформированное ранее из казар Приазовья.

В 1023 г. Мстислав захватил Северское княжество и Чернигов. Однако его старший брат Ярослав, князь Новгорода и Киева, не пожелав расстаться с сим изобильным краем, собрал дружины, усилив их наёмными варягами из Скандинавии, и пошел войной на брата.

Но кавказцы Мстислава разгромили их. Эту битву под Лиственом летописец осветил довольно поэтично: «И была ночь, и была тьма, молния, и гром, и дождь». Варяги много потрудились, убивая северян, но потом бойцы Мстислава стали рубить наем-

ников. При вспышках молний блестело оружие, ревела буря, гром гремел, шла страшная рубка. И среди всего этого столпотворения красовался варяг Якун в золотых доспехах. Ярослав, увидев, что его побеждают, подался в бега вместе с Якуном — князем варяжским. Тут-то Якун и потерял свои золотые латы.

Ярослав бежал в Новгород, а Якун — за море варяжское. Мстислав же на рассвете, увидев побитых варягов и северян Ярослава, сказал: «Кто же этому не был бы рад?! Вот лежит северянин, вот — варяг, а своя дружина цела!»

После разгрома под Лиственном Ярослав долго не решался покинуть Новгород, хотя Мстислав уверял, что не претендует на правый берег Днепра. Только 3 года спустя Ярослав с дружиной явился в Киев. На предложенную братом границу по Днепру ему пришлось согласиться.¹

Томаторкань стала большой страной. В Чернигове, Курске и Рязани жили северяне и вятичи. В степях же оставались прежние полукочевые племена, казары, касики. Между Доном и Донцом торки, перемешанные с казарскими печенегами. Около Хопра и Верхнего Дона берендеи, которых арабы раньше знали у Терека как беренджеров, или венендеров, рядом с ними на Медведице бродники и в Приазовье остатки асаланов. Все эти степняки и кавказцы служили крепкой опорой против всех врагов князя.

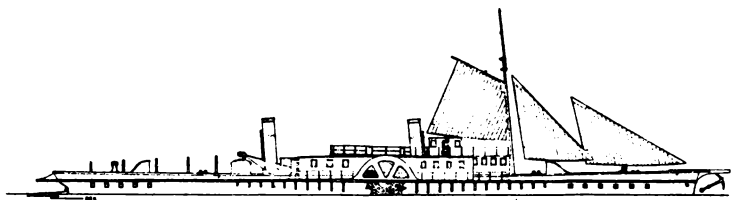
Мстислав, как авторитетный государь, храбрый воин и мудрый правитель, обеспечил охрану границ. Ни одна из азиатских орд не решалась вторгнуться в Томаторкань. Страна жила в мире и благоденствии, многие степняки стали оседлыми. Эпос называл Мстислава Храбрым.

¹ События, связанные с действиями князя Мстислава, изложены автором без связи с общей обстановкой на русских землях.

Когда Мстислав умер в 1036 г., Ярослав тотчас же занял Чернигов. Папахи казаков на Днепре выглядели непривычно, и Русь звала их черными клобуками. Встречается и другое прозвище — черкасы, по прежней родине на Кавказе. В летописи Москвы под 1152 г. значится: «все черные клобуки, еже зовутся черкасы». Но чаще использовали их племенные имена: торки, берендеи, торпей и т. п.

Некоторые из них еще долго сопротивлялись Киеву. Да и Томаторкань жила своей обособленной жизнью, поддерживая противников Киева, находивших здесь приют и кормление. Ярослав так и не подчинил себе этот край своеобразного политического убежища. Упадок Томаторкани начался с приходом в 1060 г. из Азии кипчаков, или половцев. Первое время она сохранялась в своих границах, с выборными князьями из черниговской ветви Рюриковичей, а после — как малое княжество адыгейских наследных владетелей, которым удалось избежать власти ханов Золотой Орды.

Томаторкань рухнула около 1117 г. На её землях дольше всех оставались казаки азовские и пятигорские, упоминавшиеся там еще в начале XVI в. В 1792 г. из Запорожья сюда же пришли казаки-чер-

Пароход «Редедя, князь Косогский», 1889 г. Основные размерения 75,7 × 10,7 × 1,78 м.¹ Машина мощностью 2000 л. с. Реконструкция И. И. Черникова.

¹ Размерения — размеры корпуса корабля, или судна (примеч. авт.).

касы, потерявшие Днепровский Низ. Рядом с развалинами города Томаторкани они построили станицу Таманскую.

Казакі сохраняли предание о Рееде. Так, в 1889 г. судовладелец П. Н. Ушаков построил самый мощный на Волге буксир «Реедя, князь Косогский».

Знаменательно, но в 1928 г. Волжское речное пароходство присвоило этому судну имя более известного вождя казаков — «Степан Разин».

Глава. 5. Ушкуйники — мореходы Новгорода

На юге Руси мореходство никогда не имело такого значения, как в Новгороде, где появился и сам термин ушкуйник. Император Византии Константин Багрянородный (911—959) отмечал, что первые торговые караваны русичей пришли в Константинополь из Новгорода.

Новгородцы ремесленничали, промышленяли зверя и рыбу, торговали, поэтому водному пути и кораблю придавали мистическое значение.

Появление пиратов Новгорода, или так называемых ушкуйников, если не считать первые походы Руси на Византию, относят к XI в. Так, в 1088 г. камские булгары, говорит летопись, взяли Муром. При этом историк В. Н. Татищев по имевшимся у него спискам сделал заключение, что так булгары мстили за разбой новгородцев по Оке и Волге. Но еще раньше, до 1032 г., отряды ушкуйников ходили на Югру.

Владения некогда могущественного Великого Новгорода занимали не только северо-восток Европы, но и простирались далеко за Урал, вплоть до устьев Оби. Раскинувшись на обоих берегах Волхова, этот город складировал товары Севера Руси. Окруженный густыми лесами и топкими болотами, Новгород развивался в более безопасном положении от нападений викингов, чем города Балтии.

Заболоченные, с непроходимыми лесами, безлюдные земли Новгорода пресекали многочисленные реки. Строительство сухопутных дорог началось здесь только с XIII в., и суммарная грузоподъемность гужевого транспорта в Средние века значительно уступала водному.

Вольность жизни и политическая борьба породили особое сообщество мореходов. Ушкуйники в руках сильных, богатых людей стали орудием смуты. И власти, стремясь после очередного вече освободиться от этих буйных молодцов, понуждали их расширять пределы Великого Новгорода. А землевладельцы и промышленники нанимали эту вольницу для защиты своих интересов. Впрочем, чаще всего ушкуйники, на свой страх и риск, в поисках наживы, совершали разбойничьи и торговые походы, иногда и в Сибирь.

На ладьях, карбасах и кочах новгородцы из Северной Двины и Печоры, вдоль Мезенских и Пустозерских берегов, ходили для промыслов зверя и рыбы на острова Вайгач, Калгуев и даже на Новую Землю. Затем, через Карские ворота и Вайгачский пролив, проникали в Карское море, Карскую и Обскую губу. Ушкуйники иногда шли волоком, для чего входили в реку Мутную, впадающую в Карское море, далее по двум озерам, а потом волоком — в Зеленую и оттуда в реку Таз до Мангазеи. Отсюда переходили в Енисей, спускались по течению до Ледовитого океана и переходили по нему до реки Псеиды.

О похождениях ушкуйников на реках Сибири ничего не известно. Но в Европе эти пираты, как и на Волге, сеяли ужас в приморских городах. Известно, что в 1320 г. новгородец Лука ходил в ушкуях на скандинавский тогда Мурман (само название которого этимологи трактуют как испорченное русскими норманн). В 1339 г. ушкуйники воевали шведскую корелу, а в 1349 г. налетели на берега Норвегии.

Летописи хранят описание некоторых походов ушкуйников. Так, в 1360 г. они взяли город Жукотин на Каме и перебили татар. После чего князя суздальский, нижегородский и костромской ловили ушкуйников и отсылали их в Орду. В 1363 г. новгородцы Александра Абакуновича и Степана Ляпы завоевали устье Оби. А в 1366 г. ушкуйники все того же Абакуновича побили татар под Нижним, за что князь Москвы Дмитрий Иванович поссорился с Новгородом, которому пришлось дорого платить за мир. В 1369 г. новгородцы вновь шалили на Каме, а в 1370 г. — на Волге; в 1371 г. грабили Ярославль и Кострому; в 1374 г. на 90 ушкуях — Вятку и взяли Болгары. Затем часть их спустилась к югу, а другая пошла на восток. В 1375 г. 1500 ушкуйников Проккопа разбили 5000-ю рать воеводы Плещеева и захватили Кострому, где грабили 7 дней, затем взяли Нижний Новгород и пустились к Астрахани, грабя всех по дороге. Но в Астрахани местный воевода, гостеприимно открыв ворота города, затем коварно перебил всех молодцев.

Казацьи предания гласят, что после разгрома войск Мамай на Куликовом поле в 1380 г. татары, мстя донцам за их поддержку князя Москвы Дмитрия, принудили их очистить берега Дона и переселиться не только в его верховья, но и дальше на север вплоть до Камы, Северной Двины и Белого моря.¹ Так Новгород получил великолепных бойцов, которые, видимо, пополнили ряды ушкуйников. Многие дети и внуки «казацких эмигрантов» так и остались на далеком Севере.

Но вернемся к неугомонным ушкуйникам: в 1391 г. они опять грабили по Вятке, Каме, Волге, снова взяли Жукотин и даже Казань. Последние упоминания об ушкуйниках встречаются в XV в., но

¹ Этот факт не находит исторического подтверждения.

уже в слабой форме, так как Москва уже начала давить вольность Новгорода.

После того как опричники Москвы уничтожили две трети новгородцев, исчезли и их корабли. Теперь можно только догадываться, какими они были, беря за основу дошедшие до нас суда викингов, а также описания этнографами лодок Севера середины XIX в.

Однако некоторое время еще продолжал теплиться древний дух Новгорода и предприимчивость. Из документов академика Ф. И. Миллера видно, что поморы и купцы Англии в конце XVI в. еще пытались пробраться к Енисею, куда их манили слухи о богатствах Сибири. Но боярин князь Иван Куракин усмотрел в этом угрозу своей естественной монополии. Нужно отметить, что и в те дивные времена Москва также придерживалась евразийской идеологии, поэтому русские, по простоте душевной, делили окружающий их враждебный мир на татар и немцев. При этом под татарами понимали практически всех инородцев отечества, а под немцами — всех европейцев. Кроме того, для шумных и экспрессивных русских, судя по реалити-шоу Москвы, слово немец имело два значения: чужой и тихий.

Собирая всякие ничтожные сведения, часто и преувеличенные, Куракин доносил о них царю Михаилу Федоровичу, советуя закрыть для немцев и русских Белое и Карское моря, принуждая их ходить до Мангазеи сухим путем. Переписка эта велась до 1621 г., и континентальная психология матушки Москвы восторжествовала. Пристани в Керволе, на Мезени, в Кольском и Пустозерском островах и в Варзуге были уничтожены. Понятно, что Куракин получал сведения о немцах (купцах Англии), приходивших в моря Севера, через поморов. И одного из них, холмогорца Еремку Савина, велел бить батогами нещадно, чтобы, как гласил указ царя, «на то смотря иным было не повадно воровством смуту затевать». Так бедный, не повинный ни в чем Еремка натерпелся и за не-

мцев, и за земляков, добравшихся до Карской губы и Енисея. Зато это принесло желаемый Москве плод. Край забыли, и надолго.¹

Вот так бесславно и закончилась история ушкуйников.

Ушкуй, получивший печальную известность как корабль новгородских пиратов, первоначально обозначал у поморов мелкое судно зверобоев, но малая осадка позволяла ему ходить по рекам, что и обеспечивало внезапность нападений. Историки признают ушкуй как судно исключительно новгородское.

Нужно отметить неславянское происхождение слова «ушкуй». Так же поморы называли «царя полярных стран» — белого медведя — ошкуй или оскуй. «Дай бог моржа на суше, а оскую в воде», — гласит старинная поговорка поморов. Приходившие всегда с севера, видимо украшенные, по обычаю норманнов, головами и шкурами медведей, корабли Новгорода не уступали в свирепости страшному зверю Севера. Затем это самоназвание, после прекращения разбоев, быстро исчезло с Волги. Следует отметить, что свои суда норманны называли «морские волки».

Глава 6. Великие монголы

Ужасы монголо-татарского ига давно уже стали притчей во языцех, послужив благодатным материалом для множества литературных, живописных, музыкальных произведений и кинофильмов.

Так что читатель уже несколько осведомлен о славной истории монголов, которые в 1206 г. объединились под предводительством Темучина, провозгласив его Чингисханом (великим ханом), покорили уйгуров,

¹ Закрытие «Мангазейского хода» при Михаиле Фёдоровиче объяснялось не только континентальным мышлением правителей Руси, но и её военной слабостью.

Северный Китай (1212—1213), Корею, Хорезм, Хорасан, Грузию, Крым и другие страны. После смерти Чингисхана в 1227 г. монголы захватили Русь, Кавказ, Польшу, Моравию, Венгрию и Трансильванию. А при Угедее (1229—1241) — Тибет, Персию. При хане Мангу (1251—1260) монгольские орды взяли Багдадский халифат, а при Кублае (1260—1294) — Южный Китай. В 1280 г. Кублай провозгласил себя императором Китая и положил начало Юаньской, или Монгольской, династии в Китае (1280—1368). В это же время был построен ханский город Каанбалык (Пекин).¹

В 1280—1281 гг. император грозных монголов Кублай-хан даже напал на Японию. Однако доблестные конники, мало понимавшие в мореходстве и кораблестроении, для перевозки войск использовали речные суда, построенные китайцами. Поэтому после страшного шторма, который благодарные японцы называли «камикадзе» (божественный ветер), многочисленный флот вторжения потонул, и монголы потерпели жестокое поражение от самураев.

Малочисленные завоеватели, противопоставив высокоорганизованной экономике и культуре покоренных народов военно-феодальную деспотию, не смогли удержать западные владения (Золотую Орду), и уже при Кублае в составе империи остались лишь Китай, Монголия, Тибет, Корея и Маньчжурия.

Экономические потрясения (голод в 1342 и в 1353 гг.), притеснения властей и тяжкие налоги вызвали ряд кровавых бунтов в Китае против монгольской династии, которая, ослабленная междоусобицей, вскоре пала. В течение 250 лет история этих великих завоевателей свелась к бесконечным распрям среди феодалов за власть над Монголией и борьбой с Китаем, который искусно использовал эти противоречия в своих интересах.

¹ Здесь и далее автор говорит о монгольских завоеваниях с преувеличением их результатов.

В это же время стала разваливаться и Золотая Орда. За 20 лет, от прекращения династии хана Бату в 1359 г. до Куликовской битвы в 1380 г., власть в столице Орды Сарая менялась калейдоскопически быстро. Исследователи насчитывают от 14 до 20 ханов, а сама она стала Большой Ордой.

Первой от Золотой Орды отпала восточная её часть, так называемая Белая Орда. Её разноплеменное население постепенно обрело в память о великом хане Золотой Орды общее имя — узбеки.

Сторонники хана Барака откочевали в Моголистан. А когда ханы Бурундук, а затем Касим возвратили себе власть над Белой Ордой, их стали именовать казацкими ханами, бывших узбеков, многие из которых также побывали в изгнании, — казаками, а Орду — Казацкой. В наше время эта страна называется Казакстан (по-русски Казахстан).

Узбеки, уйдя в Среднюю Азию, дали свое имя всем туркам этого региона, кроме туркмен. Жизнь богата на замысловатые повороты судеб. Бежавшие от казаков узбеки взяли власть в обширном и богатом регионе, изгнав оттуда, в свою очередь, прежних хозяев этих мест берласов. Но те, во главе с потомком Тимура Бабуром, недолго мыкались неприкаянными. Отсидевшись в Афганистане, ворвались затем в Индию и на захваченных землях основали империю Великих Моголов со столицей в Дели.

Монголы оставили заметный след в мире, их великие походы изучают в военных академиях, а образ Чингисхана до сих пор эксплуатирует кинематограф США. Пристрастие отечественных историков к татаро-монголам можно объяснить тем, что Москва была одним из улусов Золотой Орды, и элита Руси, видимо, с большим отвращением поклонялась великим ханам, как чудищам на капище.

После краха империи монголов один из её малочисленных народов — казаки стали участвовать в операциях войск Москвы. Эти вольные люди по найму

ходили в пограничные земли. Наиболее выдающийся из них — атаман Ермак.

Ныне потомки монголов живут в Китае и Монгольской Народной Республике. В России — это буряты, а также калмыки, перекочевавшие в начале XVII в. из Китая и осевшие в приволжских степях.

Глава 7. Украины Орды

В начале XIII в. монголы покорили казаков Яика. По преданиям, известным еще в XX в., их предки, выставив до 30 000 воинов, участвовали в походе Орды на Русь. Говорилось также о древнем Синь-городе казаков «в луке Замора» под Илеком.

Исследователь А. И. Ригельман отмечал, что при первом же появлении монголов на Дону в 1223 г. степной народ казаков, или казаков, оказался на их стороне и нанес поражение объединенным русско-половецким силам на реке Калке. Русские летописи укоряют по этому поводу казачье племя бродников и их вождя Плоскыню.

Нужно отметить, что помимо бродников летописцы упоминают и так называемых берладников, сражавшихся на стороне русских князей.

Когда в 1240 г. на востоке Европе установилась власть империи монголов, в её границы попали все степные земли казаков на Дону и Днепре. По привычкам и роду жизни станичники мало отличались от других степняков, переходивших от кочевого в оседлый быт. У хана Бату они проживали на прежних местах.

Ханы со временем доверили станищикам отдельные участки границ. Казаки имели некоторые автономные права в империи, и так как они издавна были христианами, а монголы не притесняли инаковерующих, то в 1261 г. митрополит Киева Киприан, по предложению хана Беркая, основал в городе Сарае епископию для казаков Орды.

Ордынцы выставляли ополчения на границу, участвовали в походах, а иногда и совершали самостоятельные набеги на соседей. Может быть, поэтому в Литве и Польше о казаках сложилось представление как о народе, мало зависевшем от ханов и составлявшем как бы отдельную Орду.

Так казаки долгое время служили Орде. Исключение составляли только те, что скрылись в горах Кабарды (то есть предки гребенцов), но иногда и они служили ханам. Историк Болтин пишет, что в 1282 г. баскак татарский призвав черкас из Бештау, или Пятигорья, населил ими слободы. Но служба здесь оказалась станичникам не по душе, и они ушли в Канев, и баскак назначил им место ниже по Днепру. Здесь они построили себе городок Черкасы, так как «большая часть их была породю черкасы». Так называли и тогда, и после казаков выходцев с Кавказа. Еще в 982 г. персидский географ Гудуд ал-Алем северо-западную часть Кавказа называет Землей Касак, а источники более поздние (Герберштейн, Матвей из Мехова) указывают, что в Пятигорье проживали и черкасы-христиане, говорившие на славянском диалекте.

Казаки занимали видное место в Золотой Орде, с ними считались ханы, и их упоминали все арабо-персидские авторы. В 1312 г. великий хан Узбек объявил ислам государственной религией Орды, и это повлияло на православных черкас. Видимо, это и стало предтечей развала Орды, так как великие монголы-ламаисты отличались удивительной веротерпимостью. Уже тогда черкасы стали тянуться к своим единоверцам — русским.

В это время западными улусами Золотой Орды правил темник Нагай. Станичники в его войсках играли заметную роль и, по мнению историка Е. П. Савельева, своими подвигами прославили темника. Современник Нагая греческий писатель Пахимер в «Истории императоров Михаила и Андроника» указывал, что казаки

«разбили войска хана Золотой Орды, пытавшегося принудить их к послушанию».

После Нагая, при ханах Крыма Гиреях, ордынцы именовались казаками перекопскими и белгородскими. Из них же набирали отряды охраны черноморских колоний Генуи.

Когда в Орде начался очередной передел власти, донцы, жившие вдали от правящих центров, много страдали от своеволия ордынских шаек. Междоусобица в царстве Дешт и Кыпчак, борьба всех против всех и насилия от враждующих улусов побудила станичников поддержать восстание московского князя Дмитрия. Однако разгром войск Мамаю на Куликовом поле в 1380 г. не принес освобождения Руси и стал роковым для донцов: татары принудили их очистить берега степной части Дона и переселиться не только в его верховья, но и дальше на север, вплоть до Камы, Северной Двины и Белого моря.

Под властью ханов донцы оставались до конца XIV в., а днепровцы веком позже. Ханы привлекали к службе казаков, формируя из них грозные тумены, цenia станичников не меньше, чем своих родственников-огланов, князей и мурз.

В XV в. казаки составляли многочисленный социально-племенной слой Крымской и Нагайской орд. В то время как донцам пришлось оставить в 1395 г. берега своей реки, перекопские, белгородские, нагайские и азовские казаки оставались с татарами до прихода на Черное море турок-завоевателей. Тогда казаки оставили ханов и перекочевали к границам Литвы, а частично и к ушедшим раньше на украины Москвы донцам.

Как упоминают летописи 1444 г., казаки в окрестностях Азова грабили и убивали послов и купцов Москвы. Этнический облик азовцев неясен. Там преобладали имена тюрок и мусульман: Абаш, Авдула, Алтай и т. д. Но вместе с ними действуют некие Акобян (возможно, армянин Акопян) и турчанин Костя Арменин. Один из отрядов возглавлял Сенька Лож-

кин, очень уж русский по имени. Неясна и конфессиональная их принадлежность, но в городе стоял православный храм Иоанна Предтечи.

В примечаниях к 41-му тому сборника Русского исторического общества говорится, что «в Азове население большей частью набеглое, а также жиды и армяне». Существует литература, написанная казаками П. Н. Красновым и Е. П. Савельевым, где говорится, что многие старинные казачьи роды Нижнего Дона изначально происходят от тюрок, армян и евреев. От армян, к примеру, вели свой род атаманы Ефремовы, Карповы, Харитоновы. Евреем считали Жученкова, выкупившего у татарских князей землю, на которой построили город Черкасск.

Предание гласит, как во времена Тамерлана (XIV—XV) на Яик явился атаман Гугна с казаками, побил живших там татар и взял себе в жены вдову их убитого князя. Об этой «бабке Гугнихе» на Урале говорили еще в XX в. А. И. Ригельман в «Повествовании о Донских Казаках» указывает, что казаки Яика в XV в. жили среди бушующего мира татар. Главный их стан Кош-Яик стоял в 450 км от моря, потом его перенесли намного ниже по течению — туда, где впоследствии русские построили Гурьев. Это косвенно подтверждают сведения из летописей. У ногаев за Волгой жили казаки. Так, у царя Тюмени Ивака зимой 1480/81 гг. их служило около 1000 человек, да еще 50 000 у мурз Мусы и Ямгурчея. В дальнейшем эти станичники могли перекочевать на Яик.

В низовьях Днепра, на землях будущего Запорожья, жили белгородцы. Предводительствовал у них в 1494 г. крымский царевич Мамышек, позднее — Япанча, племянник Менгли-Гирея (ПСРЛ, т. 13).

В августе 1515 г. один из основателей Запорожской Сечи Евстафий Дашкович повел в набег на «москалей» войска крымских царевичей. В 1521 г. он же участвовал в набеге на Москву крымских татар Мухаммеда-Гирея.

Днепровцы и перекопцы отложились от Крыма только после того, как ханы покорились султану, то есть в конце XV в. Азовцы же оставались на местах до начала XVI в., а потом перекочевали ближе к Северской земле. Там они объединились с белгородцами. То есть к середине XVI в. почти все ордынцы стали возвращаться на те днепровские и подонские юрты, которыми владели испокон веков.

Последними ушли из Орды нагайцы и астраханцы, соединившиеся с донцами только во второй половине XVI в. С этого времени станичники служили двум династиям: Рюриковичам в Москве и Гедиминовичам в Литве. Тогда же возникли их «речные республики» на Дону и Днепре.

Судя по запорожцам, донцам, терцам и уральцам, казаки, живя среди татар, сохранили, за небольшим исключением, свои внешние и духовные черты. В массе своей они пришли назад в Старое Поле христианами с древней славянской речью, на которую повлияли диалекты татар.

Однако на родину возвратились не все. Многие остались на насиженных веками местах Москвы, Литвы и Польши. Казаки служили интересам великих ханов, царей и королей, принимали их милости в виде жалований, привилегий, земельных поместий, дворянства, шляхетства, роднились с семьями знати и постепенно растворялись в чужой среде. Как сказано выше, казачьи эмигранты, обосновавшись также и на далеком Севере, двинулись небольшими группами на восток через горы и сплошные массы изобильных лесов. Промышляя пушным зверем и покоряя местные племена, станичники освоили огромные пространства Сибири, положив начало ряду новых военных общин, стали именоваться казаками сибирскими, забайкальскими и т. п.

Казаков разделили огромные пространства, и жизнь их потекла по своим, особым путям. В XVI—XVII вв. донцы и запорожцы возвратились на исконную Землю

Касак в Приазовье. Эта древняя история пока восстановлена только схематично и потому не раз представлялась в искаженном виде, иногда по неведению, а чаще из националистических соображений чуждых казакам историков. Вместе с тем непоколебимой остается старая точка зрения, изложенная в 1807 г. профессором Московского университета Е. Ф. Зябловским («Всеобщая география Российской империи») и в учебнике географии К. И. Арсеньева, где казаки указывались как особый славянский народ России наряду с господствующими великороссами и покоренными тогда поляками.

При этом многие историки России не считали казаков особым народом, но они же еще в конце XIX в. и украинцев рассматривали как неотъемлемую часть русских.

Глава 8. Турки-завоеватели

Турки наравне с татарами занимали видное место в истории России, политике и фольклоре XVIII—XIX вв. Поэтому читателю полезно познакомиться с этим народом, также пришедшим в Европу из земель нашего отечества. Но если гунны продержались здесь 75 лет, а монголы один век, то турки, видимо, остались в Старом Свете навсегда.

В конце XI в. из-за Каспийского моря в Малую Азию и Аравию вторглись орды, которых в Европе вначале знали как сельджуков. Угро-финнов же в сагах Скандинавии нарекали торкьярами и торкытами. А некогда шведский город Або сами финны называли Турку. И у Константина Багрянородного турки — те же угро-финны, мадьяры.

Сельджуков стали называть турками, видимо, во время Крестовых походов. С этим новым именем в 1356 г. они утвердились в Галлиполи, в 1389 г. подчинили Сербию, а в 1453 г. заняли Константинополь и, разрушив Византию, стали доминировать на Балканах.

После этого возникла Турецкая империя, раскинувшаяся от Ирана в Малой Азии до Австрии и Венгрии. В 1475 г. турки вторглись на Северный Кавказ, а в 1492 г. заняли Крым и все Черноморское побережье.

Как фанатичные мусульмане, они ненавидели каждого «неверного». Их продвижение сопровождалось насилиями и резней инакомыслящих. От турецкой армии и следующих за ней толп фанатиков в 1486 г. сильно пострадали Северный Кавказ и казаки Черкасии. У станичников это после отразилось в непримиримой ненависти к туркам. Ордынцы, как только ханы признавали власть султана, уходили и, присоединившись к вольным станичным общинам, всячески вредили туркам.

Так разорвали служилые отношения с Мегли-Гиреем перекопцы и белгородцы. Эти первые запорожцы начали долгую эпоху кровавой борьбы с турками. Всё это породила ненависть, вспыхнувшая после первой встречи с фанатиками в стране Черкасии. Но, несмотря на это, султан радушно принимал в свои пределы всех казаков, которые по политическим или религиозным причинам покидали родину. Станичники пользовались этим неоднократно, жили в Задунайской Сичи ¹, в Добрудже и на озере Майнос.

В 1521 г. на престол в Стамбуле взошел Сулейман II, сын Селима Явуза, то есть Свирепого, достойный продолжатель начатых отцом великих дел. Его почти 50-летнее правление стало апогеем могущества Турции. Сулейман с громадной армией вторгся на Балканы и взял много городов, в том числе Белград, нынешнюю столицу Сербии. Затем в 1522 г. овладел островом Родос — почти неприступной цитаделью рыцарского ордена иоаннитов, и в 1526 г. нанес страшное поражение венграм при Мохаче, а в 1529 г. уже осаждал Вену, европейцы прозвали его Великолепным.

¹ Сич — военная община запорожских казаков (*примеч. авт.*).

В низовьях Дона и Днепра власть турок формально сохранялась до 1774 г., когда эти земли они потеряли по Кучук-Кайнарджийскому мирному договору с Россией.

Глава 9. Ляхове Украине ¹

Так называли русские летописцы Украину — ныне суверенное государство, в его юго-западной части наследницу Киевской Руси, распространившуюся на Русь Галицкую, Волынь, Холмщину, то есть на прежние земли казаков Запорожья и Крым. Впервые Украина упоминается в Ипатьевской летописи в 1187 г., а затем — снова там в 1189, 1213, 1268 гг. (Ляхове Украинаные) и 1280 г. (Вкраина), всегда как часть Древней Руси.

Захватив в 1240 г. Средний и Нижний Днепр, монголы изгнали русичей в леса, обратив весь край в кочевья. Его правобережную часть пересек широкий Черный шлях — дорога, пробитая и опустошенная туменами при походах в Европу.

Когда надломилось могущество великих ханов, князь Литвы Ольгерд (1341—1377) занял земли Орды (Киев и Подолье). Впоследствии границы Литвы продвинулись еще ближе к Степи и в 1475 г. вышли на линию от Брацлава и Винницы, через Звенигород, Черкасы, Канев и Переяслав к Конотопу. В актах Польши конца XVI в. все эти новые земли стали именовать Украиной, где жили лишь черные клобуки и черкасы пятигорские, переселившиеся на Днепр в конце XIII в. Летописи и акты Литвы называют их всех казаками, а русские — черкасами. И лишь в некоторых селениях жили украинцы-ремесленники.

В конце XV в. сюда же с Перекопа вместе с семьями перекочевали на старые земли черных клобуков

¹ С историей Украины в изложении автора трудно согласиться.

ордынцы, оставив службу у хана сразу после того, как Крым в 1492 г. покорился султану. Польско-литовский король Сигизмунд I в 1506 г. признал за старичниками право на Поросье и Посулье, оформив его специальным декретом привилеем.

Казаки обновили старые полуразрушенные города Черкасы, Канев, Белую Церковь, Трактемиров, отстроили и основали много других поселений по рекам Южному Бугу, Суле, Псёлу и Ворскле. В 1562 г. к ним подошли с берегов Кавказа черкасы-мореходы, построившие город Чигирин. Эта часть Украины долго считалась землей запорожских черкасов. Так её обозначали на карте Украины, составленной Гоманом в 1707 г. И действительно, в это время на земле черкасов никто не проживал, кроме казаков, мещан-ремесленников и чиновников Литвы.

Однако по Люблинской Унии 1569 г. Посулье, Поросье и весь Средний Днепр заняла Речь Посполитая, и магнаты начали их колонизацию. На эти земли они разными льготами привлекали крестьян из Польши, Полесья, Волыни и Галичины.

Князя Корибуты-Вишневецкие умножили население Полтавщины. Границы Литовской Украины продвинулись далеко на юг, но не включали Запорожский Низ, долго еще остававшийся в пределах Крыма, хотя им фактически владели казаки.

Волны переселенцев теснили запорожцев, прежних хозяев края. Магнаты уравнили казаков в правах со своими «подданными». Эти сдвиги в национальных и социальных отношениях привели к длительной польско-казацкой войне XVII в., и Речь Посполитая лишилась земель запорожских черкасов «от Чигирина до Конотопа». То есть Гетманщина, по Переяславскому договору 1654 г., стала областью Москвы.

С тех пор Гетманщину и Украину в Москве стали именовать Малая Русь, к которой относили только прежнюю Гетманщину, то есть южную часть Чернигово-Северской области, всю Полтавщину, город Киев и

Среднее Поднепровье до Кременчуга. Здесь вся администрация до 1709 г. оставался казачьей: гетман, полковники и старшины ревниво оберегали свои права.

Польско-русский договор 1667 г. в Андрусове подтвердил права Москвы на Левобережье с Киевом, а Правобережье осталось Речи Посполитой. Там прежнее имя Украина сохранилось до падения Польши в 1795 г. В Москве же Украиной с эпитетом Слободская стали называть бассейн Верхнего Донца.

После разделов Польши в России оказалась и Правобережная Украина, которую признали частью Малой России. Но владения Запорожского Низа, павшего под ударами русских в 1775 г., присоединены к России как Новороссия. С тех лет началось выселение запорожцев на Кавказ и Кубань, а их место заняли украинские и русские крестьяне, которых теперь на новые земли вели вельможи, получившие в Новороссии и на Украине огромные поместья. Оставшиеся там по каким-либо причинам казаки слились с массой новых поселенцев, хотя долгое время держались от них отдельно, особенно многочисленная казачья шляхта. А наименование Украина осталось только в неофициальном обиходе среди казаков.

Украинцы ¹

В славянском мире украинцы являются отдельным народом, обособленным по антропологии, языку и духовному складу. Нация формировалась на границе лесной и степной этнических стихий, когда славяне встречали разрозненные степные племена, уничтожая или поглощая их. В Киевской Руси предки украинцев отражали нападения кочевников, часто при помощи других степняков, например дружинников казар и черных клобуков. Часто украинцы смешивались с

¹ В конце XIX в. малорусское наречие считалось одним из трех наречий русского языка.

половцами, мадьярами, поляками и черными клобуками.

Когда в 1240 г. на Днепр вторглись монголы, жизнь здесь замерла на два века. Степи и лесостепи обратились в Дикое Поле, где кочевали татары и казаки.

Повторное заселение украинцами опустошенного Черного шляха вдоль Тетерева и Левобережья началось во второй половине XVI в. после Люблинской Унии под охраной польско-литовских войск и казаков. Через 2 века Россия захватила Старожитное казачье Поле, Сич разрушили до основания, казаков выселили на Кавказ, а на их земле поселили русских и украинцев.

Так накатy украинских колонизационных волн напрямую зависели от литовско-польской или русской агрессии. Быт, судьбы и социально-экономическое развитие украинцев долго зависели от Речи Посполитой. При этом на долю их почти всегда выпадал лишь тяжкий труд.

Но, избавленные от воинской повинности, украинцы сохранились количественно и получали возможность, хотя и в чужой среде, выйти на широкий путь культурной эволюции, одновременно развивая в себе импульс переселенческой и политической экспансии.

В XVII в. на землях Поднепровья уже количественно преобладали украинцы, среди которых приходилось жить бывшим ордынцам с их семьями. Судя по местному фольклору, казаки вступали в браки с украинками, поэтому их славяно-татарский язык обратился в тот полтавский диалект, с которым черноморцы пришли на Кубань,

Но еще в начале XX в. на Слободской Украине потомки казаков сохраняли свой особый от украинцев быт.

Земли казаков Дона, ранее простиравшиеся по Харьковской губернии, с соседними частями Курской и Воронежской губерний, Русь заселила украинцами, бежавшими от помещиков Польши. Часть из них, основав казачьи «черкасские» слободы, формировала полки и имела некоторую автономию, уничтоженную в

1765 г. Впоследствии казаки Слободской Украины растворились с русскими, приведенными в край помещиками Москвы. Павловск, Богучар и Калач также заселялись украинскими и черкасскими иммигрантами.

Уже в начале XX в. проявилось среди националистов Украины желание потеснить донцов на их коренных землях. Украинцы этого рода, по примеру русских, стараются утвердить мнение о казаках как о сословии, возникшем среди населения Украины в результате социальных процессов. Но это мнение, так же как версия о беглых холопах, лишено всяких оснований. Летописи и акты сохраняют память о приходе казаков на Днепр с востока и нигде не называют их общим именем — Русь. Для них летописцы имеют специальные имена — черные клобуки, черкасы. А Россию малочисленные остатки донцов еще в середине XX в. называли Русью.

Украинцы продемонстрировали свою национальную и политическую волю, поэтому в конце Гражданской войны матушке Москве пришлось отдать им некогда казачьи земли батюшки Дона. Затем, уже после Второй мировой войны, — представительство в Совете Безопасности ООН, и, наконец — Севастополь и Крым.¹

В этом разделе рассмотрено зарождение на окраинах Европы казаков и Руси, экономическое могущество которой давала торговля с Ирландией, Британией, Францией, Византией и арабским Востоком. В XIII в. земли нашего отечества покорили великие монголы. Затем Москва, как один из улусов Золотой Орды, стала прибирать к рукам некоторые земли бывшей империи Чингисхана. Но об этом речь ниже.

¹ Эти факты автором изложены в отрыве от международной и внутренней обстановки.

Часть II

УКРАИНЫ МОСКОВИИ

Объединение земель Руси начал великий князь Иван III (1462—1505). Этот данник татар, женившись на племяннице последнего императора Византии Константина (1449—1455), впоследствии именовался государем всея Руси, а остатки Золотой Орды теперь стремились к его двору. И даже ужасавший Европу султан Баязет с изумлением слушал однажды высокомерную речь посла Москвы. В то время это была большая географическая новость, о чем впоследствии не без юмора сообщал один из классиков марксизма К. Маркс. Укрепление монархии завершил Иван IV Грозный (1533—1584), который впервые практически занялся проблемой проливов. Император Австрии Максимилиан II (1564—1576) уже тогда заговаривал о разделе Польши, обещая военную помощь Москве в завоевании «всего царства греческого восточного», то есть бывшей Византии с её Царьградом.

Глава 1. Завоевание Волги

После падения Орды Иван IV для охраны южных границ первым из царей Москвы заключил союз с казаками Дикого Поля. Нужно отметить, что злоеющим словом «дикое» пользуются русские, а казаки свой Дон издавна называли Старым Полем.

Не имевшую четких границ казачью степь окружали: Московия, Польша, Османская империя, Крым, Ногайская Орда и многочисленные северокавказские племена.

В то время донцы еще являлись субъектом международного права, и Иван IV в 1570 г. заключил с ними соглашение через Посольский приказ. Казаки охраняли границы, отражали набеги кочевников, а Москва, признав их право на земли в низовьях Дона, регулярно поставляла зерно, боеприпасы и амуницию. Но это стало началом конца, и казаки постепенно стали частью русской армии и администрации, теряя самоуправление и древнюю историю, так как исследователи теперь ведут её со времен так почитаемого ими Ивана Грозного.

Царь московский в союзе с казаками достиг наибольшего триумфа в своем правлении.¹ Ранее его предшественники пытались справиться с Казанью, наследницей Золотой Орды, перекрывшей путь вниз по Волге и Каспию. Москва вмешивалась во внутренние дела татар, стремясь посадить своих кандидатов на ханский трон, но чаще ей оставалось только беспомощно смотреть.

В конце концов Иван IV прервал дипломатию и после восстания черемисов построил на западном берегу Волги крепость Свияжск, ставшую в октябре 1552 г. базой для взятия Казани. Станичники Дона и Яика брали Казань с войсками Ивана IV, что подтверждает так называемая отписка с Дона в Москву от 2 мая 1632 г.

Чтобы укрепить свою власть над Казанью, царь Иван выслал оттуда много мусульман, а на их место поселил русских купцов и ремесленников. Здесь не раз восставали татары, которых жестоко подавляли. В честь этой победы Иван IV построил в Казани огромный православный храм, а в Москве, на Красной площади, — знаменитый собор Василия Блаженного и положил начало новому стилю иконописи, наиболее полно выраженному в так называемой

¹ Роль казаков в разгроме Золотой Орды автором преувеличена.

иконе Воинствующая Церковь, изображавшей победоносную православную армию, ведомую святыми воинами Руси и Матерью Божьей. Войска шли в сторону Москвы, а на заднем плане полыхала огнем неверная Казань. Это наполнение икон политическим смыслом лишало их духовного содержания, характерного для старой манеры иконописи, присущей Рублеву и другим. Иван Висковатый, один из выдающихся бояр тех лет, считал эти своеобразные лубки, изображавшие, например, распятого Христа в доспехах, откровенно еретическими. Однако церковный собор 1554 г. отверг его аргументы. Более того, стали использовать священные изображения и для пропаганды.

Нужно отметить, что позже Петр Великий, также по своему усмотрению, реформировал церковь Москвы. Побывав в Голландии и Англии, император оценил удобства иметь подчиненную государству церковь и для морального уничтожения патриарха Москвы провел культурную акцию — «всешутейский собор», но об этом речь пойдет в следующем разделе.

Захватив Казань, Москва двинулась на восток. В 1574 г. воевода Иван Нагой с казаками Прикамья поставил на реке Белой Уфимское укрепление, а затем построил острожки — Мензелинск, Бирск, Оса и городки на Волге. В 1586 г. основаны Самара и Царицын, в 1590—1592 гг. — Саратов, в 1627 г. — Черный Яр, Симбирск, Красный Яр и так далее.

После этого Москва надолго укрепила свою власть над Степью. Непрочный союз наследников Золотой Орды удалось разрушить. Ханы ногаев, сибиряков и астраханцев, князя Пятигорья и Кабарды признали себя вассалами царя, который начал подчеркивать свой статус православного победителя неверных. Москва, торгуя через Каспий и Кавказ со Средним Востоком, продолжила дальнейшие завоевания, теперь уже в Сибири.

Глава 2. Выход на Каспий

Одним из правопреемников Большой Орды стало Астраханское царство, получившее независимость в 1481 г. С падением Казани враждовавшие ногайские князья степей Волги уже искали покровительства в могущественной Москве. Так, в 1553 г. сюда прибыли послы Измаила и других мурз с челобитной на царя Ямгурчея и предложением посадить на его место Дервиш-Али. Иван IV обрадовался возможности утвердиться в Астрахани и ослабить ногайцев, опасных их возможным союзом с мятежной Казанью, и решил отправить рекой свои войска с пушками, а ногайцев — двинуть к городу берегом.

При этом объявили, что он ищет древней вотчины Тматоркани, отданной Владимиром Святым своему сыну Мстиславу, сроднику царя Москвы. Весной 1554 г. тридцатитысячная рать князя Ю. И. Пронско-го-Шемякина поплыла к Астрахани по Волге. На пути к ним присоединились стрельцы князя А. Вяземского.

В июне войска прибыли к Переволоке между Волгой и Доном и выслали на разведку отряды Вяземского и Данилы Чулкова. В первом же бою у Черного острова астраханцев разбили наголову. Пленные сказали, что войска Ямгурчея стоят в 5 км ниже Астрахани, а гарнизон крепости незначителен.

Направив князя Вяземского на Ямгурчея, князь Пронский двинулся на судах к городу. Высадившись 2 июля, русские заняли крепость. Гарнизон бежал.

То же было и у князя Вяземского, Ямгурчей бежал в Азов, бросив цариц и царевичей, которых захватили в плен накануне. Затем, 7 июля, донцы атамана Павлова настигли беспорядочную толпу астраханцев, перебили или взяли в плен, освободив много русских пленных.

В Астрахани воцарился Дервиш-Али, обязавшийся платить Москве 40 000 алтын и 3000 рыб ежегодно.

Русские же теперь стали свободно ловить рыбу по Волге от Казани до Астрахани.

Но положение Дервиша, посаженного на трон вопреки воле ногайцев, стало тяжелым, и он тайно перешел на сторону Крыма, приславшего 700 татар, 300 янычар, пушки и пищали. В 1555 г. орда Крыма почти разбила армию Ивана Шереметьева. Дервиш-Али, при поддержке турецких янычар и артиллерии, вытеснил русские войска с низовьев Волги и Дона.

Весной 1556 г. Иван IV отправил к Астрахани стрельцов головы Черемисинова и казаков атамана Колупаева. Но всех их опередил атаман Ляпун Фелимонов. Его казаки внезапным ударом заняли город и выступили в степь, где разгромленный Дервиш стоял в 20 км от берега моря. Писемский и Тетерин напали на него ночью и разбили. Но к утру Дервиш, сосредоточив ногайцев, крымцев и астраханцев, напал на русских, возвращавшихся в город после ночного рейда, но безуспешно.

К этому времени казаки разгромили все центры управления хана, которому пришлось бежать в Азов, откуда он более не возвращался. Крымские пушки ногаи прислали Черемисинову в покорившуюся Астрахань. Так устья Волги окончательно закрепились за Москвой.

Иван IV хотел развить успех и покорить Крым. На Дону и Днепре уже строили флот. Но из-за недостатка сил Москве пришлось отказаться от этого.

В 1557 г. Москве присягнул князь ногаев Исмаил, а с 1560 г. установились границы по Яику в Заволжье и по Тереку на Кавказе.

Несколько позже покорилась Сибирь. А скитавшегося по степям царя Кучума в 1598 г. окончательно разбили и позднее убили.

История эта имела интересное продолжение в XVII в. Атаман Разин считал Астраханское царство идеалом государственности и пытался восстановить его.

Глава 3. Война в Ливонии

Захватив Казань и Астрахань, Москва держала в своих руках восточную часть водного пути из Европы в Среднюю Азию. Укрепив рубежи по обе стороны дельты Волги рядом крепостей, Иван Грозный, начав войну с Ливонией, пытался овладеть побережьем Балтики.

Выше уже упоминалось о том, как Москва, разгромив Великий Новгород, буквально уничтожила мореходов Севера. Поэтому в Ливонской войне 1558—1583 гг. для организации каперской флотилии пришлось нанимать датчан.

Ливонский монашеский орден создали феодалы Германии в 1202 г. для крещения язычников Прибалтики. Владея удобными гаванями, рыцари, бойко торгуя с Европой и Востоком, так и не создали в Ливонии национального государства, так как финны и литовцы не имели со своими господами общего языка, нравов и даже религии. Обращенные насильно в католичество и принуждаемые затем к переходу в протестантство, они оставались индифферентными или враждебными к меченосцам.

В немецкой литературе тех лет нашествие расценивали как кару Божью. К этому времени Ливония разорилась, воинский дух рыцарей исчез, а безбрачие выродилось в разврат. Роскошь и разнузданные оргии элиты повергли подвластный ей народ в нищету и уныние. Боевая машина ордена давно потеряла значение, тратить собственные денежки на наемников рыцари не хотели, а бесправные подданные не могли и не хотели платить налоги.

В конце 1557 г. московская конница хана Шах-Али вторглась в пределы ордена. В страшной резне гибли женщины, изнасилованные до смерти, дети, вырванные из чрева матерей, и горели жилища. Войны везде были отвратительны, и дисциплинирован-

ные бойцы герцога Альбы не уступали черемисам Шах-Али, которые, насытив свою похоть с наиболее красивыми пленницами, привязывали их к дереву и упражнялись в стрельбе по живым мишеням.

На протяжении почти 200 км захватчики не встретили сопротивления, и черемисы легко разгоняли слабые отряды ливонцев. Шах-Али, собрав громадную добычу, в январе 1558 г. согласился на перемирие.

В мае 1558 г. войска Москвы взяли старый торговый город Нарву, и Грозный получил выход в Балтику. Так как опричники уже уничтожили мореходов Новгорода, то купцы Ливонии сохранили за собой право на беспошлинную торговлю по всей Руси и с Ганзой.

От первоначальных успехов в Ливонии у царя голова пошла кругом, и он, уже считая захваченные земли своими, союзному королю Дании, претендовавшему на Эстонию, ответил, что 500 лет тому назад Ярослав Мудрый приобрел более серьезные права, построив Юрьев (ныне Тарту). При этом следует напомнить, что Юрьев ранее был пригородом Пскова.

Пока союзники делили предполагаемый трофей, в 1561 г. орден пал, и Ливония отошла к Польше, а герцогство Курляндия стало её вассалом. Эстония вместе с Юрьевом перешла к Швеции, а остров Эзель — к Дании.

Так победа над меченосцами не обеспечила захват так нужных Москве земель, на которых успели укрепиться Швеция и Польша. И с этого времени Москве уже пришлось воевать со Швецией и Польшей.

После унижительного поражения царь занялся реформой управления и в 1565 г. разделил государство на две части — земщину и опричнину. Из них первая оставалась под властью бояр, а во второй же правил царь во главе опричников-дворян. Цель реформы заключалась в укреплении вертикали власти, как бы сейчас сказали.

Иван IV создал для своей охраны опричное войско, призванное искоренять коррупцию, предательство и ересь. Опричники, которых некоторые современники двусмысленно называли кромешниками, получали особое право расследовать и арестовывать любого по упрощенной юридической форме, а то и вовсе без нее. Царь выселил многих бояр на окраины, а отнятые вотчины с крестьянами давал опричниками, исповедовавшим своеобразный аскетизм, прерываемый оргиями и садизмом. Одетые в длинные черные плащи, они скакали на черных лошадях, почти как монахи, которых проверяли на честность и порядочность. Для этого во дворе стоял ящик для доносов.

В Александровской слободе деспот устроил подобие монастыря, где молитвы сменяли кровавые оргии, а опричники поверх цветного платья носили черную рясу. Это живописал А. К. Толстой, познакомив читателей с приключениями князя Серебряного. Возвращаясь в Россию из заграницы, герой романа встретил шайку разбойников, грабящих деревню, насилующих и убивающих людей. Князь вмешался в побоище, но с изумлением узнал, что мешает отправлению правосудия, так как эти оборотни оказались слугами царя, а их бесчинства — следствия политических реформ. Холуи привели князя в Александровскую слободу, где его ждали новые открытия. На царском дворе медведями травили пришлый люд. Наконец, избежав пытки, Серебряный попал на пир. В столовой зале заседали клеветы, переодетые чернецами, сам царь, зловеще усмехаясь, наделял гостей кубками с отравой. Ноги скользили в крови. Воздух насыщал опьяняющий запах бойни. Гул веселых голосов охмелевших гостей смешивался с душераздирающими воплями жертв, пытаемых тут же в подвалах. Этот дворец напоминал ад.

Опричники быстро деградировали, став привилегированным войском алчных и жестоких разбойников,

вредающим интересам Москвы не менее тех бояр, которых их призвали усмирять. Наоборот, они, сея разрушение и распри, усложнили обременительное управление страной.

Кровавая бойня шла по воле царя. Исполняя его приказы тупо, без чести и совести, со своими страшными эмблемами — собачьей головой и метлой у луки седла, — опричники грабили и убивали людей. Привезя свою добычу, обрызганные кровью крошечники надевали черные рясы и, под предводительством игумена-царя, предавались оргиям. Столь же мрачные картины имеются в трудах русских историков XIX в. Карамзина, Соловьева, Костомарова, Ключевского и Михайловского.

Сейчас уже забыта судьба Великого Новгорода, окончательно добитого Москвой холодной зимой 1570 г. Возглавив огромное войско, Иван IV начал свой последний и решительный бой с остатками крамольной республики. Пред этой Божьей карой поблекли все ужасы похода в Ливонию. От Клина до Новгорода войска оставили за собой испепеленную пустыню, и 2 января передовые отряды появились у стен города, разграбили монастыри и 500 братьев поставили на правеж. Их били с утра до вечера, вымогая по 20 рублей с каждого. Не много нашлось счастливых, уплативших эту огромную по тем временам сумму и избежавших пыток. Других ждала страшная участь. В пятницу 6 января прибыл царь и приказал бить палками до смерти всех.

Затем настал черед белого духовенства. Воскресным утром перед обедней архиепископ Пимен вышел с крестным ходом встретить и благословить царя. Иван обозвал владыку волком хищным, но милостиво согласился отобедать у него. Среди трапезы царь громко вскрикнул, по его знаку опричники стали громить дом хлебосольного владыки, сорвали с него одежду и вместе с челядью бросили в подвал.

На главной площади города москвичи соорудили орудия пыток, и царь начал быстрый суд. Приставы рыскали по домам, сгоняя всех к обнесенному оградой трибуналу. Новгородцев приводили сотнями, пытали, жгли на малом огне, затем почти всех приговаривали к смерти и везли топить. Окровавленные жертвы привязывали к саням, которые по крутому откосу пускали к быстрине, где Волхов никогда не замерзал. Это своеобразное катание с гор создавало ощущение праздника, и государева шпана, видя, как несчастные погружались в пучину, веселилась, будто дети на Рождество. Младенцев топили, привязав их к матерям. Опричники с пиками стояли в лодках и бдительно следили, чтобы никто не спасся.

По свидетельству III Новгородской летописи, казни шли 5 недель, и каждый день опричники отправляли к праотцам 500—600 человек, но иногда их число возрастало до 1500, I Псковская летопись говорит о погибших 60 000 человек. У современного читателя это число может вызвать улыбку, но в те сентиментальные времена казалось ужасным. Многие исследователи сомневаются в количестве жертв. Но при оценке масштаба казней можно пользоваться документами самого Грозного, это так называемые синодики, рассылавшиеся по монастырям для молитв по убиенным. Подобно французскому королю Людовику XI, свою необычную свирепость Иван IV сопровождал педантичным соблюдением обрядовых догм, и в списке Кирилло-Белозерского монастыря числится 1500 имен. Другой синодик Спасского монастыря в Прилуках содержит 2780 убитых знатных новгородцев. Понятно, что простолюдников никто не считал.

Но, уничтожив крамолу демократии в Новгороде, Москва лишилась древних славяно-финских мореходов и корабелов. А так как опричники не могли ими стать, то царь, с целеустремленностью маньяка, начал создавать морские силы. Однако все эти волевые попытки устроить в Нарве базу флота закончились

печально, так как на Руси практически не было моряков. Поэтому пришлось нанимать каперов.

Это оказалось легко, так как Балтика кишела корсарами. Польские и литовские флибустьеры захватывали суда, идущие в Нарву, а Швеция, воевавшая с Данией и Любеком, преследовала их морскую торговлю. В свою очередь, Дания и Любек нанимали каперов против шведов.

Желающие поступить на службу к царю Москвы нашлись быстро. Выбрали некоего Карстена Роде, получившего в начале 1570 г. жалованную грамоту с огромной печатью на шнуре.

Так корсар Карстен Роде, за которым гонялись корабли многих стран, стал морским «отаманом» царя. Роде привлек на службу своих соотечественников голловорезов.

Каперы устроили большой переполох на Балтике. Помимо польских корсары грабили и купцов других стран, требовавших очистить торговые пути от московитов. Больше всего страдал от них Данциг, организовавший в июле 1570 г. специальный отряд кораблей. Но Роде укрылся в Датских проливах. И когда корабли Данцига явились сюда, то Дания дала убежище эскадре Москвы.

Пока Иван IV занимался чуждой ему Прибалтикой, дела в Руси пошли совсем плохо. В 1570 г. Москва напрасно пыталась предотвратить организованное Польшей нашествие хана Крыма Девлет-Гирея. Напрасно послы Нагой и Ржевский униженно стояли перед грозными очами хана с лстивыми речами и подарками. А тут еще султан Турции, разгневанный потерей Казани и Астрахани, встал на сторону короля Польши Сигизмунда-Августа.

Царю пришлось скрыть крепость на Тереке. Но султан, помимо желания видеть Москву одним из своих пашалыков, потребовал вернуть Казань и Астрахань. Этого Иван IV уже вынести не мог и прервал переговоры. В мае 1571 г. татары перешли Оку и появились

у стен Кремля. Царь Иван, следуя по стопам своих предков, скрылся в Серпухове, потом в Александровской слободе и, наконец, — в Ростове. Брошенный мегаполис татары предали огню и мечу. Дым заволок улицы, на которых толпились испуганные жители, из всех церквей и монастырей плыл тревожный звон колоколов. Затем они стали падать на землю и умолкали один за другим, по мере того как пламя настигало церкви. Верхушка православного клира, ожидая смерти, заперлась в Успенском соборе. А оборонявший Москву князь И. Д. Вельский прятался в погребке, там и задохся. По своему варварскому обычаю, татары не стали штурмовать Кремль, а ушли, уведя с собой 150 000 пленных. Число это, вероятно, преувеличено, хотя нужно понимать, что в таких случаях все окрестное население сбегалось в Москву.

Но страшнее разорения для деспота казалось унижение. Уходя, хан писал: «Я разграбил твою землю и сжег столицу за Казань и Астрахань. Ты не пришел защищать ее, а еще хвалишься, что ты московский государь! Была бы в тебе храбрость и стыд, ты бы не прятался. Я не хочу твоих богатств, я хочу вернуть Казань и Астрахань. Я видел дороги твоего государства».

Царь сглотил обиду. Склонный к лицедейству и мимикрии, он униженно и смиренно встретил послов хана в рваном тулупе и, моля о мире, предлагал Астрахань. Но в письмах к своему послу в Крыму — Нагому — придал этому двойной смысл, тем более что русский язык это позволяет и постоянно требует особых толкований. Оказывается, Иван хотел, чтобы хан посадил в Астрахани одного из своих сыновей, а при нем был бы боярин царя, как в Касимове — небольшом ханстве татар под Москвой. Это подкреплялось обещанием денег и даже готовностью уплаты унижительной ежегодной дани.

Начались переговоры. Хан Крыма ничего не хотел слышать, пока султан не получит Казань и Астрахань. И так как переговоры затянулись, то просил у

Ивана 2000 рублей в счет дани. Эта скромная сумма ему требовалась для покупки некоторых вещей по случаю семейных торжеств. Однако царь уже спешно собирал войска. Ссылаясь на истощение казны из-за набега татар, он послал хану «все, что оказалось», — 200 рублей! И понял Девлет-Гирей, что гяур неверный лишь время тянет. В 1572 г. татары опять двинулись через Оку, но на берегу Лопасни, в 50 км от Москвы, столкнулись с войском князя Воротынского. Хан отступил. После этого спесивый помазанник Божий сразу изменил тон, отказался от всех уступок и стал издеваться над Девлет-Гиреем.

Между тем в 1572 г. умер Сигизмунд-Август и на престол Речи Посполитой шляхта избрала дворянина Венгрии Стефана Батория, известного полководца и дипломата Австрии. Новый король не знал польского языка и общался со своими подданными на латыни или молчал, что ценилось еще выше в стране, где все говорили слишком много.

В то время Войско Польское, включая и силы Литвы, не превышало 20 000 человек. Наполовину белорусская, православная знать Литвы единодушно стояла на стороне Батория и первоначально выставила 2000 всадников, мужественно воевавших в суровом климате. Эта горсть людей по моральным качествам и стойкости считалась лучшей частью немногочисленной армии вторжения (всего лишь 15 347 человек). Из них 6517 всадников (1338 — немцы и венгры) и 4830 пехотинцев (3451 — немцы и венгры), литовский отряд 4000 всадников. Артиллерии практически не было. Несмотря на старания Батория набрать в Германии и даже Италии хороших литейщиков, в 1580 г. он имел лишь 73 пушки.

Прежде чем заговорить языком пороха, Польша извела немало чернил и типографской краски, то есть успешно применяла информационные технологии. Баторий для оповещения Европы и русских широко тиражировал манифесты, декларировавшие

уважение права личности и собственность мирных жителей. Никогда ранее полководец не использовал столь благородные и романтические идеи, впоследствии ставшие банальными, но Польша XVI в. могла гордиться этим.

И лишь целомудренная матушка Москва, следуя по стопам Стамбула, вела только тайную дипломатию, о которой знали немногие в Кремле. Так разительно отличались два славянских народа, и латинский Запад, помимо солдат многих стран, представляли писатели и типографчики. А великолепный полководец Баторий, изгоняя беспорядок и ненужную роскошь, показывал лучший пример для воинов. Он спал часто на куче сена, ел на скамье без скатерти и был безжалостен к мародерам.

Узнав о вторжении Батория, царь, оставив гарнизоны в 80 городах по Оке, Волге, Дону и Днепру, стянул войска в Новгород и Псков. Сведения об их численности противоречивы. Несомненно, что при эффективном и ответственном правлении Москва могла утопить армию Польши в волнах своего войска и направить его течение на Вильну и Варшаву. Историк XIX в. Павлов-Сильванский, оценив численность вооруженных сил Ивана IV в 110 000 человек, считал, что за вычетом гарнизонов царь мог выставить против Батория 57 689 человек.

При таком соотношении сил попытка Батория казалась безрассудной. Но на ходе и результатах войны сказались следствия крупного политического, социального и экономического кризиса, пережитого Москвой. Хотя в истерзанной опричниной стране еще оставались силы для начала кампании, однако, за исключением артиллерии и нескольких тысяч иностранных наемников, против европейской армии Речи Посполитой стояли морально устаревшие войска. Героическая выносливость и самоотверженность русских военных не могли искупить недостатки восточной деспотии. Опричнина создала армию, обреченную

на поражение при встрече с поляками и венграми в открытом поле.

Сейчас уже не секрет, что до сих пор почитаемый русскими Иван Грозный храбростью не отличался, и ему не могла прийти в голову кощунственная мысль впереди своих бояр броситься навстречу Баторию. В Москве так не поступали со времен легендарного Дмитрия Донского.

И пока деспот следовал этой древней традиции, король Дании Фредерик II пытался снять с себя обвинения в поддержке разбоя Москвы и убрать подалеже беспокойного Карстена Роде, в свое время служившего ему же капером. В 1573 г. Фредерик II перевел Роде в Копенгаген, где держал пирата под домашним арестом за его же счет.

Неизвестно, удалось ли освободиться адмиралу Москвы или его повесили, но в 1576 г., через 6 лет после ареста, Грозный неотвратимо вспомнил о своем «немчине», направив ноту в Копенгаген, в которой король Дании упоминался в третьем лице, как пустое место: «И тот Карстен Роде, надеясь на наше с Фредериком королем соглашение, с остаточными воинскими людьми от свейских людей убежал в Копногов (Копенгаген) к Фредерику королю. И Фредерик король велел его, поймав, посадить в тюрьму, а мы тому весьма поудивились».

Но война в Ливонии продолжалась, и в июле 1579 г. царь направил татар громить шляхту. Не найдя противника, эта орда возобновила подвиги Шах-Али. На фоне дисциплинированных войск Батория и прокламаций Польши об уважении человеческого достоинства и имущества мирных жителей это выглядело дико. А Войско Польское в начале августа осадило город Полоцк. Гарнизон держался храбро, 107 орудий отражали поляков. Но в конце третьей недели, так и не дождавшись помощи, город сдался. Затем поляки взяли Сокол, опустошили Северскую и Смоленскую земли. Иван Грозный не препятствовал

этому. Царь бежал из Новгорода в Псков, откуда, как азиатский дипломат, не выдавая своего положения, начал переписку с Баторием, надеясь на мир.

Огромное посольство привезло королю внушительную грамоту на кёльнском полотне, скрепленную двумя печатями. Значительную часть послания занимал витиеватый титул царя. Баторий смеялся, смотря на чудовищные печати: «Прежде никто не посылал такой большой грамоты, должно быть, начнет с Адама».

Захватив Полоцк, поляки двинулись на Великие Луки, где русские хранили военные запасы. Подкрепленная пехотой, возросшая до 17 500 бойцов, армия Батория в октябре 1580 г. захватила города Невель, Озерище и Заволочье.

Здесь поляки прекратили бои. Литовцы же продолжали: заняли Холм, сожгли Старую Руссу, даже вошли в Ливонию, где овладели замком Шмильтен и разорили Дерптскую волость.

Царь не предвидел этого. Поляки, разорвав пояс его крепостей, медленно, но верно продвигались вперед. Заняв по пути Остров, Баторий 25 августа 1581 г. вышел к Пскову, стоявшему за каменными стенами и поражавшему своими размерами и величием. «Можно подумать, что это второй Париж», — писал секретарь канцелярии короля аббат Пиотровский. Оборонявшие город князь Василий Федорович и Иван Петрович Шуйские командовали, по русским источникам, 30 000 человек, по польским — 40 000. Польское войско насчитывало 21 102 человека, из них около половины конницы.

Этого явно не хватало для осады города, подобно го Парижу, и можно усомниться, что Баторий предполагал вести продолжительную осаду. Артиллерия Польши не превышала 20 орудий с запасом пороха на 2 недели.

В конце октября, из-за голода и стужи, поляки потеряли свою десятую часть. Литовцы грозили уйти.

Начали ждать мира. Поляки не стреляли, но держали город в блокаде. Запасы, собранные в нем, истощались.

Между тем в Ливонии шведы победоносно шли вперед. Теперь уже Польша стала опасаться этих удачливых союзников, наносивших чувствительные удары общему врагу. Летом 1583 г. шведские войска взяли Лодзь, Фикель, Гапсаль, а в сентябре — Нарву.

В конце войны Ивану IV пришлось отдать все захваченные земли, и геральдику Москвы тех лет сейчас можно изучать по богатой коллекции знамен стрелецких полков, хранящейся в Стокгольме. Так лопнула попытка Ивана IV создать флот на Балтике и закончилась карьера Карстена Роде.

В делах царя Ивана многое говорит о безумии, и этого параноика часто недолюбливали. Поэтому Грозного едва не предали забвению, но в советское время он объективно воскрес, и влияние его чувствуется в современной России, придавая политическому и социальному строю страны особый национальный колорит.

В подсознании русских этот истребитель крамолы и бояр и поныне остался защитником убогих и немощных. Легенда требует объяснений, так как многие не допускают мысли, что на стороне Грозного стоят русские. Что же сделал Иван для крестьян? Эти полурабы вскоре окончательно утратили свободу. Прикованные к жалкому клочку земли, крестьяне стали нести более тяжелое бремя, чем раньше.

Объясняя необычную жестокость Ивана и его странные выходки, русские полагали, что царь, «играя Божьими людьми», разделил Русь на две части, одной из которых (опричникам) заповедовал грабить и убивать другую. При этом подданные не считали Грозного умалишенным, напротив, о царе говорили как о «муже чудного рассуждения» и славили его в песнях.

С тех пор много воды утекло. Но Париж так и остался в памяти народной, а вот о Пскове или о Ве-

ликом Новгороде сейчас мало кто помнит, как и о легендарном Урюпинске или вражеском уже теперь Конотопе. География Руси такова, что теперь некоторые московские авторы гадают о местоположении Новгорода. Впрочем, оно им и не надо.

В народном эпосе разгром Новгорода никак не отмечен. Взятие Казани, завоевание Сибири — все это действовало на воображение русских. Склонные к мистицизму и реализму одновременно, они видели религиозные и экономические выгоды, связанные с этим. О резне в Ливонии, так позорно закончившейся, русские ничего не хотели знать. Поэтому можно считать, что и судьба Великого Новгорода так же чужда подсознанию русских.

Есть основание полагать, что знаменитый атаман и завоеватель Сибири Ермак участвовал в Ливонской войне, но ничем себя так и не проявил.

Кромешники укрепили власть царя, Иван IV распустил их, запретив упоминать их сакральное имя. И это политическое завещание неукоснительно выполняется до сих пор.

Иван Грозный — натура противоречивая, и не только из-за своеобразного склада психики. Иногда царь, страшая врагов внутренних, искал своеобразное «прибежище» в идее объединения с Польшей, или даже замышлял побег в Англию. К концу правления Ивана IV большая часть центра страны опустела. Крестьяне бежали от барщины и разорительных поборов на монастырские земли и открытые границы.

Царь Иван заложил традицию, по которой мобилизация и собирание земли русской требовали от правителя не только решительности и жестокости, но и нарушения закона Божия, что вело к разобщению, деморализации и подрыву идеалов империи. А власть на местах оборачивалась самодурством правящей там элиты.

Видимо, поэтому официальный Петербург старался не упоминать всуе об этом выдающемся деспоте.

Так, при императоре Александре II, в 1862 г., среди многочисленных персонажей русской истории, увековеченных в бронзе на установленном в Новгороде памятнике 1000-летию России, не нашлось места Иоанну Грозному как тирану, обгабившему кровью колыбель русской цивилизации.

Удивительно, но еще остались люди, хранящие память о Великом Новгороде. Так, в селе Дединово Московской области, где в 1669 г. построили первый русский корабль «Орел», еще живут потомки древних новгородцев.

Дединово впервые упоминается в 1497 г. По исследованиям директора местной школы С. А. Кочеткова, сельчане еще хранят оригинальное предание о высланных сюда в XV—XVI вв. новгородцах.

Эта трагическая история села лишь подтверждает тот факт, что корабли и мореходы не могут нарождаться произвольно и сразу. И в XVII столетии выжившие потомки древних новгородцев строили струги в Воронеже для доставки хлебных запасов Донскому казачьему войску, а также для обеспечения I и II походов Петра I на Азов.

Затем часть из них Петр I выслал из Дединова в пригород Петербурга — Рыбачью слободу, на земли, которые еще в XI в. составляли владения Новгорода под названием Водской пятины.

Петербургский краевед А. Ф. Векслер считает, что начиналась слобода с указа Петра I от 1715 г. На Царскую мызу «перевели» 30 семей из сел Дединово, Ловцово, Бель-Смута и Любицы.

Глава 4. Край на Яике

Судя по письменным источникам, казаки Яика издревле слыли опытными моряками и рыбаками. На небольших судах часто спускались в Каспий и нападали на караваны купцов. С Русью станичники

столкнулись после краха Золотой Орды. Борясь с общим врагом, они не отказывали в поддержке Москве. Где-то, по их мнению, затерялась грамота «Вольному Яицкому войску казачьему», присланная из Москвы князем Василием III.

Захватив Казань, Москва стала продвигаться на восток. Мало-помалу воеводы прогнали с низовьев Волги всяких людей, в основном казаков. После этого одни из них поднялись на Север и прошли в Сибирь по Каме и её притокам. Другие отправились на своих стругах в Каспийское море и там пристали в устьях Яика. В 1580 г. эти станичники разрушили город ногаев Сарайчик, в котором издавна хранились товары генуэзцев.

С 1591 г. казаки Яика стали участвовать в военных походах Москвы. Это позднее и определило старшинство войска. Не признавая над собой посторонней власти, станичники, однако, вели войны именем царя Москвы, в 1601 г. даже захватили Хиву, удерживая город несколько дней, опередив, таким образом, более поздних русских завоевателей.

Не участвуя в Смуте 1605—1613 гг., казаки были лояльны к царю Михаилу Федоровичу. В 1613 г. они стали подданными Руси, а в 1615 г. царь пожаловал им грамоту на владение рекой Яик. В 1622 г. станичники, после опустошительного набега ногаев, покинули разоренные места и в 50 км ниже их основали укрепленный Яицкий городок.

В середине XVII в. Москва, для обуздания беспокойных казаков, построила близ главного устья Яика город Усть-Яицк, вскоре переименованный в Гурьев, по фамилии купца-рыбопромышленника.

В 1677—1678 гг. станичники добровольно участвовали в так называемых Чигиринских походах Москвы против турок, а в 1683 г. выступили против башкир.

Казаки всегда противились попыткам установить контроль над собой. По старинным обычаям, все дела решались на кругах. Все имели равные права.

Старшинам (атаманам, есаулам и др.) даже в позднее время не удалось добиться многих привилегий, которыми пользовалась казачья верхушка в других войсках. На Яике находили приют и поддержку многие староверы, бежавшие от гонений на Руси.

В 1670 г. станичники помогали мятежному атаману Разину. Но за это не понесли наказания — их простили. В 1677 г. Яик восстал против попытки Москвы вмешаться в традиционный уклад жизни. Атаман Василий Касимов начал воевать с посланными на усмирение войсками царя. Потерпев поражение, казаки ушли в море, пытались с боем прорваться в Персию, но были разбиты и захвачены в плен.

Глава 5. Конкистадоры Москвы

Огромные просторы Сибири поражали воображение и вошли в эпос народа. Еще совсем недавно сибиряки за столом самозабвенно пели о бродяге, море Байкале и гремящем грома на диком берегу Иртыша. И эта ревущая буря напоминала горловое пение бурятов. Особое место среди героев занимал атаман Ермак, завоеватель одного из улусов Золотой Орды — Тюменского царства, в котором также служили казаки.

Тюмень опиралась на ногайцев, кочевавших на просторах от Каспия до рек Суры и Самары в Среднем Поволжье, от одной Тюмени на Тереке до другой Тюмени в Прииртышье и за Яиком до Аральского моря. Большая часть нынешней Башкирии была их улусом.

Еще в XIX в. русские, не мудрствуя лукаво, практически всех лиц неславянской национальности называли татарами, и многие к этому уже привыкли, так что сейчас потомки доблестных ногаев осознают себя как татары Сибири. Поэтому здесь они так и именуются.

В XIV в. потомки обрусевших хазар, сменив славянское имя бродники на тюркское казаки, стали в

XV—XVI вв. грозой степных ногаев и, перенеся войну в Сибирь, добились последнего хана Кучума.

Этимологи XIX в. Сибирь трактовали как Страна Севера, или Северье. В старину это название применялось к лежащим на Севере землям Новгорода.

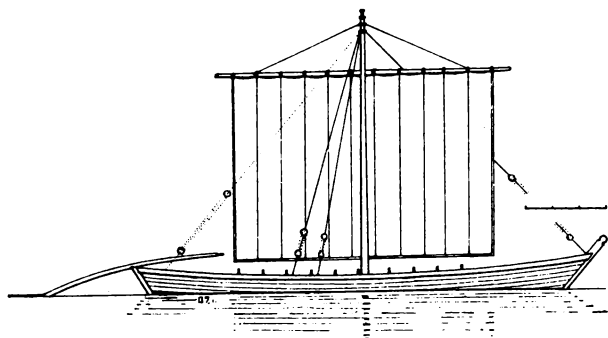
Еще до захвата казаками царства Кучума арабские купцы и миссионеры писали о Сибири (Искер) как о «Земле мрака». На этих бескрайних просторах господствовали тогда исповедовавшие ислам ногайцы. Город Искер поставлял пушнину. Новгородцы свои земли в Сибири называли странами Заволоцкими. Ушкуйники и купцы спускались по течению притоков Оби.

В XV в. Москва захватила земли Новгорода, и к титулу великих князей добавили «Обдорския и Кондинския земли». Под этим понималась часть бассейна Оби между слиянием рек Канды и Иртыша и селом Обдорск, у полярного круга. Значит, земли Новгорода окаймляли великую реку Сибири на протяжении 1000 км.

Но так велико благоговение, которое традиционно питают к силе, что на эти мирные походы не обращали внимания. Принято считать, что мощь славян за Уралом утвердилась лишь завоеванием атамана Ермака. И сейчас многие видят в этом казаке нечто вроде чудака Паганеля, то есть своеобразного исследователя Сибири. На самом деле, Ермак только утвердился господином там, где гораздо ранее появлялись купцы Новгорода. Об этом убедительно свидетельствуют карты Оби и края остяков, составленные в Европе Себастьяном Монстером и Герберштейном на поколение раньше тех лет, когда казаки вступили в город Сибирь, имя которого обозначено на карте Мюнстера.

Среди выходцев из Новгорода известен род графов Строгановых. В конце 1579 г. на службу к ним нанялись казаки Ермака и атаманов (Иван Кольцо, Никита Пан, Матвей Мещеряк и Яков Михайлов). Строгановы вооружили 840 станичников легкими пушками,

7-ствольными пищалями, дробовыми ружьями и испанскими аркебузами. Ватага отправилась в Сибирь на казачьих лодках, вмещавших до 20 человек.

Лодка казаков Сибири. Основные размерения 17,0 x 4,45 x 0,73 м. Грузоподъемность до 25 человек с необходимыми запасами, холодным и легким стрелковым оружием. Реконструкция И. И. Черникова

Казаки захватили богатые земли. Успех казался тем более неожиданным, что перед этим царь Иван IV вел длительную и безуспешную войну в Ливонии, поглотившую огромные силы и средства. Полагают, что в этих боях участвовал и атаман Ермак, но ничем себя не проявил. Но, во главе небольшой ватаги, в короткий срок этот отважный казак разгромил хана Сибири.

Станичники Ермака пересекли границу Европы и Азии в конце царствования Ивана Грозного. Перед ними лежал огромный край, а за ним — Великий океан. В 1581 г. Ермак начал вторую экспедицию, и через 2 года завоевал царство татар. Казакам, с их ружьями и пушками, противостоял неприятель, действовавший стрелами. Однако станичники много натерпелись от беспрестанных его атак. Когда герои вступили в Сибирь, или Аскер, их было не более 400 человек, так что в живых не осталось даже половины перешед-

ших Урал. Но эта маленькая ватага, олицетворявшая могущество Москвы, считалась шайкой разбойников, так как Ермак числился в розыске и мог просить себе помилования у царя, ударив ему челом Сибирью. Вскоре казаки, потеряв своего атамана, погибшего в волнах Иртыша, ушли обратно за Урал.

Но города Сибирь, Тобольск, Тюмень стали опорой государства более могущественного и грозного, чем власть хана татар, низвергнутая Ермаком. Нет более столицы этого хана, стоявшей на крутом яру Иртыша. Река, постепенно подмывая берег, разрушила город. Но в 17 км ниже по течению, тоже на правом берегу Иртыша, встал Тобольск. Отсюда господство Москвы распространялось далее, и зверобои, более чем казаки, стали истинными покорителями огромной страны, освоение которой стало продолжительной звероловной экспедицией, охотой на соболя и куницу.

С открытием Америки и охватившей Европу страсти к географии моряки Англии пытались обойти на севере Азию, чтобы найти прямой морской путь к Китаю и Индии. Но корабли Уиллоуби, Ченслера и Борро не добрались даже до морей, омывающих берега Сибири. Уиллоуби замерз со всем экипажем у Мурмана, близ острова Некуев. Ченслеру пришлось возвратиться домой по суше, а экспедиция его ограничилась тем, что он начал торговлю между Англией и Москвой. Борро в 1556 г. тщетно старался проложить дорогу чрез льды Карского моря. В 1580 г. 2 корабля Англии (Артура Пета и Чарльза Джекмана) направились к северу Руси, но не прошли дальше Карского моря. Ни одно из трех путешествий знаменитого голландца Баренца не привело далее морей, окружающих Шпицберген и Новую Землю. В 1608 г. состоявший на службе Англии голландец Гендрик Гудсон пошел в полярные моря, но тоже не смог проникнуть далее тех вод, где остановились его предшественники. Это была последняя попытка, сделанная моряками Европы, изыскания которых прекратились затем более чем на два века.

И в то же время поморы хорошо знали дорогу в губы Оби и Енисея. Это доказывает одна грамота Бориса Годунова от 1600 г. Правда, 16 лет спустя Москва, опасаясь, что купцы могут показать чужеземцам дорогу к берегам Сибири, запретила под угрозой смерти плавание в Карское море и легендарную Мангазею.

Огромные просторы, суровый климат, дремучие леса, тундры и болота — все это пришлось преодолеть, чтобы пройти Сибирь. Но многочисленные реки не только не останавливали отважных станичников, но даже, напротив, помогали им. По этим естественным дорогам, то поднимаясь, то спускаясь по течению, казаки прошли до берегов Великого океана. Из-за незначительного возвышения почвы большие реки Сибири текут в бассейнах не везде резко ограниченных. Во многих местах раздельный порог между притоками главных рек составляют болота, луга с неопределенным скатом, и можно легко перебраться от одной реки к другой через волоки.

Идя по следам людей или зверей казаки старались отыскать реку, течение которой могло вести к желаемой цели. При спуске они отдавались на волю волн. При подъеме — гребли до глубин, уже не позволявших плаванья лодок. Затем станичники взбирались на берег и с топором в руках прокладывали дорогу к другой реке, текущей в обратную сторону. Свои ладьи они перетаскивали через пороги бассейнов волоком или бросали их, чтобы построить себе новые там, откуда опять шли водой. Дороги для переселенцев указывали судоходные реки Сибири, поэтому поселки, деревни, остроги строились по берегам.

От Урала до Якутска, на протяжении почти 10 500 км, путникам приходилось перебираться только через два волока: между Обью и Енисеем и — между Енисеем и Леной.

Главный судоходный путь Сибири захватывает по выходе из долин Урала течение Туры, затем Тобола,

Иртыша, Оби, Кети, Енисея, Верхней Тунгузки, или Ангары, Лены и Алдана. На севере от этого водного пути героям открывались другие реки, тоже соединенные волоками.

Предания и артефакты, найденные в древних могилах, говорят о культуре племен, некогда населявших Сибирь. Всех их, не мудрствуя лукаво, обозначали, как и некоторые народы Прибалтики, общим названием чудь. На восточных скатах Урала, в долинах Алтая, на берегах Енисея, и особенно в районе Минусинска, этих курганов много. Древние копи в горах сибиряки также называли рудниками чуди. На западных отрогах Алтая стоят каменные межевые столбы высотой в рост человека, испещренные надписями, и изваяния всадников, грубо высеченные из гранита.

Древние ремесленники с большим вкусом и мастерством делали оружие и доспехи из бронзы. Остатки каналов, шлюзы и жернова мельниц свидетельствуют о высокой цивилизации чуди, культивировавшей фруктовые деревья, которые после неё исчезли из края из-за невежества новых хозяев. Наконец, превосходную породу свиней до конца XIX в. сибиряки называли чудской. Центр государства туземцев находился в горах, недалеко от Енисея. Здесь археологи собрали самые богатые и сделанные с наибольшим вкусом древности. Курганы Алтая и берегов Иртыша хранили оружие и домашнюю утварь более грубой работы и рисунка. Цивилизацию истребили во время войн, предшествовавших Великому переселению народов Азии.

Чудь долго защищала Запад от монголов. Незвестная Риму, она, видимо, охраняла его многие века. Монголы, истребившие чудь, хорошо знали о своём чужеземном происхождении. Когда у них спрашивали о первоначальной родине, они показывали пальцем на юго-восток.

В XIII в. монголы повелевали Русью. Но уже в XVI в. славяне заняли край, откуда орды монголов

ринулись на завоевание Запада. По обширности владений и величине армий русского «Белого царя» считали преемником Чингисхана.

Казаки Сибири

О казаках Сибири нужно сказать особо, так как здесь войска создавались специально для охраны границ.

После завоевания Сибири ватагой атамана Ермака казаки по собственной воле шли всё дальше на восток. Спустя 60 лет эти герои, преодолев все опасности, вышли к берегам Охотского моря.

Как правило, эти станичники — потомки донцов, которым в конце XIV в. пришлось покинуть родину и скрыться в лесах Новгорода, в Югре, на реках Каме и Северной Двине. По казачьим преданиям, их там проживало немало.¹

Пока остатки казаков Ермака из «старой сотни», служили в городе Тобольске, в Сибирь шли толпы промышленников и стрельцов с воеводами. В степи и горах появились границы с воинственными телегугутами, киргизами, монголами. На новых границах, от крепости Звериноголовской у восточного подножия Уральских гор и дальше вдоль Иртыша, стали укрепленные городки, посёлки и пикеты, заселенные казаками.

Так появились городовые казаки Сибири: тюменские, тобольские, сургутские, березовские, тарские, нарымские, кетские, томские, кузнецкие и другие.

Все станичники за Уралом первоначально считались казаками Сибири, но со временем это наименование осталось только за Сибирским казачьим войском, старшинство которого ввели с 1582 г. Казаки всегда жили и служили отдельно, нарушая свою обособленность только для братских по крови запорож-

¹ Документального подтверждения этому нет.

цев. Другие в сибирские станицы не допускались, и даже значительно позднее по указу 1658 г. пополнялись только казаками-малолетками, уже прошедшими хорошую школу, заменяя иногда свою родню или как «охочие» участвуя в походах.

По словам профессора Ф. А. Щербины, у сибиряков бытовало выражение: «Я казак и ты казак, а кто не казак, то чужой».

Глава 6. Смута

Русскую Смуту XVII в., освещенную историком Р. Г. Скрынниковым, многие ученые связывают с ужасным голодом, вызванным климатическими изменениями — последствием катастрофического извержения вулкана в Южной Америке. Здесь говорится о социальном взрыве после опричнины Ивана Грозного, а также о столкновении интересов казаков и Москвы.

Смута началась 6 января 1598 г., после смерти Федора Ивановича, последнего царя Рюриковича, и продолжалась до 21 февраля 1613 г., когда венчали на царство Михаила Федоровича Романова. Эта трагедия совпала с воцарением Бориса Годунова, посаженного на трон Земским собором 6 февраля 1598 г. До этого он 10 лет состоял при своем болезненном шурине Федоре Ивановиче. Фактически управляя государством, Борис не пользовался симпатией русских, особенно после того, как поползли слухи, что младший брат царя Дмитрий погиб от рук убийц, посланных Годуновым.

Станичники дружили с Иваном Грозным. Юродствуя в своей стране, царь ценил их услуги: не претендовал на Старое Поле (Дон и Терек). Так как эти земли никогда не принадлежали Москве, Иван IV оставил их во владении казаков.

Отбивая набеги мусульман, казаки заслужили покровительство царя, так как помогали ему справиться

с остатками Золотой Орды: в 1552 г. участвовали во взятии Казани, в 1554 г. подготовили бескровное занятие Астрахани, в 1569 г., при нашествии турок, разрушили их тылы и взорвали пороховые погреба в Азове. Наконец, в 1582 г. поднесли Ивану Грозному богатый подарок — Сибирь, завоеванную Ермаком.

За всё это казаки получали «жалованные» транспорты хлеба, сукон, пороха, свинца, вина и пользовались рынками Московии, примыкающими к их Полю. А хозяйство республики, восстанавливающееся после падения Золотой Орды, требовало пополнения промышленными товарами, от боевого снаряжения до кухонной утвари.

Отношения суверенного народа с соседней страной формулировались в величании: «Здравствуй, царь-государь в кременной Москве, а мы, казаки, — на Тихом Дону». Благодаря ласковым словам и подаркам Иван IV слыл покровителем Дона.

Служилые казаки, остававшиеся ещё в Московии, ни в чём не терпели нужды; попавшие в опричнину, заслуженно пользовались царскими милостями, получали отобранные от бояр участки земли и поместья с деревнями, «верстались» в детей боярских, дворян и помещиков. А гонение опостылевших всем чванливых и жадных бояр казаки одобряли.

Его сын Федор первые 2 года своего царствования ничем не нарушал добрых отношений со станичниками. Но все изменилось, когда он передал правление своему шурину Борису Федоровичу Годунову. Служилые казаки стали терпеть нужду и притеснения от бояр и воевод. Сам Годунов, из рода татарского Мурзы Чета, видимо, не мог вынести, что бывшие подданные Золотой Орды, изгнанные когда-то с Поля казаки, теперь бесконтрольно там хозяйничают и с ним не считаются.

На своих землях Годунов запретил станичникам торговлю и свидания с «родимцами». Пограничными постами Москва вклинилась в степь; город Царёв

Борисов, построенный в устье Оскола на Донце, торчал там как бельмо на глазу у казаков. Казачьи посольства — зимовые станицы — терпели в Москве обиды и оскорбления.

За всё это станичники возненавидели одного из лучших царей Руси и, хотя предки его успели обрусеть, называли его татаринном. И когда на Дон, Днепр и Терек дошли слухи, что в Польше появился законный наследник престола Москвы — сын Грозного Дмитрий Иванович, будто бы спасшийся от наемных убийц, станичники возликовали. Казачьи послы принесли из Варшавы вести, что царевич пользуется почётом при дворе короля, а прибывший туда московский вельможа признал в нем истинного сына царя Ивана Васильевича. Казаки стали по стороне новоявленного царевича Дмитрия. Вместе с поляками они пошли под Москву, где уже умер Борис Годунов, а толпа с боярами прикончила его жену и сына Федора.

Дмитрий без боя занял город, и казаки разошлись по домам. Но Смута продолжалась. Став царём, Дмитрий правил только 11 месяцев. Он обозлил бояр, отстранив их от управления, а народ оттолкнул от себя, не облегчив его тягот. Новый царь вёл себя слишком уж по-европейски, без привычного этикета: не жил по старинному царскому чину, не постился, не молился, не почивал после обеда, ходил запросто по городу, а не ехал торжественно в колыхаге, сам лично объезжал лошадей, дружил с понаехавшими в Москву поляками. Не нравился и его брак с польской красавицей Мариной Мнишек, тем более что на свадьбу с ней и её коронование никого из народа не пустили в Кремль. Поляки вели себя как хозяйева. Веселые кавалеристы, галантные кавалеры и щеголи, они обижали русскую духовность на каждом шагу.

Это озлобление использовали бояре, и 17 мая 1606 г., через 8 дней после свадьбы, загудели набатные

колокола. Сбежавшуюся толпу направили громить поляков, а заговорщики, убив царя и арестовав Марину, на Красной площади прокричали новым царём Василия Ивановича Шуйского.

Но упрощённый способ венчания на царство многих возмутил. Пошли слухи, что боярам не удалось убить царя, он спасся и скоро вернется к власти. А казакам «боярский царь» показался хуже Годунова, пришлось вмешаться в дела Москвы и вступить за «законного царя» Лжедмитрия.

Смута продолжалась. Шли бои и казни, население содержало бродячие отряды казаков, поляков, татар и русских. Все требовали продуктов, и это походило на сплошной грабёж. Поляки осаждали Смоленск, Путивль, Тулу, Калугу. В Тушино долгое время стояли сторонники Лжедмитрия. С Терека в Тулу станичники привели казака Илейку, выдавая его за сына покойного царя Федора Ивановича, царевича Петра. Но после сдачи Тулы этого «царского племянника» повесили у Данилова монастыря на Серпуховской дороге.

В июне 1610 г. Москву обложили поляки, литовцы и запорожцы гетмана Жолкевского. Лжедмитрий тоже подтянул сюда казаков и татар. Тогда бояре свергли Шуйского, постригли его в монахи и решили принять на московский трон королевича Польши Владислава. Гетман без боя занял Кремль, отогнал от Москвы войско Лжедмитрия и отошел к Смоленску. Но король Сигизмунд III, мечтая объединить Польшу и Русь под своей властью, сына в Москву не отпустил.

Между тем второго самозванца убил на охоте князь-«татарин» Петр Урусов. Казаки, для управления Москвой до избрания желательного для них царя, выбрали свое правительство атамана Ивана Мартыновича Заруцкого и князя Дмитрия Трубецкого. Законным наследником они считали недавно родившегося у царицы Марины сына Ивана. Казаки заблокировали поляков, одновременно не допуская к Москве ополче-

ния Пожарского и Минина, которым пришлось отойти к Ярославлю.

Русским же одинаково надоели и поляки, и казаки. Первые считались у них врагами, а вторые — «ворами». Ползли слухи о чудесах и призывы к покаянию. Одно из таких сказаний повлекло за собой официальный приказ из казачьих таборов — поститься 3 дня. И действительно, по всей стране «пост зачася», да такой усердный, что «многие младенцы помираху».

Московский патриарх не признал казачье правительство. Но Троицкий монастырь не только принимал от него защиту, но и сам помогал казакам словом и делом, рассылая грамоты с призывом помогать станичникам против ляхов и изменников, сидевших в Москве. Патриарх звал: «Сперва на казаков, потом на поляков!» Монахи же звали на поляков вместе с казаками.

После долгих споров станичники «порешили» допустить ополчение русских к Москве. Заруцкий увёл часть казаков под Астрахань, где думал основать независимую общину. С ним ушла царица Марина.

Трубецкой с остальными казаками начал переговоры с Пожарским. В это время на помощь сидевшим в Кремле полякам подошел гетман Хоткевич. Станичники предоставили русским самим отбиваться от его конницы, и в Кремль успел пройти польский обоз с провиантом. Но потом красноречивый монах Авраамий Палицын упросил казаков, они вступили в бой и принудили гетмана уйти обратно.

После этого станичники стали действовать заодно с войском Пожарского. В октябре 1612 г. его ополчение, при решающей поддержке казаков, отобрало, наконец, у поляков Кремль и заняло сожжённую дотла Москву.

Затем временное правительство Пожарского и представителя казаков Трубецкого предложило прислать в Москву выборных для «государева обирания».

В январе 1613 г. на Земский собор собрались бояре, духовенство и представители 50 городов. После долгих споров, наконец, согласились избрать кандидата станичников Михаила Федоровича Романова, сына митрополита Филарета. Его провозгласили царем и присягнули 21 февраля. Не присягали только казаки, как представители суверенной республики, хотя поляки в насмешку называли Михаила Федоровича «казачьим царем».

Смута закончилась, и между республиками казаков и московскими царями на 50 лет возобновилось традиционное взаимное благожелательство, еще более дружественное, чем при Иване Грозном.

По существу, станичники вмешались в дела соседнего государства, ослабленного междоусобицей, но, так как договорные отношения нарушил царь Борис, казаки в отместку участвовали в его низложении, поддержали двух самозванцев и, наконец, оказали давление на Земский собор при выборах царя Михаила Федоровича.

Глава 7. От Москвы до самых до окраин

Из документов XVII в. создается впечатление, что продвижение на Дальний Восток шло вне зависимости от политических потрясений в Москве. Однако для хронологической стройности изложения истории освоения Сибири в этой главе приведены факты продвижения завоевателей уже после Смуты.

Освоение Енисея началось из города Мангазеи. Казаки сплавились по реке Турухан и, высадившись на берег при ее впадении в Енисей, основали в 1607 г. Туруханское зимовье, а в 1617 г. на реке Кеть построили Маковский острог. Через год станичники сына боярского Петра Альбичева и сотника Черкаса Рукина возвели Енисейский острог. К концу 1618 г. все казаки, оседавшие здесь, стали именоваться ени-

сейскими, а с появлением городов — по их названиям. Енисейцы охраняли местных жителей и собирали с них ясак. Для этого строились новые поселения казаков — хутора Черкасы (1619), станица Мало-Белая (1620), село Абалаковское и села Мелецкого острога на Среднем Чулыме (1621). Этим создавалась база для последующей разведки мест по притокам Енисея, а также на реках Лена, Ангара и даже на озере Байкал. Весь этот огромный край тогда подчинялся воеводе Тобольска.

В 1627 г. в город Енисейск, разросшийся из одноименного острога, для управления краем отправлен воевода Я. Хрипунов, а казаки дворянина А. Дубенского поднялись вверх по реке в поисках места для строительства нового укрепления. Отряд Дубенского (304 казака на 16 судах) доплыл к устью реки Качи. Здесь у Большого порога они заложили Качинский острог, переименованный в 1628 г. в город Красноярск, ставший важным опорным пунктом среди улусов аринцев и качинцев. Вскоре хакасы-качинцы под стенами острога принесли клятву «Белому царю», а наилучшая часть их мужчин стала казаками Красноярска.

Прирост православных достигался также тем, что в Сибирь, с подавляюще мужским населением, ссылались неугодные девицы городов Руси, а крещеных хакасок выдавали замуж за казаков. В физическом типе енисейцев появились черты хакасов.

В 1628 г. из Красноярска на разведку ушли казаки атамана Ермака Евстафьева, заложившие Канский острог. Тогда же казачий десятник Василий Бугор с товарищами проложил путь к Верхней Тунгуске (Ангаре), а сын боярский Петр Бекетов с 30 казаками достиг места впадения реки Оки (сибирской) в Ангару. В 1631 г. казаки заложили Илимский острог. Тогда же полусотенный отряд томского казака Ивана Москвитина основал Братский острог, ставший своеобразным трамплином в Забайкалье.

В 1632 г. казаки заложили Якутский (Ленский) острог, имевший важное значение на северо-востоке Сибири.

Исследование дальних побережий шло в самой Сибири на ладьях и кочах. В 1648 г. казак Дежнев с флотилией из 7 судов, выйдя из устья Колымы, обошел северо-восток Азии. Так, задолго до рождения Беринга Дежнев прошел через пролив, носящий имя этого мореплавателя.

В 1644 г. из Енисейска на разведку серебра ушли 100 казаков атамана И. Колесникова. В 1647 г. атаман дошел до реки Ангары, заложил Ангарский острог, перезимовал и вернулся домой.

На смену ему ушел сын боярский Иван Похабов, построивший в 1652 г. в устье реки Иркут ясачное зимовье для надзора за бурятами Ангары. Затем из этого зимовья вырос современный Иркутск.

В 1655 г. форпостом освоения новых земель Забайкалья стал Нелюдский острог (будущий Нерчинск), основанный воеводой Енисея А. Пашковым.

В 1666 г. для управления и защиты хоринских бурят, перешедших от власти монголов под руку царя Москвы, казаки и охочие люди возвели Селенгинский острог.

Нерчинский договор 1689 г. определил границу по реке Кяхте. В 60-х годах XVII в. из тунгусов князя Гантимура сформирован 5-сотенный полк, размещенный по побережью реки Аргунь, и 4 бурятских 6-сотенных полка. Они стали основой пограничной стражи в Забайкалье.

На новой границе поставили столбы, насыпали курганы, возвели села, в которых разместили бурят и тунгусов Гантимура. В крепостях: Горбичевская, Цурухайтуйская, Чиндантская, Кударинская, Акшинская, Троицкосавская, Харацайская и Тункинская — расселили 900 казаков (селенгинских, верхнеудинских, баргузинских и иркутских). Пограничные укрепления

дополняли 63 редута и 17 пикетов, устроенных по типу острожков Сибири.

Как правило, завоевание было мирным. Малочисленные и рассеянные на громадных просторах туземцы платили ясак шкурами пушных зверей. Казаки строили остроги при слияниях рек, служивших им дорогами. Эти крепостцы стояли также на волоках между реками и в узких проходах между гор. И так — от реки к реке, вплоть до берегов Великого океана. В истории нет примеров захвата столь обширных земель в такое короткое время и столь малой горстью людей. Это невероятный факт, но свободные люди, без царя и начальников, без приказов Москвы, действовали по своей воле.

Богатый Приамурский край издавна привлекал зверобоев. В начале XVII в. казаки основали городки в верховьях Амура, куда пошли охотники из Сибири. Эта вольница, двигаясь вниз по течению, расширяла свои поселения на юго-восток.

Продвижение казаков на Дальний Восток началось в 1631 г. из основанного на Лене Усть-Кутского острога. Отсюда сотник Петр Бекетов пошел вверх по Лене и, достигнув района нынешнего города Верхотурска, проник в прилегающие к озеру Байкал бурятские степи, но, встретив сопротивление, возвратился, основав в устье реки Тутуры Тутурский острог.

Затем, в 1643 г., воевода Якутска снарядил на Амур экспедицию Василия Пояркова (132 казака с чугунной полуфунтовой пушкой). Выступив по рекам Алдан, Учур, Гонам и Нюкжа, Поярков достиг реки Зеи и весной 1644 г. — Амура. Спустившись до его устья, Поярков по реке Мае в 1646 г. вернулся в Якутск. Затем на Амуре появились промышленники соболя Выжигин, Квашнин и Барабанщик.

Казаки тех лет были люди строптивые, крутые, неуступчивые, не боялись начальства и сурового Севера. С 1632 по 1650 г. они прошли северо-восток Сибири и добывали соболя, как конкистадоры золото

индейцев. Неукротимая храбрость и стихийная инициатива этих завоевателей позволяли им объясачивать племя за племенем и выходить в ледовитое море на кочах, сшитых из грубо отесанных досок деревянными корнями, как бы построенных для кораблекрушения.

Однако вслед за казаками свинцовой поступью шествовала матушка Москва, и, по мере укрепления вертикали власти, характер станичников менялся. Уже в конце XVII в. вместо походов делались отписки: «Суда наши слабы, а паруса малы. А делать большие суда, как в прежнее время, мы не умеем». В XVIII в. инициатива бесследно исчезла, а храбрость заменила робость. Наконец в XIX в. потомки казаков стали государственными крепостными, бесправными рабами каждого чиновника, отправленного на Дальний Восток в наказание за служебные проступки.

Но, несмотря на все издержки бюрократов, это энергичное продвижение вольных поселенцев настояжало Китай, опасавшийся агрессивных соседей, способных угрожать целостности соседней Маньчжурии.

Отважный промышленник, выходец из Великого Устюга, Е. П. Хабаров, узнав о природных богатствах Амура, снарядил отряд в 70 человек и отправился на Амур. В 1650 г. Хабаров перевалил через Становой хребет и достиг Амура выше устья реки Уркана. Жившие на Амуре дауры покинули свои городки и ушли вниз по реке, где стали собираться с силами. Хабаров укрепил один из покинутых городков (недалеко от устья Уркана) и, оставив 50 казаков, вернулся в Якутск.

В 1651 г. Хабаров вновь пришел на Амур со 138 казаками, соединился с оставленной здесь командой, двинулся вниз по реке, с хода захватил городок даурского князя Албазы и, укрепив его, назвал Албазином. Затем, покорив дауров, он дошел до реки Уссури. Царь Алексей Михайлович вызвал Хабарова к

себе, осыпал милостями, а казаков награждал золотыми медалями. Но в 1654 г. населявшие берега Амура земледельцы дауры переселились на реку Нонни, и казаки стали голодать. Заместитель Хабарова Степанов, в поисках провианта, двинулся вниз по Амуру. В 1658 г. ниже устья реки Сунгари он столкнулся с китайцами и погиб в неравном бою вместе с 270 казаками. После этого русским пришлось оставить Албазин.

Но в 1666 г. Албазин восстановил ссыльный поляк Никифор Черниговский, бежавший с берегов Лены после убийства им из ревности воеводы Обухова. Заняв с казаками Албазин, Черниговский собрал ясак, который отправил в Москву с повинной. После этого приговоренного к смерти Черниговского помиловали и оставили в Албазине. Переселенцы поставили ряд слобод, а инок Гермоген основал в урочище Брусняной Камень монастырь.

Москва, поддержав эту стихийную колонизацию, в 1684 г. занятый край выделила в Албазинское воеводство, по имени укрепления на Амуре, недалеко от слияния рек Шилки и Аргуни, отобранного в 1651 г. у князя Албазы.

Однако Албаза оказался подданным богдыхана, который не захотел отказаться от своих владений. Вторжения казаков в земли подвластных Китаю народов заставили императора Канси (1661—1722) начать военные действия, и 4 июня 1685 г. армия Лань-Таня (15 000 солдат, 150 орудий) обложила Албазин (450 человек, 3 пушки). Штурм отбили, но недостаток продовольствия и боевых запасов принудил воеводу Алексея Толбузина капитулировать, 23 июня гарнизон отступил в Нерчинск.

Но, соединившись с казачьим полком шотландца Афанасия Байтона, Толбузин вернулся в разоренный Албазин и восстановил его укрепления. Тогда 7 июля Лань-Тань вновь появился у стен Абалзина (8000 человек, 400 орудий). Осадой руководил иезуит Вербье.

Гарнизон Албазина (677 человек, 8 орудий) мужественно отбивался, Толбузин погиб. Из-за недостатка провизии началась цинга. К апрелю 1687 г. в живых осталось 82 человека, но Байтон оборонял крепость.

Встретив упорное сопротивление, богдыхан, пожелав разрешить спор миром, предложил казакам перейти в подданство Китая. Так как император предложил более выгодные условия, чем царь московский, казаки согласились.

В Албазине оставалось лишь 20 защитников с Байтоном во главе, 6 мая начались переговоры, китайцы сняли осаду Албазина и в августе отошли к Айгуну. Русским пришлось оставить Албазин и отступить к Нерчинску.

После того как Албазин снова вошел в пределы Китая, станичники вместе со священником Максимом Леонтьевым переселились в Пекин. Однако чтобы не исправлять бумаг в Москве, название воеводства оставили прежним.

Казаков Албазина богдыхан зачислил в лучшую часть своей императорской гвардии — отряд «Знамени с желтой каймой», которым командовал один из принцев маньчжурской династии. Албазинцы укомплектовали сотню и служили со своими командирами. Каждого станичника зачислили в высший социальный слой Пекина, выделив ему земельное поместье, дом, денежное содержание и награды. Богдыхан отдал в их распоряжение буддийскую кумирню, которую казаки обратили в храм Св. Софии. Еще в конце XIX в. казаки, как гвардейская аристократия Китая, брезговали физическим трудом. В это время их церковь перешла в распоряжение Русской духовной миссии, среди прихожан которой насчитывалось до 1000 албазинцев. По крови казаки стали наполовину маньчжурами.

Попытавшись еще раз вернуть Албазин и потерпев неудачу, русским пришлось отказаться от этого городка. 27 августа 1689 г. посол Ф. А. Головин в

Нерчинске заключил с Китаем мир, по условиям которого пришлось скрыть Албазин. Москва обязалась впредь не пытаться утвердиться на Амуре. Граница прошла по рекам Шилка и Аргунь.

Между тем с заселением берегов Охотского моря нужда в выходе к Тихому океану сказывалась все сильнее. Отсутствие удобных путей сообщения между Сибирью и побережьем Тихого океана не позволяло торговать со странами Востока. Амур и его притоки закрывал Китай.

Удивляло это безудержное движение на Восток. Из всех стран Европы только Россия освоила Великий континентальный путь к Тихому океану. Вольные казаки, неукротимо двигаясь вперед, пересекли Берингов пролив, вышли в современную Канаду, освоив нынешние Орегон, Вашингтон, и замедлили свой бег только в Северной Калифорнии. Расположенный чуть к северу от Сан-Франциско форт Росс — вот крайняя точка продвижения отважных землепроходцев по периметру Великого океана. То был северный поток заселения. Южный же остановился на границах Китая, «спавшего» тогда, по выражению Наполеона. Китайцы не хотели заселять холодные северные земли. И пока Китайская империя пряталась в самоизоляции, их заселили станичники и русские. Так, почти за 300 лет, отважные герои, заполняя колоссальный вакуум, образовавшийся после краха Монгольской империи, дошли до берегов Тихого океана.

Глава 8. Присоединение Украины

Присоединение Украины к Руси обычно связывают с гетманом Войска Запорожского и обеих сторон Днепра Богданом Зиновием Хмельницким (1593—1657). Предки-мусульмане этого потомка ордынцев перекочевали из Крыма к границам Великого княжества Литовского и впоследствии стали польско-литовской

шляхтой. Судя по двум именам — Богдан Зиновий, — можно полагать, что его крестили в католической или униатской церкви.

Богдан учился в католических школах, говорил на латыни, знал польский и турецкий языки. Очень рано стал командовать крупными отрядами. Так, весной 1620 г., возглавив морской поход 10 000 казаков, он потопил 12 кораблей Турции. Но осенью 1620 г., при разгроме польских сил под Цецорой в Молдавии, Богдан попал в плен к туркам. Тогда же погиб его отец сотник. Зная основы ислама, будущий гетман за два года подружился с турецко-татарской знатью.

После выкупа Хмельницкого избрали войсковым писарем Гетманщины, но и тут он не раз командовал крупными силами. Королевич Польши Владислав доверял этому храброму воину, с которым ходил на Москву. После смерти отца Сигизмунда III в 1631 г. сейм провозгласил королем Владислава. Богдан обратил внимание нового короля на беззакония магнатов в Поднепровье.

Король выслушал сочувственно и подтвердил все права казаков. Но многим полякам это не нравилось. Шли разговоры: король приближает к себе казаков, чтобы принизить значение самой «шляхетской нации». Когда Владислав IV, готовя поход на турок и татар, выдвинул Хмельницкого на пост гетмана, заговорили, что король, опираясь на казаков, думает ограничить «золотые вольности» шляхты. Магнаты протестовали, и поход не состоялся.

Владислав IV помочь станичникам не мог и поневоле соглашался со шляхтой, не ценившей казачьих заслуг перед Польшей и не признававшей равными себе даже тех казаков, которых высоко ценил король. Наоборот, их ненавидели магнаты.

Между тем Хмельницкий не сидел без дела, заселил украинцами земли хутора Субботов, в 1646 г. набрав 2500 казаков и отправился во Францию на помощь принцу Конде в его борьбе с Испанией. Неза-

урядный и деятельный Богдан всегда находил применение своим силам, что отмечал его современник Пьер Шевалье.

Но удельный владыка с двусмысленной фамилией Конецпольский считал Хмельницкого участником подозрительных проектов короля и вождем казачьей «черни», ежечасно готовой выступить против власти новых хозяев «Пустыни Наднепрянской». Но, несмотря на несправедливости и унижения от местной власти, Хмельницкий оставался верным подданным Владислава.

И пришел момент, когда личные обиды взяли верх над его доброй волей и лояльностью к Польше. В отсутствие Хмельницкого подстароста Чаплинский напал на Субботов и разграбил его.

Хмельницкий не нашел справедливости у короля. Тот ответил, что сенаторы не покорны его воле. Возвратившись из Варшавы в Чигирин, Зиновий как-то сказал возмущенно: «Чаплинский не все забрал, пашка моя в моих руках».

В ответ Александр Конецпольский арестовал казака, «оборотень в погонах» Чаплинский изнасиловал и убил его жену, а одного из сыновей приказал гайдукам избить на рынке до полусмерти.

Выйдя из тюрьмы, Хмельницкий 7 декабря 1647 г. ушел на Низ, к сичевикам, а оттуда отправился в Крым. Хан обещал помочь в войне с Речью Посполитой, чтобы изгнать поляков с тех земель, от которых Крым еще не отказался. В апреле 1648 г. началась Казацко-польская война, во главе которой 6 лет стоял Хмельницкий.

Под его знамена кроме казаков, коренных жителей края, собрались десятки тысяч переселенных сюда украинцев. Казаки и атаманы руководили, вооружали их, вели в бой, но не всегда могли направить их действия в русло казачьих военных традиций. Поэтому война стала непомерно кровавой и жестокой.

Знаменитый воин Хмельницкий, как мудрый политик, руководил борьбой за погранные права казаков. Об этом он ясно сказал 20 февраля 1649 г. польским послам в Переяславе: «Или мне с Войском Запорожским придется пропасть, или Земле ляхской сгинуть, со всеми сенаторами, дуками, кроликами и шляхтой».

Орда казаков, татар и украинцев разбила поляков на Желтых Водах, под Корсунем и Пилявцами. Грозило им это и под Зборовом, когда король, спасаясь от плена, подписал договор с казаками и татарами.

Профессор В. О. Ключевский писал, что успехи Богдана превзошли его ожидания, он не думал рвать с Речью Посполитой, хотел только припугнуть спесивых панов, а тут после трех побед почти вся Малороссия очутилась в его руках. Но если казаки и татары успокоились, то поляки и украинцы продолжали воевать, и конца края этому не виделось.

Хмельницкий понимал, что его разношерстная армия не устоит перед объединенным войском Польши и Литвы, не склонявшим оружия и перед более мощным противником. Бескорыстной помощи ждать не приходилось. Турция и Крым требовали подчинения султану, а разделять горькую участь его подданных-христиан казаки не желали. После всех ужасов междоусобицы союз с Польшей был уже немислим. И казаки стали искать покровительства в Москве.

Хмельницкий наемкнул послу единоверного царя, что может отдать край под покровительство Москвы. Царь, выказав на словах свое расположение, с помощью не спешил, а через 2 года, когда запорожцы терпели поражения, предложил гетману переселиться с войском на изобильные земли по рекам Донцу и Медведице.

За это Хмельницкий благодарил, но с ответом не спешил. Сич уже стал независимым, его признали соседи. Старший сын гетмана Тимофей 21 июля 1652 г. женился на Домне-Розанде, дочери молдав-

ского господаря Василия Лупула. В 1652 г. он пошел на помощь своему тестю и погиб в Сучаве.

Силы казаков истощались, нависала угроза поражения. Неверный союзник, хан Крыма, заключил с Польшей сепаратный мир. Полки украинцев были ненадежны, казаки стали уходить в Запорожье, на Донец и Дон. После поражения под Берестечком, 18 сентября 1651 г., пришлось отказаться от многих статей Зборовского договора.

Москва ждала еще 2 года, в середине 1653 г. гетман начал переговоры, но и тут не спешил, до 6 сентября 1653 г. грамоты адресовались ему старым титулом: «Божьей милостью короля польского и великого князя литовского гетману Войска Запорожского». Сбирать же войска в помощь казакам Москва стала только после того, как пошли слухи, что ради мира Речь Посполитая готова пойти на уступки, а султан предлагает покровительство и военную помощь.

Лишь 1 октября 1653 г. Земский собор решил, «чтоб великий государь... всея Руси изволил всё Войско Запорожское принять под свою высокую руку». Ответа в Москве ждали еще 3 месяца, пока Хмельницкий не передал решение на рассмотрение Черной, или Всенародной казачьей рады, собранной в Переяславе. И 8 января 1664 г. решилась судьба «Земли Запорожских казаков от Чигирина до Конотопа»: идти «под царя восточного, православного».

Через 3 недели войска Ф. С. Куракина и Ф. Ф. Волконского двинулись на Гетманщину, и Хмельницкий оговорил окончательные условия подчинения Москве. Посол В. В. Бутурлин заверял, что Алексей Михайлович подтвердит «от века данные» права казаков.

Из Москвы Самойло Богданович и Павел Тетеря привезли «Статьи», утвержденные царем и боярской думой 21 марта 1654 г. Но этот документ не освещал многого, и далее жизнь с москвитами изобиловала недоразумениями. Но жребий был уже брошен.

Хмельницкий оставался у власти еще 3 года, 27 июля 1657 г. он скончался, по некоторым сведениям, погиб в стычке с поляками.

В 1658 г. казаки избрали «гетманом Войска его царского величества Запорожского» Юрия, второго сына Хмельницкого. Осенью 1660 г. запорожцы двинулись вместе с русскими на запад, их окружили поляки, Юрий сдался и подписал договор о возвращении земель казаков Польше. Но запорожцы выбрали нового гетмана, и поляки отказались от услуг Юрия, который, измученный борьбой за власть и непрочностью отношений, решил уйти в монастырь, но вместо тихой обители попал в лапы разъезда татар. Конники привезли его в Крым и сдали хану, который отослал казака султану. В Турции Юрия кинули в одну из камер «семибашенного замка», и просидел он в ней много лет.

Но в 1676 г. судьба Юрия вдруг изменилась, так как сторонник Турции гетман Правобережья Днепра Петр Дорошенко капитулировал и перешел на сторону русских. Случилось то, чего потерявший надежду узник совсем не ожидал. К нему в темницу явился посланник султана и объявил о поручении объединить казаков под власть Оттоманской империи. Юрий согласился, с титулом князя Сарматии он обосновался в местечке Немирове, недалеко от Брацлава, и умирал занятые турками Подольщину, Брацлавщину и Киевщину.

Это давалось нелегко, но Юрий собрал казаков, бывших соратников гетмана Дорошенко. В 1677—1679 гг. он участвовал с ними в Чигиринских походах турок. Правителем тех же областей Хмельницкий оставался и после Бахчисарайского мира 1680 г., по которому Россия признала права Турции на Подолию и Брацлавщину, но осенью того же года Юрий погиб. По одним данным, его судили по какому-то обвинению и казнили сами турки, а по другим — убили сичевики при их нападении на турок, строивших крепость в устье Днепра, где в это время оказался и Юрий.

Глава 9. Разбой в водах Персии

Ныне еще известен народный шлягер, в котором пираты выплывают «на простор речной волны» с персидской княжной на борту. Впоследствии эту роковую женщину, дабы не нарушать морских обычаев, пришлось утопить. Помимо фольклорной песни, а также многих работ известных художников, поэтов и режиссеров, образ легендарного героя Степана Разина увековечила одна из марок пива с московским стрелцом на этикетке. Кроме этого образованные люди знают о том, что ватага Разина сожгла первый русский корабль «Орел» и громила караваны «москалей».

Однако колоритная фигура Разина лишь отражает сложную политическую картину Дона, сложившуюся после русской Смуты. Первое время царь Михаил Федорович проявлял лояльность, но вдруг решил религиозным влиянием русской православной церкви принудить казаков к покорности. На Дон пошли упреки патриарха Филарета и его угрозы отлучить за непослушание. В ответ на это, через 20—30 лет, донцы попытались освободиться от духовного диктата Москвы через обособление в старую веру, упраздненную патриархом Никоном.

Большинство казаков не приняло его церковные реформы. Протест против них частично проявился в движении Разина, возглавившего Крестьянскую войну XVII в. Русские тогда восстали против крепостного гнета, усилившегося в 1649 г. «Уложением царя Алексея Михайловича», и этим воспользовались казаки для защиты своих прав.

Донец станицы Зимовейской С. Т. Разин родился в 1632 г. С юных лет отличался сметливостью, мудростью суждения и смелостью. Дважды ходил паломником в Соловецкий монастырь, о котором казаки тогда еще помнили как о тихом пристанище в годы погромов и изгнания с Дона.

Род Разиных издавна пользовался милостями Москвы, Степан Тимофеевич имел средства к богатой жизни и возможность продвижения на высшие ступени правящей элиты казаков. Однако для мятежного атамана этого оказалось мало. В жизни Дона настала эпоха роковых сдвигов.

Присоединив земли казаков «от Конотопа до Чигирина», Москва поставила на границе с Крымом и Польшей полки запорожцев. После этого Войско Донское потеряло значение буферного государства и единственного оплота от мусульман. Эти перемены сулили вольному Дону большие осложнения. Казаки опасались могущества матушки Москвы, простиравшей свои длинные руки в сторону их маленькой республики.

Царь разделил донцов на реестровых (получавших жалованье за службу) и голутвенных, бряцавших саблями и тощими кошельками. Станичники опасались, что Тихому Дону не устоять перед чудовищной мощью матушки Москвы. Страсти распалая поток «новопришлых», устремившихся в низовья родной реки после передвижения границ далеко на юг и ликвидации службы казаков на прежних украинских Москвы. Казаки понимали, что вскоре их ждет наплыв спесивых и жадных московских «начальных людей», уже создавших на Руси для народа нищенское и невыносимо рабское существование.

Покорение сулило и непрерывную «службу царскую» при полном обнищании семей.

Эти грозные тени, падающие на Дон с севера, мало беспокоили богатых южан, но над казаками верховья они висели гнетущей тучей. Еще большие опасения и ненависть к московскому режиму таилась в душах «голутвенных новоприходцев», только что избавившихся от голодной безработицы и ожидавших от Дона-батюшки богатых милостей. Казаков тревожила мысль, что им не избежать судьбы покорных и безответных холопов в том случае, если про-

движение русских в Старое Поле не удастся остановить. И, может быть, потому Разин возглавил сопротивление растущему могуществу Москвы.

В поддержке верховых казаков Степан Тимофеевич не сомневался, так как они ещё помнили о злоупотреблениях начальников станичной и городской служб на окраинах Москвы. Надеялся Разин привлечь на свою сторону и крестьян Руси. Видимо, он пытался договориться и с недавно покорёнными народами Поволжья.

Не возбуждая подозрений о сокровенном, Разин начал готовить поход «за зипунами» для хозяйственного обзаведения тех казаков, которые дольше других задержались на окраинах северной соседки, обеднели и недавно возвратились на родной Дон. В начале 1667 г. верховые казаки избрали его походным атаманом.

Но добровольцев требовалось вооружить ружьями и фальконетами, к которым требовались порох и свинец. На струги — снасти, парусина, запасы продовольствия. Часть денег атаману кредитовали посадские люди Воронежа, вложившие свои средства в пиратский поход с надеждой на долю от награбленной добычи. Но этого оказалось мало, и казаки стали перехватывать караваны, идущие в Черкасск с припасами для казачьей столицы. Взыла старшина. Пора было убираться с Дона, и поскорее.

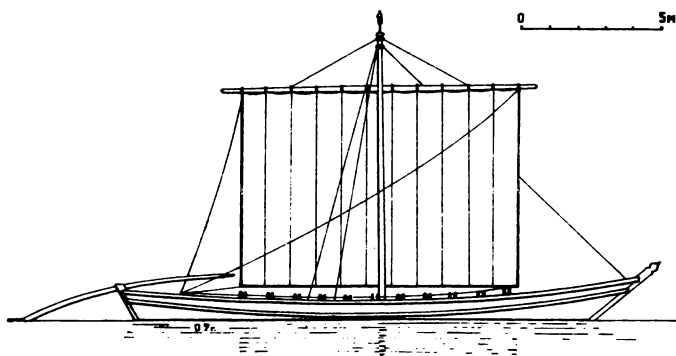
В начале мая 1667 г. отряд Разина в 700 бойцов вышел в поход. По реке Иловле они поднялись на стругах и через речку Камышенку спустились в Волгу. Казачья флотилия внезапно обрушилась на Царицын.

Набитые товарами торговые ряды и трюмы судов стали наградой алчным ватагам. Не остановило взломщиков и то, что часть сундуков принадлежала Московской патриархии и царскому двору. В защиту государева добра вышли каратели, но казаки, разгромив их, миновали Астрахань и вышли в море.

Вдогонку бросилась флотилия «есаульных» стругов полковника Ружинского.

В июле 1667 г. Разин вошел в устье Яика, и казачий городок встал на его сторону. Донцы, усиленные судами яицких казаков, разбили преследователей, и Ружинский, с остатками своей эскадры, повернул к Астрахани.

Зимой 1667 г. казаки готовилась к походам: ремонтировали струги, оружие и запасались провиантом. К весне разведка донесла, что из Астрахани к лагерю идет отряд стрельцов. Воеводы, пока море сковано льдом, хотели разбить Разина на суше, но недооценили крутость атамана. В море еще плавал лед, но эскадра взяла курс к острову Чечень. В этой старинной базе терских казаков осетровую икру хлебали деревянными ложками, как уху. Пока отдыхали после трудного плавания и ждали тепла, подошли донцы атамана Сергея Кривого и привезли самое ценное — продовольствие. Объединенная флотилия насчитывала уже более 40 стругов и 2000 бойцов.

Есаульский струг. Основные размерения 17,0 × 4,2 × 0,8 м. Грузоподъемность 25—30 человек с необходимыми запасами, холодным и легким стрелковым оружием. Реконструкция И. И. Черникова

В конце марта 1668 г. казаки пошли к западным берегам Каспия. В устьях Волги, Кумы и Терека их ожидало пополнение. Возросший до 6000 бойцов отряд взял курс на юг, к берегам Персии.

В мае 1668 г. разинцы разграбили Дербент и, разорив предместья Баку, облюбовали в его окрестностях остров Жилой, на котором разбили лагерь и совершали отсюда набеги на побережье. Торговая жизнь на море и побережье замерла.

Адмирал Мамед-хан клялся Аллахом и собственной бородой, обещая своему владыке покарать неверных! Бросить голову Разина к ногам шаха! Собрав большие силы, он подкараулил казаков у города Решта. И Разину пришлось уйти. Его потери в неудачном бою составили более 400 человек убитыми. Обозленные казаки целиком выжгли портовые города Ферахабад и Астрабад. Морская война шла с переменным успехом, и конца ей не виделось.

Неумолимо и грозно надвигалась зима. Требовалось дать отдых экипажам, починить потрепанные штормами и боями струги, запастись продовольствием. Но казаки бороздили воды чужого моря, как табор цыган, не находя себе убежища. Наконец, укрепили городок на полуострове Мианкал — в юго-восточном углу Каспия. Эту унылую и скудную базу избрали от безысходности, отдохнуть и спокойно отремонтировать не давали частые стычки с персами. Потери от болезней и тягот жизни разинцы понесли больше, чем в боях.

Едва море вскрылось ото льда, казаки ушли к туркменским берегам. Но и там оказалось не легче. Изможденную зимовкой флотилию ждал боеспособный и свежий флот Персии. Разин приказал укрепиться на острове Свиной — у западного побережья Гиляна. На нем, по крайней мере, не опасались внезапной атаки с суши.

Летом 1669 г. шах повелел Мамед-хану не позже осени покончить с флотилией станичников. Мусуль-

манский флотоводец имел все шансы на успех. Окрыляло воспоминание об удачном для него сражении у Решта. Лазутчики сообщали о трудностях казаков: у них — очень мало боеприпасов и обученных воинов, зато много раненых и больных. Во дворце шаха адмирал убеждал своего владыку в быстрой и неминуемой победе.

Июльский зной нещадно пек персидских матросов и канониров, прятавшихся в узкую тень повисших парусов. Штиль, море как зеркало. Мамед-хан опустил подзорную трубу. С борта флагмана он осматривал остров, у которого сгрудились, словно зайцы перед львом, струги казаков. Слава Аллаху, он услышал его молитвы! Нечестивые гяуры не успели скрыться от возмездия.

Под его флагом стояли в боевом порядке 50 судов. На них 3700 отборных воинов ислама, готовых для абордажного боя. Никто не устоит! Адмирал не сомневался в грядущей победе и даже позволил себе выполнить каприз любимой дочери, желавшей насладиться зрелищем истребления казаков. Но, на всякий случай, заботливый отец поместил ее на корабле, стоявшем подальше от острова. В грозном безмолвии флот Персии ждал только ветра, чтобы поднять паруса.

Атаман Разин также разглядывал неприятеля. 50 судов против его 40 стругов. Корабли персов имели весла, но их тяжелые и глубоко сидящие корпуса хуже маневрировали и медленно передвигались. По бортам стояли пушки, каждая из которых мощнее крошечных фальконетов казаков. Шансов нет, кроме одного, — Господь не оставит их и не пошлет врагам ветра. Атаман обернулся на строй своих стругов, на виду у всех перекрестился и крикнул: «С Богом!»

Налегая на весла, донцы обошли эскадру персов и атаковали ее с моря. Летели, сверкая веслами, струги, а маневрировать персы не могли. Мешали мели и скалы у острова, к побережью которого невольно

прижимались их корабли. Персы, отчаянно пытаясь изменить строй, превратили его в свалку. Их корабельная артиллерия действовать не могла. И начался не бой, а хаос, не поединок, а резня.

Струги группами наваливались на один персидский корабль за другим, как свора псов на медведя. Осыпая врагов свинцом из ружей и ядрами из фальконетов, казаки набрасывали на борта абордажные крюки и, высадившись, со страшным криком выхватывали сабли и ножи. Кровь захлестывала суда. Кто боялся рукопашной, прыгал за борт в воду. А в небо поднимались столбы дымов от подожженных казаками кораблей.

Мамед-хан в ужасе рвал свою бороду! Гяуры первым захватили корабль с его прекрасной дочкой. А он ничем, ничем не мог ей помочь! Пламя пожаров усилило жару, казалось, море превратилось в адово пекло. Ружейная пальба, треск сталкивающихся судов — все смешалось... Какая уж там дочь?! Вот-вот казачьи крюки вопьются в борт его флагмана и на палубу полезут отчаянные головорезы с саблями наголо. И он, Мамед-хан, может стать их пленником. Или покойником.

И тут посвежел, наконец, ветер. Уцелевшие 3 корабля персов, «отплываваясь» орудийными залпами от наседавших стругов, уходили в открытое море. Станичники отстали. За кормой флагманского корабля таял его гибнущий флот. Мамед-хан в отчаянии рыдал в свою черную бороду. Плакал не разбитый адмирал, а безутешный отец. Он мечтал только об одном — броситься в ноги шаху и умолять дать новый флот. Чтобы догнать, отбить, отомстить...

Победив, донцы потеряли 18 стругов, но захватили 47 кораблей персов с 33 орудиями. С улюлюканьем казаки сгоняли на берег сотни пленных. И еще один трофей. Персидская княжна!

Девушка, рыдая, встала на ноги. Степан Тимофеевич увидел ее тонкий стан, маленькую грудь, крутые

бедро и волосы, скользившие по белоснежным плечам. И взглянули в сердце атамана ее огромные зеленые глаза.

Поход флотилии Разина стал выдающимся событием. Никогда ранее столь многочисленный отряд казаков не вламывался в воды Персии. Там станичники хозяйничали около года, «пошарпав» персов, в августе 1669 г. вернулись к устьям Волги с богатой добычей.

Воевода Астрахани, для которого походы казаков на Каспий уже стали обычным делом, принял отряд Разина пушечным салютом и пропустил его к Переволоке.

На Дону домовитые казаки разошлись, а 2000 новоприходцев, став на острове у Кагальницкого городка, укрепили его и заложили струги для нового похода.

Кагальницкий остров разделил Дон. Верховые станичники, признав Разина своим атаманом, не считаясь с просьбами и угрозами царя, готовили поход на Москву. В то же время Черкасск с войсковым атаманом Корнилой Яковлевым и частью низовых знатных казаков желали продолжать военное сотрудничество с царем, не вмешиваясь в его внутренние дела. Но, после удачного похода в Персию, авторитет Разина возрос и у низовой черкасы.

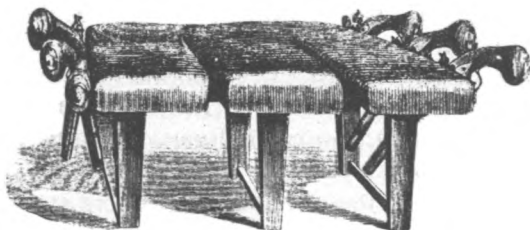
С Кагальницкого шли призывы к гетману Правобережья Днепра Дорошенко и к кошевому атаману Запорожья Ханенко. Так что к весне 1670 г. Разин, имея уже пятидесятичное войско, без опаски наезжал в Черкасск и в марте, застав на круге царского посла Герасима Евдокимова, обвинил его: ты приехал де к нам лазутчиком (вот такое тогда бытовало мнение о московской дипломатии). Возмутившись, казаки посадили посла как шпиона «в куль да в воду». Атаману же Яковлеву его крестник Разин пригрозил той же участью.

Слухи об атамане Разине пошли широко. Передавали друг другу и что он призывал «итти на Русь про-

тив государевых неприятелей и изменников». Забавно, но и в те дивные времена особа помазанника Божьего, царя, для русских была вне подозрений, а за все несправедливости, как всегда, винили исполнителей власти, «оборотней в погонах», как поговаривали совсем недавно. Против них и разгоралась ненависть низов Руси и недавно покоренных народов.

В мае 1670 г. начался второй поход Разина на Волгу, более грозный для Москвы. Станичники пошли к Царицыну, взяли его и организовали казачью республику. Скоро та же участь постигла Камышин, Чёрный Яр и Астрахань. В начале июля казаки двинулись обратно в Царицын, оставив в Астрахани гарнизон атамана Василия Уса. В Царицыне Разин сообщил казакам о намерении идти на Москву, и круг постановил двигаться в глубь Руси по Волге, потому что в нижней части она «ныне стала их, казачья», а выше по течению проходила по землям сочувствующих инородцев, готовых к восстанию против Москвы. К тому же по воде было легче перевозить людей и грузы.

Восстание охватило все Поволжье. Поднялись башкиры, татары, мордва, мари и другие народы. В захваченных городах и селах жителей объявляли вольными казаками, а власть передавалась кругу. Царских слуг, купцов, дворян казнили или бросали в тюрьму,

Табурет Степана Разина

их имущество дуванилось между казаками и местными. Разинцы развернули агитацию среди населения. Прокламации Разина Москва потом собирала пудовыми мешками по всей Руси, вплоть до Соловков.

Среди вождей восстания — атаманы Василий Ус, Федор Шелудяк, Сергей Кривой, Максим Нечай, крепостной Чирок и «старица Алена», руководившая 7000 крестьян.

Повстанцы расправлялись с помещиками, воеводами, громили монастыри, уничтожали документы, с особым рвением жгли «Уложение царя Алексея Михайловича».

Нужно отметить, что русские, во всем винившие воевод, бояр и прочих «оборотней в погонах», традиционно и безусловно верили царю. Поэтому в походах Разина за стругами следовала барка, обитая красным бархатом, на которой якобы ехал сын царя Алексея, в действительности незадолго перед этим умерший.

Двигаясь вверх по Волге, повстанцы пополнялись казаками, черемисами, мордвой, татарами, русскими и другими. Саратов, Самара сдались без боя, 4 сентября 1670 г. 20-тысячная орда разинцев подошла к Симбирску. Однако город держался стойко и дождался подкреплений из Москвы. Разбитые свежими полками Барятинского станичники сняли осаду и отступили. Многие из них попали в плен и погибли в руках палачей.

Огромные силы Москвы с трудом, но потопили восстание в крови. Разинцев казнили, истязали, сажали на кол, прибивали гвоздями к доскам, рубили на куски, отсекали руки. По свидетельству очевидцев, в Арзамасе, где шла главная расправа, казнили 11 000 человек.

Израненного Разина казаки увезли на Дон. Однако здесь он застал иные настроения. Если раньше планам Степана Тимофеевича сочувствовало большинство, то теперь при разбитом неудачнике осталась только не-

большая группа приверженцев. Разин попробовал восстановить свое влияние: собрав остатки преданных людей, он пошел на Черкасск, но, получив отпор, вернулся в Кагальницкий уже как нарушитель порядка. Этим воспользовались сторонники мирного сожительства с Москвой, и 14 апреля 1671 г. донской атаман Корнила Яковлев повел станичников на малочисленные силы своего крестника. Ворвавшись в городок, перебили многих его защитников, а самого Разина схватили и заковали в тяжёлые цепи. Скоро его отправили в Москву вместе с братом Фролом. Так впервые казаки нарушили древний закон: «С Дона выдачи нет!»

В Москве на допросах братьев Разиных истязали изощрёнными пытками, и 6 июля Степана и Фрола казнили на лобном месте четвертованием. Но само восстание Москва победила далеко не сразу.

Русские не поддерживали Разина достаточно дружно и не стремились пробиться к войску атамана. Главными союзниками Степана Тимофеевича стали инородцы: чуваша, мордва, татары, а также слободские и городовые казаки Донца, Тамбова, Саранска и Ломова. О том же свидетельствуют незначительные размеры войска Разина под Симбирском (всего 20 000 человек).

Русская православная церковь предала мятежного атамана анафеме, и цепи Разина висели тяжким напоминанием в притворах черкасского собора. Но осталось преклонение перед мощью его духа, не сломленного жестокими пытками, и память о его самоотверженном служении интересам казаков: «Все мы Разина порода, ермаковская семья», — так еще совсем недавно говорили станичники. Однако сейчас русские помнят о нем больше. Много поволжских преданий связано с Разиным, ему посвящены книги, фильмы и песни, его считали также одним из первых в России революционеров. В 1919 г. на месте казни Степана Тимофеевича большевики поставили ему гипсовый памятник. Кроме того, самый мощный артиллерийский корабль их Волжской

флотилии «Атаман Разин» со всей пролетарской ненавистью громил казаков под Царицыном.

Однако русский фольклор исказил образ казака. Разин совсем не поводырь босяков или восставших крестьян, как его часто изображают, а вождь, идеолог казаков в их борьбе за человеческое достоинство и права.

Степан Тимофеевич оказался недалёновидным политиком, но для этого дерзкого и выдающегося военачальника совсем не подходит кличка Стенька, как его называют русские.¹ Голландец Ян Стрейс, очевидец пребывания Разина в Астрахани, пишет так: «Это был высокий и степенный мужчина крепкого сложения с правильными чертами гордого лица. Он держался скромно и с большим достоинством».

Некоторые русские, следуя традициям Москвы, представляют Разина как безжалостного убийцу, а это совсем не отвечает истине. Время было суровое, борьба жестокая, но нет оснований изображать атамана как кровожадного зверя. Его карающая десница не падала на всех дворян без разбора: наказывались только открытые враги и виноватые. Кроме того, все поступки Степана Тимофеевича направлялись волей кругов, причем и в казнях, и в миловании первое слово принадлежало этому народному собранию. Нужно также понимать национальные особенности московского правосудия, когда проигравший платит все. Естественно, что на Разина списали многие преступления, которые он и не совершал. В частности, сейчас уже известно, что казаки не жгли знаменитый «Орел», просто команда с него разбежалась, и корабль несколько лет сиротливо и печально гнил в одном из протоков дельты Волги. Понятно, что за это

¹ Здесь и далее автор вновь следует своей концепции об особенностях «русских» и «казаков», которые, как известно, тоже говорили и говорят на русском языке. Уменьшительная форма имени Стенька от Степана — типична для времен XVII в.

преступление должны отвечать служивые. Но до Москвы далеко, и предусмотрительные воеводы многие последствия своей некомпетентности списали на Разина.

Теперь, когда время сгладило память о легендарном атамане, национальная история казаков хочет видеть в Степане Тимофеевиче борца за интересы Дона. Предполагается, что, лелея в душе планы освобождения, он просто не успел их осуществить, а главной целью его было ослабление могущественного соседа и укрепление государства казаков. Но бурный ход начатого им дела, помимо воли, увлек его далеко в сторону, заставил отдать много сил чужим интересам и привел к иным результатам.

Так же как участие казаков в Смуте, это вмешательство во внутренние дела Москвы не нашло поддержки во влиятельных кругах Всевеликого Войска Донского. Во всяком случае, ослабленный разногласиями Дон позволил сторонникам Москвы схватить и выдать Разина, не считаясь с древним правом убежища. А в 1671 г. донцам пришлось поневоле смириться и под присягой обещать царю больше не выступать против порядков Москвы. Казаков вынудили бороться с крамолой против царя, заговорщиков присылать в Москву и сношений с её врагами: поляками, татарами и немцами — не вести. Так батюшка Дон лишился суверенитета во внешней политике и одновременно старинного права «не выдавать с реки».

После этого Дон еще сохранял некоторую автономию, но уже не мог вести суверенную внешнюю политику и непосредственно сноситься с поляками, немцами и турками. Однако это часто нарушалось атаманами, до 1713 г. дипломатические отношения с Азовом и Крымом возобновлялись неоднократно.

Сюжет знаменитой картины художника Репина и народной песни не вымышлен. В морском сражении у острова Свиной казаки действительно захватили в плен дочь персидского адмирала Мамед-хана. Правда,

остается гадать о её дальнейшей судьбе. Во всяком случае, когда в начале октября 1669 г. оставшиеся от некогда грозной флотилии 9 стругов вошли в родной Дон, красавицы княжны на них не было.

Сам же атаман Разин, предав корпоративные интересы правящей верхушки казаков, похоже, проиграл свое безнадежное дело. И вот теперь, в образе дородного детинушки, наряженного в кафтан московского стрельца, он красуется на этикетке одной из марок отечественного пива.

В заключение части следует сказать, что Иван Грозный, считавший своим кумиром султана Селима Свирепого, завершил создание русской монархии. Но героическая выносливость и самоотверженность его военных не могла искупить недостатки восточной деспотии. Поэтому все приобретения территорий лежали в пределах рухнувшей Золотой Орды. Опричнина создала в Московии армию, обреченную на поражение при встрече с войсками задворок Европы. Продвижение в Сибирь, как правило, шло частным порядком. Присоединение Украины говорит о слабости речных республик казаков, и свои суверенные права они смогли защитить только во время Смуты. Однако уже через 50 лет, станичники сохранили лишь куцую автономию от могущественной Москвы.

Часть III

РОССИЯ МОЛОДАЯ

Трагические события русской Смуты и восстания атамана Разина привели к реформам Петра I, поломавшим образ жизни, прежде всего, правящей элиты Москвы, которую пришлось кардинально менять, вплоть до строительства в болотах чухны новой столицы — Санкт-Петербурга. Этим император развенчал Москву как виртуальный Третий Рим. Город святого Петра прямо указывал на амбиции новой Руси стать Великим Римом, а не самопровозглашенным вторым или, тем более, — третьим, равнозначным «седьмой воде на киселе».

Петр Великий, обладавший энциклопедическими знаниями и практически владевший основными технологиями тех лет, создал европейский флот и армию. При этом, если стрельцов, оставшихся как малоэффективное наследство Ивана Грозного, быстро и безболезненно реформировал в полки нового строя, то с казаками дело обстояло иначе. Хотя станичники и лишились многих своих суверенных прав, в том числе и своего древнего символа «Белый олень», в империи пришлось сохранить войска этих доблестных бойцов и даже увеличить их количество. В дальнейшем флот и казаки станут символом блистательного Петербурга XVIII—XIX вв.

Глава 1. Реформы Петра Великого

Во времена Петра I (1689—1725) на передний план вышел новый тип государя — легкого на подъем, работающего не покладая рук. Царь требовал от своих чиновников быстроты в мыслях и в поступках

и службы без устали. Реформы Петра сломали образ жизни, прежде всего, элиты «святой» Руси, сторонники которой называли императора «борзым кобелем» и «рысучим зверем», который «накудесил много в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветер гоня».

Динамизм не стал идеалом элиты Москвы, с неотвратимым для неё воздаянием, — когда терялся смысл жить «с тяжким и звероподобным рвением», следовало «семь раз отмерить». Косность, приравненная к благообразию, благолепию и благочинию, приобрела негативный оттенок лишь в середине XVII в., когда поколебалась созерцательность привыкших «крепкую думу думати» бояр.

В Европу пришла эра национальных языков, и церковнославянское «красноречие» — эта своеобразная «латынь» православной Руси, Украины и Белоруссии — уступило место русскому языку. Петр ввел гражданский шрифт, требовал «писать как в приказах», то есть простой речью, и тем самым внес глубокое культурное расслоение и двуязычие — автономную жизнь кириллицы для церковных книг и гражданского шрифта для государственных нужд. Великороссы Петра третировали язык Москвы, объявив его устарелым и негодным. Царь требовал от своих подчиненных не «высоких слов словенских», но простого языка, ограничил влияние церковнославянской стилистики на светскую, так как отказ от косности мышления требовал ухода и от шаблонных слов.

Однако достичь уровня Европы, по мнению Петра, надлежало не только разговорами, но и производством вещей. В это время Россия строила флот, библиотеки, общедоступный театр, Кунсткамеру и Академию наук, парки и новую столицу. Эта модернизированная цивилизация Руси производила новые одежды, манеры, новый стиль общения и парковую скульптуру. В иерархии культуры слово уступило место вещи. Ранее слово являлось знаменем Москвы. А Кунсткамера, показы-

вавшая реальный мир монстров и курьезных вещей, стала знаменем Петербурга.

В середине декабря 1699 г. (7208-го по привычному для Москвы счету от Сотворения мира) Петр издал указ о перемене календаря, что имело прямое отношение к европеизации Руси, календарь России приблизился к западному. Однако некоторая обособленность осталась, так как император, как известно, принял юлианский календарь, а в Европе с XVI в. действовал григорианский. В канун этого состоялось знаменитое острижение бород и переодевание дворянства в платье Европы.

Среди военных, административных и прочих реформ Петра была и «реформа веселья». Остатки «святой» Руси эту акцию переживали болезненно. Просветитель России старался отменить, искоренить нелепые старинные обычаи и обряды.

До Петра в культуре Руси скоморошество отождествлялось с публичным смехом и весельем. Православие запрещало смех и веселье, что являлось сильной и устойчивой традицией. Фантазия ортодоксов рисовала ад как место, где грешники «воют в прискорбии», а их стоны перекрываются раскатами хохота дьявола. Поэтому в XVI в. скоморошество подвергалось прямым, регулярным, жестоким репрессиям русской православной церкви и светской власти. Вместе с тем в глазах простого мирянина и причетника скоморохи совсем не выглядели нехристями. В сознании народа скоморох конкурировал с попом, что ярко показано в пословице «Бог создал попа, а бес скомороха». Занятия священников и скоморохов враждебны. Поп владеет церковнославянским «красноречием», скоморох же — просторечным языком. Задача попа — побуждать паству к слезам, потому что слезы и покаяние необходимы для спасения души. Скоморох заботится о телесном благополучии, о плодovitости человеческого племени и плодородии земли.

Побывав в Голландии и Англии, Петр оценил удобства иметь подчиненную государству церковь. В связи с этим его «шумство» и «скоморошество» следует рассматривать как культурную акцию. Полемический и сатирико-пародийный аспект всешутейского собора связан, прежде всего, с моральным уничтожением патриаршества, и всешутейский собор следует рассматривать как штрих в картине подавления русской православной церкви государем самодержцем.

В 1721 г. царь упразднил патриарха и учредил Синод, члены которого вплоть до начала XX в. приносили присягу императору, который фактически стал патриархом. Русская православная церковь же стала церковью чиновников, «коллегий» и, как справедливо отмечал в своих работах академик А. Н. Панченко, — доносчиков, ибо государство предписывало и санкционировало нарушение тайны исповеди. Так император сломил сопротивление «диссидентов» из среды боярской и святой Руси и укрепил вертикаль власти.

Реформа летоисчисления и титул императора, благословенный папой римским, производя ошеломляющее впечатление на русских, легли в основу легенды о Петре-антихристе. Легенду эту нельзя считать только порождением исключительно староверов, она — плод размышлений русского мужика.

Примечательно, но, создавая в степях Оренбуржья недолговечное свое царство, казак Пугачев переименовал несколько станиц и слобод. Здесь была своя Москва, но не было Петербурга. Это — ностальгия о республике на Дону, еще существовавшей при Иване Грозном, но окончательно уничтоженной Петром.

Для строительства столицы император выбрал не лучшее место, оно и понятно, все «теплые» земли уже давно заняли шведы. Вместе с этим река Нева обеспечивала транспорт грузов из глубины России в Европу. Волга — становой хребет русской экономики, основная магистраль тех лет для перевозки грузов.

Однако средства транспорта уже не удовлетворяли потребностей производства. Центр тяжести экономической политики Петр I сосредоточил на насаждении мануфактур, промыслов, расширении торговли. Это вызвало быстрый рост водных перевозок и большой подъем в речном судостроении. С выходом России на Балтику и с перемещением центра экономики страны на запад больше всего транспорт развился на реке Волге и Вышневолоцком водном пути. Сооруженный в 1703—1708 гг. и реконструированный в 1719—1722 гг., он сыграл большую роль в развитии Петербурга и в торговле России с Западом на протяжении всего XVIII и большей части XIX в.

Энергичное вмешательство Петра I (обладавшего энциклопедическими знаниями и владевшего основными технологиями тех лет) в судостроение дало толчок к прогрессу постройки и совершенствованию конструкции различных типов кораблей.

В своих многочисленных указах император дотошно и с большой любовью описывал технологию постройки судов. Важность неукоснительного выполнения указов подчеркивалась характерными для неограниченной власти феодала предупреждениями типа: «Учинена будет смертная казнь без всякие пощады».

Несмотря на строгость законов, Петербург часто был не в состоянии менять привычные технологии постройки судов. Из-за кабальных отношений между крепостными и предпринимателями инновации воспринимались с трудом, так как, при дешевой рабочей силе, заинтересованности в них не было.

Глава 2. Покорение Дона

Границы империи Петр Великий расширил значительно, и об этом можно много говорить. Однако при этом забывают упомянуть одну из земель —

Дон, который в это время окончательно лишился своего суверенитета.

Пока в Петербурге внедряли передовые технологии, на Дону поднял бунт сотник К. А. Булавин. К началу XVIII в. Подонье уже окружала укрепленная линия от Астрахани до Бахмута. Заняв Азов и построив Таганрог, Россия замкнула полное окружение. Мало считавшийся со средствами, деятельный император Петр I решил покорить Дон.

Один из известных борцов за казачью независимость Булавин родился 6 июня 1671 г. в городке Трехизбянском на Донце. Некоторые сведения о нем дает русская историческая литература, сообщая, что якобы в 1696 г., штурмуя Азов с войсками царя Петра I, Кондратий Афанасьевич первым ворвался в крепость со своей сотней. Но в документах его имя встречается лишь с 1705 г., когда атаман Бахмутского городка К. А. Булавин защищал соляные промыслы казаков, которые царь пожаловал Изюмскому слободскому полку. Для прекращения вооруженных столкновений между старыми хозяевами и новыми претендентами Петр I принял соломоново решение, приказав отписать соляные прииски на самого себя. Однако казаки не захотели уступать варницы могущественному северному соседу, взяли присланного для описи дьяка под стражу и донесли об этом кругу. Войсковые старшины освободили дьяка из-под ареста. Однако даже эти блюстители древних прав казаков, хотя сопротивление царю сулило много бед, тоже не пустили Горчакова на соляные промыслы.

Так Булавин стал предводителем повстанцев и, связавшись с Астраханью, Запорожьем и Тереком, заручился обещанием их казаков поддержать донцов в случае нужды. Угрозу, уже 50 лет надвигавшуюся с севера, хорошо понимали все станичники и стремились избежать закабаления вольных республик казаков, но многие из них не верили в успешность вооруженного сопротивления.

В то время на Дону боролись две группировки. Из них верховые казаки и новоприходцы готовились оказать отчаянное сопротивление силе, наступающей с севера, но партия низовых стояла за соглашения и уступки. Станичники Нижнего Дона к этому времени уже изживали свои боевые качества, из бойцов превращаясь в домовитых хозяев, строивших свое благополучие не на сомнительной боевой добыче, а на деловых расчетах и непрерывном труде скотоводов и рыбаков. Таким становилось все первоначальное население края. Казаки-старожилы основали республику в условиях постоянной борьбы с турками и почти непрерывного союза с Москвой. Проживая вдали от границ Руси, станичники Нижнего Дона о печальной судьбе простых русских знали только по слухам.

Казакам, ранее заключавшим договоры с царями, хотелось верить, что слово этих помазанников Божьих не пустой звук, а отношения с православной династией, в худшем случае, выльются лишь в формы своеобразной персональной унии. Где-то на высокой Москве — общий с русскими монарх, а на Дону — вольная воля, жизнь по древним обычаям, «как деды и отцы положили». Поэтому станичники, желавшие мира без постоянных тревог, видели в новоприходцах только лишние хлопоты и осложнения.

Низовые станичники смотрели на верховых свысока, так как многие из них не спешили в свое время возвратиться на родной Дон, а приходили на его берега, только потеряв службу на окраинах Москвы. Низовые считали себя выше не потому, что были богаче голутвенных, а потому, что они без них освоили казачьи земли кровью своих отцов, их вековыми боевыми трудами. Вместе с тем низовые видели в верховых своих братьев по крови. Поэтому войсковые круги не препятствовали новоприходцам основывать поселения и выделяли под их юрты свободные земли.

Всех казаков возмущали попытки Москвы положить руку на дела Дона, но бесцеремонность и

хамство русских воевод касались больше жителей Северского Донца и Верхнего Дона. Еще совсем недавно большая часть верховых казаков служила царю московскому. Теперь же, когда границы Руси отодвинулись далеко на запад и на юг, станичникам, в качестве безработных воинов пограничья, пришлось познать московские социальные отношения во всех подробностях. Убегая от голода и закабаления, казаки прибывали на Дон семьями, одиночками и даже станицами. Озлобленные нищетой, тяжелой эксплуатацией, церковными и социальными реформами, унижениями со стороны московских начальников, верховые казаки стали самыми преданными соратниками Булавина.

Но Петр I, хорошо знавший о настроениях казаков, не собиравшись считаться ни с их правами и обычаями, ни с договорами своих предков. И в 1707 г. на Дон двинулся крупный отряд карателей князя Юрия Долгорукова с поручением выловить всех новоприходцев, не проживших там 20 лет, и отправить их на старые места или по новостройкам империи.

Войсковой атаман Лукьян Максимов не посмел протестовать против этого вторжения на казачьи земли и позволил Долгорукову пройти по городкам для розыска подданных русского царя. Уверенные в своей безнаказанности, сам князь и его подчиненные с большим пристрастием стали наводить здесь новые порядки.

В письме на Кубань казаки подробно сообщили своим собратьям староверам о зверствах русских войск. Помимо ставшей уже банальной стрижки бород и усов, станичников принуждали «и веру христианскую переменять. И как он, князь со старшинами, для розыску и высылки русских людей поехали по Дону и по всем рекам послали от себя начальных людей, а сам он, князь с нашим старшиною, с Ефремом Петровым со товарищи, многолюдством погнали по Северному Донцу, по городкам, и они, князь со старшинами, бу-

дучи в городках, и многих старожилых казаков кнутом били, губы и носы резали и младенцев по деревьям вешали, и многие станицы огнем выжгли, также женска полу и девичья брали к себе для блудного помышления на постели, и часовни все со святыней выжгли».

Понятно, что это вызвало всеобщее возмущение, и ночью 9 октября 1707 г. Булавин со своими сторонниками напали на русских, стоявших в Шульгинском городке. Казаки порубали князя Долгорукова и всех бывших с ним «сотоварищей». Но взрыв негодования переполошил донскую элиту. Войсковой атаман Максимов пошел на восставших, разбил их отряд и заставил Булавина уйти в Запорожье. Здесь в течение зимы мятежный атаман, после переговоров с днепровцами, продумал план дальнейшей борьбы. Заручившись поддержкой запорожцев, весной 1708 г. он, с 1500 казаками, появился на Хопре.

Из станицы Пристанской Булавин разослал призывы к «старым лучшим казакам» собраться к нему на круг. Кондратий Афанасьевич напомнил станичникам о славе их дедов и отцов, создавших республику казаков Старого Поля. «И со всех рек казаки к нему съезжались, и пошли с ним, с Кондратием Афанасьевичем, и всем походным войском к Черкасскому». Попытки русских войск и артиллерии остановить станичников в степи у Перекопской станицы закончились тем, что казаки, калмыки и татары разбили карателей, а их «казну, 8 тысяч денег, отбили и между себя подуванили». Затем, 28 апреля победители подошли к Черкаску. Булавину не пришлось его брать силой, так как 1 мая гарнизон казачьей столицы перешел на его сторону. Затем собрался «всех рек казаки и все Войско Донское, Войсковой Круг», приговоривший всех неправедных старшин своих за их преступления к смерти. После этого «всеми реками атаманы-молодцы выбрали войском войскового атамана Кондратия Афанасьевича Булавина».

Но к этому времени на Дон уже двигалась 32-тысячная армия князя В. Долгорукова, родного брата покойника Юрия. Став законным атаманом, Булавин послал царю Петру и в Посольский приказ грамоты-отписки. В них он сообщал о постановлениях круга и просил остановить движение русских войск. «А собрались мы не на войну, — писал Кондратий Афанасьевич, — только для утверждения, чтобы у нас в Войску Донском было по-прежнему, как было при дедах и отцах наших». Далее атаман предупреждал, что если русские начнут разорять городки, то против них пойдут донцы, кубанцы и конники ачуевского паши Хосяна.

Отписки не помогли. Царские полки наступали с севера и запада, от Волги угрожали калмыки хана Аюки, на южных тылах висела крепость Азов с сильным русским гарнизоном. Войско Булавина не превышало 30 000 бойцов, слабо снабженных и разбросанных по границам. Не хватало оружия и боеприпасов. А в глубоком тылу таились люди слабого духа и прямые изменники. Несмотря на это повстанцы подступили к Саратову, заняли Царицын и громили противника на Донце. Однако скоро казаков стали теснить со всех сторон.

К борьбе с Москвой Дон был не готов ни стратегически, ни психологически, так как 200 лет все внимание казаков занимал турецкий юг. Помогая московским царям, этим православным монархам и своим виртуальным покровителям, станичники, способствуя расширению их власти, оказались в полной изоляции. Борясь за чужие интересы, казаки потеряли всех друзей и союзников. Не оказал помощи даже единокровный Запорожский Низ. Хотя казаки Гетманщины и слобожане также лелеяли мечты об утерянной независимости, но и они оказались в лагере противников.

Поэтому 2 июля 1708 г. русская армия разбила повстанцев под Тором на Донце и, преодолевая сопротивление булавинцев, продвигалась вниз по Дону. Соглашатели ликовали. Упадническая пропаганда

противников борьбы за казачью волю ослабляла дух. Неудачное нападение на Азов решило исход борьбы и судьбу атамана. Долгоруков приближался к Черкасску, и в лагере Булавина царило уныние. Малодушные готовились примкнуть к заговорщикам, во главе которых тайно стоял Илья Зерщиков, один на старшин Булавина. 7 июля они попробовали взять атамана живым, но тот укрылся в крепких стенах каменного дома. С ним оставалось лишь 50 преданных делу людей, защищавшихся, пока хватало сил. Когда же противники уже готовились ворваться в их убежище, Булавин застрелился из пистолета. Предание говорит, что с ним вместе покончила жизнь его дочь Галина, заколовшая себя кинжалом.

Булавинское восстание, которое так и не удалось довести до победного конца, вошло в историю как одна из многих неудачных попыток воплощения идеи казачьей независимости. С поражением Кондратия Афанасьевича закончилась эпоха постепенного покорения Дона, началась жестокая месть повстанцам и внедрение на земле казаков русских порядков.

Петр I раздавив восстание булавинцев, разоружил их, зверски расправился, отменил право выбирать атаманов и решать дела всенародным собранием кругов и в 1721 г. передал управление казачьими делами из Посольского приказа в Военную Коллегию.

Окруженный со всех сторон русскими войсками Дон потерял миллион гектаров земли Казачьего Присуда, но полностью еще не покорился.

Так империя не только приобрела плодородные земли, но и лишила казаков Дона их древнего суверенитета. Казачья республика, хотя и выпадала из общего ряда феодальных государств, где во главе стояли князья, ханы, цари, короли, но суверенный народ сам правил и выбирал правителей даже во времена ханов Золотой Орды и Ивана Грозного. Древняя республика просуществовала до XVIII в., когда, несмотря на упорное сопротивление казаков, Петр I присоединил её к России.

Глава 3. Украина пытается уйти к шведам

Но и запорожцы, также мечтавшие о возрождении своих вольностей, против монаршей воли Петра I ничего не смогли поделать. На Днепре заговор зрел на самой вершине вертикали власти казаков.

Гетман его царского величества Войска Запорожского Иван Степанович Мазепа (1640—1709) с 1687 по 1708 г. правил станичниками как наместник Петра I. Потомок древнего рода казачьих племенных старейшин, с наследным титулом князя еще со времен Орды, он известен также как Мазепа-Колядинский. То есть один из его предков, служа на границах Великого княжества Литовского, получил шляхетские права знатного литовского рода Колядинских.

Блестяще образованный гетман говорил по-немецки и по-латыни, а его перу приписывают многие казачьи песни. Благодаря знатности, богатству, образованию и красоте юный Мазепа служил пажом при дворе короля Яна Казимира. Школу придворной жизни прервала какая-то любовная интрига, и возмужавшему Мазепе пришлось покинуть Варшаву.

Двадцати трех лет отроду он начал новую жизнь в ставке гетмана Правобережья, чигиринского полковника Дорошенко Петра Дорофеевича и 10 лет служил генеральным писарем. Будучи врагом и Польши, и России, Дорошенко вначале опирался на помощь хана Крыма, затем принял покровительство султана. В 1666 г. войска Турции вторглись в Подолье, угрожая южным украинам Речи Посполитой, и, по Бучачскому миру 1672 г., Польша отказалась в пользу казаков от южной Киевщины и Побужья с городом Брацлавом. Однако война с Москвой окончилась печально, гетман, после ряда неудач, в 1676 г. попал в плен и вскоре умер.

Предвидя его падение, Мазепа заблаговременно перешел к гетману московского Левобережья Ивану

Самойловичу на пост генерального есаула. Опутав своего нового начальника интригами и клеветой, помог командующему русскими войсками В. В. Голицыну оправдаться перед царевной Софьей в неудачах своего похода на Крым и свалить всю вину на казаков. Самойловича арестовали и отослали в Москву, а при выборах нового гетмана благодарный князь помог ему смирить противников штыками русских полков, заняв с боем резиденцию в Батурине.

На посту гетмана бывший польский царедворец медоточивыми речами завоевал симпатии царя Петра I. Лесть делала свое дело: Мазепа стал доверенным императора и почти неограниченным правителем Гетманщины, которую в русских актах стали называть Малой Россией. Гетман обрел несметные богатства и подчеркнуто показывал свою верность православию, опровергая слухи, что он «лях и католик». Строил церкви и духовные школы, делал щедрые вклады в монастыри.

Этот удельный владыка окружил себя покорными старшинами, которым раздавал крупные имения вместе с населением сел и слобод. Но массы казаков от его бессменного правления не обрели никаких выгод, хотя в общественной структуре Гетманщины многие станичники могли занять место изгнанной польской шляхты.

Официально защищая интересы русских, Мазепа тайно мечтал освободить казаков, единокровного ему народа, имевшего древнее право на свою землю. Он еще молчал, но каждого предполагаемого противника сметал со своего пути, часто при помощи самого Петра. Царю доносили о тайных замыслах гетмана, но тот не верил. Доносчиков, генерального судью Кочубея и полтавского полковника Искру, император отдал на расправу самому Мазепе, и они сложили головы на плахе.

Сейчас трудно сказать, что двигало этим интриганом, но Мазепа выдал России атамана Днепровского

Правобережья Семена Палия, славного удачными набегами в Таврию и захватившего крымского хана Осман Гирея. В 1701 г. Палий поднял восстание против польских магнатов, пытавшихся поработить казаков. Гетман по приказу императора Петра I заманил его к себе в Левобережье и передал русскому воеводе. В 1704 г. Палий сослан в Енисейск и возвращен из Сибири только после измены Мазепы. Потомки Палия заслужили в России титул графа.

Между тем гетман вел тайные переговоры с королем Швеции. Он верил в гений Карла XII и обещанию помочь при создании независимой казачьей Земли. Но, когда на Россию двинулись войска Швеции и Мазепа открыто перешел на сторону короля, под его знамена встали только некоторые полки. Казаки не поддерживали гетмана-интригана и остались по домам. Что уж говорить об украинских и белорусских крестьянах. Русские взяли штурмом Батурин и принудили духовенство провозгласить анафему гетману и всем его сторонникам. Так тайно задуманное и слабо подготовленное дело стало политической авантюрой.

Карл XII не получил от казаков серьезной помощи. После поражения под Полтавой 27 июня 1709 г. гетман с приверженцами и раненым королем ушел в Турцию, где вскоре умер.

Личность Мазепы историки оценивают по-разному. Русские считают его подлым изменником, украинцы — своим героем и патриотом. При этом не принимают в расчет, что замыслы гетмана касались одних казаков и выражали их древние чаяния, проявившиеся ранее в Польско-казачьих войнах, в политике Богдана Хмельницкого и его сына Юрия, гетманов Выговского, Дорошенко и даже в статьях Переяславского договора, по которым русские цари получали только часть суверенных прав в Казачьем (Черкасском) крае. За те же идеалы боролись простодушные донцы атамана Булавина.

Но Мазепа хотел только освобождения земли запорожцев и не стремился изменить к лучшему участь других жителей своей страны. Значит, его нельзя считать вождем украинцев.

Что касается упреков в измене и двуличии, то и в наше время борьба за национальное освобождение изменой не считается, а рыцарская откровенность в политике мало когда применялась. Московские цари не отличались прямотою даже в обыденной политической жизни.¹

Участие в разгроме Булавина создало гетману дурную славу и на Дону, где имя Мазепы было бранным словом.

Глава 4. Казаки уходят в Турцию

Не все казаки мирились с установленными порядками, и часть из них, желая жить по древним обычаям и понимая бесперспективность вооруженной борьбы, предпочли эмиграцию.

Самым выдающимся сподвижником атамана Булавина в его борьбе за независимость Дона стал казак Игнат Некрасов, казнивший захваченных в Черкасске старшин — сторонников Москвы.

Некрасов защищал Дон со стороны Волги и 26 мая 1708 г. осадил Саратов, но калмыки, скопившись у него в тылу, принудили казаков отойти на юг. Но 17 июня Некрасов занял Царицын, оставил там свой гарнизон и пошел на Дон, в Голубинский городок. По дороге, узнав о гибели Булавина, он возглавил повстанцев: собирав в районе Паншина отряды, руково-

¹ Отсутствие «прямоты» даже в обыденной политической жизни не было специфическим признаком только «московских царей», но также и многих польских и других королей и большинства казачьих атаманов, в том числе и Мазепы.

дил боевыми операциями, но, после ряда поражений, в сентябре 1708 г. ушел за турецкую границу на Кубань.

С ним вместе пришло около 8000 донцов с семьями, которые вначале обосновались на Таманском полуострове, где построили три городка: Блудилинский, Голубинский и Чирявский.

Поселившись здесь, Некрасов не порвал связи с залитым кровью Доном, громил русские уkraine, посылал к казакам лазутчиков с призывом не смиряться, восставать или уходить к нему на Кубань. Но и сами повстанцы не раз терпели от вторжения русских. Казаков мятежного атамана называли некрасовцами, и это имя дошло до наших дней.

Некрасов оставался их бессменным выборным атаманом до самой смерти, то есть до осени 1737 г., пользовался большим авторитетом и составил для общины правовой кодекс — «Заветы Игната». Писанный свод некрасовцы утеряли, но еще в начале XX в. пользовались по памяти «Заветами», отражавшими общеказачье обычное право, соблюдавшееся и другими станичниками до окончательного вытеснения его русскими законами. В XX в. этнографы записали с устных пересказов свыше 170 статей оригинального свода законов казаков.

Абсолютной властью обладало народное собрание — круг, который также судил правонарушителей. Круги избирали ежегодно атаманов, как исполнителей общественной воли. Контролировал действия атаманов круг, который мог не только сменять их до срока, но и привлечь к ответу.

«Заветы» запрещали родниться с турками. Каждый работал и знал ремесло, но никто из некрасовцев не мог пользоваться трудом соплеменника для личного обогащения. Третья часть заработка сдавалась в казну войска, которая расходовалась на церковь, школы, оружие, помощь немощным, престарелым, вдовам и сиротам.

Совершеннолетие казака наступало в восемнадцать лет, после чего он имел все права, участвовал в собраниях круга и в военных действиях. Командные должности занимали только после тридцати лет, а на посты войскового и походного атаманов выбирали лишь с пятидесяти лет.

Запрещались производство, продажа и распитие хмельных напитков, за непочитание старших пороли, за непослушание родителям наказывали батогами. Главой семьи считался муж и отец, но, по жалобе жены, круг мог наказать мужа и даже постановить развод. Разврат и насилие над женщиной наказывались немилосердной поркой, но за измену мужу виновницу зарывали в земле по шею или сажали «в куль да в воду»; такое же наказание устанавливалось для убийц. Изменники подлежали смертной казни. После изгнания с круга провинившийся считался вне закона, и каждый мог его убить.

В духовной жизни «Заветы» придерживались старой веры, никонианское и греческое духовенство к службе в станицах не допускалось. Священники, не выполняющие волю Круга, считались еретиками и изгонялись. За богохульство убивали, блажных и безумных не наказывали, помощь равным оказывали тайно, чтобы о ней никто не знал. Помогать явно мог только круг. Нищим разрешалось подавать открыто, но обязательно тот же хлеб, что и сам ешь.

Если круг, наказав провинившегося, снимал с него позорное пятно, тогда больше никто не мог стыдить отбытым наказанием.

Продвижение русских в Приазовье заставило подумать о спокойном месте поселения. С разрешения султана в 1741 г. большинство казаков переселилось в Добруджу на Дунае, а остальные, задержавшись сначала на левом берегу Кубани, через 40 лет последовали за первопроходцами к устьям Дуная. Здесь они основали селения: Большие Дунавцы, Сары Кей, Славу Черкасскую, Журиловку, Некрасовку и дру-

гие. В 1775 г., после разгрома русскими Низовой Сичевой республики, там же появились днепровцы. Те и другие старались занять лучшие рыболовные угодья, неоднократно сходились в вооруженных схватках. Поэтому через 10—15 лет некрасовцам вновь пришлось переселиться к берегам Эгейского моря в Энос или на озеро Майнос в Азиатской Турции, в 25 км от портового города Бандерма на Эгейском море.

Так, к началу XIX в. некрасовцы собрались в двух станицах — Майноской и Дунайской. Русский этнограф Ф. В. Тумилевич отмечал, что майносцы, живя замкнуто вдали от России, в чуждом окружении, сохранили древнюю культуру донцов и общественно-демократическое устройство их общин.

Казаки на Майносе жили в Бив-Эвле («селение из 1000 домов»), другое название — «Игнат-казаки». Неоднократно здесь случались эпидемии чумы. Кроме того, некрасовцы умирали от тропической лихорадки, так как жили на заболоченном месте, и их число уменьшалось с каждым годом. Когда 18 ноября 1847 г. сюда приехал английский путешественник Мак-Фарлен, то на Майносе стояло только 300 домов.

Население Майноса несколько раз пополнялось переселенцами с Эноса, а потом — с Дуная. Страх перед чумой и холерой был настолько велик, что казаки обнесли селение стеной, запретив туркам и грекам посещать их. У ворот стены всегда дежурили вооруженные станичники.

Демократия общины Майноса, самоуправление, экономика, семья, быт, грамотность — все это обращало на себя внимание как иностранцев, так и русских, побывавших у них. Некрасовцы содержали 5 учителей, 2 священников, а сравнительно высокое их образование, трудолюбие, порядок, чистота жилищ славилась по всей Турции. Казаки занимались, в основном, рыболовством, скотоводством и охотой.

Ловить рыбу станичники уходили 15 августа, на Успенье, и возвращались в апреле. Мужчины от

15 до 55 лет собирались ватагами по 18—25 человек во главе с «атаманком». Ловили рыбу в Мраморном, Черном, Эгейском, Средиземном морях и в озерах Турции.

«Атаманок» заключал договоры на лов и сдачу рыбы, следил за нравственным поведением членов артели, за их бытовыми нуждами, вел учет доходов. В конце сезона при участии всех рыбаков доход делился поровну. При возвращении на Майнос треть заработка отдавалось в войсковую казну.

За две недели до конца путины ватага посылала вестника на Майнос, который сообщал о дне возвращения артели. Все собирались в назначенный день в городе Бандерма. С Майноса приходили подводы для перевозки снастей, лодок, казаков. На подступах к Майносу рыбаков встречали атаман, старики, женщины. Встречали со знаменем Игната, стрельбой из ружей и пушечным салютом.

Общественное устройство Майноса, быт, семья, образование и нравственные устои определялись «Заветами». Этот кодекс обычного права казаков сохранил в памяти древние общинные отношения, забытые станичниками под властью Москвы.

Посетив Майнос в 1863 г., В. П. Иванов-Желудков поразился честности, царившей здесь. Атаман отвечал за проступки наравне с другими членами общины: «Что атамана можно высечь и секут, это не подлежит сомнению и вовсе не выходит из ряда обычных событий майносской жизни. Точно так же кладут ничком и заставляют поклониться в землю и поблагодарить словами: „Спаси, Христос, что поучили!“ Затем ему вручается булава, символ его власти, которую на время наказания отбирает какой-нибудь старик. Вручив булаву, все валятся атаману в ноги, вопя: „Прости Христа ради, господин атаман!“ — „Бог простит! Бог простит!“ — отвечает, почесываясь, избранник народный, и все входит в прежний порядок».

Некрасовцы хранили общинный строй и идеалы национально-политических свобод казаков, за которые боролись в рядах Булавина. Двуперстие, старая вера только вдохновляли в боях, но не служили основной целью движения. На Майносе религия оставалась лишь частью национальной идеологии. Поэтому их нужно считать национально-политической, а не религиозной эмиграцией. В общем, казаки в эмиграции истеричностью не отличались, ностальгией не маялись и «русской рулеткой» не баловались.

Несколько иначе выглядела община в Добрудже. «Дунаки», или «хохлы», как их называли, постепенно потеряли казачьи национальные черты и выродились в эмиграцию религиозную. Некрасовцы дунайской ветви принимали к себе всех уходивших из России старообрядцев (русских и украинских), которые впоследствии ассимилировались с позднейшими эмигрантами, утратили язык своих предков, обычаи, фольклор, предания, песни об Игнате и его «Заветы». Не потеряли только желания называться казаками.

Со временем майносы стали различаться с дунаками и по религиозному обряду. В то время как первые отказались от духовенства и остались при своих начетчиках (так называемые беспоповцы), вторые стали принимать к себе духовных пастырей Белокриницкой или Австрийской иерархии. В начале XX в. часть дунаков переселилась из Румынии в Майнос. Но здесь они разместились отдельно и стали рыбаками, в то время как старые некрасовцы занимались земледелием, а на море выходили осенью. Особенной близости между теми и другими не возникло, хотя случались и смешанные браки. В начале XX в. среди дунаков распространилось «единоверие», и их причетники рукополагались в священники епископами Москвы.

Некрасовцы несли потери от эпидемий и малярии, так что через 200 лет их оказалось еще меньше, чем ушло с Дона.

В 1912 г. Петербург разрешил казакам возвращаться в Россию. Они просились на Дон, но их отправили на Кавказ, не позволив селиться севернее Кубани. К 1958 г. в СССР собралось 7200 душ обоего пола, из них майносов 1200 человек. Именно они принесли с собой много интересного о старом языке, обычном праве и фольклоре донских казаков.

В 1963 г. из Турции в США тоже приехали 224 дунака и кубанца во главе с Тарасом Агафоновичем Атаманом из числа отказавшихся наотрез ехать в СССР.

Казаки-некрасовцы интересны тем, что сохранили идеалы национально-политических свобод, а их кодекс обычного права позволяет воссоздать древние общинные отношения, забытые под властью Москвы. Но самоизоляция станичников, несмотря на их профессиональные навыки рыбаков и скотоводов и высокий, по понятиям русских чиновников, уровень образования, привела к их вырождению. Отказавшись служить султану, община вымирала в тяжелой борьбе за выживание. Большого успеха добились албазинцы, которые, занимаясь только военным делом, процветали при дворе императора Китая.

Глава 5. Моряки в дальней уkraine

После реформ Петра I Россия целеустремленно и комплексно стала осваивать Дальний Восток. Петербург интересовал проход из Архангельска в Тихий океан Северным Ледовитым океаном. Ранее считалось, что между Азией и Америкой пролива нет, и для выяснения этого пошла экспедиция капитана Беринга в составе лейтенанта Чирикова, ученых-геодезистов и 40 матросов. Затем к ним присоединились лейтенант Шпанберг, гардемарин Чаплин и еще 60 нижних чинов и мастеровых. Часть экспедиции

во главе с Чириковым 24 января 1725 г. (за 4 дня до смерти Петра I) выехала из столицы в Вологду и здесь в начале февраля соединилась с Берингом. Отсюда отряд направился на восток и на сорок четвертый день пути прибыл в Тобольск.

В июне 1726 г. Беринг прибыл в Якутск, а 30 июня 1727 г. — в Охотск, проведя в пути почти 2,5 года. Пополнив запасы, экспедиция отправилась морем из Охотска в Большерецк, что на Камчатке. Отсюда 11 марта 1728 г. моряки сухим путем прибыли в Нижнекамчатск, где и построили палубный бот «Гавриил». Затем 13 июля Беринг с запасами для годового плавания вышел в море и направился на север.

Несмотря на туманы и бурное море, в 1728 г. экспедиции удалось найти пролив между Азией и Америкой. Пробыв более месяца в Чукотском море, моряки впервые исследовали и нанесли на карту северо-восточный берег Азии. Кроме того, Беринг открыл на востоке Камчатки остров, названный позже его именем. Перезимовав в Нижнекамчатске, Беринг построил второй бот «Фортуна» и, назначив на него Чирикова, 5 июня 1729 г. снова вышел в море с обоими судами. В 1729 г. экспедиция открыла морской путь из Тихого океана в Охотское море через 1-й Курильский пролив, нанесла на карту юго-восточное и юго-западное побережья Камчатки.

В 1730 г. Беринг вернулся в Петербург и через год был назначен начальником 2-й Камчатской экспедиции. Суда «Святой Петр» и «Святой Павел» построили только в 1740 г. После этого Беринг прошел морем на Камчатку. Выбрав удобную бухту, он заложил здесь порт «Петропавловская гавань» и 4 июня 1741 г. вышел в море. Первым увидел берега Америки Чириков 15 июля. Беринг увидел берег только 20 июля, это оказался остров Святого Ильи (Каяк).

Так в 1741 г. по пути от Америки к Камчатке Берингу удалось открыть часть Алеутских и Командорских островов. Именем Беринга назвали море в се-

верной части Тихого океана, пролив, отделяющий Азию от Америки, ледник на Южной Аляске. Во время зимовки на одном из островов Алеутской гряды 8 декабря 1741 г. Беринг умер от цинги и похоронен на острове, названном его именем.

Этим окончилась 10-летняя экспедиция 1733—1743 гг., впервые описавшая Охотское море, Камчатку, Сибирь, западные берега Америки, Курильские и Алеутские острова и доказавшая существование «северного хода» в Тихий океан.

Из трудов Беринга географы Европы узнали впервые о существовании этого морского прохода, известного казакам еще за 80 лет до того.¹ Но канцелярия якутского воеводы свято хранила эту тайну, и Петр Великий сам не знал о нем, когда давал поручение идти исследовать восточные берега Сибири. Впрочем, плавая вдоль азиатских берегов, Беринг не заметил берегов Нового Света и не знал в точности, где находится пролив. Долгое время даже сомневались, действительно ли он прошел в эти воды. Потребовалось исследование Кука в 1778 г., доказавшее, что пункты морского берега, снятые на карту Берингом на северо-востоке Азии, были именно те, которые находятся на берегах пролива его имени. С этого времени контуры Сибири стали известны в их главных чертах.

Затем в 1735 г. лейтенанты Прончищев и Лазиниус из Якутска на ладьях спустились вниз по течению Лены, исследовали её дельту и прошли вдоль берегов моря на восток и на запад от устьев реки. Прончищев посетил часть морских берегов на востоке от полуострова Таймыр и прошел далеко в Ледовитый океан. Но ему так и не удалось обогнуть земли между заливами Ленский и Енисейский, ладья, возвратившись в Якутск, принесла его труп.

¹ Знали, но никому не сообщили. Это «знание» подобно «знанию» викинга Эйрика Рыжего, который почти за 500 лет до Колумба побывал в Северной Америке.

Побережье между лиманами Оби и Енисея и западными берегами Таймырского полуострова с 1737 по 1739 г. обследовали Овцын и Минин.

Экспедиция лейтенанта Лаптева после крушения судна в 1739 г. далее продолжалась по суше, но ей удалось исследовать Таймырский полуостров и открыть мыс Челюскина, названного по имени неустрашимого штурмана, выпускника Морской академии, сопровождавшего Прончищева и Лаптева.

Глава 6. Империя времен Екатерины

Екатерина II (1762—1796) не являлась гением внешней политики и не внесла в неё какой-либо творческой идеи. Она, как и все правители тех лет, руководствовалась национальным эгоизмом и действовала обычными средствами дипломатии, а также убедительным красноречием русских штыков.

В начале правления Екатерины Россия легко могла выставить в поле 170 000 войско, а флот ее состоял из 12 линейных кораблей, 26 фрегатов, корветов и 40 галер. Самая необходимая для жизни государства потребность — солдаты — не стоили и половины того, что тратили на их содержание другие страны. Петербург довольно скоро стал уверенно держать в своих руках судьбы Европы.

Империя стала так страшна, что никто не мог рассчитывать на успех при нападении на нее, ибо требовалось пройти огромные пространства и все потерять. А в случае контрнаступления впереди в Европу двигались полчища казаков, башкир и калмыков. Эти кочевые орды хищников и поджигателей могли опустошить цветущие провинции, прежде чем регулярное русское войско вступит в них. Станичники наводили ужас именно своими рейдами по тылам противника. Боясь этого, соседи уклонялись от столкновений с Петербургом, смотревшим на союзы, за-

ключенные с другими народами, как на покровительство, которым он удостаивал своих клиентов.¹

Калмыки считались лучшими из всех нерегулярных войск. Казаки служили только для того, чтоб неприятеля беспрестанно тревожить, присматривать за ним и держать в страхе. Войсковой атаман, как правило, и сам не знал, много или мало станичников пойдет в поход. Среди казаков донцы считались лучшими по боевому искусству и храбрости. Всю надежду в то время они возлагали на предводителя своего, бригадира Ф. И. Краснощекова (1710—1764), которого считали колдуном.

В это время особенно выдвинулся сын захудалого смоленского дворянина генерал-фельдмаршал Потемкин Григорий Александрович (1739—1791). Фаворит Екатерины II стал наместником Новороссии, возникшей на казачьих и татарских землях, покорил Крым и основал Черноморский флот.

Как генерал-губернатор Новороссийский, Азовский и Астраханский, а также начальник всех иррегулярных войск, Потемкин жестоко расправился с яицкими и волгскими казаками, примкнувшими к восстанию Пугачева, уничтожил Низовую республику, земли ее присоединил к Новороссии, а часть запорожцев, переименованных в черноморцев, поселил в Приазовье.

На Дону он видел опору русской власти в классе старшин. Поэтому настоял на признании дворянских прав за ними наравне с русскими штаб-офицерами, а наиболее преданных награждал поместьями в Новороссии. Так, будущий донской атаман М. И. Платов получил от Потемкина в Херсонской губернии 9000, а его брат — 3000 десятин.

Указом императрицы от 15 февраля 1775 г. Потемкин ограничил власть атаманов и установил новые

¹ Здесь автор упрощает международную обстановку и политику императрицы, которая меньше всего думала об особых правах пресловутых «станичников».

границы существовавшей с 1708 г. Азовской губернии, которая охватила земли Дона с трех сторон, отрезав от них часть северных станиц. Новые границы казачьих владений на Дону Екатерина II утвердила как земли, «коих владением казаки донские издревле пользовались».

Все перемены, как и напряженную царскую службу, донцы терпели безмолвно. И Потемкин не стал уничтожать Войско Донское по примеру Сичевой республики.

Нововведения Потемкина лишили казаков большинства их прав, и поэтому как величайшую милость они приняли указ нового императора Павла I не требовать на Дону выполнения «злоупотреблений и сделанных перемен князем Потемкиным».

Запорожцы, которые при Потемкине потеряли свою республику, презрительно называли его «Грицко нечёса».

Другим известным деятелем той эпохи был казак Безбородко Александр Андреевич (1742—1799). Этот сын генерального судьи Гетманщины стал высокопоставленным дипломатом и первым секретарем императрицы Екатерины II. Затем Павел I назначил его на пост государственного канцлера и за выдающиеся услуги возвел в достоинство светлейшего князя. Играя первую роль в сношениях России с Европой, Безбородко и от императора союзной Австро-Венгрии получил графский титул. Реформировал службу связи и учредил Почтовое ведомство России.

Глава 7. Украины в огне

Во времена Екатерины Великой вспыхнуло восстание русских, казахов, башкир и казаков, предводитель которого донец станицы Зимовейской (Потемкинской) Пугачев Емельян Иванович родился в 1736 г. Во время Семилетней войны призванный на

службу, Пугачев, отбыв очередь, вернулся домой на «льготу» в 1762 г. и женился на казачке станицы Есауловской Софье Дмитриевне Недюжиной. С 1769 г. снова в рядах русской армии, но в феврале 1771 г. отпущен по болезни. Лето провел в станице, а осенью назначен в очередь по охране границы у Бахмута. Но по болезни Пугачев воспользовался правом нанять за себя другого казака и возвратился к семье. Однако, окрепнув, ушел и скитался то на Куме-реке, то за Кубанью, между некрасовцами и горцами, то в Польше. Сохранился живописный текст «пашпорта», в котором Пугачев упомянут раскольников. В то время этот заурядный факт отражал стремление казаков сохранить старые церковные и политические порядки на Дону. Даже войсковые атаманы, как выборные, Самуил Лаврентьев и Илья Зерщиков, так и назначенный Даниил Ефремов были староверами.

Когда в конце 1772 г. Пугачев пришел на Дон, то его первым делом арестовали за неизвестную отлучку, а вероятно, и за бунтарские речи. Станичный атаман Трофим Фомин направил казака под конвоем в Нижне-Чискую к сыскному старшине Михайле Макарову. Но Пугачев по пути бежал в Моздок. Когда через 3 месяца вернулся к семье, его снова арестовали и отправили в Черкасск, но и тут он ушел от конвоя за Волгу.

На Дону было тревожно, казаки, надрываясь в непосильных «службах», страдали от принудительных переселений на разные «линии». Очевидец тех событий академик С. Г. Гмелин писал: «Если хочешь бедную тварь в свете себе представить, то должно на память привести донского казака, на линии стоящего... Здесь поступают с ними так, как едва ль прилежный хозяин поступает со своим скотом... Наконец, по прошествии сего несносного времени, возвращается он с своими измученными лошадьми, если только удалось и свою, и ИХ спасти жизнь, в свое отечество беднее прежнего».

Этого даже донцы долго терпеть не могли. Назревало возмущение. Атаман Ефремов и его сторонники почти не скрывали свои «бунтарские» настроения и лелеяли мечту о создании государства казаков, союзных Кавказу. Станичники могли поддержать любого, сулящего им освобождение от тяжелой принудительной службы и возврат к временам вольной воли. Существующим положением была довольна только часть старшин, осыпанных милостями императрицы и ее фаворита князя Потемкина, в том числе и старшие начальники строевых частей, крепко державшие в своих руках дисциплинированных донцов.

Пугачев выражал национальные чаяния казаков, из которых самым главным было, хотя бы и ценой крови, добыть себе возможность заняться свободным трудом и создать благосостояние обедневшим семьям. В отличие от атамана Ефремова, желавшего избавиться от русской опеки, Пугачев хотел «оказать Россию», выступив защитником интересов всего ее угнетенного люда.

Он готовил восстание на Дону. Но русские правители предупредили это. Кругом стояли регулярные войска, часть старшин следила за настроениями казаков и доносила о них. Арестовали атамана Ефремова, и Пугачев, не рассчитывая на открытую поддержку донцов, ушел к казакам Яика, потому что знал об их готовности к восстанию. Здесь гнев народа раскалили постоянные ограничения казачьих прав и недавние жестокие расправы генерала Черепова. Возмущение подогревалось еще фанатичной преданностью гонимой старой вере.

На Яике Пугачев лишь выполнял волю угнетенных казаков. По совету ближайших соратников он окружил себя необходимой для успеха дымкой романтической таинственности и выступил под личиной императора Петра III, свергнутого и убитого в дворцовом перевороте. Еще недавно казаки присягали этому царю, что в глазах народа не было пустой фор-

мальностью, и Пугачев этим пользовался. «Спасшего чудом императора» поддерживали не только яицкие казаки, в его рядах оказались десятки тысяч кайсаков, башкир, калмыков и русских. Началась война с фронтом от Камы до Нижней Волги.

Два года (1773—1774) войска России только оборонялись. В тылу у них восстали крестьяне, которым Пугачев обещал освобождение от помещиков. Станичники не раз громили русские полки, к Пугачеву переходили сотни донцов и казаков с Волги. Кроме малых городков и укреплений, повстанцы иногда владели Казанью, Пензой, Саратовом, Камышином. Крестьяне казнили своих помещиков или, приходя толпами к Пугачеву, прихватывали их с собой на расправу. Но части повстанцев, созданные из крестьян, разбегались по домам при первой встрече с регулярными полками.

В июне 1774 г. от имени императора Петра III Пугачев выпустил манифест, где в Среднем и Нижнем Поволжье объявил казачье самоуправление, а также полную свободу крепостным, с передачей им безвозмездно помещичьих и казенных земель. Эти послания распространялись и на Дону. В них «царь Петр III» скорбел о преследованиях староверов, объявлял свободу совести и обещал освободить от «тех проклятого рода дворян, которые, не насытятся Россиею, но и природных казаков хотели разделить в крестьянство и истребить казачий род».

Однако 21 июня 1774 г. вышел указ императрицы о прекращении на Дону следственных дел по обвинениям в измене и освобождении всех казаков из тюрем. Миф о царе Петре улетучился при первой же встрече Пугачева со знакомыми донцами. А когда тайна развеялась и пало обаяние личности вождя, стали думать о нарушении присяги, начались дезертирство, военные неудачи, измены.

Дом Пугачева, проданный его женой в станицу Есауловскую, привезли на прежнее место, палачи со-

жгли его, пепел развеяли по ветру, а двор посыпали солью. Жену и детей арестовали и вывезли с Дона.

Летом 1774 г. Россия окончила войну с Турцией, и победоносные войска двинулись на Волгу. Шли и 14 донских полков генералов А. И. Иловайского, М. И. Платова, Амвросия Луковкина и других верных царице командиров. Всех их вел доблестный А. В. Суворов, усердно преследовавший пугачевцев, разбитых под Царицыном и скрывшихся за Волгу. У повстанцев пошли разложение и измена. А. И. Иловайский получил Пугачева на Яике из рук его бывших сообщников. В деревянной клетке, закованного в тяжелые цепи, его повезли в Москву. Там Емельяна Пугачева в январе 1775 г. мучительно и позорно казнили.

Этот итог историк С. Ф. Платонов охарактеризовал так: «Восстание, поднятое казаками, постепенно затихло, и в нем вольное казачество спело свою последнюю песню». С тех пор казаки потеряли окончательно свой древний оппозиционный нрав, став послушной пограничной милицией.

Фамилию Пугачева запретили, а для семей этого рода придумали новые — часто оскорбительного и унижающего значения: Дураковы, Остолоповы, Объедовы и т. п. Объедовы, как-то попав на Кавказскую линию, зачислились в Кубанское Войско и там приняли старую фамилию Пугачевых. Из боковой ветки, носившей одно время фамилию Сарычевых, выделилась семья, переписавшаяся в Енисейское Войско с фамилией Даниловых.

Последний из рода Дураковых, Петр Александрович, еще мальчиком попал в эмиграцию вместе с отцом казаком-офицером в 1920 г. Он учился в Донском кадетском корпусе, а потом в Британской школе для русских детей (Буюк Дерё на Босфоре). Оттуда его исключили с группой кадетов за демонстрации против Англии, расформировавшей Донской корпус. Затем он попал во Францию, где окончил Казачьи политехнические курсы и с 1928 г. служил

добровольцем на флоте. В команде крейсера «Сюффрен» обошел полмира и за меткую стрельбу из орудий награжден золотой звездой. Во время Второй мировой войны заслужил два креста и медаль за Африку. В последний день войны около Тулона Петр Александрович сгорел в танке, которым командовал.

Таким образом, Е. И. Пугачева можно считать последним оппозиционным лидером казаков, ставших впоследствии послушной пограничной милицией и зачастую выполнявших функции внутренних войск.

Глава 8. Низовая Волга

В песне о Степане Разине поется, что Волга — это русская река. Однако русской она стала лишь в XX в. При Екатерине Великой на юге от Казани до устья реки Большой Иргиз жили чуваша, мордва, татары. Далее, на обоих берегах, шли колонии (20 500 кв. км), заселенные в 1763 г. десятками тысяч немцев и швейцарцев. Малочисленные французы и шведы вскоре затерялись среди них. Переселенцы получили пособия, семена, инструмент, скот и десятилетние льготы. Вскоре немцы расселились по всему Низу Волги, но не утратили своей национальной культуры и языка.

В промежутках между немцами жили украинцы, занимавшиеся, как правило, перевозкой соли.

На юге и на востоке от Царицына по берегам реки шли русские села, тогда как голые степи, лежащие вправо и влево от Волги, еще в начале XX в. принадлежали кочевникам.

Калмыки занимали 80 000 кв. км степи между Волгой и Кумой. Кроме этого, они кочевали по левому берегу Дона, а некоторые из их родов жили в соседстве с киргизами на востоке от Ахтубы.

Первые роды калмыков, выйдя с гор Алтая, появились на берегах Каспия в 1630 г. Вначале каждую

весну они грабили восток Руси. Но вскоре признали себя подданными Москвы, не забывая своих соплеменников в Азии, вплоть до Тибета.

Но вмешательство русских становилось несносным. Кочевники, отдав пастбища новым хозяевам, а дома — армии, окружавшей их линиями укрепления, оставили надежду на нормальную жизнь и решили уйти на землю предков, на берега озера Балхаш, к подножию Алтая. Зимой 1770/71 г. от 120 до 300 тысяч человек стали переходить со своими многочисленными стадами по льду через Волгу, Яик и Эмбу, направляясь за Урал, в степи Джунгарии. Объезд этого громадного каравана мог продолжаться неделями. Поэтому арьергард не успел перебраться до ледохода на Волге.

Но дошла до цели только треть из них. Киргизы и казахи, собравшиеся грабить иммигрантов, разорвали шествие во многих местах. Около 100 000 калмыков умерли от голода, болезней, жары, холода и нападений казахов. Только несколько тысяч достигли, говорят, берегов желанного озера. Остальным, жившим в степях на Дону, Куме, Манычу, пришлось вернуться в покинутые стойбища.

После этого великого исхода Россия окончательно утвердила свою власть над калмыками, и тысячи их, приняв православие, осели между Симбирском и Самарой, а потом служили в Уральском казачьем войске. Других калмыков, оставшихся против своей воли подданными России, поселили между Волгой, Каспием, Кумой и Доном.

Казахов, живших между Волгой и рекой Урал, называли также Внутренней, или Букеевской, ордой. Их главе — султану Букею в 1801 г. разрешили перенести свои кочевья в песчаные равнины, опустевшие после бегства калмыков. Живя вдали от родных кибиток, они выучили русский язык, носили европейскую одежду, а дети их воспитывались среди русских.

На берегах Нижней Волги выросли многолюдные города. Самый северный из них — Симбирск, упоминался еще в древних татарских летописях как Симбиль. Но как русский город он известен лишь с середины XVI в. Симбирская крепость в 1670 г. остановила победоносное шествие Степана Разина — атамана восставших казаков. Симбирск — родина Карамзина, а также известного русского мыслителя В. И. Ленина.

Город Самара лежит на оконечности так называемой Самарской луки и при впадении одноименной реки. Впервые Самара упоминается в конце XVI в. как оплот Москвы против кочевников. Кое-какие остатки этого старинного укрепления, после того как их последовательно занимали казаки Степана Разина и Емельяна Пугачева (замышлявшие «тряхнуть Москвой»), существовали ещё в конце XIX в. Железная дорога из Петербурга в Оренбург проходила через Самару.

Ниже, на правом берегу, стоит Саратов, основанный в конце XVI в. (если это не древний Сари-Тау, упоминаемый татарскими летописями). Построенный для контроля за кочевниками и казаками, Саратов не раз попадал в руки мятежных атаманов Разина, Некрасова и Пугачева.

На юге от Саратова следуют один за другим по высоким утесам правого берега: Камышин, Дубовка, Царицын. Дубовский посад прежде был главным местом казаков Волги, которых за участие в восстании Пугачева 1771 г. сослали в долины Кавказа. После этого Дубовку заняли украинские поселенцы и беглые со всех провинций.

В середине XIX в. Дубовский посад процветал, так как в этом месте Волга и Дон сходятся на расстояние менее 60 км. И по дороге, ведущей к колену Дона, шли обозы с кладью. Но эта бойкая торговля почти прекратилась после постройки Волго-Донской железной дороги, исходным пунктом которой стал Царицын.

К востоку от Царицына, то есть «города царицы», на восточном берегу Ахтубы стоял Царев, напоми-

навший своим именем о господстве монголов. Несколько земляных насыпей, могильные курганы, груды глазированных кирпичей, обломки глиняной посуды — это, вероятно, остатки древнего Сарая, столицы Золотой Орды. Город опустошил Тамерлан, затем в 1480 г. разорили воеводы Москвы.

В Астрахани торговали, в основном с Кавказом, русские, татары, киргизы, калмыки, хивинцы, персы, армяне, все в национальной одежде, что придавало городу восточный колорит. Поражало почти полное отсутствие женщин на улицах города.

В дельте Волги, видимо, находился древний Атель, или Итиль, — один из главных городов могущественного Хазарского каганата, который в летописях Грузии назывался Хазар. Там же стоял и город Цитрахан — столица царства татар, завоеванного Москвой в 1557 г.

Как и Великий Рим, Астрахань вначале построили на семи холмах, или, вернее, на семи буграх. Но впоследствии прибрежная почва мало-помалу окрепла, и большая часть домов выстроилась на берегу Волги, над которой возвышаются кремль, кафедральный собор, дворец и монастырь. С одной из кремлевских колоколен сброшен по приказу Василия Уса (соратника Степана Разина) митрополит Астрахани Иосиф.

Рядом с православными храмами высились минареты мечетей. Каналы, забитые судами, придавали Астрахани своеобразный вид, отличный от большинства других русских городов.

Эта живописная картина низовьев Волги полезна при реконструкции исторических событий Кавказа и загадочного Тихого Дона.

Каспийская флотилия

Для оживления водного пути, по которому Русь издревле перевозила товары из Хивы, Бухары и Ирана, Петр I пытался расширить торговлю по Волге и Каспийскому морю.

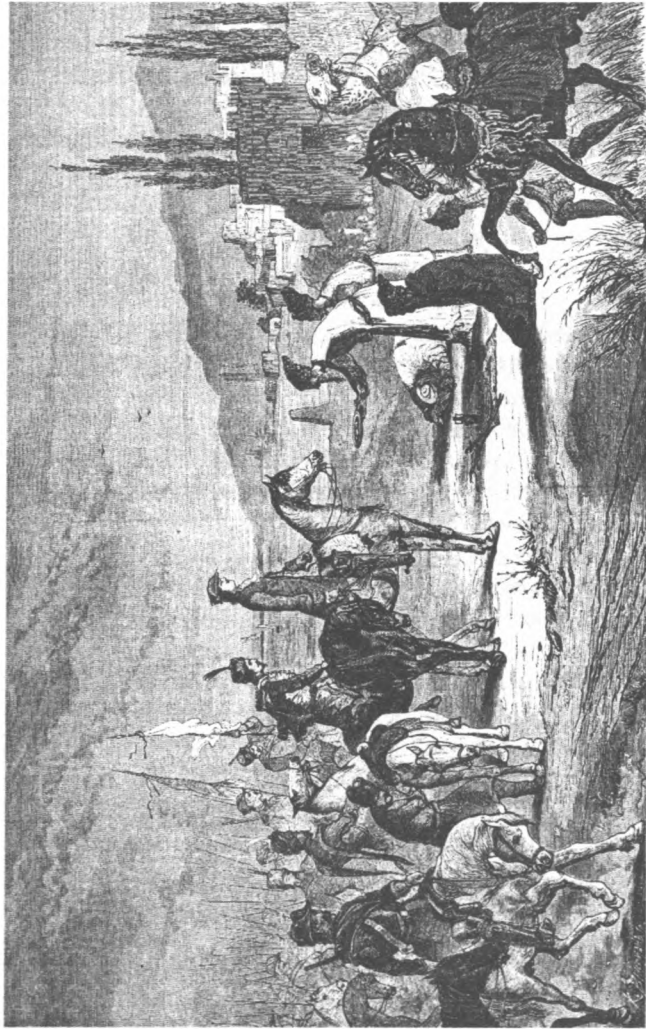
В 1713 г., вынашивая уже более широкие замыслы о Персии и Индии, император послал князя Бековича-Черкасского в Хиву для исследования путей сообщения с Самаркандом и с поручением склонить хана к подданству России. Однако трагическая гибель экспедиции заставила Петра временно отказаться от осуществления своего плана и заняться подготовкой будущих карательных походов.

Для этого в 1717 г. царь приказал провести опись берегов Каспийского моря, осмотреть и изучить пути сообщения с Бухарой и Хивой по древнему руслу Амударьи. К 1721 г. составили первую карту Каспия. С окончанием Северной войны Петр I принял меры для защиты русской торговли на Каспии от персидских разбойников, грабивших караваны купцов. Сознавая необходимость обладания большим побережьем моря для утверждения влияния Петербурга на Каспии, Петр в 1722 г. предпринял первый поход в Персию. Тотчас же на Волге начали строить суда для перевозки войск морем к Дербенту.

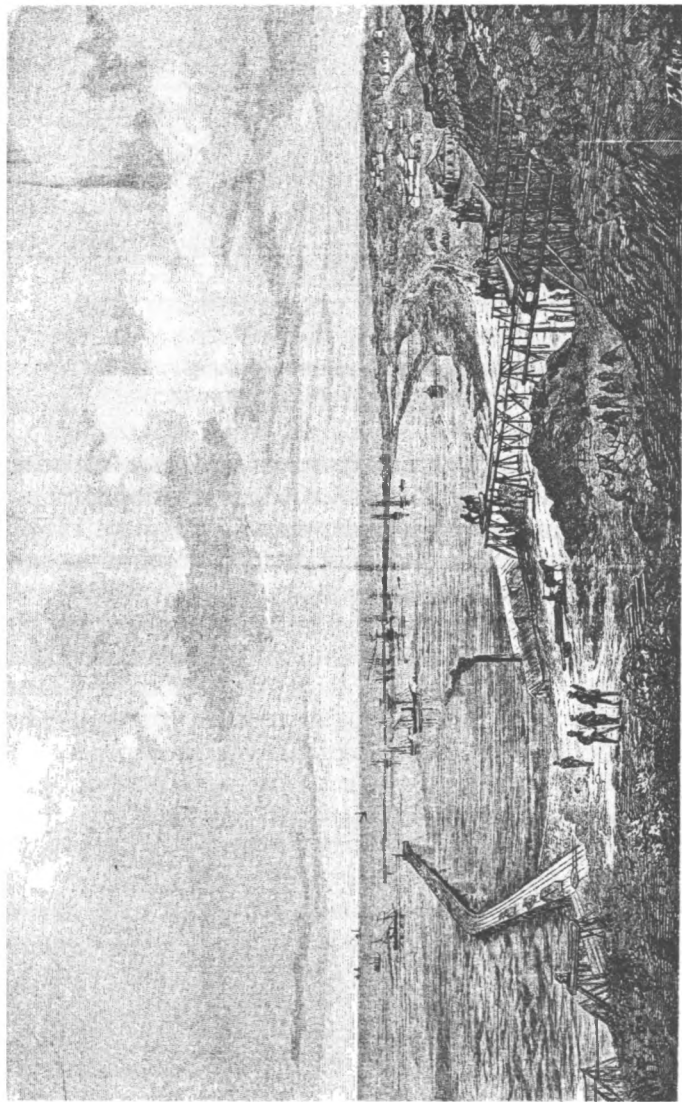
После этого похода Россия получила значительную часть берега с крепостями Дербент, Баку, Астрабад. Успех убедил Петербург в необходимости создания Каспийской флотилии для будущего движения в Персию, охраны новых земель и торговли. Для этого в конце 1722 г. основан стоявший в 95 км от устьев Волги Астраханский военный порт (адмиралтейство, верфи и управление порта). В это время Каспийская флотилия насчитывала уже более 80 военных судов.

Со смертью Петра I интерес к Индии пропал, и русские лишь охраняли торговлю. Но императрица Елизавета (1741—1761) снова обратила внимание на Каспийскую флотилию.

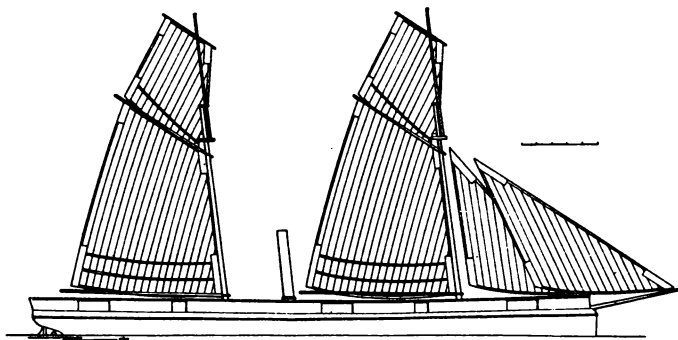
По наущению Британии, опасавшейся движения России на Индию, Персия попыталась организовать военный флот, строя его при помощи англичан и на их средства. Однако заведенный при шахе Надире флот этот, так беспокоивший дочь Петра Великого,

Сдача Дербента Петру Великому

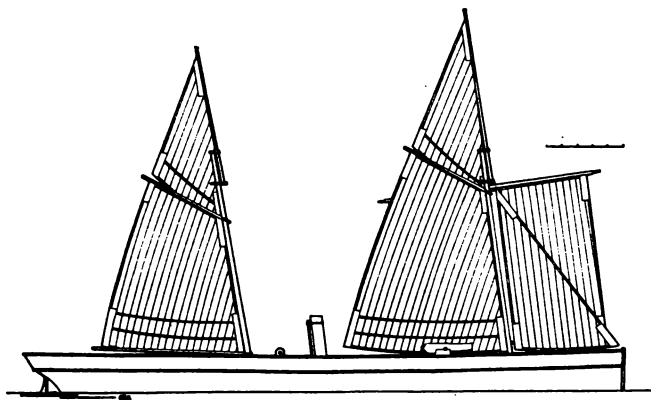
Петровская гавань на Каспийском море, 1870 г.

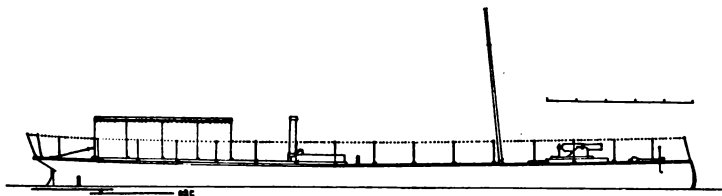
Деревянная канонерская лодка «Тюлень», 1860 г.
Реконструкция И. И. Черникова

уничтожен в 1751 г. Из Астрахани посланы к берегам Персии моряки, которые сожгли там два корабля, построенные англичанином Элтоном. Осенью 1752 г. Елизавета велела повесить каждого моряка на один чин и раздать им 3000 рублей.

После этого в Астрахани судов почти не строили, довольствуясь присланными из адмиралтейства в Каза-

Железные канонерские лодки «Секира» и «Пищаль», 1866 г.
Реконструкция И. И. Черникова

Проект железного мелкосидящего парового баркаса для Астробадской станции, 1862 г. Реконструкция И. И. Черникова

ни. Судостроение пришло в упадок, так как эллинги из-за частого изменения течения Волги и её обмеления оказывались далеко от воды и их приходилось переносить. С 1722 по 1826 г. это случилось три раза.

С конца XVIII в. ряд войн с Персией время от времени поддерживали значение Астраханского порта как базы морских сил на Каспии. С упразднением в 1826 г. Казанского адмиралтейства значение Астрахани естественно возросло, и судостроение здесь стало развиваться.

К 1835 г. в порту базировалось 14 военных судов и 20 транспортов. В 1857 г., с усилением Каспийской флотилии, Астраханский военный порт получил все необходимое оборудование: механический завод с литейными, котельными и другими мастерскими для судоремонта, плавучий док и арсенал. Однако вскоре из-за появившихся в Каспийской флотилии глубокосидящих пароходов морскую базу пришлось вынести вперед. Поэтому Астраханский военный порт, уже не удовлетворявший современным требованиям, в 1867 г. упразднили, а управление и мастерские перевели во вновь основанный порт Баку.

Астраханское войско

Формирование Астраханского казачества прошло при Петре I. В 1722—1723 гг. император для сторожевой службы края приказал привлекать станичников для охраны крепостей, важных дорог и речных

путей. К городам Саратов, Камышин, Царицын, Черный Яр, Красный Яр и построенной в 1742 г. Енотаевской крепости прикрепили команды казаков (от 50 до 200 человек), выделив им земли, рыбные, сенокосные и лесные угодья.

В 1730 г. губернатор Астрахани Бекетов для защиты края от набегов хищников-инородцев, перекочиков и самовольного водворения на нагорном берегу Волги калмыков учредил конную и пешую стражи. По его проекту, с Дона на Волгу выслали до тысячи семей, к которым присоединяли потом местных служилых, добровольно пришедших в край.

Станичники охраняли курьеров до Кизляра, Царицына, Кабарды, Черкесского, а также через степь до Крыма, конвоировали пленных турок, летом патрулировали в лодках на Волге, а зимой выходили к морю для охраны калмыков от киргиз-кайсаков.

Астраханцы охраняли также соленые озера и ватаги рыбаков. Калмыки не выдержали такой тяжелой службы, и почти половина их (59 человек) разбежалась, после этого команду пополнили малолетками донских, волжских, саратовских и других казаков.

В 1737 г. под командованием атамана А. Слободчикова сформировали Астраханскую трехсотенную команду, куда вошли донцы и 200 крещеных татар и калмыков. Затем построили 5 поселений для размещения этих станичников.

В 1750 г. астраханцам выделили земли в 6 км от города, где они образовали слободу, а затем Казачебугровскую станицу. Вслед за этим последовал приказ преобразовать Астраханскую казачью команду в пятисотенный полк из крещеных татар, калмыков, казаков и разночинцев. Полку возле Астрахани отвели земли и рыбные ловли.

С 1760 г. астраханцев, так как число их семей росло (в 1740 г. их было 1637) стали селить станицами по Волге. Это сделало излишней службу волжских казаков, постепенно переселявшихся на Кавказ.

В 1776 г. для упрощения управления различные команды казаков губернии присоединили к полку, а затем всех переформировали в Астраханское казачье войско. К 1777 г. в его состав вошли: Моздокский и Хоперский полки, Гребенское, Терско-Кизлярское, Терско-Семейное и Волгское войска.

В 1784 г. в Астраханское войско включили Енотавскую, а в 1786 году — Черноярскую и Красноярскую казачьи команды. В 1786 г. гребенские, терские, семейные и волгские казаки, а также два полка отделили от Астраханского войска и объединили под названием «поселенных Кавказской линии казаков», а войско в 1799 г. вновь преобразовали в полк.

Тяжкая служба выжимала из казаков все силы. В 1792 г. Военная коллегия признала, что астраханцы, из-за частых, как уже тогда говорили, командировок лишённые своих домов и хозяйства, получая малое жалованье, дошли до изнурения. В это время в полку состояло свыше 700 человек, в том числе и калмыков. Например, в 1794 г. на кордонной линии от реки Узенья до Камыш-Самарских озёр служило с казаками 500 калмыков. Состав полка с годами быстро рос, и в 1801 г. уже числилось 2146 человек, из которых на службе состояло 827 казаков.

Кордонная служба, поглощавшая почти весь состав полка, привела к тому, что астраханцы почти не участвовали во внешних войнах. Известно только, что в 1787 г. часть казаков участвовала в походе на Кавказе.

В 1801 г. Малая Букеевская орда приняла русское подданство, после этого киргизам разрешили переходить через Урал в Приволжскую степь. Это ещё более осложнило службу казаков и потребовало увеличить их численность. В том же году к станичникам присоединили Саратовскую, Царицынскую и Камышинскую команды, а в 1804 г. причислили и 235 волжских казаков села Дубовки.

Астраханцы служили на кордонных линиях: Каспийской — по берегу моря, Ахтубинской — по рекам

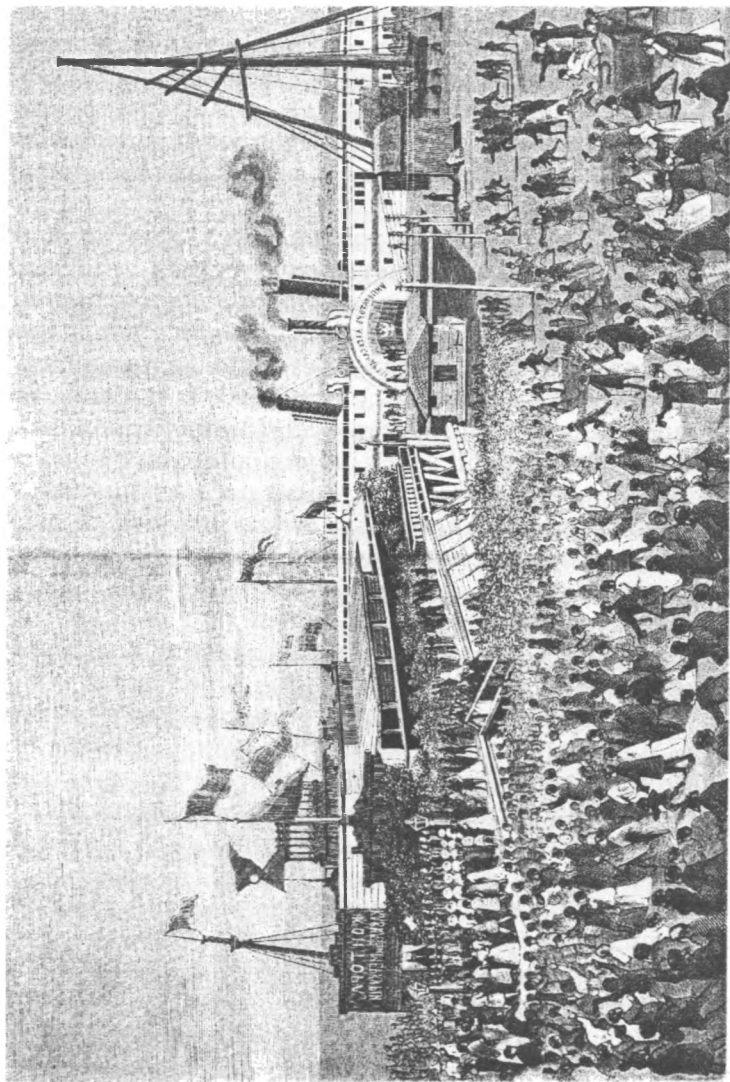
Ахтуба, Елтонской и Узенской, а затем по рекам Кума, Маныч и Туба. Кроме того, они выставляли караулы в калмыцких улусах и по берегу Волги (у хана Букея до 100 человек и т. д.). В 1803 г. из-за уменьшения служащих калмыков с 650 до 300 человек, пришлось увеличить состав Астраханского полка до 1600 человек, чтобы казаки могли нести службу в две смены.

Казаки, как младшие командиры и переводчики в калмыцких полках, участвовали в Отечественной войне 1812 г. В 1813 г. сотня казаков была командирована в Персию, где пробыла до 1816 г. Затем астраханцы отличились в Русско-персидской (1826—1828 гг.) и Русско-турецких войнах.

В 1817 г. старый Астраханский полк, имевший 16 сотен и 6 орудий конной артиллерии, во второй раз преобразовали в войско, укомплектовавшее: 3 полка — № 1, № 2 и № 3 (10 станиц, разбросанных от Астрахани к северу на более чем двухсоткилометровом расстоянии по Волге); 6 казачьих команд (красноярская, жараевская, чернаярская, царичинская, камышинская и саратовская) и бывшие волжские казаки (в селе Дубовка и двух станицах) и 6-орудийную конно-артиллерийскую полуроту. Первым наказным атаманом стал войсковой старшина В. Ф. Скворцов. Казаки по-прежнему несли кордонную службу.

Служба в войске улучшила боевую и строевую подготовку казаков. До этого астраханцы, одетые в разные армяки, архалуки, бешметы и прочее, вооруженные копьями, луками и т. п., мало напоминали войсковую часть. Теперь же произошла разительная перемена во всем, начиная от внешнего вида казаков, получивших униформу, вооружение (шашка, пика) и начавших служить под знаменами полков.

В 1823 г. реорганизованное войско стало нести и боевую службу. С 1830 г. управлял астраханцами командующий Кавказской линией и Черноморский войсковой атаман.

Посещение императором Александром II Астрахани в 1871 г.

Казаки служили 30 лет (25 полевой и 5 внутренней). Служба войска после замирения края, усиления состава и принятия мер для облегчения снаряжения офицеров и казаков (создав особые для этого денежные фонды) постепенно стала менее напряженной. В 1836 г. кордонная служба существенно облегчена, так как число линий сократилось с четырех до трех: Каспийская, внутренняя Астраханская и Уральская.

С 1869 г. Астраханское войско вместо трех полков стало содержать один четырехсотенный, причем срок службы казаков сократился до двух лет с ежегодной сменой половины полка. При этом в штабе полка всегда оставалась сотня, постоянно занимавшаяся строевыми учениями и стрельбой и бывшая одновременно учебной частью для станичников, которые все отбывали здесь двухгодичную службу. Прочие же сотни высылали команды: в ставку хана Внутренней киргизской орды, в калмыцкие улусы, для конвоирования почты по Астрахано-Кизлярскому тракту, а также для полицейской службы в Астрахани и Красном Яре.

В начале XX в. астраханцы выставляли в мирное время один, а в военное — три конных полка. Общий срок службы астраханцам установили в 19 лет и сняли с них обязанность посылать наряды в ставку хана Внутренней Киргизской орды.

С 1906 г. казаки начали служить в гвардии и высылали взвод, входивший в состав лейб-гвардии Сводно-казацкого полка.

Станичники искони отличались высокой грамотностью (свыше 60% всего населения). Средства для жизни казаки добывали хлеборобством, скотоводством и рыболовством.

В 1913 г. население войска насчитывало около 40 000 человек обоего пола, из них на действительной службе в мирное время состояли свыше 540 казаков. Казаки с семьями проживали в 20 станицах, 26 хуто-

рах и 13 поселках. Войско владело 808 000 десятин земли.

В Первую мировую войну казаки выставили три конных полка, особую сотню, гвардейскую полусотню и батарею — всего 2600 человек.

В 1917 г. астраханцы после разгона Учредительного собрания попытались противостоять захвату власти большевиками, но потерпели поражение. Казаки в массе своей не поддерживали переворота большевиков, но и не приняли активного участия в Белом движении, хотя формирования астраханцев находились в составе войск А. И. Деникина. В конце 1920 г. Астраханское казачье войско ликвидировано.

Глава 9. Южный Урал

Продвижение на юг Урала началось еще во второй половине XVI в., при Иване Грозном, когда в Поволжье поставили укрепленную линию. В XVII в. казаки Сибири возвели на побережье реки Исеть остроги: Красный Бор, Усть-Миясский, Исетский, Комендантский, Колчаданский, Шадринский, Белоярский и другие. Эти места заселялись казаками с Волги, Дона и Днепра. Их усилиями возведены передовые форпосты.

В начале XVIII в. Петербург стал осваивать отроги гор Южного Урала вместе с примыкающими к ним кочевыми степями. Вольные башкиры позволили поставить пограничную линию, тянувшуюся от Каспия вдоль Яика (Урал) до Уральских гор. Находившиеся в крае 2000 сибирских и 500 яицких казаков укомплектовали гарнизоны укреплений, в том числе городки Магнитная, Орск (1735). В 1735 г. в сюда прибыли 1000 донских и 2000 яицких, 150 уфимских и 200 самарских казаков. Через год в казаки записаны крещеные мещеряки, отставные солдаты и беглые с Яика. Вскоре к ним перевели казаков Уфы и через год — Самары и Алексеева.

В 1742 г. построен Оренбург. Для Руси характерна страсть начальства к переименованиям, поэтому здесь надо дать пояснения. Первоначально Оренбург основан в 1735 г. при впадении в Яик его притока Орь, от которого и пошло название города. Крепость Оренбург, этот оплот России от Средней Азии, окружал забор из плетня, осыпанный землей. В эту «твердыню» командиры ездили раз в год с многочисленным конвоем, потому что по всей линии регулярных команд казаков тогда не было. Зимой же сообщение между Самарой и яицкой линией и вовсе прекращалось.

Губернатор И. И. Неплюев в 1742 г. объехал линию, назначил места сел и как укрепить их для обороны от бандитов Степи, снабдил всех гарнизонами и артиллерией. Оренбург он переименовал в Орскую крепость, приказал укрепить ее валом с бастионами, но счел неудобной для торговли и выбрал для этого место на 266 км ниже по течению Яика, в угол при слиянии с притоком Сакмарой, основал тут новую крепость и назвал ее опять престижным именем Оренбург. Эту крепость укрепили рвом и облицованным камнем валом в окружности около 5 км. Неплюев привлекал сюда купцов из Самары и других мест, ютился в землянке и вошел во вновь построенный свой командирский дом не ранее как другие начали жить в своих домах, а гарнизон — в казармах. После этого он уже не возвращался более в Самару, или в Русь, как тогда говорили казаки.

После объединения в 1742 г. Уфимской, Ставропольской и Исетской провинций в Оренбургскую губернию 1360 исетских казаков пополнили камскими и уфимскими. В крепости Челябинская находился атаман Исетского казачьего войска. Сюда же добавили «смоленскую шляхту» (военнопленных, со времен Ливонской войны живших в районе Самары). С юга России в край переселили 849 добровольцев, 1000 городских казаков перевели с белгородской черты, симбирской, царицынской и других укрепленных линий.

В 1748 г. из всех казачьих формирований края создали Оренбургское нерегулярное войско в составе: Оренбургского нерегулярного корпуса, оренбургских казаков из крепостей на реках Яике и Самаре, казаков Ставропольского края, Уфимской и Исетской провинций. Всего войско насчитывало 4493 станичников, подавляющее большинство которых составляли казаки и около четверти — калмыки, башкиры, татары и другие коренные народы.

В начале Оренбург населяли лишь строители и казаки. Несмотря на предложенные льготы в торговле, купцы не спешили прибывать из Руси на эту отдаленную Украину с суровым континентальным климатом и опасным соседством непокорных еще кочевников. Под конец правления Неплюева, то есть к 1755 г., в городе жили 29 купцов, явившихся сюда после длительных уговоров и принуждений из Уфы и Самары. Купцы присылали на торги только своих приказчиков, а сами долго еще не решались приезжать в Оренбург. Дальнейшему развитию торговли стало угрожать легкомыслие русских, которые, обманывая азиатов, привели рынок в упадок.

В 1755 г. восстали башкиры, так как ревнители пророка Магомета не могли более переносить подчинения православным. Вождем стал мулла Батырша. Губернатор И. И. Неплюев, как нарочно, сильно заболел в это время. Но, несмотря на болезнь, он послал приказы в крепости по линии, чтоб готовились к обороне и атаковали бунтовщиков.

Губернатор велел немедленно выслать с Яика 1000 казаков, двинул внутрь Башкирии три полка с приказом не щадить ни людей, ни жилищ для внушения страха. Написал, чтобы прислали четыре полка из Казани.

Так как башкиры надеялись на казахов, Неплюев написал наместнику Калмыцкого ханства Дундуку, чтобы прислал 1000 калмыков против казахов, которых калмыки страшно ненавидели. Написал к дон-

скому атаману, чтоб прислал 1000 казаков. Кроме того, 1000 оренбургских станичников и 500 ставропольских крещеных калмыков отправились в те места по линии, где ожидалось нападения.

К казахам И. И. Неплюев отправил на татарском языке подметные письма от имени жившего в Оренбурге знатного мусульманина, пользовавшегося особенным уважением. В письмах предупреждалось о вероломности и коварстве башкир и предостерегалось, чтобы казахи, оказав им помощь, не стали первой их жертвой. А между башкирами разбросали такие же подметные письма с увещанием прекратить бунт. В грамотах от своего имени Неплюев обещал 1000 рублей тому, кто поймает и приведет Батыршу, и 500 рублей за поимку 10 лучших его последователей.

Но прежде чем войска империи двинулись с места, башкиры погубили много русских, причем со страшной свирепостью резали в куски тело несчастного, попавшегося им в руки. Сильное сопротивление бунтарям оказали тептери и мещеряки; когда же пришли русские полки, то башкирам, численностью вместе с женами и детьми более 50 000 душ, пришлось перебраться за Яик к казахам.

Неплюев послал в Орду грамоты, в которых требовал, чтоб они выдали бежавших к ним башкир мужчин или выгнали их, а жен, дочерей и все имущество взяли себе. Казахи немедленно исполнили это. Многие башкиры погибли, защищая своих жен и дочерей, другие побежали назад, и Неплюев велел пропускать их, чтоб они рассказали своим, как полагаться на казахов. Толпа башкир явилась после того к Неплюеву за разрешением отомстить обидчикам. Неплюев не позволил, но переводчики внушили им, что «если вы без спроса разобьете казахов, то думаем, что взыску с вас не будет». Башкиры отправились за Яик и опустошили улусы казахов. «Сие происшествие,— писал Неплюев,— положило такую вражду между этими мятежными народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна».

Коренное население края составляли казаки Яика. Затем к ним добавили волгских станичников из Самары и городских казаков из Уфы. Так что Оренбург вначале был преимущественно городом казаков. Несколько позднее для работы на промыслах и заводах сюда стали стогнать государственных крестьян. К 1760 г. в казачьей слободе города и в рабочем поселке насчитывалось 2866 домов при девяти церковных приходах. Казаки занимали также укрепленный меновой двор, вынесенный недалеко в степь с амбарами для товаров и даже с церковью.

Россия неотвратимо продвигалась в Среднюю Азию. И, после того как граница передвинулась за Туркестан к высоким нагорьям Центральной Азии, крепость Оренбург утратила свое стратегическое значение. Однако город обрел более важную торговую роль. С 1826 г. караваны численностью в 10 и более тысяч верблюдов ежегодно привозили сюда хлопок и другие продукты, а взамен увозили в Среднюю Азию мануфактуру. Уже во второй половине XIX в. Оренбург стал крайним пунктом сети железных дорог Европы. На всем протяжении до Лиссабона и Кадикса после постройки самарского моста через Волгу шла нигде не прерывающаяся 6900-километровая линия рельсового пути.

В начале XIX в. Оренбург стал важным пунктом меновой торговли с купцами Средней Азии, прибывавшими из Кашгара, Хивы, Бухары и Ташкента. В городе насчитывалось свыше 80 000 жителей, 10 лечебниц, 6 библиотек, 14 средних учебных заведений, в том числе военное училище и женский институт, 25 низших школ; велась переработка продуктов скотоводства и производство стали.

Всех казаков, оказавшихся в границах вновь созданной Оренбургской губернии, свели в служилое войско с наказным атаманом во главе. Войсковой штаб помещался в Оренбурге, который со временем стал также одним из уральских горнопромышленных

центров. После Октябрьского переворота 1917 г. и торжества соввласти (так называли станичники диктатуру большевиков) город потерял свой казачий облик и переименован в Чкалов.

Казачи Яика

Последними сдали свою древнюю автономию станичники Яика. В Северной войне 1701—1709 гг. войско участвовало почти в полном составе (2100 казаков), при этом легендарный Рыжечка (Е. Замаренов) победил в единоборстве лучшего воина Швеции.

После победоносного похода Яик надеялся на льготы и привилегии, но в ответ получил ужесточение контроля. Недовольство усилилось в последние годы правления Петра I, когда в 1720 г. он потребовал безусловного повиновения и регулярной службы, казаки возмутились, узрев в этом нарушение многовековых устоев и договорных отношений с Русью. Но, понимая, что открытая борьба с северным монстром им не под силу, станичники сожгли свои городки, собираясь переселиться в заяицкие степи к казахам.

Однако русские окружили казаков и тяжелой рукой ввели их в империю.

В 1723 г. чиновники переписали 3196 казаков, объявили им обязанность нести пограничную службу, выставляли на войну боевые отряды и сумму годового жалованья всему Войску Яицкому (1500 руб.), дела которого передали из Посольского приказа в Военную коллегию. Атаман и канцелярия стали назначаться. Первым наказным атаманом войска был Григорий Меркурьев.

Но казаки, потеряв право контролировать и смещать своих начальников, не смирились. Не раз вспыхивали восстания, жестоко подавлявшиеся силой. Станичники умирялись пытками, расстрелами, виселицами, ссылками в Сибирь, в солдатские полки.

Все это, а также хамское отношение к старой вере привело к тайной неприязни казаков ко всему русскому.

В 1748 г. войско комплектовало 7 полков по 500 казаков и 8 офицеров в каждом. За добросовестную службу яицкие казаки в первой половине XVIII в. были награждены 15 полковыми и 15 станичными знаменами.

Мало-помалу казаки утрачивали свою независимость. Из формальных подданных они стали фактическими, то есть познакомились с батогами и кнутом. Оренбургское правление дошло в своем усердии до того, что запретило им носить бороду и даже употреблять крестное «раскольничье» знамение. Но насилия иногда кончались трагически для самих усмирителей. Так, в 1771 г. Яицкий городок стал ареной ожесточенного восстания. Казаки вырезали русский гарнизон, а его начальника, генерала Траубенберга, приказавшего солдатам стрелять по войсковому кругу, порубили шашками вместе с атаманом Григорием Тамбовцевым, ставшим в защиту карателя, а всю войсковую канцелярию посадили под стражу. Успокоить разбушевавшиеся страсти удалось только миром и уступками, сделанными не особо рьяным представителем русской власти Саввой Мавриным, который восстановил войсковой круг, освободил арестованных, отменил новое Положение об управлении казачьими войсками, очень непопулярное среди казаков, и, наконец, справедливо распределил присланное «жалование».

Но в 1772 г. русские подавили мятеж и предали смерти, тюрьме и ссылке тысячи повстанцев. Власть взял в руки присланный из России комендант. В центре Яицкого городка оккупанты соорудили крепость для сильного русского гарнизона, ликвидировав даже иллюзию самоуправления казаков. Усилилось и угнетение староверов, усугубившее еще больше неприязнь к русским.

Недовольство усилилось и в 1773 г. с появлением в крае отрядов Е. И. Пугачева — большинство казаков охотно откликнулись на его обещание пожаловать их «крестом и бородой, реками и лугами, деньгами и съестными припасами, свинцом и порохом и вечной волей». Служа самозванцу, казаки Яика составили отборные части его вооруженных сил. Казаки, калмыки, башкиры и татары уничтожали и изгоняли со своих земель в Заволжье (от Царицына до Казани) всех русских «начальных людей». Но, в конце концов, повстанцы уступили силе и смирились. За свой «бунт» казаки дорого заплатили: кровью сотен казненных, рваными ноздрями, беспощадно драными, сосланными в Сибирь.

Разгневанная императрица Екатерина II намеревалась полностью уничтожить войско, но затем смиростивилась и приказала переименовать реку Яик в Урал, остатки войска — в Уральское казачье войско, а Яицкий городок — в Уральский. Все пушки у казаков отобрали и навсегда запретили иметь артиллерию. В городке оставили русский гарнизон.

Так, с 1775 г. яицких казаков стали называть уральскими, а их вольная некогда община преобразована в Уральское казачье войско.

Император Павел I полностью простил уральцев. Свое доброе к ним отношение он подтвердил тем, что в 1798 г. сформировал лейб-уральскую сотню, первым командиром которой стал сотник Севрюгин. Войско, как и прежде, стало посылать казаков на войны, в которых участвовала Россия.

Службу уральских казаков упорядочило в 1803 г. Положение об Уральском казачьем войске, состав которого определялся лейб-уральской сотней и десятью конными полками. В 1819 г. в войско включили казаков Илецкой и Сакмарской станиц, которые стали формировать два новых полка — № 11 и № 12.

В войске утвердился особый способ комплектования — наемка, которая давала возможность за день-

ги добровольно нанимать казаков на службу вместо очередников.

При императоре Николае I (1825—1855) половина уральских казаков-староверов, уступив давлению, «воссоединились» с русской православной церковью; но в войске еще осталось немало раскольников, мусульман и буддистов. Станичники по-прежнему не могли выбирать свою старшину, их старинное общинное устройство, а круги упразднили. А с 1833 г. их наказной атаман даже не выбирался из среды войска. Власть начальников увеличили за счет вольностей казаков.

В середине XIX в. население войска составляло 72 000 человек обоего пола, из них на действительной службе находилось 6870 казаков. С созданием в 1868 г. Уральской области войско вошло в ее состав, подчинялось военному губернатору, он же — наказной атаман. Казачьи поселения разделялись на станичные округа с окружными атаманами во главе. В поселках и станицах общины избирали своих станичных атаманов. Войско выставляло один лейб-гвардии Уральский казачий эскадрон, девять конных полков и учебную сотню. Наемка сохранялась, но с 1874 г. вводилась для каждого казака с 19 лет до 41 года военная служба. Уходящим на службу выплачивалось денежное пособие на приобретение обмундирования и снаряжения. Каждый казак призывного возраста в течение трех лет служил один год в строевых частях, а для льготных назначались обязательные учебные сборы.

С 1874 г. для уральцев ввели обязательную военную службу, тогда как прежде община посылала казаков по добровольному их согласию. Недовольных этим ссылали в Сибирь и Среднюю Азию.

Уральцы примирились с прямым подчинением власти императора. Они честно выполняли воинский долг соответственно принятой присяге и не раз способствовали росту славы русского оружия, хотя и потеряли право иметь свою артиллерию.

Когда покорились и соседние казахи, а границы Уральской области ушли далеко в степи Средней Азии, казаки освободились от необходимости постоянно охранять берега реки Урал и получили возможность переселяться внутрь своего края, где после этого появилось много новых земледельческих станиц и посёлков.

Среди них, конечно же, выделялся Уральск, расположенный на крутом повороте реки Урал в том месте, где она поворачивает прямо на юг. Примечательно, но этот столичный город яицких казаков, стоявший на рубеже Европы, формально считался азиатским, хотя он и находится на правом берегу Урала. Дело в том, что во времена блистательного Петербурга евразийская идеология приравнивалась к публичным рассказам неприличных анекдотов. Поэтому, желая еще раз унижить непокорных станичников, всю эту «вольницу» и «казацких разбойников» причислили к азиатам.

В связи с этим следует заметить, что комплекс евразийства, видимо, характерен для бывшего улуса Золотой Орды. Перефразируя слова поэта, можно сказать, что «стрела татарской злобной воли» вошла в подсознание элиты Москвы.

Особое место в хозяйстве войска и основе его экономики занимало рыболовство на заповедной реке Урал. Места, с давних пор отданные казакам, славились ценными породами рыб: белугой, осетрами, сазанами и др. Лов рыбы велся три раза в год: зимой — багренье, весной и осенью — плавни.

Ниже Уральска казаки устраивали каждый год поперек реки так называемый учуг, или загородку из толстых кольев, которая не позволяла рыбе, идущей из Каспия, подниматься дальше вверх по реке. Этот учуг служил границей между верхними вольными водами, где все могли ловить рыбу, — казаки, башкиры и казахи. И только нижняя часть реки предоставлялась в исключительное пользова-

ние войска. Вдоль реки стояли казачьи посты, удалявшие браконьеров и детей, крики которых могли бы испугать рыбу. Атаман назначал дни и места лова, и, когда наступал назначенный момент, река вдруг покрывалась казаками, вооруженными острогами и другой рыболовной снастью. Тогда начинался бой рыбы, который доставлял войску годовое продовольствие.

Об этом старинном способе рыбалки — багренье вспоминал в эмиграции изгнанный с родины уральский казак Л. Масянов: «Для казаков багренье было торжеством, настоящим праздником. Выезжали целыми станицами, всеми семьями. Казаки выстраивались на обоих берегах Урала длинным фронтом и ждали: около 9 часов утра специально назначенный „багренный атаман“ давал знак к началу багренья. Казаки выходили на лед и пешнями прорубали во льду небольшие проруби. Рыба, напуганная шумом, поднималась и шла подо льдом, но натыкалась на своем пути на багры. Первый день багренья по обычаю был особым, царским багреньем. Царю в дар войско отправляло по традиции весь улов».

В начале XX в. войско располагалось на территориях современных Уральской и Гурьевской областей (республика Казахстан), небольшой части Оренбургской области. В 1913 г. население насчитывало около 166 000 человек обоего пола, из них на действительной службе в мирное время состояли более 2500 казаков, которыми комплектовались гвардейская сотня, три конных полка, отдельная сотня и две конные команды.

Казаки с семьями проживали в основном в 30 станицах, 450 поселках и хуторах. Столицей (штаб-квартирой) войска являлся город Уральск.

Уральцы до начала XX в. сохраняли общее пользование земель и рекой, которая в пределах войска принадлежала только казакам. Войско владело 6,4 млн десятин земли, причем наделами каждое казачье по-

селение пользовалось по своему усмотрению, на основании решений казачьих сходов.

В Первую мировую войну уральцы выставили 9 конных полков, 2 конные команды, 6 особых конных сотен, гвардейскую сотню, 3 запасные сотни, конную батарею — всего 13 000 человек.

После падения самодержавия уральцы восстановили казачье самоуправление и на Большом Круге приняли старинное наименование войска — Яицкое. В годы Гражданской войны казаки единодушно выступили на стороне Белого движения и в большинстве погибли в боях. Войско воевало под лозунгом «За Веру, Родину, Яик и Свободу». Уцелевшее казачье население частью эмигрировало, оставшиеся казаки подверглись массовому террору. В конце 1920 г. войско официально ликвидировано. Территория войска в подавляющем большинстве отошла к Казахстану.

Оренбургское войско

Оренбургское казачье войско создано в 1755 г. по проекту губернатора И. И. Неплюева и обер-секретаря правительствующего Сената И. К. Кирилова. Но старшинство его службы вели от 1574 г., то есть когда городок Уфа занял казачий гарнизон.

К основным кадрам войска добавили казаков Сибири, Верхнего Дона и Тамбова. В следующие 10 лет сюда же попали запорожцы и штрафные с Нижнего Дона. В казаки верстались солдаты, а также и прежние хозяева края, башкиры и нагайцы. Среди казаков оказался и хотон калмыков. Поощрялся переход мусульман и буддистов в православие, но очень многие оставались в прежней вере, а если и переходили в православие, то только формально и понимали его довольно своеобразно. Но служба с природными казаками в полках и на линии отразилась на духовности недавних кочевников.

Численность войска возросла до 5877 казаков, из которых только 1797 человек получали жалованье. Безжалованные содержались за свой счет и выставляли на службу четверть своего состава. Управлял войском войсковой атаман Матвей Шилов, а при нем — войсковая канцелярия с войсковым есаулом и писарем.

Территория войска делилась на четыре дистанции: 1) от Усть-Уйской крепости до города Верхнеуральска; 2) от Верхнеуральска до Орска; 3) от Орска до Оренбурга; 4) от Оренбурга до Уральска. Вся пограничная линия, длиной около 2000 км, тянулась от Каспийского моря до Тобола.

Казаки служили бессрочно, в отставку увольнялись лишь небоеспособные из-за ранений. Станичники приобретали за свой счет две строевых лошади и вооружение. Станичники служили в разъездах и караулах, преследовали в степи неприятеля, конвоировали почту, груз, проезжающих и арестантов, вели крепостные и строительные работы. А также несли земскую, натуральную, денежную и многие другие повинности.

Край изобиловал рудами, солью и даже золотом. Когда стала развиваться промышленность, то сюда направили тысячи русских рабочих, живших в городах и вокруг предприятий. Отдельно жили мусульмане.

Станичники, охраняя уклады, занимались земледелием и скотоводством, хотя этот обширный край и не отличался изобилием из-за малоурожайной почвы и засухи. Малоодоходным оказалось и скотоводство. Но овцы и козы позволили производить знаменитые оренбургские пуховые платки, вуали и перчатки.

До завоевания Туркестана казаки, при постоянной службе на редутах и пикетах, охраняли новоприобретенные земли от набегов азиатских кочевников.

Во время восстания Пугачева часть оренбуржцев самоотверженно отражала нападения мятежников.

Крепости по линии Рассыпная, Нижнеозерная, Чернореченская повстанцы полностью разгромили, а их гарнизоны и жителей вырезали. Другая часть активно помогала пугачевцам. Казаки крепостей Самарской линии переходили к бунтовщикам, а крепость Самара сдали без боя. Атаманы Борской и Тоцкой крепостей Н. Рогожников и Н. Чулошников не просто перешли на сторону Пугачева, но стали его доверенными лицами и управляли захваченными территориями.

При продвижении России на юго-восток оренбуржцы понесли много потерь. В то же время некоторые их полки уже в конце XVIII в. участвовали в войнах России с Францией и Турцией.

В 1803 г. войско состояло из пяти кантонов и Оренбургского казачьего тысячного полка с форменным обмундированием. Офицеры войска приравнены к армейским так: полковник — армейский майор, есаул — ротмистр, сотник — поручик, хорунжий — корнет. С 1808 г. войско подчинялось генерал-губернатору, а в гражданском отношении — губернскому начальству.

В Отечественную войну 1812 г. оренбуржцы выставили три полка — № 1, № 3, Атаманский (тысячный) и два тептярских полка, затем в 1813—1814 гг. они сражались в Германии и во Франции. В память об этом на территории войска возникли поселки с красочными названиями — Фер-Шампенуаз, Берлин, Париж, Варшава и другие.

В 1825 г. численность населения превысила 56 000 человек обоего пола (в том числе казаков на действительной службе свыше 10 000 человек) и затем непрерывно увеличивалась за счет отставных солдат, казенных крестьян, башкир, калмыков, киргизов, казахов, военнопленных поляков и др.

В 1840 г. по ходатайству и представлению наказного атамана, генерал-адъютанта графа В. А. Перовского утверждено положение об Оренбургском ка-

защем войске в составе 10 полков и 3 батарей. Войско делилось на 10 полковых округов, составлявших два военных округа.

В 1842 г. к астраханцам причислено Ставропольское калмыцкое войско (тысячный полк крещеных калмыков).

В 1867 г. войско комплектовало: 15 конных полков, 9 пеших батальонов, 3 конные батареи.

В 1876 г. комплект изменен: в мирное время — 5 конных полков, 2 батареи по 6 орудий и 2 батареи по 4 орудия; в военное время 17 конных полков, 8 конных 6-орудийных батарей и 1 запасная 4-орудийная конная батарея. Для внутренних нужд формировали три местные команды — Оренбургскую, Верхнеуральскую и Троицкую. Строевая служба казаков облегчена (15 лет — полевая и 7 лет — внутренняя), допускался добровольный обмен очередями и наем друг друга на полевую службу. Разрешалось комплектование служилого разряда жеребьевкой.

В течение 30 лет оренбуржцы были участниками походов в Среднюю Азию. После того как Петербург продвинулся в Туркестан, станичников перевели с территориальной службы к воинской повинности в иррегулярных полках, со своим конем, сбруей, холодным оружием и обмундированием.

В 1894 г. во всех трех отделах Оренбургской губернии проживало казаков 350 614 душ обоего пола. Они размещались в 44 станицах; иногородних жило по городам 17 000, а мусульман вне «казацкой службы» — 31 872 человек.

В начале XX в. войско располагалось на территориях современных Оренбургской, Курганской, Свердловской и Челябинской областей (Российская Федерация) и на севере Республики Казахстан.

Оренбургские казаки имели высокий процент грамотности, работали 452 учебных заведения, в средних школах за счет войска обучались 168 юношей и 12 студентов русских высших школ. В Оренбургском

казачьем училище готовилась к производству в офицеры молодежь для тех войск, у которых не было своих военных училищ.

В 1913 г. население войска насчитывало около 533 000 человек обоего пола, из них на действительной службе в мирное время состояли свыше 5000 казаков, комплектовавших гвардейскую сотню, 6 конных полков, 2 отдельные сотни, 3 конные батареи и 3 местные команды. Казаки с семьями проживали в 61 станице, 533 хуторах, 446 поселках и 71 выселке. Войско владело 7,4 млн десятин земли. Столицей (штаб-квартирой) войска являлся город Оренбург.

В Первую мировую войну оренбуржцы выставили 16 конных полков, 33 особые конные сотни, 7 артиллерийских батарей, 2 отдельные сотни и 1 гвардейскую сотню — всего около 26 000 человек.

После провозглашения соввласти войско одно из первых выступило против большевиков и втянулось в братоубийственную бойню. В конце Гражданской войны оренбургские белоказаки начали массовые сдачи и переходы на сторону противника. В конце 1920 г. Оренбургское казачье войско ликвидировано.

Глава 10. Покорение Кавказа

В начале XIX в. недавно примирившиеся Санкт-Петербург и Париж затеяли так называемый великий проект против Британии. В то время Ост-Индская компания не только захватывала новые земли в Индокитае, угрожая колониям Франции, но и двигалась в сторону Кавказа и Средней Азии. Поэтому императоры двух континентальных держав Бонапарт и Павел I, объединенные ненавистью к морской сверхдержаве тех лет, договорились о начале войны в самой Индии.

Царь первый задумал «великий проект», к выполнению которого предполагал привлечь войска обеих

стран. Русскую армию численностью в 25 000 человек регулярного войска и 10 000 казаков предполагалось собрать в Астрахани. Французская же под командованием Массена (35 000 человек, взятых из рейнской армии) должна была спуститься по Дунаю до его устья, переплыть Черное и Азовское моря до Таганрога, а затем отправиться в Астрахань. Здесь триумфатор Массен, назначенный для новой должности самым рыцарски настроенным царем, мог принять командование соединенными силами. Затем союзникам предстояло, переплыв Каспийское море, высадиться в Астрабаде и пройти Персию и Афганистан, по пути раздавая шахам, мурзам и ханам самые изящные изделия промышленности Франции.

Бонапарт серьезно изучал проект. Сохранились его замечания и ответы на них Павла I. Так как император Франции покровительствовал Академии наук, то в штатный состав армии предусмотрительно включили многих выдающихся ученых, художников, воздухоплавателей и искусных техников тех лет.

Петербург даже начал осуществление плана и давал казакам на переход от Оренбурга до Инда 3 месяца. Павел I рассчитывал открыть новые рынки и нанести смертельный удар Англии. Все богатства Индии предназначались в награду казакам.

Генерал от кавалерии В. Д. Орлов по указу императора от 12 января 1801 г. выслал в поход на Индию 40 полков «одвуконь» и 2 артиллерийские роты (23 000 донцов). Их авангардом командовал походный атаман А. К. Денисов (1764—1841), казак станицы Пятиизбянской, который среди предков упоминал казака ордынского Дениса Батура и дочь Степана Разина. В марте 1801 г. станичники уже переправились по льду через Волгу, когда весть об убийстве Павла неожиданно остановила все.

В эпоху войн Наполеона Россия выступала то в союзе с Францией, то против неё. В 1812 г. Франция привела в Россию войска практически всех стран Европы.

Однако это её не спасло, и после военной катастрофы в степях заснеженных влияние Франции в Европе и на Кавказе резко пало. Россия же оккупировала значительную часть Польши и всю Финляндию. И пока дипломаты Петербурга, всецело занятые приятной для их честолюбия ролью «спасителей» Европы, всеми силами хлопотали о подавлении мятежного духа французской революции, грозные войска России, прекрасно экипированные и имевшие великолепный боевой опыт, двинулись на Кавказ. Однако война здесь оказалась затяжной и тяжелой, не то что на полях «старушки Европы», с великолепными дорогами, построенными еще во времена кельтов.

Хотя русские уже давно оседлали Владикавказский проход и захватили северные и южные равнины Кавказа. Однако, на восток и на запад от перевала, в широком веере предгорий и высокогорных долин, тянувшихся к Черному морю и Каспию, обитали горцы, никогда никому не подчинявшиеся. Эти свободолюбивые люди исповедовали ислам: одни — суннитского, другие — шиитского толка. Самые многочисленные из них: около 800 000 лезгин и чеченцев и до 400 000 черкесов. Джигиты носили живописный костюм — черкеску с газырями, кольчугу, металлический шлем или папаху. В таком экзотическом виде они обычно и совершали свои конные набеги на равнину, забирали скот, хлеб и жителей, за которых потом требовали выкуп. И даже в более поздние времена, рассказывая о своей поездке в Эрзерум в 1829 г., знаменитый поэт А. С. Пушкин среди прочих живописных подробностей сообщал о том, что путешественники и купцы, желавшие перебраться на Кавказ, терпеливо и долго ожидали отправки «оказии» — отряда, который периодически проходил этот путь. А судьбы кавказских пленников послужили темой ряда романов.

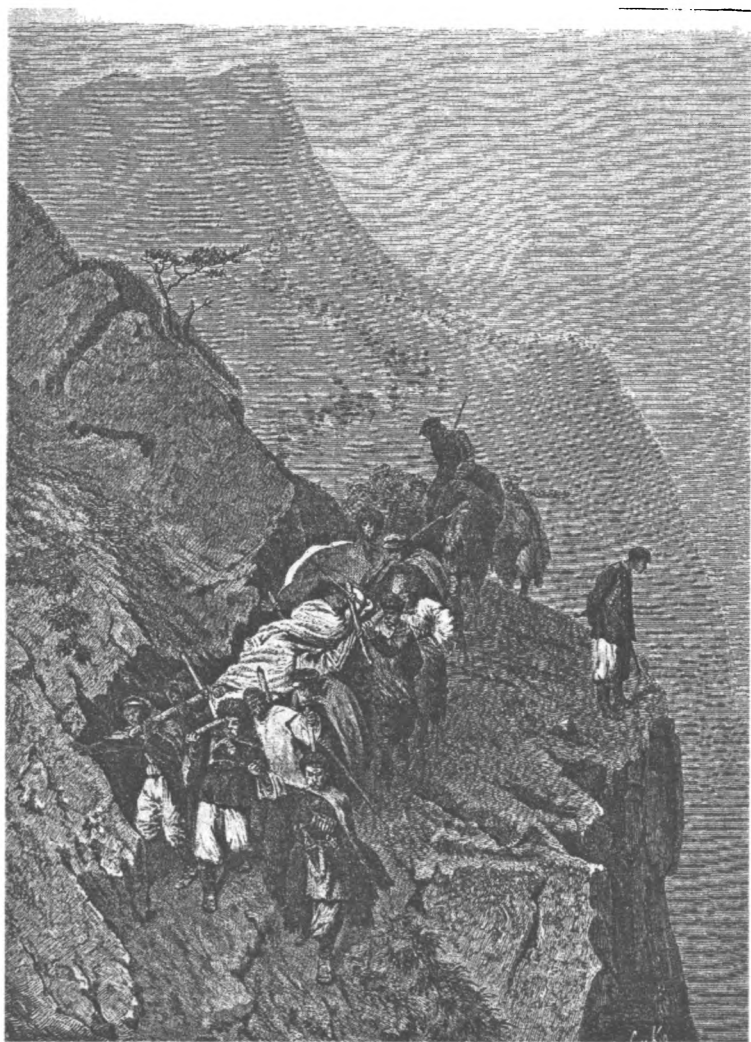
Поэтому умиротворением Кавказа пришлось всерьез заняться многим героям Отечественной вой-

ны 1812 г., среди которых особенно отличился генерал А. П. Ермолов. «Эту огромную крепость, — сказал он, глядя на громады гор, — надо или штурмовать, или обложить ее».

И русские обложили Кавказ правильной осадой. Блокада гор на севере началась переносом укрепленной линии с Терека на Сунжу, где в 1818 г. поставили крепость Грозную. Затем Сунженскую линию протянули до Каспийского моря, построив здесь крепости Внезапную (1819) и Бурную (1821). То же самое произошло на реке Малке против кабардинцев и на Кубани — против черкесов. Затем от Сунжи в глубь чеченских лесов потянулись просеки, через которые двинулись в горы русские. Артиллерия стирала аулы с лица земли, а непокорных горцев все глубже загоняли в ущелья.

Нужно отметить, что война с горцами велась в благоприятной для России политической обстановке, так как Франция уже не влияла на дела Кавказа. Остались Великобритания и довольно слабые режимы в Персии и Турции. В 1826—1828 гг. прошла война России с Персией. Летом 1826 г. персы вторглись в Закавказье, заняв Ленкорань и Карабах. Но уже 13 сентября 1826 г. при Елизаветполе их разбил генерал Паскевич и выгнал вон. Потом русские перешли в наступление, переправились через Аракс, овладели Тавризом, и 10 февраля 1828 г. шаху пришлось заключить Туркманчайский договор, по которому Персия уступила свои армянские провинции Эривань и Нахичевань. Русско-персидская граница теперь шла по Араксу, исключая его низовья, где река делала крюк. Война прекратилась, и Персия в последующие годы находилась скорее под влиянием России, чем Англии. Незыблемость границы здесь сохранялась до конца Первой мировой войны.

Затем началась борьба с султаном. Из Грузии русские вторглись в Турцию и появились перед Эрзерумом. По условиям Адрианопольского мира 1829 г.,

Русские на Кавказе

царь Николай I добился изменения границы, давшего ему несколько округов турецкой Армении. С этих пор Россия стала покровительствовать султану и выступала против шаха. Между Персией и Турцией постоянно шли раздоры по разным поводам. Персы — шииты, а турки — сунниты. Но те и другие с чувством глубокого удовлетворения оскорбляли мусульманских «еретиков», совершавших паломничества в Мекку или Кербелу, где находится гробница сына пророка Али. Кроме того, курды, принадлежавшие наполовину к Турции, наполовину к Персии, грабили, как неприятельскую землю, — одни персидскую, другие турецкую территорию.

В 1823 г., по Эрзерумскому договору, Персия и Турция обязались сообща наказывать разбойников-курдов и гарантировать безопасность паломников Персии. Но на деле мало что изменилось. Так что в 1843 г. потребовалось вмешательство России и Англии, чтобы остудить воинственный пыл шаха и не дать ему возможности продолжить агрессию против султана.

Но пока шли эти бурные события в Персии и Турции, независимые друг от друга племена горцев Кавказа, жившие в укрепленных селениях — аулах, по-прежнему часто воевали между собой. И лишь одна религиозная секта мюридов, черпавшая в исламе духовные силы для борьбы за национальную независимость, настойчиво проповедовала объединение суннитов и шиитов для ведения священной войны (газавата) с неверными.

И в конце концов, эта горская элита добилась объединения черкесов и лезгин. Общность религии и врага сплотила их, после чего джигиты стали еще более грозным противником для России. Но после усиления мюридов шах Персии — глава шиитов, и султан Турции — глава суннитов, окончательно отступились от народов Кавказа. Первый, по Туркманчайскому договору 1828 г., а султан — по Адрианопольскому 1829 г.

Черкесы на переходе

Нужно отметить, что в русской специальной и художественной литературе XIX в. много внимания уделялось легендарным черкесам. А уже в наше время кавказские войны обычно связывают с чеченцами. Между тем особо важную роль в борьбе с имперской агрессией в Дагестане сыграли аварцы, и этому, в частности, способствовало выгодное географическое положение их родов. У аварцев феодальная власть существовала издавна, и уже в начале XVIII в. усилились хунзахские ханы, подчинившие постепенно других. Аварцы регулярно совершали набеги на жителей равнин, не исключая и знаменитую Алазан-

скую долину в Грузии. В начале XIX в. усилилась торговля аварцев с Востоком, интересы феодалов пришли в противоречие с довольно многочисленными торговцами и крестьянами, нашедшими духовную опору в мюридизме, проникшем в Дагестан с восточными торговыми связями.

Мюриды комплектовали своеобразный военно-монашеский орден Кавказа. У мусульманских мистиков-суфиев мюрид обозначал послушника, или последователя, почитаемого шейха (старца), или имама. Мюрид давал обет беспрекословного повиновения имаму (по-арабски — предстоятель, служитель мусульманского культа). Кроме того, у мусульман-суннитов имам мог обозначать правителя, религиозного авторитета или духовного главу группы мусульман.

Мюридизм обрел свое влияние не только благодаря противодействию агрессии России на Кавказе, но и потому, что защищал горцев от произвола местных феодалов. В ходе борьбы аварцы установили власть исламского духовенства, представителями которого на местах стали наделенные гражданской и военной властью наибы, среди которых, в частности, выделился своими военными талантами знаменитый Хаджи-Мурат, уже достаточно освещенный в русской литературе. Имамат распространил свою власть на значительную часть Дагестана и на всю Чечню. Нужно отметить, что применительно к политическим и духовным реалиям исламского Кавказа тех лет имамат, при своей значительно расширенной социальной базе, обладал своеобразной демократией и религиозной терпимостью (толерантностью, как бы сейчас сказали). Однако в противостоянии с огромной Россией это исламское государство не имело шансов выжить.

Тем более что горцы уже не могли рассчитывать на солидарность своих мусульманских соседей. Однако, несмотря на это, антирусское восстание в Дагестане достигло наибольшего размаха, чем когда-ли-

бо. Здесь имам Кази-Мулла в 1830 г. начал священную войну. Два года спустя русские схватили и убили Кази-Муллу в Гимри, но одному из его учеников, Шамилю (Самуилу), удалось бежать (лезгины говорили — чудом), после чего он возглавил национально-освободительное движение джигитов.

Память о Шамиле (1798—1871) дожила до наших дней, поэтому нужно сказать несколько слов об этом выдающемся религиозном и политическом деятеле горцев Кавказа. Довольно образованный для своего времени человек, Шамиль родился в состоятельной семье. Его отец — аварский уздень, а мать — дочь аварского бека. Первый имам Чечни и Дагестана Кази-Мулла (Гази Мухаммед) стал другом и наставником для Шамиля, который, ведя жизнь аскета, считался образцом горского мужества и религиозного фанатизма. С началом священной войны против русских Шамиль был помощником Кази-Муллы, а, когда имама убили в ауле Гимры, сам Шамиль едва успел скрыться от солдат израненный и полуживой.

При втором имаме Хамза-беке Шамиль заведовал набором добровольцев и их снабжением, а иногда руководил боевыми операциями.

Когда и этот вождь погиб в сражении, горцы избрали Шамиля своим новым имамом. А так как он пользовался всенародной поддержкой и непререкаемым авторитетом, то ханам Чечни и Дагестана пришлось уступить Шамилю свои права. Возглавив верховный совет, Шамиль, сосредоточивший в своих руках религиозную, военную и гражданскую власть на Кавказе, оказался не только надёжным боевым командиром, но и замечательным государственным деятелем. При нем был создан особый порядок управления, основанный на законах шариата.

Более 20 лет Шамиль отбивался в горах от русских. Однажды его едва не захватили в одном ауле, но мюрид успел скрыться, и это удачное бегство снова приписали божественному провидению. Войскам Шамиля не-

сколько раз удавалось прорываться к устьям Терека. План его заключался в том, чтобы закрыть Владикавказский проход и соединиться с непокорными черкесами. Но у вождя горцев не хватало сил действовать вне Дагестана. Чтобы оставить Шамиля без людей, провианта и принудить его к сдаче, русские в 1846 г. начали опустошительную войну, войска сжигали жатву, разрушали селения и избивали мирных жителей.

Черкесы в западной части Кавказа также сохраняли свою независимость. И только Черноморский флот, обложивший тесной блокадой побережье, сумел отрезать горцам подвоз оружия и боевых запасов. Но в сентябре 1854 г. о былой морской славе напоминали лишь верхушки мачт кораблей, затопленных своими командами в Севастополе. Поэтому с флотом Британии пришлось воевать доблестным казакам.¹

Вечером 11 июля 1855 г. винтовая канонерская лодка англичан показалась на рейде Таганрога, обстреляла город и села на мель у Кривой Косы в 85 м от берега. Тут на рысях подошла сотня 70-го донского полка. Станичники спешили и залегли в цепь. Британцы пытались отогнать стрелков картечью. Но начался отлив, лодка накренилась, и орудия, задрав к луне стволы, замолкли. Появился еще один английский пароход и, ведя огонь по Кривой Косе, начал спускать шлюпки. Моряки пытались завести концы и спасти своих товарищей.

У донцов тоже появилось подкрепление, полковник Демьянов привел еще 2 сотни своего полка. И когда британские шлюпки подошли к борту канонерки, на них обрушился град пуль трехсот ружей и шрапнель конно-артиллерийской батареи есаула Н. Краснова.

Английские моряки дрогнули. У них кричали и стонали раненые, висли на бортах убитые, а тут еще

¹ Роль казаков в Восточной (Крымской) войне автором несколько преувеличена.

первое ядро казачьей пушки вздыбило воду у борта парохода, вооруженного орудиями на порядок мощнее пушчонок казаков. Но какой прок стрелять из них в темноту? А черный силуэт корабля грозно смотрелся на залитой лунным светом воде, и точное попадание могло лишить британский флот еще одного судна.

Подобрав всех, кто смог и успел спрыгнуть в шлюпки, капитан дал ход и на полных парах скрылся от артиллерии казаков. Англичане так спешили, что забыли даже снять флаги с мачты. Поскольку отлив не закончился, есаул Краснов с 20 казаками рысью доехал по мелкой воде до брошенной канонерки. Станичники сорвали флаг Великобритании, сняли со станков 2 бронзовые 24-фунтовые пушки и зажгли корабль. Казаки потеряли в ночном бою трех раненых.

Трофейные пушки отправили в Новочеркасск (они и сейчас лежат у входа в Музей Донского Войска). А английский военно-морской флаг хранится в Морском музее Петербурга. Корабль захватила кавалерия! Такой пощечины флот ее величества не получал, пожалуй, со времен своего основания. Ни от кого, только от донских казаков.

Несмотря на севастопольскую трагедию, владычество России прочно утвердилось на юге Кавказа между Черным и Каспийским морями, в долине, отделяющей Армянский и Кавказский горные массивы. Однако направо и налево от Дарьяльской военной дороги (Военно-Грузинской) горцы по-прежнему оставались независимыми. На востоке Шамиль и его мюриды властвовали в Дагестане. На западе абхазы и черкесы, жившие на протяжении 300 км по побережью Черного моря, свободно сносились с Турцией, обменивали там рабов на оружие и боевые припасы, которые затем применяли против кубанских казаков. Восстание всех этих народов во время Крымской войны подвергло бы Россию более значительной опасности, чем падение Севастополя.

К счастью, союзники не предприняли ничего серьезного в этом направлении. Недисциплинированные абхазские племена не сумели объединиться для восстания. Шамиль тоже ничего не сделал из-за недоверия не то к своим западным покровителям, предлагавшим ему помощь, не то к султану, духовный авторитет которого ему казался подозрительным.

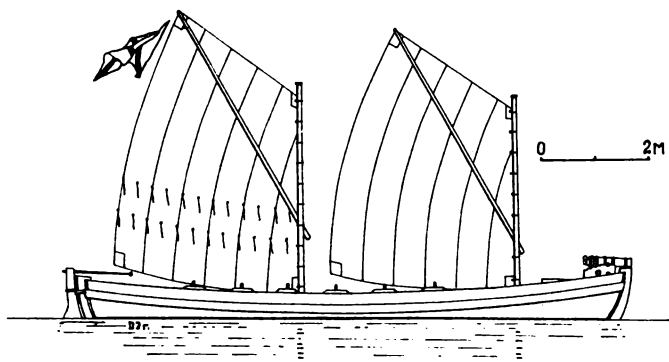
Видимо, к этому времени длительная блокада и непрерывные бои привели к тому, что карателям все-таки удалось измотать и обескровить горцев. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что русские, утопив свой флот в Севастополе и лишившись господства на Черном море, по-прежнему продолжали блокаду абхазского побережья. С этим довольно успешно справлялись казаки Азовского войска на 20- и 12-весельных лодках, вооруженных 3-фунтовыми фальконетами. Маленькая казачья флотилия, состоявшая всего лишь из 7 парусно-гребных судов, действовала весьма напористо и эффективно.¹ Понеся большие потери, турецкие почтовые и грузовые суда стали ходить только на буксире у пароходов. Попытки турок на пароходах перехватить казачьи лодки срывались благодаря хорошо налаженной службе наблюдения и связи. Затруднив перевозки вдоль берега Абхазии, казаки вместе с менгрельской милицией колоннами по 200 человек с четырьмя ракетными станками стали ходить к крепости Редут-Кале. Турки несли значительный урон, но при появлении казаков из крепости не выходили, даже когда у них на виду уничтожались прибывшие грузовые и почтовые транспорты.

После Крымской войны русские решили покончить с опасностью, которой удалось избежать почти

¹ Это пишет инопланетянин. Главную роль в блокаде Кавказского побережья и прекращении работорговли играли корабли Российского военного флота, которым в малой степени содействовали казачьи лодки.

чудом. Начали с Шамиля, уже 25 лет непрерывно и успешно руководившего борьбой за независимость горцев. Однако доблестному имаму все-таки пришлось сложить оружие перед значительно более сильным противником. Русским удалось сломить сопротивление горцев медленным, но неотвратимым проникновением в их неприступные ущелья. И пока солдаты строили форты, рубили просеки в непроходимых дебрях, непрерывно изматывая скудные силы джигитов, генералы искали поддержку в среде прежней кавказской элиты, чьи интересы пострадали при имаме Шамиле.

Новый генерал-губернатор Кавказа князь А. И. Барятинский в 1858 г. захватил Ведено — укрепленную резиденцию Шамиля в западном Дагестане. Русские, продвигаясь вперед, проводили дороги и строили форты при всех выходах из долин. Покоряя одни племена за другими, каратели принудили имама запереться в Гунибе — почти недоступном ауле. Затем, 25 августа 1859 г., после ожесточенной борьбы, Гуниб пал, а Шамиль с 4 сотнями мюридов сдался князю Барятинско-

Казачья лодка Азовского войска. Основные размерения 10,21 × 2,59 × 0,67 м, 12 весел, один 3-фунтовый фальконет на поворотной платформе. Реконструкция И. И. Черникова

му. Пленного имама с семьей поселили в российской глубинке, в Калуге.

Затем пришел черед абхазов и черкесов. С 1859 по 1862 г. карательные экспедиции следовали одна за другой. Они обычно сопровождались набегами, поджогами деревень и следовавшим затем, более или менее искренним, изъявлением горцами покорности. Чтобы закрыть эту брешь на русской границе, пришлось занять страну полностью. Казачьи станицы продвигались в глубину долин, а горцы оттеснялись в равнины. В 1862 г. джигитам назначили новые земли на Кубани и в окрестностях Пятигорска. Но, возбуждаемые нашептываниями турецких тайных агентов и уверенные, что султан их примет радушно, многие горцы предпочли эмигрировать в Османскую империю.

С 1862 по 1864 г. около 300 000 абхазов покинули свои поля, которые тотчас же заняли крестьяне — русские переселенцы, и казаки-станичники. В 1864 г. эмиграция абхазов прошла столь внезапно, что пришельцы пришли на все готовое. Им оставалось лишь собрать жатву с полей, засеянных абхазами, которые в это время тысячами гибли в турецких портах Анатолии от тифа и голода.

Завоевание Кавказа закончилось сдачей Шамиля и эмиграцией абхазцев. Блокада и карательные экспедиции заставили Россию держать на Кавказе 120 000 армию. В промежутки времени между окончательным миром с Персией (1828) и взятием в плен Шамиля (1859) Кавказская война поглощала большую часть сил и средств, выделяемых русским правительством для завоевания Азии.

Пока имам с семьей пребывал в Калуге, дела у горцев пошли совсем плохо. Мятужи в Имеретии, Мингрелии и Абхазии были подавлены, а победы над акушинцами, лезгинами и аварцами окончательно закрепили за Россией Дагестан. На Кавказе уже не приходилось больше подавлять восстаний, за исключением нескольких местных волнений, вызванных

попыткой навязать горцам обязательную воинскую повинность. Поэтому в феврале 1869 г. пленному имаму разрешили отправиться паломником в Мекку, и в марте 1871 г. Шамиль умер на родине пророка Магомета в Медине!

В других землях Кавказа, покоренных уже давно, русская колонизация усиливалась путем выделения больших владений офицерам, сановникам¹ и переселением сюда русских сектантов (молокан и духоборов) и немецких менонитов с юга России. Однако настоящая русификация началась с 1870 г. после проведения железных дорог, эксплуатации виноградников и минеральных богатств Кавказа.

Единственно заслуживающие внимания военные действия прошли во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и привели к аннексии Лазистана, а также части турецкой Армении с портом Батумом и крепостью Карс. При этом их стратегическое использование ограничивалось международным правом. Так, Батум, объявленный свободным портом, оставался неукрепленным вплоть до 1885 г., когда император Александр III порвал соглашения, принятые в Берлине. После этого Батум, окруженный фортами, стал военной базой для возможного продвижения русских в Малую Азию.

После этого история Кавказа свелась, главным образом, к реформам управления, экономики и ассимиляции местного населения. Главное изменение в управлении краем заключалось в том, что провинции Кавказа, представлявшие собой до того времени нечто вроде автономных пашалыков Турции, фактически стали губерниями России. Само собой разумеется, что они продолжали значительно отличаться от внутренних губерний деталями административной системы. Можно сказать, что Петербург не сомневался в своём

¹ Это утверждение автора не находит документального подтверждения.

положении на Кавказе. Мусульмане, ставшие русскими подданными, — одни шииты, другие сунниты — не отличались сплоченностью и фанатизмом.

Для элиты горцев открылись двери русской армии и администрации. Многие из них, воспитанные в Петербурге и служившие в гвардии, стали полицейскими приставами или даже выдающимися офицерами. Среди них особенно выдвинулся генерал Алиханов, аварец по происхождению, один из известных покорителей Туркестана и сын Али-хана — одного из сподвижников Шамиля. Искусный и отважный офицер, Алиханов блестяще провел политические переговоры в Мерве, проявив много инициативы, ума и личной храбрости. И лишь благодаря его исключительному влиянию на местную знать в феврале 1883 г. удалось без крови присоединить Мервский оазис к России.

А в тяжкое время Первой русской революции 1905 г. генерал Алиханов служил военным губернатором Кутаисской области. Энергично пытаясь остановить развал государственного аппарата на окраине империи, Алиханов пережил 8 покушений на его жизнь, но 5 июля 1907 г. погиб вместе с семьей от взрыва двух бомб.

Россия нашла в христианах Кавказа надежную опору. Сваны, осетины и даже грузины под влиянием школы, церкви или службы в армии начали ассимилироваться с господствовавшим народом. Для армян это, несомненно, проходило более медленно. Эти энергичные, умные и образованные люди, господствовавшие в экономической жизни городов, глубоко привязанные к своим обычаям и национальным традициям, оказывали русификации такое сильное сопротивление, что его не удалось сломить даже многими указами Александра III. Однако, несмотря на это, армянские школы все-таки удалось русифицировать. Кроме того, правительство присвоило себе право выбора армянского патриарха (католикоса). Наконец, большинство армянских чиновников, весьма многочисленных на Кавказе,

перевели внутрь империи. Но исторический опыт показал бесперспективность этих мер.

Наконец, ассимиляция проводилась заселением русских колонистов. Так, в обезлюдившей Абхазии Военное ведомство основало казачьи станицы. Но эта официальная миграция из-за невежества и безответственности чиновников, зачастую селивших людей в нездоровых местах, недостатка инициативы и средств у самих колонистов дала незначительные результаты. Свободные колонии имели больше успеха. Многие поселения немецких сектантов менонитов, русских молокан или духоборов заметно процветали. Однако эти вольные переселенцы сильно страдали при Александре III и Николае II от притеснений властей.

Но главным фактором русификации Кавказа, значительно большим всех стараний государства, стали экономические преобразования, совершившиеся за какие-то 20 лет. Так, в 1870 г. в Баку добывалось нефти только на несколько тысяч рублей, а в конце XIX в. русские нефтепродукты наводнили Европу и Азию. В Баку основали огромные заводы, куда переселилось множество европейских инженеров и рабочих. Кавказский перешеек во всю длину перерезала железная дорога Баку—Батум, которую позднее соединили с северной сетью Кавказа (Баку—Петровск). Вдоль железной дороги, как на севере, так и на юге Кавказа, появились заводы и началась эксплуатация рудников. В то же время разведение сельскохозяйственных культур, особенно винограда, достигло нового подъема.

Герой Бакланов

Один из знаменитых героев Кавказских войн, донец станицы Гугнинской Бакланов Яков Петрович родился 15 марта 1809 г. в семье полкового хорунжего, выслужившегося из рядовых до полковника. В 16 лет Яков начал службу в полку отца урядником. В 1828 г., уже хорунжим, Бакланов воевал в

Европейской Турции, показав себя столь храбрым офицером, что за излишнюю пылкость отец его не раз «дубасил по спине нагайкой», как вспоминал впоследствии сам Яков Петрович.

В 1846 г. Бакланов, став командиром 20-го казачьего полка на Кавказе, нашел его не в блестящем состоянии: грязные, оборванные казаки на истощенных лошадях, с плохим вооружением. Яков Петрович прежде всего собрал свой полк, привел его в порядок и стал учить. В те времена о тактических занятиях с офицерами никто еще не думал, Бакланов собирал у себя офицеров «на чашку чая» и здесь, за разложенной картой Кавказа, вел беседы о войне. Затем он устроил у себя в полку особую учебную сотню, в которой готовил инструкторов на весь полк. Кроме того, в каждой сотне Яков Петрович организовал особые команды пластунов, саперов и ракетчиков.

От обороны, которой держались его предшественники, Бакланов перешел к энергичному наступлению. Верные чеченцы — проводники и переводчики, вовремя предупреждали Якова Петровича о замыслах

Значок Я. П. Бакланова

горцев, и он являлся к ним как снег на голову. Боклю, как звали Бакланова джигиты, был, по их мнению, сродни самому шайтану, и потому имя ему среди чеченцев было Даджал, то есть дьявол. Казак знал об этом и всячески старался укрепить горцев в той мысли, что ему помогает «нечистая сила».

Мобильность казаков Бакланова, их энергия, искусство маскировки и умение оценить обстановку были изумительны. Особо отличились донцы Даджала в феврале 1850 г. в набеге отряда генерала Майделя на Гайтемировские ворота, за что Бакланов получил чин полковника. 14 марта 1850 г. в бою у Умахан-Юрта Якова Петровича ранили. Узнав о том, горцы быстро собрали громадную орду для нападения на посты русских, но грозный Боклю, преодолевая страшную боль, ночью на 25 марта лично повел войска и разбил джигитов, бежавших в паническом ужасе, уверенных, что имеют дело с самим чертом, которого и пули не берут.

В 1850 г. станичники 20-го полка получили долгожданную «льготу» и готовились к возвращению на родной Дон. Но Бакланов стал так необходим для Кавказской линии, что князь Воронцов писал о нем военному министру: «Этот человек дорог нам за свою выдающуюся храбрость, свой сведущий ум, за военные способности, знание мест и страх, который он внушил неприятелю; сам Шамиль уже упрекает своих наивов за страх, питаемый ими к Бакланову».

Письма Воронцова всеподданнейше доложили государю, уважившему просьбу, и в июне 1850 г. на смену 20-му прибыл 17-й Донской казачий полк, поступивший под начальство Бакланова. С Яковым Петровичем добровольно перешли в 17-й полк многие штаб- и обер-офицеры, урядники и рядовые казаки, быстро обучившие вновь прибывших донцов.

В 1851 г. Бакланова вызвали в крепость Грозную для участия в летнем походе князя Барятинского. Здесь ему поручили всю конницу отряда (23 сотни). Рейд провели блестяще, и за него Бакланов получил

орден Владимира 3-й степени. Вскоре после того Даджалу лично пришлось отразить джигитов, пытавшихся отбить стада, пасшиеся у Куринского. Чеченцы напали так внезапно, что Бакланов не успел одеться и появился перед полком в одной только бурке, одетой на голое тело, с шашкой через плечо. Такой вид донского богатыря навел на горцев панику, и они долго не решались угонять стада.

Популярность Якова Петровича росла не только на Кавказе, но и в глубине России, откуда с одной «оказией» он получил неизвестно от кого и откуда посылку. Когда ее вскрыли, в ней оказался черный шелковый значок с вышитой на нем белой «Адамовой головой» и с надписью вокруг нее: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь». Этот мрачный значок наводил ужас на чеченцев, Даджал с ним не расставался до конца жизни.

В 1852 г. Бакланова наградили Георгиевским крестом 4-й степени. При рубке просеки через Качкалыковский хребет Якову Петровичу пришлось вступить в оригинальное единоборство со знаменитым стрелком Джанемом, который хвастался, что убьет Боклю, когда тот выедет руководить работами и станет на своем высоком кургане. Лазутчик сообщил это Бакланову в присутствии офицеров его полка, и Яков Петрович решил испытать судьбу. В обычное время он выехал на курган, взял у ординарца штуцер и стал ждать.

Вскоре за хребтом мелькнула папаха Джанема и грянул выстрел. На этот раз Джанем промахнулся. Вторая его пуля пробила край полусубка Бакланова. Затем из-за гребня показался испуганный своей неудачей стрелок, Бакланов пулей в лоб уложил его на месте. Когда станичник повернул коня и стал спускаться с кургана, войска, наблюдавшие этот оригинальный поединок, приветствовали его громовым «ура!».

Сами джигиты оглашали воздух неистовыми криками «якши Боклю!». В 1852 г. за отличия в делах

против горцев Бакланова произвели в генерал-майоры с оставлением командиром 17-го полка. В следующем году Яков Петрович выполнял особые поручения главного начальника Кавказских войск и командовал всей кавалерией левого фланга Кавказской линии. В 1855 г. казачья конница Бакланова героически воевала под Карсом.

Когда в 1863 г. вспыхнуло польское восстание, Бакланов во главе 12 казачьих полков поступил в распоряжение М. Н. Муравьева. Страшная молва предшествовала приезду его в Литву. В военных действиях против повстанцев участвовать не пришлось. Все знали о набегах Даджала на Кавказе и боялись жестокости с его стороны. Но в лице Боклю население получило хотя сурового, но справедливого начальника. На перекладных, без всякого конвоя, Яков Петрович объехал край, изучая настроение людей, и подолгу с ними беседовал. Тишина и спокойствие воцарились в его районе.

Бакланов иногда рисковал не исполнять приказы сурового Муравьева о конфискации имений повстанцев. Заботясь о справедливости, Яков Петрович прямо учреждал опеки над малолетними наследниками сосланных в Сибирь, сохраняя за ними земли. Генерала по этому поводу вызвали в Вильно для объяснений. Разговор был длинный. В конце его Бакланов сказал: «Я моему государю, России и вам, моему прямому начальнику, был и буду верен, но в помыслах моих было ослабить в районе моего отдела толки о русской свирепости». Муравьев и Бакланов расстались мирно. Последние годы Бакланов прожил в Петербурге, и 18 октября 1873 г. его не стало.

Яков Петрович умер в бедности и похоронен за счет Донского войска в Петербурге, в Новодевичьем монастыре. Над могилой Бакланова на добровольные пожертвования поставлен памятник, изображающий скалу, на которую брошены бурка и папаха, из-под папахи выдвинут черный «баклановский»

значок. Имя Бакланова присвоено 17-му Донскому казачьему полку. Высочайшим приказом 21 июня 1909 г. полку этому велено иметь полковой значок по образцу того, который всюду сопровождал Бакланова. Станица Гугнинская переименована в Баклановскую, могила доблестного героя перенесена в Новочеркасск. Троицкий проспект в Новочеркасске назван Баклановским. В Донском императора Александра III кадетском корпусе учреждена стипендия имени генерала Бакланова. Кроме того, в память отличной стрельбы Бакланова установлен розыгрыш ежегодно специальных «Баклановских» призов за стрельбу из винтовок для офицеров и нижних чинов. Про Бакланова сложено на Дону много песен.

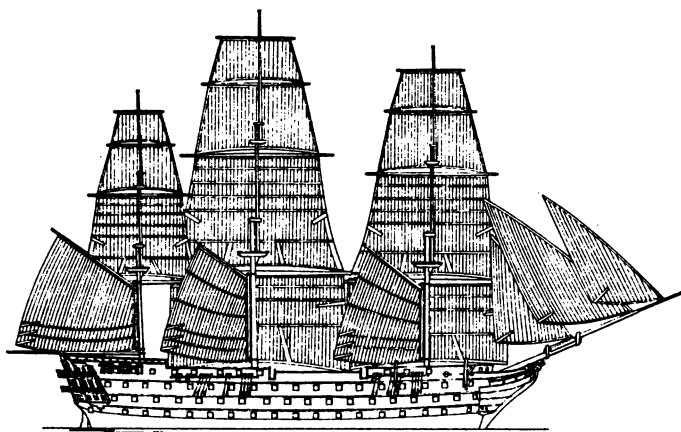
Глава 11.

Защитники морских рубежей Отечества

К середине XIX в. в Европе началось массовое производство паровых машин, нарезной артиллерии и броненосных кораблей. Теперь мощь страны стала зависеть от её способности осваивать новые технологии.¹ Хотя в те давние времена русская элита и считала себя европейской, однако на приход грозного века пара она вначале смотрела высокомерно.

К этому времени во флоте России служили 50 линейных кораблей против 85 в английском, 45 во французском и 17 в турецком флотах. То есть Россия уступала по морской мощи только Англии и Франции. И моряки исправно радовали императора на «высочайших» смотрах, когда на Большом Кронштадтском рейде мрачно высились борта гигантов, а горизонт затягивало дымом от залпов сотен салютующих орудий.

¹ Это явление наблюдалось и гораздо раньше в истории цивилизации.

Линейный корабль Черноморского флота «Париж», 1849 г. 130 пушек, основные размеры 63,7 × 17,63 м, затоплен в Севастополе в 1855 г. Реконструкция И. И. Черникова

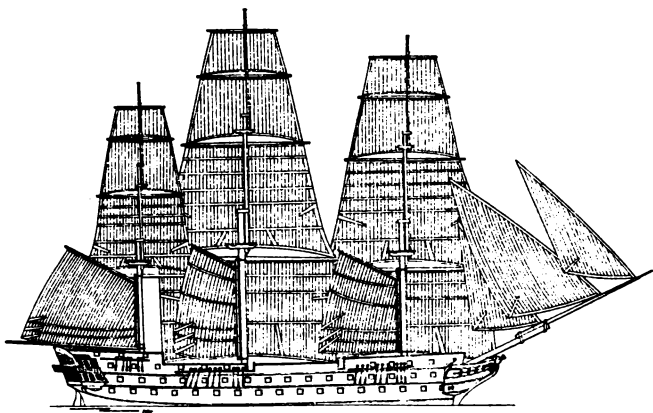
Между тем в Англии и Франции на линейные корабли и фрегаты уже ставили паровые машины, но в России традиционно не спешили. Пароходные заводы в Николаеве и Кронштадте, заложенные в 1847 г., строились медленно. Из-за нехватки инженеров-механиков машинами на кораблях зачастую управляли иностранцы. Средства на строительство и переоборудование в винтовые линейных кораблей и фрегатов правительство России выделило только в 1851—1854 гг., причем машины для них пришлось заказать в Англии.

В июле 1853 г. прошли маневры британского флота. Впервые в истории здесь участвовала эскадра винтовых кораблей: 6 линейных, 2 фрегата, 4 корвета и 6 колесных пароходо-фрегатов. В показательном бою паровые корабли уверенно взяли верх над парусными. Однако официальная печать Петербурга, несмотря на то что эти маневры носили демонстративный и угрожающий характер — ведь под «разгромленной» парусной эскадрой подразумевалась

русская — отзывалась о маневрах довольно пренебрежительно, а мощь флота России мерила в верстах диспозиции кораблей на Кронштадтском рейде. Естественно, что после таких самобытных оценок мало у кого возникало желание втягиваться в дискуссии о значении духовно-нравственного воспитания моряков при использовании противником современных технологий.

И когда осенью 1853 г. эскадра адмирала П. С. Нахимова уничтожила морские силы Турции на рейде Синопа, это сражение, став «лебединой песней» парусного флота России, послужило поводом для вступления в войну Англии и Франции на стороне Турции, так как в Европе Синоп считали не сражением, а разбоем. Последовавшие затем грозные события показали технологическое и нравственное превосходство европейцев.

Не прошло и полгода, как империя уже оказалась втянутой в войну с коалицией двух сильнейших держав, располагавших самым мощным в мире паровым флотом линейных кораблей, который они и

Линейный корабль Черноморского флота «Императрица Мария», 1853 г. 90 пушек, основные размеры 60,96 × 17,27 м, затоплен в Севастополе в 1855 г. Реконструкция И. И. Черникова

продемонстрировали на Черном море в 1854 г. Поэтому русским пришлось затопить свои корабли в Севастопольской бухте, а артиллерию свезти на берег — так оно надёжней.¹

Кроме этого, союзники удивили всех широким применением безрельсового механического транспорта в военных целях. Хорошо осведомленные о национальных особенностях основных русских бед, британцы предупредительно ввели в состав экспедиционного корпуса паровые тягачи, перевозившие боеприпасы из Балаклавских складов под Севастополь. Пыхтя и чавкая плицами по непролазной крымской грязи, они исправно таскали тяжелые обозы с боеприпасами для осадной артиллерии.

Эти грозные и быстротечные события деморализовали русское командование, а противник добился господства на Черном море и обеспечил себе успех в Крыму. Ну да Бог с ним — с Севастополем, когда враг уже угрожал столице нашей Родины — Петербургу. Ибо в те былинные времена этот стольный город значил для сердца русского больше, чем сейчас Москва. Так как именно здесь пребывала тогда элита нации, её административный ресурс.

Интересно отметить, что в составе флота вторжения союзников вошли под названием «Коссак» и «Тартор» («Казак» и «Татарин») заказанные ранее Россией винтовые корветы «Витязь» и «Воин», сконфискованные правительством Англии.

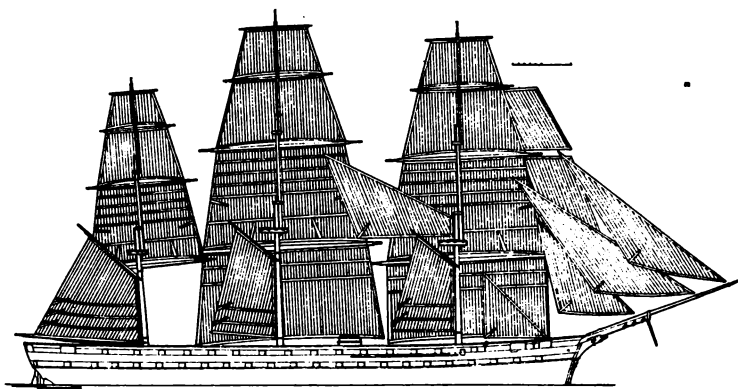
Кроме винтовых кораблей в 1855 г. Франция применила против русских еще одну техническую но-

¹ Здесь автор искажает исторические факты, становясь на позиции советских экстремистов 20-х гг. XX в., так как в XIX в. сражение при Синопе «разбоем» никто не считал, а уважаемый П. С. Нахимов не мог затопить корабли Черноморского флота, так как он ими не командовал. У англичан в 1854 г. на Черном море было всего два паровых линейных корабля.

винку — паровые броненосные батареи. В это же время англичане начали строить корабли этого класса специально для Балтики, поэтому угроза вторжения сил союзников стала еще более реальной. Между тем отечественные производители опаздывали, и только в 1858 г. флот России пополнится десятью паровыми линейными кораблями и фрегатами.

Крымскую войну Россия проиграла. Этот позор надолго поколебал престиж великой державы, которой запретили иметь военный флот на Черном море. Трагические итоги войны показали значительное технологическое отставание России, которой через 50 лет пришлось столкнуться с Японией, только в 1853 г. прекратившей политику самоизоляции.

Видимо лаская великодержавную спесь, русские исследователи о Синопской победе писали, как правило, в восторженных тонах! И только один из крупных морских теоретиков начала XX в., профессор Н. Л. Кладо,

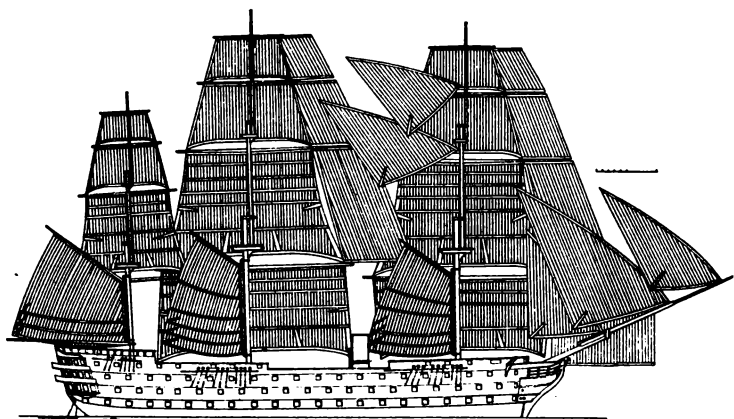

Винтовой фрегат Балтийского флота «Генерал-адмирал», построен в Нью-Йорке, 1858 г. Водоизмещение 5669 т, основные размерения 92,96 × 16,67 м, 800 и. л. с., 70 пушек. Реконструкция И. И. Черникова

отметил: «Возвеличивая Синоп, мы пришли к Цусиме». Из современных исследователей эту оценку последнего сражения флотов парусной эпохи разделяет к. и. н., профессор Военно-морской академии, капитан 1-го ранга В. Д. Доценко.

Именно в Крымской войне проявилось неумение русских флотоводцев добиваться поставленных стратегических целей. Адмирал Нахимов являлся, несомненно, одаренным человеком, великолепным моряком, знатоком парусного вооружения, любимцем матросов. Но для флотоводца, согласитесь, этого мало.

О том, что после адмиралов Ф. Ф. Ушакова и Д. Н. Сенявина в России не оказалось прозорливого флотоводца, свидетельствуют запоздалый переход к строительству паровых кораблей и отсутствие четких тактических взглядов. Всякое проявление инициативы не по команде стало наказуемо. На флоте господствовали смотры и парады, живописно отраженные на картинах И. К. Айвазовского и А. П. Боголюбова.

Винтовой корабль Балтийского флота «Синоп», 1859 г. 128 пушек. Водоизмещение 5585 т, основные размерения 73,81 × 18,14 м, 800 и. л. с. Реконструкция И. И. Черникова

Опыт войны и достижения техники позволили Франции в 1858—1859 гг. реализовать идею мореходного броненосца, создать 5600-тонный «Ла Глуар». На постройку этого деревянного броненосца Англия ответила постройкой в 1860 г. железного броненосного фрегата «Уорриор» водоизмещением более 9000 т. После этого Британия и Франция начали перестраивать свои паровые деревянные линейные корабли в броненосные фрегаты.

Технический прогресс и неудачи войны поставили вопрос о срочном строительстве русского оборонительного флота на Балтике, способного вести успешные боевые действия под прикрытием орудий приморских фортов.

В Петербурге с тревогой следили за бурным соперничеством при создании броненосцев Англии и Франции. Но единственными «броненосцами» России оставались 14 батарейных плотов, построенных в 1856 г. И только в 1861 г. к ним добавилась 270-тонная железная канонерка «Опыт», созданная на Петербургском заводе Карра и Макферсона и имевшая броневой брестер для защиты единственного 196-мм орудия.

В конце 1861 г. Морскому министерству удалось получить средства для заказа в Англии первого броненосца — плавучей батареи «Первенец». На следующий год решили строить однотипную батарею в Петербурге, а заложенные ранее крупные деревянные паровые фрегаты «Севастополь» и «Петропавловск» достроить как мореходные броненосцы. И только в конце 1862 г. удалось получить средства на постройку третьей броненосной батареи в Петербурге.

Между тем за океаном назревали события, на которые в России тогда мало кто обратил должное внимание. Дело в том, что США в борьбе за свою независимость от Великобритании в начале XIX в. необычайно развили широко распространенный класс кораблей — фрегаты, которые по своей артиллерийской

мощи превосходили даже линейные корабли Британии. Для этого янки постоянно увеличивали калибр своей корабельной артиллерии. Поэтому в морских сражениях, несмотря на мужество английских моряков, победа оставалась за американцами, уже в то время хорошо осознававшими значение народного образования, когда оборонный потенциал страны стал определяться не только количеством боевых машин, но и интеллектуальной мощью нации. При этом страна со всеобщим образованием получала неоспоримые преимущества перед противниками, где народные массы пребывали в состоянии невежества и национальной спеси. Общественность США ясно понимала, что машины, сберегающие труд и сокращающие время производства, с таким же успехом можно применять и для военных целей, когда выстрел из громадного орудия, управляемого одним человеком при помощи паровых машин, мог затопить судно гораздо быстрее, чем часовая канонада из сотни орудий меньшего калибра, управляемых тысячью матросов.

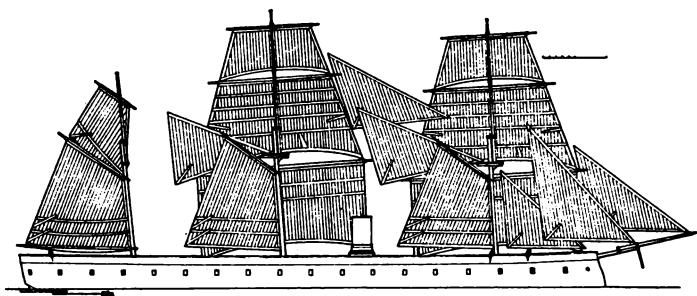
Мятежники из южных штатов, отколовшихся от США весной 1861 г., думали так же, и в 1862 г. их броненосный фрегат «Мерримак» за несколько минут пустил на дно 2 фрегата США. После этого в Европе стало ясно, что участь линейных кораблей предопределена. С таким же успехом это бронированное чудовище могло уничтожить любой европейский 100-пушечный корабль, не способный долго противостоять разрывам снарядов его мощных бомбических пушек. Обнадеживало только то, что стратеги Старого Света заранее это предвидели, и не напрасно вкладывались деньги налогоплательщиков в создание броненосных фрегатов.

Однако северяне вскоре выставили совершенно новый тип броненосного башенного корабля, так называемый «Монитор». Эта неказистая по форме и небольшая по размерам посудина, которой шутники сначала дали презрительную кличку «Коробка из-под шляпы

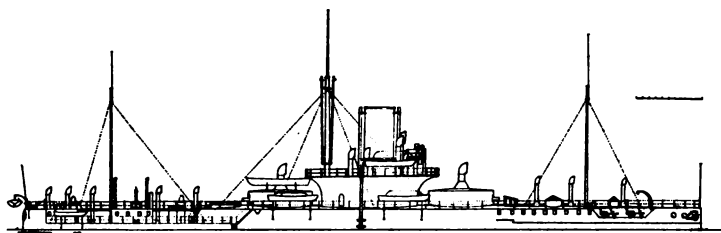
на плоту», имела низкий бронированный борт и две огромные пушки во вращаемой паром бронированной башне. В Европе все оцепенели, когда эта «консервная банка» с треском разбила страшного монстра мятежных штатов. Особенно шокированной оказалась Британия — владычица морей, которая в те времена заслуженно считалась единственной сверхдержавой мира.

После того как знаменитый бой на Хемптонском рейде морально уничтожил деревянные флоты Европы, британцы еще некоторое время надеялись отсидеться за океаном, полагая, что американская мощь никогда не достигнет их портов. Однако монитор «Миантономо» 5 июня вышел из Сент-Джонаи, пересек Атлантический океан и через 11 суток прибыл благополучно в британский порт Квинстоун.

Ознакомившись с кораблем, британцы поняли, с каким грозным противником им придется иметь дело, пушки которого одним залпом могли разбить борт любого броненосца Старого Света. И в то время когда американский монитор находился в водах Великобритании, англичане не осмелились послать в Вашингтон, для удовлетворения имперского честолюбия, свой новейший броненосный фрегат «Уорриор».

Броненосный фрегат Балтийского флота «Петропавловск», 1867 г.
Реконструкция И. И. Черникова

Броненосный корабль «Петр Великий», 1876 г. Водоизмещение 10 400 т, основные размеры 98,45 × 19,2 × 7,24 м. Суммарная мощность 2 паровых машин 8260 л. с., скорость хода 14,5 уз.

Реконструкция И. И. Черникова

В Европе началась мониторная лихорадка. Эти корабли строила и Россия, приступившая к обновлению оборудования казенных адмиралтейств Петербурга. Работа ускорила в связи с угрозой войны с Англией, которая, поддержав польское восстание 1863 г., пыталась создать коалицию против России. В связи с этим, как и в 1854 г., на подступах к Кронштадту ожидалось появление противника, но на этот раз уже броненосного флота.

Для обороны столицы России в марте 1863 г. Морское министерство приняло «Мониторную кораблестроительную программу», предусматривавшую строительство 10 однобашенных броненосных лодок по образцу американских мониторов Эриксона и двухбашенной лодки «Смерч» системы английского капитана Кольза.

Постепенно выяснилось, что мореходность мониторов крайне ограничена, и ажиотаж спал. Затем в странах Европы этот класс кораблей плавно перешел в броненосцы береговой обороны, и 9 марта 1864 г. в Санкт-Петербурге утвердили постройку новой серии броненосных кораблей усовершенствованных типов: 4 шестипушечных башенных батарей, 2 броненосных лодок и 2 небольших батарейных корветов. Из них

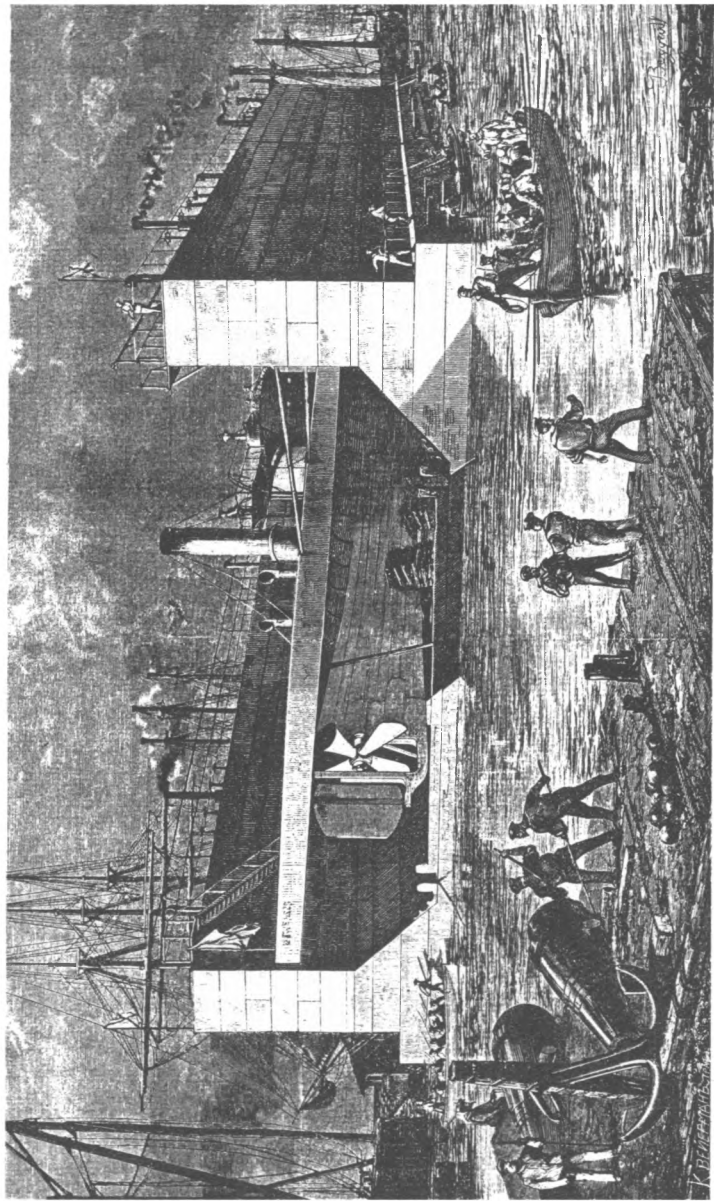
только корветы проектировались как мореходные броненосцы. Полная же программа для обороны Кронштадта и «ближайших прибрежий» включала 41 броненосец. Однако, как и многие другие намерения Морского министерства, осуществить её не удалось.

Так как и в те былинные времена¹ боролись за самобытность русского языка, то, несмотря на одни и те же конструктивные особенности, называли этот класс кораблей по-разному: мониторы, затем — башенные канонерские лодки, частично — башенные фрегаты и, наконец, — броненосцы береговой обороны. Причем в мониторах непродолжительное время числился даже русская гордость — первый эскадренный броненосец «Петр Великий» (заказанный в 1868 г.), который первоначально так и назывался — монитор «Крейсер». Связано это было с тем, что само слово монитор звучало устрашающе для ненавистой Англии, а уж тем более крейсер — это вообще жуть и тоска зеленая для британской торговли. Таким образом, в сознании русских моряков причудливым образом сплелись два магических слова, которые подобно анаконде должны были удавить владычицу морей. Поэтому, чтобы не утруждать себя дальними морскими походами, предполагалось «Крейсеру» идти в их же порты и, подобно слону в посудной лавке, громить все подряд.

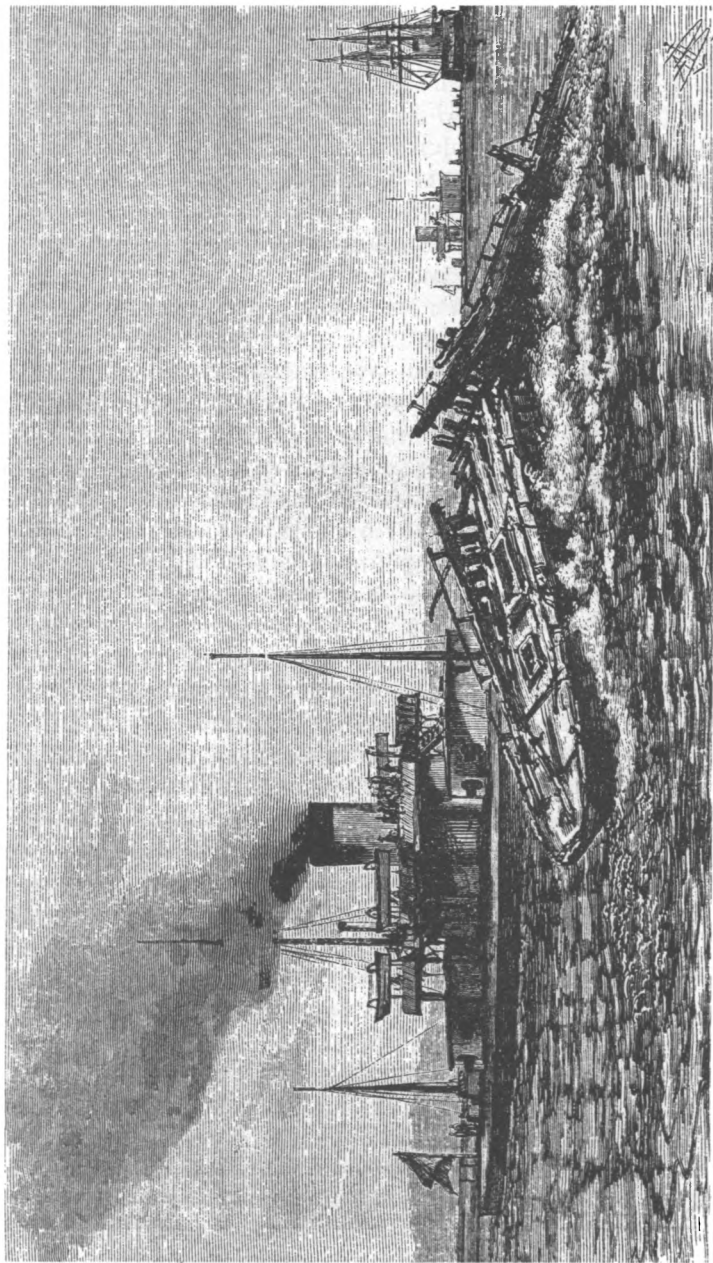
Так в конце 60-х годов XIX в. завершилось строительство русского оборонительного флота для Балтийского моря. Концепции оборонительного флота отвечали и первые броненосцы Черноморского флота — круглые в плане «Новгород» и «Вице-адмирал Попов», созданные по заданию и на средства Военного ведомства.

Удачный выбор башенного типа броненосцев, вооруженных стальными нарезными орудиями образца 1867 г., обеспечил высокую эффективность оборони-

¹ «Былинные времена» были несколько раньше, и говорить о них применительно к XIX в. представляется неуместным.

Монитор на стапель-палубе плавучего дока в Кронштадте, 1870 г.

Монитор «Смерч» таранит старую канонерку на учениях, 1872 г.

тельного флота по сравнению с английским броненосным флотом конца 60-х — начала 70-х годов XIX в. Основу английского флота составляли батарейные и казематные броненосцы, вооруженные 229мм орудиями, из которых только половина участвовала в бортовом залпе. Снаряды английского 229мм орудия, заряжаемого с дула, на дистанции 5 кбт (1 кабельтов = 83 м) пробивали 140мм броню, при толщине броневой защиты самих броненосных фрегатов от 114 до 229 мм. При этом 229мм русский снаряд орудия образца 1867 г. пробивал 152мм броню на дистанции 9 кбт. Поэтому в прибрежных водах башенные лодки являлись довольно серьезным противником более крупным и быстроходным английским рангоутным броненосцам, а башенные фрегаты имели даже определенные тактические преимущества.

Однако уже в середине 70-х годов в английском флоте появились броненосцы с 317мм орудиями и 305—356мм броней, а в 1881 г. в море вышел «Инфлексибл», вооруженный 406мм пушками и защищенный 610мм броневой цитаделью. Внедрение удлиненных орудий с нарезами прогрессивной крутизны в 80-х годах привело к окончательному устареванию артиллерийского вооружения русских кораблей береговой обороны. Несмотря на частичную модернизацию, броненосные батареи, башенные лодки и фрегаты в последнем десятилетии XIX в. по вооружению, защите и скорости не отвечали тактическим требованиям. Поэтому приказом по Морскому ведомству от 1 февраля 1892 г. все эти корабли перевели в класс броненосцев береговой обороны.

Броненосцы береговой обороны сыграли большую роль в воспитании русских моряков, овладевших искусством кораблевождения и морской практикой, а также новейшими образцами военно-морской техники и оружия. После всестороннего испытания первых броненосцев в кампании 1864 г. на следующий год броненосная эскадра демонстративно зашла в Стокгольм, проявив себя слаженным боевым организмом.

Часть IV

УКРАИНА В ТУРКЕСТАНЕ

Имперскую миссию русских в Средней Азии следует рассматривать как важный элемент их национального самосознания XIX в. Именно в Средней Азии, с появлением парового транспорта, телеграфа и нарезного огнестрельного оружия, проявилось технологическое превосходство вооруженных сил России над отсталыми, но отсталыми кочевниками. Завоевание Туркестана особенно ярко показало значение транспорта при ведении современных войн. Так как даже в этом пустынном крае, помимо строительства укрепленных линий и сухопутных путей сообщения, русским пришлось создавать речные флотилии.

Хотя окончательное завоевание Туркестана произошло уже в эпоху пара, вполне логично поставить этот раздел вслед за Кавказом. Конечно же, сравнительно сильные феодальные государства до поры до времени спасало бездорожье, и появление русских пароходов в водах Амударьи и Сырдарьи, а также строительство железных дорог сыграло решающую роль. Однако империя смогла выделить достаточные силы для оккупации Туркестана только после завоевания Кавказа. Так что и здесь стратегический фактор имел решающее значение.

К слову сказать, паровые машины также не оказали особого влияния на покорение Кавказа. Еще со времен Екатерины русский флот безусловно господствовал на Каспийском и Черном морях. При такой блокаде джигитов спасали их неприступные ущелья и горные тропы. И только после разгрома Франции Наполеона I наметился стратегический перелом.

Глава 1. Продвижение в Туркестан

С распространением владычества России за Урал взоры сановников Петербурга, имя которым Легион,¹ все чаще стали обращаться на киргизскую степь, стратегическое значение которой подчеркивал еще Петр I, которому приписывают слова: «Хотя киргиз-кайсацкая орда — степной и легкомысленный народ, только всем азиатским странам и землям она орда ключ и ворота».

В 1732 г. к владениям России присоединился Малый казахский жус, но долгое время это носило формальный характер, лишь осложнив охрану границ от грабежей и набегов кочевников из Средней Азии. Границы пришлось укрепить хотя и небольшими, но многочисленными опорными пунктами и заселением их казаками.

Эти крепостицы и редуты, возводимые с начала XVIII в., создали две линии: Оренбургскую и Сибирскую. Однако заселение окраин казаками на кочевников влияло лишь условно, так как формально подданные России, но непокорные племена киргизов Малой орды, лишь отошли от линии. Нападения и грабежи не прекратились, и до окончательного усмирения Степи было еще далеко.

Зимой 1839 г. поход четырехтысячного отряда генерала Перовского на Хиву, из-за слабого снабжения по длинным коммуникациям, закончился неудачей. Это поражение побудило Николая I применить здесь блокаду, оказавшуюся столь успешной на Кавказе, а именно — строить укрепления в самой степи, все ближе и ближе к жизненным центрам кочевников.

Такое продвижение вперед шло как в сторону Хивы и Коканда, так и в пределы Большой орды. Новую

¹ Автор, к сожалению, не уточняет фамилии этих агрессивных сановников.

Оренбургскую линию начали создавать с 1841 г., и постепенно возникли укрепления Джоргаин-Агач, Акмолинское, Аяузское, Уджарское, Копалское, Кокпектинское, Уральское, Оренбургское, Карабутацкое, Актаузское, Улутаевское, Аман-Карачайское, Кишмурунское, Раимское, Казальское, Кармокчинское, Кувандарьинское, Перовское, Илийское, Кастекское и Алматы (Верный).

К началу Восточной войны 1854—1856 гг. границы России в Средней Азии продвинулись так далеко, что нужда в кордонной линии совершенно отпала. Но окончательно Оренбургскую линию упразднили лишь к 1862 г.

Глава 2. Господство на Аральском море

Арал — четвертое по величине озеро на земле (64 500 кв. км), лежит в Казахстане. В это «море», ставшее своеобразным трамплином для прыжка империи в Среднюю Азию, впадают реки Сырдарья и Амударья.

В XVIII в. на гигантских просторах от степей Турана до гор Памира шли непрерывные войны между феодалами. Кровавые междоусобицы в раскаленных степях разоряли и уничтожали племена. По караванным тропам в Афганистан, Персию и Турцию печально брели вереницы невольников. Пограничные с Россией народы и племена нередко добровольно входили в ее состав, под защиту русской армии.

Так, в 1731 г. один из вождей киргизов Абулхаирхан, владения которого простирались от реки Урал до Сырдарьи, признал власть Петербурга.

Затем, в 1739 г., хан Абулхаир просил для защиты от джунгар построить на Сырдарье крепость-порт для военной флотилии. Но из-за больших трудностей со снабжением из России в то время этого сделать не удалось. Только после того, как к середине XIX в.

115 000 туркмен Прикаспия приняли русское подданство, в Петербурге решили создать флот на Аральском море.

В 1847 г. по выжженной солнцем пустыне двигался огромный караван: 1500 запряженных верблюдами телег башкир везли узлы и детали шхун «Николай» и «Константин». Караван охраняли рота пехоты, две сотни казаков и два орудия. В песках гуляли шайки хивинцев и мятежного султана казахов Кенесары Касымова. Путь лежал к далекому Аральскому морю, в укрепление Раим. Возглавлял экспедицию лейтенант А. И. Бутаков — отпрыск известной династии моряков.

Прибыв в Раим, матросы, несмотря на голод и изнурительную лихорадку, уже в начале зимы собрали и спустили на воду парусные шхуны. Трудная зима с морозами до 20—28° С, частые бураны, лихорадка и цинга значительно сократили гарнизон. Весной 1848 г. на берегу Арала появился скорбный ряд черных крестов. Но шхуны все-таки удалось оснастить, вооружить и доукомплектовать солдатами 4-го оренбургского линейного батальона.

Пополнив экипажи и погрузив запасы, флотилия двинулась из устья Сырдарьи вдоль берегов Аральского моря.

Составив первую карту Аральского моря, А. И. Бутаков обрел известность как географ. К лоции прилагался альбом рисунков берегов Аральского моря, выполненных Т. Г. Шевченко в кампаниях 1848—1849 гг.

В начале ноября 1849 г. уже капитан-лейтенант А. И. Бутаков уехал в Оренбург, а затем в Швецию.

В 1852 г. через Оренбург на Аральское море в разобранном виде доставили пароход «Перовский» (построен в Англии, машина 40 и. л. с., осадка 1,14 м) и паровой баркас «Обручев». Суда отличались малой осадкой.

Весной следующего года пароходы спустили на воду, и под командованием Бутакова, как начальника

созданной им же Аральской флотилии, они впервые задымили на водах Сырдарьи. Пароход «Перовский» поднялся вверх и участвовал при взятии кокандской крепости Ак-Мечеть, переименованной затем в форт Перовский (ныне Кзыл-Орда). Первоначально судно ходило от устья Сырдарьи до форта Перовский. Кроме того, оно выходило в море, для чего имело выдвижные кили. Мелководный проток Джамандарья, хотя и затруднял плавание, но рейсы здесь совершались несколько раз в навигацию.

После потери Ак-Мечети хивинцы уже не смели переправляться через Сырдарью и грабить казахов, которые при взятии мелких крепостей срывали ненавистные им гнезда разбойников.

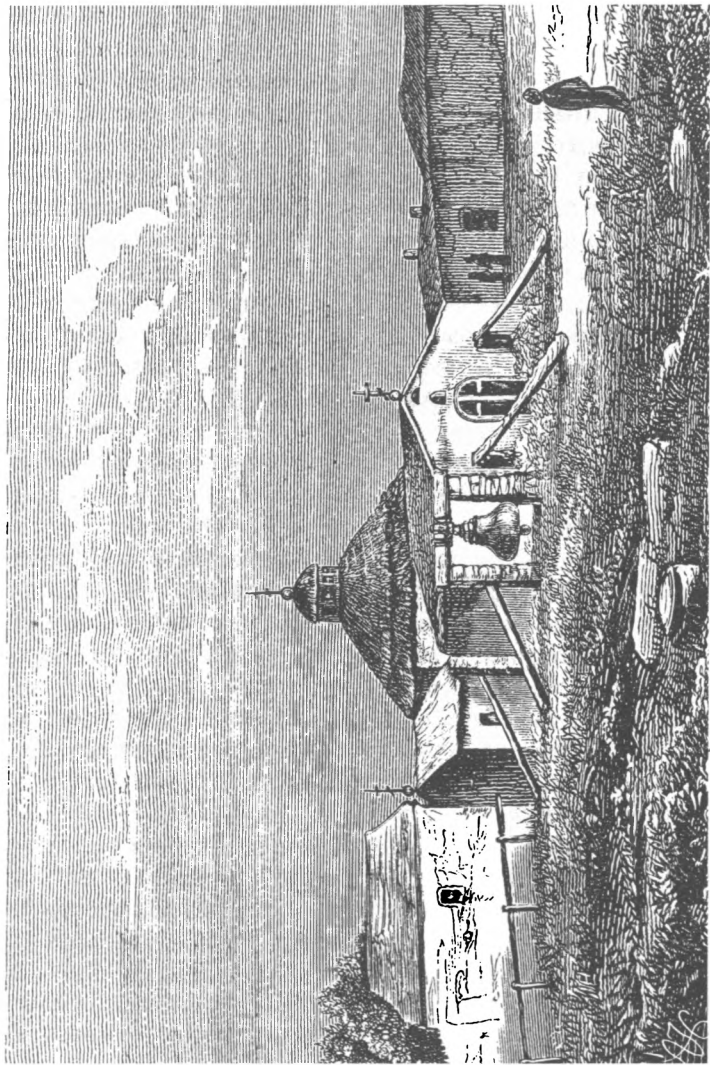
Невиданные до того времени пароходы потрясли воображение аборигенов и подняли престиж Петербурга в этих палестинах. Хивинцы боялись их больше чумы и убегали подальше от берегов.

При этом затруднения, встречаемые «Перовским» в протоке Джамандарья, возросли настолько, что местное начальство просило о постройке новых пароходов, с меньшим углублением. И в 1862 г. «Арал» (40 и. л. с., осадка 1,04 м) и «Сырдарья» (20 и. л. с., осадка 0,87 м) сошли на воду, а в 1863 г. — плавучий док. Суда эти и поддерживали, главным образом, сообщение форта Перовского с нижними фортами.

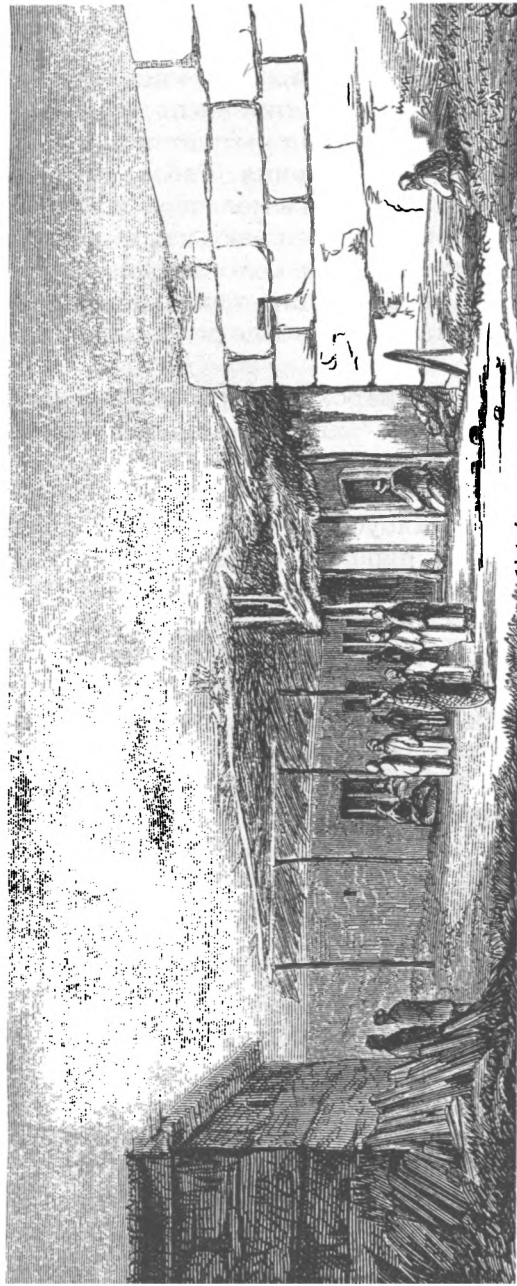
В 1862—1863 гг. А. И. Бутаков провел съемку Сырдарьи выше форта Перовский, а в конце 1863 г. Алексея Ивановича отозвали в Петербург, где он в чине контр-адмирала некоторое время работал в Морском ученом комитете.

Постепенно русские войска поднимались по Сырдарье и занимали укрепления, лежащие выше Ак-Мечети: в 1863 — Яны-Курган, в 1864 — Туркестан (Азрет) и в 1865 — Ташкент и Чиназ.

«Перовский» же, по мере занятия этих пунктов, служил для сообщения их с фортом Перовским. Но

Церковь форта № 1. Казала (Казалинск), 1869 г.

Бухарский базар в форте Перовском, 1869 г.

скоро выяснилось, что пароходов недостаточно, так как «Перовский», плававший впоследствии до Чиназа, из-за маломощной машины слишком медленно ходил против верхнего течения. Работа же пароходов «Арал» и «Сырдарья» из-за мелководья протока Джамандарья год от года замедлялась и шла только в половодье, продолжавшееся не более месяца. В остальные же 6—7 месяцев навигации пароходы бездействовали, если не считать небольшие рейсы вверх и вниз от форта № 1.

Так, в 1863 г. пароход «Арал» пытался ходить между Перовским и Чиназом, но, по слабости машины, плавание это замедлялось верхним течением Сырдарьи.

После этого малоуспешного рейса пришлось заказать в Бельгии пароход «Самарканд» (70 и. л. с., осадка 0,84 м). Корпус судна доставили в Петербург в конце июля 1866 г. и в августе отправили в Самару. Пароход впервые пошел по Сырдарье в 1869 г. Судно это, построенное специально для хода против верхнего течения Сырдарьи, полностью оправдало свое назначение. «Самарканд» по силе машины и малому углублению считался лучшим и наиболее удачным пароходом флотилии, хотя имел один недостаток: легкий железный корпус и довольно слабое крепление, чем, собственно, и достигалась такая малая посадка, делали плавание в море рискованным.

Для прохода протоком Джамандарья в 1872 г. спустили пароход «Ташкент» (35 и. л. с.), но оказалось, что он погрузился даже более «Сырдарьи». Поэтому из-за маломощной машины рейсы «Ташкента» оказались незначительными.

Так, за короткое время постепенное обмеление низовья Сырдарьи заставило уменьшать осадку пароходов. Одновременно возрастала потребность в мощных машинах, чего при условиях глубины, ширины и крутизны колен в нижнем течении, а особенно

Джамандарьи, достичь так и не удалось. А постепенное обмеление низовья Сырдарьи угрожало совершенно прекратить работу пароходов флотилии ниже форта Перовский.

Быстрое течение и часто меняющее свое положение мелководное русло коварной Сырдарьи иногда играло злые шутки с судоводителями. Ложась спать под мерное журчание воды, утром они могли проснуться в полной тишине... среди песков...

Именно так в навигацию 1873 г. «Самарканд» очутился в жалкой, грязной луже. Спас пароход сотник Кулбай-бек. Вместе с казаками своего аула он построил плотину вокруг севшего на мель судна, прорыл канал и вывел по нему «Самарканд» на глубокую воду.

Через несколько лет несчастье постигло пароход у форта Перовский. В ночь с 15 на 16 января 1881 г. «Самарканд» получил пробоину и лег на дно реки, которое в этом месте имело уклон 32° . Над поверхностью воды торчали кожух левого колеса, дымовая труба, половина мостика и средняя часть левого борта.

Обычные методы судоподъема — при помощи понтонов, под которые можно было приспособить баржи, — в этом случае негодились. Водолазы не могли работать в полной темноте мутных и быстрых вод Сырдарьи. Кулбай-бек согласился и на этот раз построить плотину, запросив 6000 руб. Сумма по тем временам немалая, но Кулбай предполагал выполнить работу за 30 дней при ежедневном участии 310 человек. У начальника Аральской флотилии имелось только 2000 руб. Соглашение не состоялось, и ранней весной казахи отправились на кочевья.

Из Казалинска в начале апреля прибыл корабельный инженер флотилии подпоручик А. Г. Бетхер. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он удачно поднял на Дунае два турецких

броненосца, затопленных у Никополя. Попытки вытащить пароход по каткам при помощи талей, браги и трех шпилей с ручным приводом ни к чему не привели. Корпус затянуло илом, и брагу завести не удалось. А строительству плотины мешало быстрое течение, разносившее щиты и мешки с песком.

Матросы работали на 13 ручных помпах. Казахи отливали воду черпаками. Но в плотине обнаружилось много протечек. Через 3 дня на плотину пригнали несколько сот верблюдов. Прогуливаясь туда-сюда, животные так и не смогли утрамбовать плотину. Места протечек огораживали плетнями, забивали мешками с песком и укрепляли вбитыми в грунт жердями.

До 21 ноября круглосуточно качали воду, но уровень её оставался на отметке 2,14 м. К этому времени 25-градусные морозы и пронизывающий ветер прекратили работы, и казахов отпустили по домам.

В 1882 г. предполагалось использовать на откачке воды уже 300 матросов, две баржи и пароход «Сырдарья», а водоотливные средства усилить двумя паровыми помпами с плавучего дока флотилии. Однако небывалое до того весеннее половодье затопило лагуну и повредило плотину. Поэтому от дальнейших работ по подъему «Самарканда» пришлось отказаться.

Из-за мелководности и изменчивости фарватера Сырдарьи пароходные рейсы здесь носили случайный характер, отнимали много времени и обходились очень дорого. Исходя из этого, в 1883 г. Аральскую флотилию пришлось упразднить. Часть её имущества передали Амударьинской флотилии, решение о создании которой последовало в 1885 г. в связи с планами Министерства путей сообщения (МПС) продолжить Закаспийскую железную дорогу до Каахка (до пересечения с Амударьей у Чарджуя), а затем до Самарканда.

Глава 3. Битва в пустыне

Едва ли не самые большие усилия пришлось приложить Петербургу для покорения воинственных текинцев, нападавших на аулы и грабивших караваны. Текинцы — одно из племен туркменов — занимали оазис Ахал-теке, представлявший собою небольшую полосу плодородной земли длиной в 256 км и шириной не более 21 км у подножия хребта Копетдага, от села Кизыл-арвата до села Гяурса. Число оседлых текинцев Ахала до разгрома их в 1881 г. определялось в 18 000 кибиток. Число кибиток кочевых уже после войны равнялось 3300.

В общем, текинцы в 1880 г. не превышали 105 000 душ обоего пола. Кроме скотоводства и зачатков земледелия, джигиты промышляли разбоем и грабежом в Персии, Хиве и Бухаре.

Петербург начал сношения с баями Туркмении еще при Петре I, когда для обеспечения трагически закончившейся экспедиции Бековича-Черкасского в Хиву построили на восточном берегу Каспия два укрепления: у залива Тюб-Карачан и на Красноводской косе. Но после несчастного для России похода 1717 г. эти укрепления пришлось покинуть. С тех пор до 1834 г., когда при императоре Николае I в заливе Кайдак построили Ново-Александровское укрепление, русских поселений за Каспием не было.

Только в 1834 г. Россия выслала для крейсерства у персидских берегов военное судно, а затем и целую эскадру. А в 1841 г. заняла остров Ашур-аде для якорной стоянки эскадры и для устройства на нем торговой фактории.

С 1846 г. Ново-Александровское укрепление на северо-восточном берегу Каспия перенесли из залива Кайдак на Тюб-Караганский мыс, благодаря чему удалось защитить торговлю и рыболовство от морских разбоев.

В 1859 г. Петербург построил факторию в Красноводском заливе. Между тем успехи России в Средней Азии с 1864 по 1869 г. изменили положение дел в долинах рек Сырдарьи и Амударьи, ускорив ход событий. Коканд удалось отрезать от Бухары, которая потеряла также и Самарканд.

Оставалось одно Хивинское ханство, еще нетронутое и гордое разгромом русских в 1717 и 1839 гг. Хива, стремясь привлечь на свою сторону не только туркмен, но и оренбургских киргизов, в 1869 г. стала открыто враждовать с Петербургом. Одновременно с этим эмир Афганистана Шир-Али-хан создал антирусскую коалицию. Заволновалась Бухара, хивинский хан выслал на русскую границу войска, в Оренбургской степи начались беспорядки.

Требовалось парализовать союз мусульманских стран, отделить туркмен от Хивы, и 5—7 ноября 1869 г. Красноводский залив занял небольшой отряд кавказских войск полковника Столетова, который в августе 1870 г. занял Таш-арват-кала. Однако из-за недостатка продовольствия, подвозимого с величайшим трудом по безводной пустыне, удержаться на занятой позиции русские так и не смогли.

Казаки стали изучать район будущих действий, привлекая туземцев на свою сторону. Действовавшие здесь в 1871—1872 гг. небольшие отряды разведчиков обеспечили в 1873 г. поход русских из Красноводска и залива Киндерли к Хиве.

Разгром Хивы поверг текинцев в уныние. Уже в 1876 г. они готовились подчиниться персидскому шаху, что побудило Петербург послать в 1877 г. отряд генерала Ломакина (9 рот, 2 сотни казаков и 8 орудий, всего 1820 человек) для захвата Кизыл-арвата.

Наступление русских прошло успешно, но джигиты отступили в глубь страны, и отряду из-за недостатка продовольствия пришлось вернуться. В 1878 г. генерал Ломакин выступил из Чикишляра,

занял Чат (при слиянии Атрека и Сумбара), построил в нем крепостицу и оставил небольшой гарнизон.

Однако вооруженные толпы текинцев вновь появились не только под Красноводском и вокруг Чата, но даже на Мангышлакском полуострове, а затем напали на Чикишляр. Поэтому весной 1879 г. в Чате пришлось сформировать мощный отряд, способный покорить ахалтекинцев.

После захвата оазиса предполагалось занять линию по Узбою (старому руслу Амударьи) и для охраны красноводско-хивинской караванной дороги построить здесь укрепление. В отряд назначили 16 с четвертью батальонов, 18 сотен казаков, 2 эскадрона и 34 орудия.

Из этих войск генерал-адъютанта Лазарева собственно действующий отряд составили 4000 пехоты, 2000 кавалерии и 16 орудий, остальные предназначались для охраны коммуникаций. Предварительные расчеты о сборе перевозочных средств не оправдались, и состав отряда пришлось сократить сообразно с грузом, который могли поднять 6700 верблюдом, — до 8 $\frac{1}{4}$ батальонов, 10 сотен и 16 орудий с артиллерийским парком (по 80 патронов на винтовку и полкомплект снарядов на орудие).

С восточного берега Каспийского моря в оазис вели два пути: от Чикишляра по Атреку и Сумбару и от Михайловского залива к Кизыл-арвату. Первый шел через Чат в Дуз-олум и у Ходжа-кала раздваивался: одна дорога вела к Кизыл-арвату (352 км), а другая — через Бендесенский перевал в текинское село Бами (325 км). На первом пути пресной воды имелось с избытком. Второй путь весьма беден хорошей питьевой водой. Дорога длиной 235 км на первых 32 км пролежала по песчаным барханам, далее пересекала отрог Малый Балхан.

Для вторжения выбрали путь по Атреку и Сумбару как более удобный. В это время русские войска уже заняли Чат.

В дальнейшем планировалось построить в Бендесене и Ходжа-кала склады с 7-недельным запасом, вызвать в Бендесен текинских старшин с семьями, арестовать их и отправить заложниками на Кавказ. А затем двинуться в оазис с 20-дневным запасом, оставив в Бендесене месячный запас.

Коммуникации с Россией предполагалось поддерживать так: от Чикишляра до Чата — на 1500 арбах, от Чата до Дуз-олума — 40 войсковых фургонов и 500 верблюдов и от Дуз-олума до Бендесена — на 2800 верблюдах.

Лазарев думал занять оазис без боя. Но текинцы сопротивлялись яростно и, укрепившись около бугра Денгил-тепе, начали строить крепость Янги-шаара (новый город) такого размера, чтобы вместить всех собравшихся жителей. Но, несмотря на усиленные работы, крепость к приходу русских 28 августа 1879 г. так и не удалось закончить. Южную часть текинцы совсем не укрепили, восточный фас сделали только наполовину, с других сторон стены не довели до надлежащей высоты, так что все кибитки оказались на виду.

Но 14 августа Лазарев скончался, и место его занял генерал Ломакин. 21 августа войска, назначенные к штурму Геок-тепе (6 $\frac{1}{4}$ батальона, 6 сотен, 2 эскадрона, 6 ракетных станков и 12 орудий), сосредоточились в Бендесене и отсюда двинулись к Вами по дороге через Бендесенский перевал. Остальные (10 рот, 4 орудия, 2 сотни казаков и 2 ракетных станка) остались у Ходжа-кала и Бендесена для обеспечения пути между Дуз-олумом и Бендесеном.

Действующий отряд имел продовольствие на 15 дней, 120 патронов на винтовку и комплект снарядов на орудие. При нем же следовал артиллерийский запас в 120 000 патронов и летучий отряд Красного Креста из 20 одноколок. Весь обоз состоял из 2350 верблюдов.

Северный фас штурмовали 2 батальона и 6 орудий, а западный — 3 $\frac{1}{4}$ батальона и 3 орудия. В 500 м от западного фаса остановился вагенбург под прикрытием шести сводных рот, одного батальона Ширванского полка и двух орудий. На асхабадской дороге стали 2 сотни казаков с 2 орудиями. Перед началом штурма внутренности укрепления обстреляли 8 орудий. Текинцы понесли серьезные потери. Около 5 часов войска бросились на штурм, но недостаточно дружно, и текинцы отбили их. Хотя русские беспорядочно отступили, но последовавшую затем вылазку текинцев удалось отбить. Из числа 3024 человек, участвовавших в бою, русские потеряли 453. Потери неприятеля доходили до 2000 человек.

Утром 29 августа войска отступили к Кара-карызу, 30-го — в Беурму. 16 сентября, из-за недостатка продовольствия, отряд перешел в Терсакан, а 23-го — частью в Дуз-олум и Чат, а частью — в Чикишляр. Главной причиной неудачи русских стала слабая организация тыла войск, несогласованность удара при штурме разных колонн, желавших упредить одна другую.

Следующий поход предприняли в 1880—1881 гг., возглавил его генерал-адъютант М. Д. Скобелев, формально подчинявшийся главнокомандующему Кавказской армией.

План захвата Геок-тепе Скобелев разработал ещё в Петербурге. Задача осложнялась тем, что при дефиците перевозочных средств в короткий срок требовалось перенести на 320 км вперед опорные пункты, находившиеся на берегу Каспийского моря, и передвинуть затем 13 120 т груза через пустыню и Копетдагские горы.

Назначение Скобелева состоялось 1 марта 1880 г., а в конце месяца он выехал на Кавказ для доклада главнокомандующему. На форту Александровском Скобелев был уже в конце апреля и обещал бойцам за честную службу послать их в первую боевую линию.

Первоначально исходной базой предполагался Чикишляр, неудобный по мелководью рейда и близости к Персии, откуда заатрекские юмуды могли нападать на транспорты. Поэтому Скобелев оставил Чикишляр базой Атрекской линии, а Красноводск, доступный для буксируемых барж с осадкой: весной и летом до 1,83 м, а осенью до 1,22 м, — базой экспедиционного отряда.

Решив этот важный для похода вопрос, Скобелев распорядился о постройке пристаней, найме крючников и заказе опреснителей, так как ни в Красноводске, ни на Михайловом посту пресной воды не было. Для подвоза грузов требовалось от 18 до 20 тысяч верблюдов с погонщиками и вьючной сбруей. Верблюды скупались: в Оренбургском крае, Хиве, Мангышлакском пристастве, между Атреком и Гюрге-ном и даже возле Буджнурда.

Удалось собрать и доставить на сборные пункты (Красноводск и Чикишляр) в июне-сентябре около 16 000 животных. Опасаясь, что дефицит перевозочных средств снова приведет к поражению, Скобелев командировал полковника Гродекова для формирования в северных провинциях Персии гужевого колесного транспорта. Кроме того, началось строительство конной железной дороги от Красноводска до Кизыл-арвата, которую впоследствии частично перевели на паровую тягу.

Ахалтекинский оазис можно было взять только внезапным ударом значительных сил, имея возможность доставить войскам все необходимое. А для этого требовалось построить железную дорогу. В Петербурге Скобелев докладывал об этом, но не настаивал, опасаясь запугать правительство огромными расходами. Однако обстоятельства заставили именно так решать вопросы снабжения войск.

Убедившись в недостатке перевозочных средств, Скобелев начал формировать этапные линии для снабжения отряда всем необходимым. Заготовку мяса

вели с подряда, но на всякий случай в окрестностях Петровска собрали 196 800 голов живого скота и запас пищевых консервов.

Зная по личному опыту, какое значение придают азиаты артиллерии, Скобелев, кроме устарелых орудий (4- и 9-фунтового калибра и картечниц), полученных в кавказских складах, просил прислать в отряд три легкие батареи дальнобойных орудий, десять $1\frac{1}{2}$ -пудовых мортир, морские картечницы, ручные мортирки и гранаты. Этим он довел число орудий до 10—12 на 1000 человек. А запас патронов и снарядов составил 6 комплектов.

Для лечения больных и раненых, в дополнение к Красноводскому лазарету на 100 человек, развернули Чикишлярский (200 коек) и Чатский (400 коек), добавили один госпиталь в Красноводске на 200 мест и 2 госпиталя — в резерве.

К приезду Скобелева в Чикишляр (7 мая) на Атрекской линии войска заняли и оборудовали этапы: Чикишляр, Кираджа-батыр, Яглы-олум, Чат и Дуз-олум. Всего на линии находились: 26 рот, 8 сотен казаков, 8 запряженных, 10 незапряженных орудий и 1 команда (4570 человек и 1786 лошадей).

В Дуз-олуме (база экспедиционного отряда) уже имелся месячный запас муки на 8000 человек, то есть шестая часть требуемого, и Скобелев решил продвинуться вперед, заняв для этого Ходжа-кала, узел двух дорог, расходящихся отсюда в оазис. Для этого он сформировал два отряда: передовой (7 рот, 4 сотни, 18 орудий), под командованием полковника Гродекова, и подвижной резерв (3 роты, 1 сотня, 4 орудия) — для содействия, в случае необходимости, передовому.

Для сосредоточения этих войск и их грузов в Дуз-олум наняли 3000 верблюдов, и 27 мая полковник Гродеков, не дожидаясь прихода всех частей его отряда, выступил с 6 ротами, 2 сотнями, 4 орудиями и ракетной командой из Дуз-олума. Эти малочисленные

силы 30 мая заняли Ходжа-кала. Затем сюда из Дузолума пришли войска передового отряда (6 рот, 16 орудий и верблюжий транспорт с 360,8 т продовольствия), которые 10 июня заняли Бами. Здесь и организовали склад продовольствия.

Базирование на Бами, отстоявшего в 120 км от Геок-тепе, позволило, закончив Атрекскую линию, начать строительство железной дороги от Кзыл-арвата до Мулла-кари и оборудовать вторую линию — на Михайловский залив. Кроме того, через Бами проходила дорога, удобная для артиллерии и обозов.

Заняв Бами, русские разрезали оазис на две части и не позволили текинцам собирать урожай. Наконец, Бами стоял на 55 км ближе к Геок-тепе, по сравнению с Кизыл-арватом.

Текинцы несколько раз пытались вернуть Бами, но неудачно. Однако дальнейшее движение русские могли начать, только сосредоточив здесь 6-месячный запас продовольствия.

В Бами немедленно построили укрепление, вооружив его артиллерией, прибывшей из Чикишляра, Чата и Дуз-олума. Тогда же русские солдаты собрали пшеницу в окрестностях вплоть до Беурмы, а кавалерия, атаковав село Арчмон, уничтожила здесь запасы хлеба.

Организация этапов на Михайловской линии шла успешно. Сами этапы, или крепостцы с обширными складами и малым гарнизоном, обеспеченные всем для жизни и боя, при наличии гелиографной (а позже и телеграфной) связи между ними, всегда могли поддержать конвои, сопровождавшие транспорты, и обеспечить безопасность их следования.

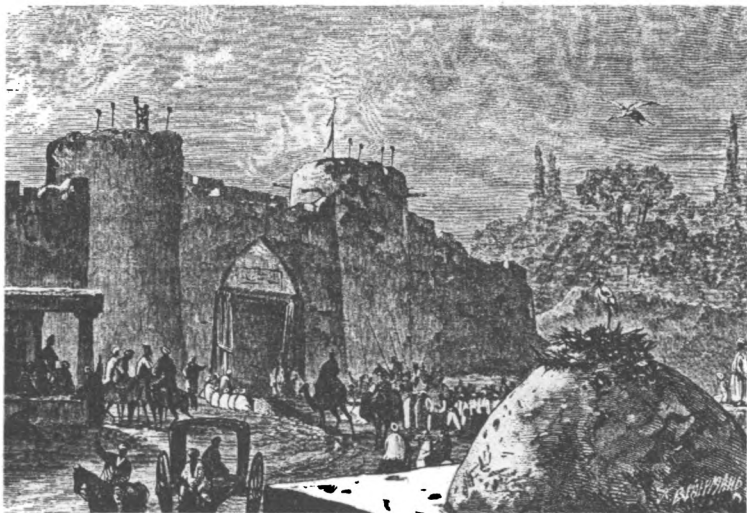
Этапные линии позволили медленно, но верно двигаться к намеченной цели — сосредоточению запасов в Бами. «Каждый лишний пуд, продвинутый из тыла вперед, — говорил постоянно Скобелев, — способствует успеху похода». Войска с Кавказа прибывали постепенно, с 20 мая по 26 ноября 1880 г., и

вначале сменяли гарнизоны на Атрекской и Михайловской линиях. А затем продвигались вперед, заменяя части, нуждавшиеся в отдыхе.

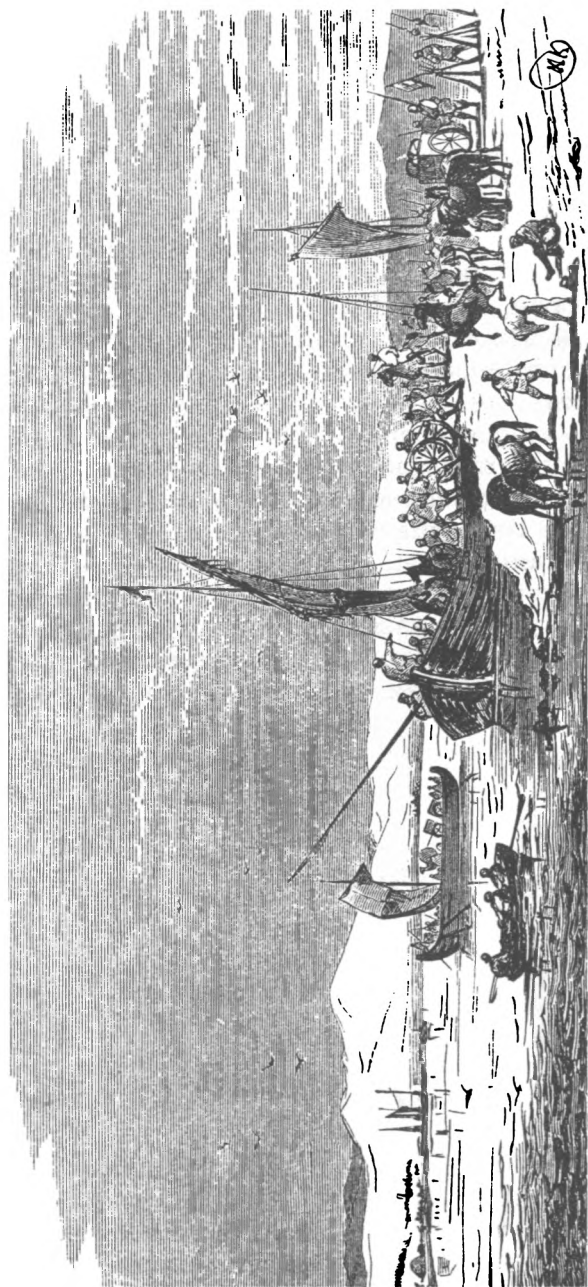
Небольшой отряд (3 $\frac{3}{4}$ роты, 4 сотни, 10 орудий и 8 ракетных станков, то есть 344 пштыка, 311 пашек, 128 артиллеристов, 494 лошади) под личным командованием генерал-адъютанта Скобелева 1 июля выступил из Вами и пошел к Геок-тепе. Обоз отряда состоял из 13 войсковых фургонов (продовольствие на 6 дней), скота — на 12 дней и двух одноколок Красного Креста.

В Вами остался резерв (2 роты и 15 орудий), 5 июля отряд подошел к селению Егян-батыр-кала, где встал на ночлег. На другой день Скобелев обошел вокруг крепости. В Геок-тепе находилось до 25 000 вооруженных текинцев.

Затем Скобелев вернулся в Вами. В конце июля текинцы начали вылазки, решив отрезать генерал-адъютанта от путей сообщения, овладев Бендесенским перевалом, а затем захватить Вами и уничтожить

Ворота крепости Хазар-аск

Переправа русских через Амударью

свезенные уже в него запасы. Для этого 30 июля 1880 г. выступила толпа джигитов из 4000 пехоты и 600 всадников. Но, встретив отряд полковника Вербицкого, шедший на Арчман, текинцы повернули обратно.

Уже в конце ноября 1880 г. в Бами и укреплении Опорное (бывший Коджа) удалось сосредоточить 5-месячный запас продовольствия на 8000 человек и 2-месячный на 4000 лошадей.

Обеспечив войска всем необходимым на срок значительно больший, чем это удалось сделать в 1879 г., Скобелев начал сосредоточение частей отряда. С 28 октября 1880 г. войска двинулись с Кавказа в Чикишляр и Михайловский залив. Но движение к Геок-тепе началось ранее сосредоточения в Бами всех частей отряда, так как Скобелев решил поставить в одном переходе от Геок-тепе укрепление, подвезти туда запасы и затем уже начать штурм крепости.

Число защитников Геок-тепе простиралось до 30 000, из них конницы до 10 000, число же всех жителей в крепости доходило до 45 000 человек. Текинцы имели около 5000 ружей, из них 600 скорострельных, одно медное 6-фунтовое орудие и два чугунных на станках. Холодное оружие — шашки и пики — имелось в значительном количестве. Постройка крепости была закончена, она стояла на довольно открытой равнине, изрытой канавами. Запасы хлеба почти отсутствовали, а фуража и топлива не имелось вовсе.

К 20 декабря большая часть действующего отряда собралась в Самурском. Здесь уже находились 38 рот, 11 сотен и эскадронов, 72 орудия и 11 ракетных станков (4880 штыков, 1175 шашек, 965 артиллеристов).

В Янги-кала (стоявшей в 1,7 км от крепости) устроили укрепленный лагерь, перевезя из Самурского орудия и все виды довольствия. Два дня, 21 и 22 декабря, производились новые рекогносцировки крепости:

генералом Петрусевичем (6 сотен и эскадронов и 2 орудия) — восточного и северного фронтов и лично Скобелевым (1 батальон, 1 сотня, 1 орудие) — западного и южного.

Начав осаду, Скобелев опасался, что джигиты уйдут из крепости в пески или к Асхабаду. Это бегство могло разрушить все планы по решительному удару. Поэтому кавалерия генерала Петрусевича (дивизион драгун и по сотне Таманского, Полтавского и Лабинского казачьих полков) с конно-горным взводом стала у садов Джула-кала.

На рассвете 23 декабря колонна атаковала сады, но взять их не удалось. В атаке погибли генерал Петрусевич, 2 штаб- и обер-офицера и 12 рядовых и получили ранения: 1 обер-офицер и 37 нижних чинов.

Вечером 28 декабря около 4000 текинцев Тыкмасердара стремительно напали с одним холодным оружием на правый фланг осадных работ и в охват его. Текинцы, сбив две передовые роты, овладели всем флангом, в то время как другая их толпа шла в обход, к лагерю.

Но вскоре подошла 3-я рота Закаспийского батальона. В 7—10 минут русские вернули назад позиции. Джигиты поспешно отступили в крепость, прихватив с собой орудие с двумя ящиками и знамя Апшеронского полка.

Этот бой оставил у русских гнетущий осадок, противник же возликовал. Осадные работы подвигались, тем не менее, быстро.

Чтобы сгладить впечатление неудачи 28 декабря, Скобелев приказал взять штурмом три Великокняжеских калы. Приказ этот исполнили. Текинцы, в свою очередь, провели еще два нападения вечером 30 декабря, столь же успешные, как и ранее (русские потеряли убитыми и ранеными 150 человек и 1 орудие). Затем, 4 января, текинцы провели свою последнюю вылазку на мортирную батарею левого фланга, отраженную со столь значительным уроном (большим,

чем за все время осады), что в дальнейшем они уже более не повторялись.

Затем спешно укреплялись фланги. Скобелев, опасаясь, что слух о захвате текинцами знамени и двух орудий неблагоприятно отзовется в тылу, приказал работать еще с большей энергией, и 12 января войска двинулись на приступ.

Движение колонны Гайдарова приковало к ней внимание текинцев, все их начальники собрались на углу. В 11 часов 20 минут взорвали мину. Впечатление было ужасным. После взрыва артиллеристы обстреляли северо-восточный угол и северную часть крепости, а колонна полковника Куропаткина, разделенная на три части, бросилась на штурм обвала.

После короткого, но упорного рукопашного боя текинцев удалось сбить с обвала, а затем, когда русские войска ворвались внутрь крепости и овладели участками стены по обе стороны обвала, джигиты начали медленно отступать к северо-западному углу крепости и холму Денгил-тепе, но Куропаткин быстро овладел им.

В это время джигиты уже покидали крепость. Преследование неприятеля продолжались на 16 км, и многие семьи удалось вернуть в Геок-тепе — для того чтобы впоследствии умиротворить край. У неприятеля отбили: 2 горных орудия и знамя 4-го батальона 81-го пехотного Апшеронского полка, захваченные текинцами во время вылазок.

Потери русских 12 января 1881 г. составили: убитыми 4 офицера, 55 нижних чинов, ранеными 18 офицеров, 236 нижних чинов, контуженными 12 офицеров, 73 нижних чина. Потери неприятеля простирались до 6—8 тысяч человек.

Далее текинцы сопротивления нигде уже не оказали. Войска дошли до Люфтабада без выстрела. Несломленным стоял только Мерв, который присоединил к России сын Али-хана — одного из сподвижников легендарного Шамиля. Лишь благодаря его влиянию на

местную элиту в феврале 1883 г. удалось без крови подчинить Петербургу Мервский оазис.

Для преследования текинцев, ушедших в пески и расположившихся у колодцев, отправился отряд, сделавший 533-километровый переход по пустыне. Текинцы начали возвращаться, отчасти благодаря ласковому с ними обращению русских властей, а отчасти потому, что семьи многих из них оставались в крепости.

Большое содействие умиротворению края оказала железная дорога, постройка которой шла следующим образом: к октябрю 1880 г. 24-километровый путь уложили от Красноводска до Мулла-калы, а к январю 1881 г. дотянули уже до 123-го километра. Сюда уже ходили паровозы, полотно же протянули до Казанджика. Параллельно с этим до 156-го километра проложили конную железную дорогу, которая ежедневно доставляла в Бала-Ишем до 33 т груза.

Экспедиция 1880—1881 гг. окончилась победой. Петербург обязан этим успехом славным войскам и генералу Скобелеву, волей и энергией обеспечившему отряд продовольствием для операций в пустыне, и искусным действиям против неприятеля. Покорение самого воинственного племени Средней Азии прошло благодаря строительству путей сообщения в Туркестане.

Глава 4. Выход в Туран

Туран — древнее название Южного Туркестана и части соседних с ним стран. За многие века преобладавшие здесь тюрки приняли культуру Ирана, отразившуюся и на их речи. Такого же рода были и скифы-сака, перенесшие около III в. до н. э. свое имя ка-сака или кос-сака на Северный Кавказ, где они слились с приазовскими славянами.

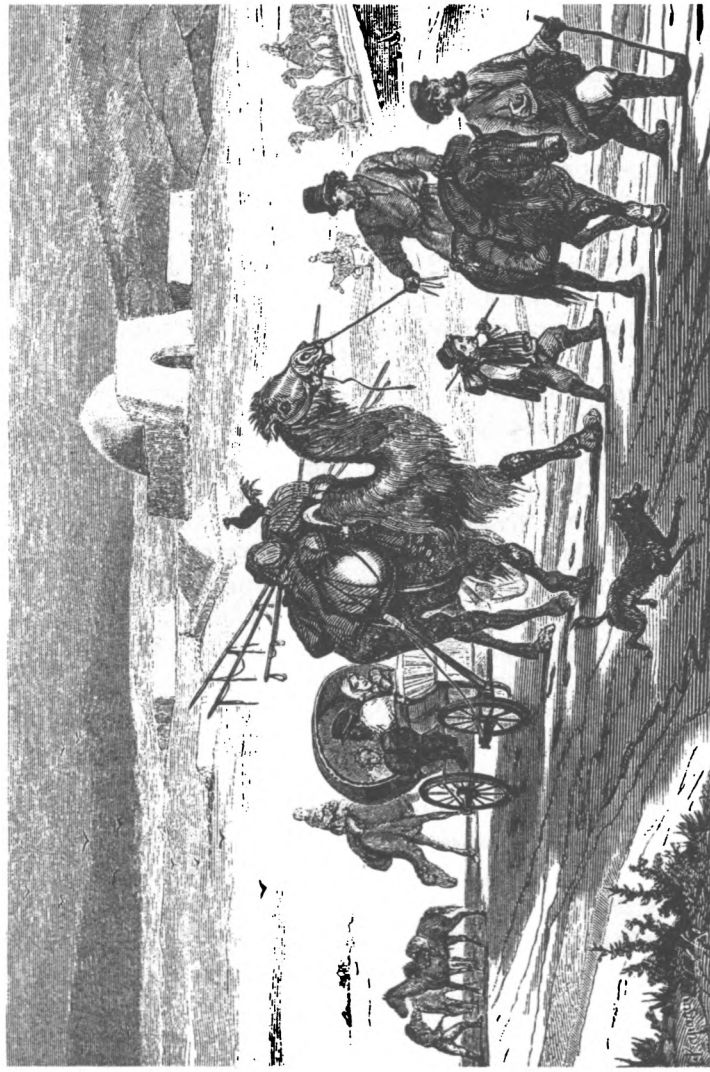
С расширением владений на Востоке Петербург начал улучшать дороги в Туркестане, где еще в 70-х годах XIX в. большую часть грузов перевозили караваны верблюдов. Но эти медлительные корабли пустыни тормозили развитие торговли и не могли обеспечить значительную массу войск, необходимых для контроля покоренной Средней Азии.

Вскоре после занятия Верного в 1853 г. почтовый колесный путь пролег отсюда к Семипалатинску. Затем в 1858 г. установили связь между Орском и фортом Карабутак. В 1862 г. — между фортами Карабутак и № 1 (Казалинск). После занятия Ташкента в 1865 г. началось сообщение от Верного на Аулие-ата и Чемкент, а отсюда вверх по Сырдарье. В 1866 г. из Ташкента же провели дороги: на форт № 1 и на Уратюбе через Ходжент. И, наконец, в 1869 г. открыто почтовое сообщение от Ташкента в Самарканд через Чиназ и Джизак.

Вся эта сеть грунтовых путей, а также строившиеся уже железные дороги (Нижегородско-Тюменская с ветвью от Екатеринбурга через Троицк к Ташкенту и Самаро-Оренбургская) теснее связали Россию с рынками Китая и Средней Азии. Однако вне этих дорог осталась плодородная долина реки Амударьи, отделенная от них огромным пространством песков и кряжами высоких гор.

Учитывая огромные затраты, оказалось невыполнимым построить железную дорогу между Тураном и сетью сообщений северной и средней части Туркестана. Поэтому пришлось заняться улучшением судоходства по реке Амударья. Тем более что в её долинах проживала большая часть степного и оседлого населения.

В 1858—1859 гг., содействуя научно-дипломатической миссии в Хиве, в состав которой входили астроном О. В. Струве (впоследствии директор Пулковской обсерватории) и будущий изобретатель первого в мире самолета лейтенант флота А. Ф. Можайский,

Караван русской плотничьей артели, направляющийся в Ташкент, 1870 г.

Пленный, 1870 г.

Бутаков исследовал Амударью. Поднявшись на пароходах вверх по течению до города Нукуса, он провел съемку этой капризной реки.

Затем в 1874 г. гидрографический отдел Амударьинской экспедиции Русского географического общества собрал довольно полные сведения о реке на протяжении от русско-бухарской границы до моря.

В 1879 г. пароход «Самарканд» под командованием капитан-лейтенанта Брюхова дошел до Ходжа-Соляра и доказал, что Амударья в верховьях также доступна для плавания.

Этот поход имел огромное значение для русского парового судоходства в водах Средней Азии. Дело в том, что капризная Амударья, рожденная от таяния горных снегов, отличается быстрым и своенравным течением с прихотливо извивающимся изменчивым руслом. В верховьях скорость течения достигает 19,2 км/ч. Ударяясь о берег, оно зачастую смыкает его. Путь судну преграждают мели, перекаты, пороги, а 10 км по прямой вдоль береговой линии соответствуют 37 км движения по воде.

Амударьинская флотилия

В 1885 г. МПС потянуло Закаспийскую железную дорогу к Каахку (то есть до пересечения с Амударьей у Чарджуя), а затем к Самарканду.

Так крупнейшая река Средней Азии попала в зону влияния железной дороги. Поэтому Военное ведомство решило создать флотилии для транспортировки войск и грузов от железной дороги к верховьям реки.

Начало Амударьинской флотилии следует относить к лету 1888 г., когда Чарджуйские железнодорожные мастерские собрали и спустили на воду 2 парохода и 2 баржи. На судах развеивался андреевский флаг, но подчинялись они командующему войсками Туркестанского военного округа.

Нужно сказать, что суда флотилии создавались для чрезвычайно трудных условий плавания, так как при высокой начальной скорости и сравнительно большом падении Амударья летом приобретает характер потока, бурно несущегося по беспредельной песчаной равнине. В малую воду (с октября по апрель) течение значительно тише, но и тогда, не скованная прочными берегами, протекая по мягкому грунту, при частых колебаниях уровня, Амударья остается своенравным капризным детищем пустыни. То, что в других местах называется фарватером, так часто меняет свое положение, что обвехование его не имеет смысла.

Поэтому здесь не применялись обычные способы судовождения, так как, прежде чем идти по фарватеру, его требовалось отыскать. Что позволял только солидный опыт плавания, дававшийся с годами, требовавший напряжения зрения и памяти при наличии особого лощманского чутья. Фарватер определяли по цвету воды. Будучи грязно-коричневой вообще, на глубоких и мелких местах она принимает различные оттенки. Сообразуясь со световым освещением дня, направлением течения, размером бурунов и другими признаками, лощманы определяли курс. Вечером, с наступлением темноты пароходы приставали к берегу и вставали на швартовы до рассвета. Только в очень редких случаях плавание совершалось ночью, и то не на всех участках.

При таком индивидуальном характере судовождения посадки на мель происходили не только из-за перекатов, оползания берегов и скорости течения, достигающей до 16 км/ч, но и из-за ошибки лощмана. Кстати сказать, перекаты, как и все на Амударье, носят временный характер, они ползут, смываются, вырастают выше или ниже, не имеют определенной глубины и так далее.

Река зачастую играла злые шутки с судоводителями. Академик А. Н. Крылов в своих воспоминаниях описал курьезный случай, когда один из пароходов во

время разлива сел на мель в 100 м от берега, не успел вовремя сняться и оказался среди песков. Так как якорь при этом был отдан и судно находилось «под вымпелом», то команда регулярно получала «морское довольствие по положению». Вахтенный журнал велся очень аккуратно под общим заголовком: «Стоя на якоре близ кишлака Абдул Чекмень, с полудня случаи». Такое плавание «посуху, яко по морю», продолжалось более двух лет, пока из Петербурга не нагрянуло какое-то «начальствующее лицо», возбудившее против командира и офицеров «судное дело». Однако при разбирательстве постановку на мель отнесли к «неизбежным случайностям». В остальном же командир отговорился тем, что на Амударье случаются совершенно неожиданные паводки, и он держал вверенный ему пароход в постоянной готовности при первом же случае сняться с мели. Служба протекала во всем согласно морскому уставу, а довольствие производилось во всем согласно уставу счетному. Составы преступлений суд не нашел, все были оправданы, и дело прекращено.

Корабельный состав флотилии постепенно нарастал. К концу 1901 г. на Амударье служили: 6 колесных пароходов, 2 паровых катера и 13 баржей при 1390 человек команды и 19 офицерах. Личный состав с 1894 г. набирался исключительно из сухопутных войск. На этом постройка судов закончилась, если не считать того, что в 1915 г. флотилия собственными силами установила нефтяной двигатель на барже «Верный» (переименованной в «Теплоход»). В Чарджуе находились мастерские и стапеля, достаточные для производства капитального ремонта судов, а также для их постройки. Кроме того, имелись береговые и плавучие нефтехранилища. Вследствие постоянных и быстрых изменений очертаний берегов пристаней как таковых не было. Пароходы и баржи притыкались в любом удобном месте и грузились самым первобытным способом.

При постройке новых судов старались воспользоваться опытом плавания предыдущих, что выражалось, главным образом, в уменьшении их размеров и осадки. Однако за более чем 30 лет командование Амударьинской флотилии так и не смогло выработать тип наилучшего парохода. Это объяснялось тем, что флотилия находилась в казенных, бюрократических руках. В самом деле, на Волге, несмотря на плохие условия плавания между Нижним Новгородом и Казанью, не говоря уже о Верхнем плесе, Вятке, Оке, Каме и прочих реках, пароходство благополучно существовало и развивалось. Даже по Москве-реке, которую в то время и рекой-то назвать было трудно, ходили пароходы. Не имея конкуренции железной дороги и будучи стратегически нужной, флотилия не смогла вылиться в более или менее солидные формы.

Большая осадка судов зачастую обращала их плавание в ползание. Это вызывало быстрый износ днищ корпусов и машин, непрерывную ломку колес и непроизводительный расход топлива. Возникшее на Амударье частное судоходное общество «Хива», при очень скромных масштабах, оказалось для владельцев вполне прибыльным. И вскоре коммерческие суда с осадкой 0,76 м совершенно беспрепятственно ходили в любое время года (исключая короткий период ледохода).

Глава 5. Украины Семиречья

Казаков принудительно селили в Туркестане для охраны границы с Монголией. Заселение Семиречья начали сибиряки. В 1847 г. — на Аягуз прибыли 50 семей 9-го конного полка, основавшие Сергиопольскую станицу. Заселение продолжилось в 1849 г., когда в 60 км от устья Сырдарьи обосновалось еще 25 семей. Затем в 1850 г. в относительной близости возникла станица Капальская из 200 семей 10-го полка.

Интенсивное освоение степи началось в 1853 г. после принятия подданства России кара-киргизами Урман-Ниязбека. В следующем году отряд майора Перемышльского (2 сотни 7-го и 8-го Сибирских конных полков) занял долину реки Алматы. Для защиты своих тылов казаки построили Заилийское укрепление (город Верный). Затем сюда стали прибывать казаки с семьями (6, 7, 8 и 9-й полки), основавшие станицы Карабулакскую (позднее Урджарская), Лепсинскую, Коксуйскую, Алматинскую. Через 10 лет появились станицы Софийская, Надеждинская, Сарканская, выселки Арасанский и Карабулакский. В 1860 г. 6-я сотня 9-го Сибирского полка размещена в долине Каскелена и образовала станицу Каскеленскую. В этом же году разросшаяся станица Алматинская разделена на Больше-Алматинскую и Мало-Алматинскую (север). К этому времени в Семиречье переселились 7468 казаков.

В 1867 г. основаны Семиреченская область и Семиреченское казачье войско, подчинённые генерал-губернатору Туркестана, — всего 14 станиц и выселков. Командовал войском наказной атаман, он же военный губернатор и командующий войсками Семиреченской области. Первым атаманом войска стал генерал-майор Г. А. Колпаковский.

В 1870 г. введено почти полное самоуправление, в станицах важная роль отводилась сходу.

Семиреченцы прославились службой в Средней Азии. Они участвовали в Кульджинском, Кокандском, Андижанском и Хивинском походах.

В 1875 г. сюда же сослали уральцев, не признавших всеобщей воинской повинности. Они поселились в городе Казалинске и нажили свое благосостояние рыбным промыслом.

В 1883 г. к границам Монголии добровольно переселились казаки Сибири. Власти пробовали привлекать в казачью службу различными льготами и местных

крестьян, но желающих оказалось мало. К концу XIX в., кроме городов Казалинска и Верного (ныне Алма-Ата), где находился центр управления, семиреченские казаки населили 13 станиц: Сергиопольскую, Урджарскую, Лепсинскую, Сарканскую, Копальскую, Коксуйскую, Каскетинскую, Голубовскую, Надеждинскую, Софийскую, Большую Алматинскую, Малоалматинскую и Николаевскую. Кроме того, они имели 17 выселков. Всего казачьего населения к 1906 г. числилось 34 468 душ. В их распоряжении находилось 600 000 десятин земли. Казаки в области не составляли более 4% населения, даже русские превышали их в три раза, а главную массу составляли казахи, таранчи и киргизы.

Кроме службы по охране границы, станичники выставляли в русскую армию первоочередный конный полк в форме с малиновым лампасом.

В начале XX в. войско располагалось на территории юго-восточной части республики Казахстан и части республики Киргизстан. В 1913 г. население войска насчитывало свыше 26 000 человек обоего пола, из них на действительной службе в мирное время состояли 703 казака, которыми комплектовались гвардейский взвод и конный полк.

Казаки с семьями в основном проживали в 19 станицах и 15 выселках. Войско владело 681 000 десятин земли. Столицей являлся город Верный.

В Первую мировую войну казаки выставили гвардейский взвод и 3 конных полка — свыше 4000 человек.

В 1917 г. семиречи защищали порядок в крае. После разгона Учредительного собрания большинство их выступило против советской власти. В Гражданскую войну семиречи, возглавляемые сотником Б. Анненковым, боролись за свою независимость, и многие погибли в боях. Остатки белоказаков ушли в Западный Китай. В конце 1920 г. Семиреченское казачье войско ликвидировано.

Глава 6. Бои за Крышу Мира

В конце XIX в. для утверждения на Памире владычества Петербурга и ослабления здесь влияния Британии из Индии русские провели ряд экспедиций в этой высокогорной стране.

Впервые свои права на Памир России заявила в 1876 г. после окончательного покорения Кокандского ханства, в число владений которого входил и этот горный край. Однако отдаленность Памира и другие более важные политические события оставляли этот вопрос открытым.

Между тем британцы, пользуясь усилением своего влияния в Афганистане после войны 1878—1880 гг., начали подстрекать афганского эмира к захвату ханств Шугнана и Вахана, получивших, с падением Коканда, независимость. Одновременно англичане стали высылать сюда под видом научных экспедиций разведчиков и посланцев к правителям памирских ханств.

Однако и русский Генеральный штаб также стал посылать туда своих офицеров (экспедиция капитана Громбчевского в 1888—1890 гг.). Примеру англичан последовали китайцы, выставившие свои посты в долинах озер Ранг-Куль и Яшиль-Куль. Прибывшие затем афганцы оттеснили китайцев к Ранг-Кулю.

Затем в 1890 г. в Кашгар прибыла из Индии английская миссия — официально для учреждения в этом городе консульства, но на самом деле, для переговоров с Китаем о разделе Памира. Учитывая это, России пришлось действовать более решительно.

Для фактического занятия Памира 2 июня 1891 г. выступил из Маргелана небольшой отряд полковника Ионова, состоявший из команд 2, 7, 15, 16 и 18-го Туркестанских линейных батальонов и 24 станичников 6-го Оренбургского казачьего полка (всего 8 офицеров и 114 рядовых). Перед Ионовым стояла трудная задача: избегая столкновений, прекратить хозяйни-

чанье афганцев и китайцев на Памире, указав на его принадлежность России, и произвести геодезическую съемку.

Преодолев с неимоверным трудом перевал Тенгиз-Бай, отряд двинулся правым берегом Кизил-Су и перешел ее вброд против урочища Бордаба. Отсюда он выступил 10 июля через деревню Кизыл-арт и подошел к реке Муз-Кол. Здесь отряд разделился: казаки с полковником пошли на перевал Уз-Бель и озеро Ранг-Куль, а пехота с вьюками — на перевал Ак-Байтал.

Затем пехотинцы по реке Ак-Байтал вышли в долину реки Аксу, а оттуда в долину реки Адичура, где и оставались, охотясь и производя рекогносцировки, пока Ионов с казаками объезжал местность в окрестностях Гиндукуша. От Ранг-Куля полковник направился по реке Аксу к Ак-Ташу, затем 21 июля через перевал Беик вышел в долину реки Кара-Чукура, вверх по этой реке на перевал Вахджир и к 25 июля достиг Базаи-Гумбеза. У перевала Беик казаки арестовали английского лейтенанта Девинсона, отправленного под конвоем в Маргеллан, а у Базаигумбеза — английского капитана Юнгхесбенда, с которого взяли письменное обязательство покинуть Памир и более здесь не появляться.

После этого полковник с казаками через перевал, названный его именем, перешел на южную сторону Гиндукуша и обратно вернулся в долину Вахандарьи к селу Сархад через перевал Борогиль. Отсюда Ионов направился в долину реки Памир и 11 августа, выйдя через перевал Харгош, в долине Аличура соединился с пехотой у озера Яшиль-Куль, откуда и двинулся в обратный путь в город Ош.

Полковник, убедившись, что население лояльно относится к новой власти, начал действовать, как у себя в имении, расставляя пограничные знаки, назначая и утверждая беков и т. п. Однако после ухода отряда китайцы и афганцы опять стали хозяйничать в долинах рек Аксу и Аличура. Это вынудило администрацию Туркестана вновь направить в 1892 г. на

Памир отряд Ионова. Но этот отряд представлял собой уже довольно внушительную силу (3 сотни 6-го Оренбургского казачьего полка, 2 взвода Туркестанской конной горной батареи, команда саперов и телеграфного парка от Туркестанского саперного полубатальона, 2 сводные роты от 2-го Туркестанского линейного батальона, 2 роты охотничьих команд 2, 4, 7, 16, 18 и 20-го Туркестанских линейных батальонов).

Отряд выступил из Маргеллана 2 июня 1892 г. и 17 июня прибыл к озеру Ранг-Куль, где находились китайцы, бежавшие при приближении русских. 27 июня отряд стал на левом берегу реки Мургаб (Аксу), около слияния с ней реки Ак-Байтал (урочище Шаджан). Здесь пришли сведения об афганском походе у впадения реки Аличура в озеро Яшиль-Куль и о возможном нападении китайцев в случае движения отряда к озеру.

Поэтому Ионов выступил против афганцев, а капитан Скерский — против китайцев, заставив их очистить укрепление Ак-Таш, а Ионов, после рукопашной схватки 12 июля, уничтожил афганский пост у Сума-Таша. 25 июля Ионов выступил обратно на Мургаб (Аксу). Здесь, на месте прежнего бивака, он заложил укрепление, выслав капитана Скерского с полусотней для рекогносцировки отдаленных частей Памира, где снова появились китайцы. 25 августа Ионов выступил в Фергану, оставив в новом укреплении Шаджанский отряд (160 пехотинцев и 40 казаков) капитана Кузнецова, который успокоил китайцев и установил с ними дружеские отношения.

Зима 1892 г. прошла спокойно, но весной 1893 г. афганцы стянули войска к границам Бухары, в Шугнан и Рошан, собирая с местного населения дань. Для прекращения произвола и выяснения вопроса о продовольствии в Шугнан и Рошан откомандировали партию штабс-капитана Ванновского (2 офицера и 10 нижних чинов).

Затем, когда в июне 1894 г. афганцы вновь появились в Шугнane и Рошане, туда были направлены Ионовым две рекогносцировочные партии подполковника Юденича — по реке Гунту и капитана Скерского — по реке Шах-Даре до впадения обеих рек в реку Пяндж; в ту же сторону вышел разъезд капитана Александровича.

Шах-Даринский отряд (2 орудия, 20 казаков, 12 пехотинцев) 22 июля прибыл к границе Шугнана, где его радостно встретило население во главе с сыном правителя. Однако 28 июля у крепости Рош-Кала отряд обстреляли, и Скерский направил к крепости 2 партии. Афганцы очистили ее и отошли на 12 км от бивака. К афганцам постоянно прибывали подкрепления, почему Скерский, в свою очередь, обратился за помощью к капитану Эттингену (60 пехотинцев, 12 казаков, 32 ракеты, пулемет), высланному к озеру Сасык как резерв обеим партиям. 4 августа афганцы начали наступление, надеясь напасть врасплох, но, увидев отряд готовым к бою, отступили. На следующий день афганцы снова напали, но после нескольких залпов укрылись в ущелье. В этот день прибыло к отряду подкрепление — 30 пехотинцев и 3 казака. 7 августа афганцы начали обход левого фланга позиции, но отступили, благодаря высланному казачьему разъезду. Затем они атаковали, и перестрелка продолжалась до темноты. Но 9 августа афганцы внезапно отступили, несмотря на подошедшее накануне подкрепление, а 19-го ушли в Афганистан. 20 августа прибыл с подкреплением Ионов и вскоре двинулся со всем отрядом на соединение с Юденичем, задержанным афганцами до 19-го у села Ривак. С 30 сентября русские начали возвращаться в Фергану, оставив в Шаджане отряд Скерского.

Затем афганцам пришлось оставить Шугнан и Рошан. Это вынудило Англию начать переговоры, и 11 марта 1895 г. в Лондоне последовал обмен нотами, по которым река Пяндж стала пограничной между Россией и Афганистаном.

Часть V

СИБИРЬ И ДАЛЬНЯЯ УКРАИНА

Глава 1. Великий край

Огромные просторы Сибири наиболее полно и образно характеризуют её величайшие в мире реки. По полноводности и по обширности бассейнов с ними не могут сравниться даже такие могучие потоки Европы, как Волга или Дунай. Западную Сибирь омывает бассейн реки Оби, второй в мире после Амазонки по занимаемому пространству (бассейн в два раза больше территорий Франции и Германии вместе взятых). Образно говоря — кто владел реками, тот и мог свободно передвигаться по этому великому краю.

Главные водные артерии Западной Сибири: Обь длиной около 5340 км (от верховьев до впадения в Северный Ледовитый океан) и Иртыш, впадающий в Обь, длиной почти 4270 км. Если к этому прибавить все судоходные притоки, то общая протяженность водных путей выразится громадной цифрой — 18 140 км. Однако даже в конце XIX в. суда здесь ходили довольно мало, хотя по их числу (паровых 114 и несамоходных 400) флот Сибири занимал третье место в России, уступая лишь Волге и Днепру.

Бассейн Оби покрывает громадную площадь около 3,5 млн кв. км и занимает всю Западную Сибирь, половину казахской степи, распространяясь даже на юг от гор Алтая, то есть в Китай. А на севере захватывает даже зону вечной мерзлоты.

На востоке водораздел между Обью и Енисеем почти незаметен. Тундра изливает свои поверхностные воды в ту и другую сторону, так что невозможно приметить порог, разграничивающий две области воды.

Даже болота занимают промежуточный пояс и, смотря по направлению ветров или местному обилию дождей, питают то одну, то другую из этих рек. На юге возвышения почвы, даже настоящие холмы, обозначают раздельный порог между бассейном Оби и Арало-Каспийской покатостью. Но этот водораздел во многих местах прерывается, и там тоже лежат болота. Гидрографическая область Оби четко ограничена только с запада — цепью Уральских гор и с юго-востока — горами и плоскогорьями Алтая. В этих горах, прилегающих к границе Китая, высится единственный ледник Обского бассейна — Белуха.

Главной ветвью реки можно считать не Обь, спускающуюся с русского Алтая, а Иртыш (или по-монгольски Эрчис), питаемый водами китайского Алтая. Перед границей Иртыш, или Черный Иртыш (Кара-Иртыш), считался уже значительной рекой. Средняя глубина его в этом месте около 3 м, а ширина изменялась от 106 до 170 м. Небольшие суда плавают там полгода. Черный Иртыш катит здесь вдвое больше воды, чем Сена под мостами Парижа. После соединения с рекой Бальджир Иртыш, вступив на территорию России, делится на несколько болотистых рукавов и смешивается с водами озера Зайсан, или Дзайсанг (Зайсан-нор).

Зайсан долгое время считали лежащим где-то на краю света. Губернатор Тобольска, отправляя в 1717 г. первую экспедицию для исследования Зайсан-нора, велел набрать в тюрьмах 100 отчаянных удалцов, согласных пойти на это страшное море.

Название Зайсан-нор, или Благородное озеро, дали калмыки, в память того, что необыкновенное обилие рыбы в озере спасло их от голода в 1650 г. Судоходства на Зайсане не было, кроме как для рыбной ловли и охоты. Торговля между Семипалатинском и Китаем шла сухим путем. Однако ещё в 1864 г. русский пароход уже поднялся вверх по Иртышу, плавал по Зайсану, прошел в Черный Иртыш и заходил

даже в воды Китая. В 1880 г. между Тюменью, Зайсаном и Кара-Иртышем (около 4500 км) началось регулярное судоходство.

На высоте 409 м начинается течение Белого Иртыша, выходящего из озера Зайсан. Спускаясь пологим скатом, Белый Иртыш принимает в свои мутные воды прозрачные волны алтайских рек: Курчума, Нарыма и Бухтармы. Правильность течения прерывается там и сям стремнинами, которые, впрочем, безопасны, так что барки спускались вполне спокойно.

Ущелье Иртыша широко открывается у города Усть-Каменогорска, и река, вступив в равнину, принимает свое нормальное направление к северо-западу. Ниже Усть-Каменогорска Иртыш широко разливается в глинистом ложе и делится на множество рукавов.

Большую часть пространства между Обью на востоке, Иртышом на западе и Омью на севере занимает Барабинская степь. Большая военная дорога Сибири пересекает Барабу от Омска до Колывани на протяжении около 650 км.

Усиленный притоком Омью, Иртыш описывает длинную кривую на восток, затем, повернув опять на северо-запад, идет на соединение с водами двух могучих рек, Ишима и Тобола. Ишим, называемый казахами Изель, — самый значительный из этих притоков.

На всем протяжении от истоков до слияния с Иртышом Тобол течет вдоль восточного основания покатоствей, спускающихся от горных цепей Урала. Именно к Тоболу присоединяются важнейшие притоки этого водораздельного хребта между системами Оби и Волги. Один из этих притоков — река Тура, остался со времен Ермака главным историческим путем между Европейской и Азиатской Россией.

Прежде Тобол соединялся с Иртышом как раз против высокого берега, на котором стоят здания верхней части Тобольска. Но городу постоянно грозила опасность обрушиться постепенно, улица за улицей,

вместе с обвалами крутого яра, подтачиваемого течением и водоворотами двух больших рек. Защитные свайные и фашинные сооружения уносились водой, и рано или поздно Тобольск мог разделить участь древней Сибири, построенной также на правом, нагорном берегу Иртыша. Однако опасные водовороты Тобола удалось отвести в другое место. В 1716 г. губернатор Сибири Гагарин велел вырыть канал длиной более 3 км. Эту работу выполнили пленные шведы, которые перенесли устье Тобола ниже города и защитили от размыва основание нагорного берега Тобольска.

Верхнюю Обь, соединяющуюся с Иртышом почти в 530 км ниже Тобольска, можно назвать дочерью Алтая. Её главная ветвь, Катунь (Царица по-калмыцки), берет начало из ледников, покрывающих высочайшую вершину Золотых гор. Однако река получает название Оби только при слиянии Катунь с другой ветвью — Бией, в 650 км ниже ледника горы Белухи. По некоторым легендам, это наименование происходит от русского слова «обе» (то есть обе реки).

Сама Обь из-за своего незначительного падения принимает во многих местах вид озера. Извиваясь несколькими рукавами, она образует многочисленные острова, разливаясь постоянными наводнениями. Ширина реки изменяется от 800 м до 3 км. Весной река разливалась на 40 км в ширину. Около Колывани она превращалась тогда в настоящее море, так что нельзя видеть одновременно оба берега. Ниже впадения рек Томи и Чулыма Обь разделяется на множество ветвей и образует изменчивый лабиринт потоков, занимающий всю равнину.

Длина реки Кеть, вливающейся в Обь выше Нарыма, не превышает 1100 км, что, конечно, очень мало для Сибири. Однако Кеть судоходна почти до самых болот, откуда берет начало (длина судоходного участка около 1050 км), и представляет лучший естественный путь сообщения между Обью и Енисеем. Во

время первого похода казаков в Сибирь именно по течению этой реки держали свой путь отважные пришельцы. В начале XVII в. казаки для защиты складов шкурок пушных зверей от нападений туземцев построили две крепостцы (одну при устье, другую при истоке реки). Между постом на верхней Кети и течением Енисея, ниже города Енисейска, оставался волок менее чем в 100 км. Это единственный пробел в обширной сети водных путей между реками Урала и Байкалом. И проекты строительства здесь судоходного канала существовали давно.

В 1872 г. МПС исследовало реки между Обью и Енисеем в сближающейся части их течения, река Чулым, по которой небольшие пароходы поднимались до города Ачинска, на северо-запад от Красноярска, стоящего на Енисее. Также исследовали реки Тым и Ваг, по которым можно пройти, соответственно, на два притока Енисея, Сым и Елогуй. Но при выборе места для перехода из Оби в Енисей предпочтение осталось за Кетью. По проекту 1875 г., речные суда могли входить на северо-востоке от селения Маковского в маленький приток Язеву. Затем предполагалось пройти каналом болота и по реке Большая Касс спуститься к Енисею. В этом месте волок между двумя озерами имел всего лишь 3,5 км длины. Соединительный канал глубиной в 1,24 м при ширине в 15 м мог пропускать барки грузоподъемностью до 33 т. С той и другой стороны покатошь так незначительна, что не требовалось строительства шлюзов.

Ниже Нарыма в Обь вливаются Тым и Ваг. После этого великая река Сибири разворачивает свои переплетающиеся излучины на северо-запад и запад. Затем её прозрачные воды смешиваются с темно-бурыми водами Иртыша. По соединении две могучие реки, из которых каждая полноводностью может сравниться с Дунаем, снова разлучаются. Как будто одно русло слишком тесно, чтобы вместить это движущееся пресноводное море. Потоки Большой и Малой Оби,

удаленные друг от друга в некоторых местах на 30 или 40 км, но везде связанные между собой излучинами бесчисленных притоков, текут извилистой линией до самого залива, названного Обской губой.

Малая Обь, более узкая и менее глубокая, составляет левый рукав. Барки, которым нужно идти вверх, всегда выбирали этот меньший рукав, потому что течение там не так сильно. Большая Обь служит обычным путем для судов, спускающихся к низовьям. Но плавание по ней иногда бывает довольно опасным, когда северный ветер вздымает высокие волны, бегущие против течения.

При слиянии Иртыша с Обью заканчивается полоса хлебопашества, но Обь остается до самого устья в поясе лесов. Сосны, ели, лиственницы, березы, ивы окаймляют берега реки в нижнем её течении. По мере приближения к Ледовитому океану эти деревья постепенно мельчают и становятся приземистее. А по берегам тянутся только узенькие полоски зелени. Осенью темная зелень сосен, елок и более нежный оттенок лиственниц резко контрастируют с оранжевой листвой берез и багряно-красным цветом ясеней. Обские леса отличаются более ярким осенним колоритом, чем леса приморской Европы.

Нигде на берегах Большой и Малой Оби не увидишь настоящих скал. Высокие или нагорные берега состоят из глин и песков, которые иногда осыпаются подобно водопаду, когда течение подточит их основание. Но эти нагорные берега очень разнородны. Берега западной стороны, у подножия которых течет Малая Обь, невысоки, и откосы их во многих местах скрыты под густой порослью камышей и осоки. Восточный берег, у основания которого проходит широкое и быстрое течение Большой Оби, поднимается своими крутоярами и откосами до высоты 60 м. Глубокие овраги, открывающиеся в боках яра, позволяют передовому кустарнику леса спускаться там и сям до самой реки. Но на плоском песчаном берегу видны

также груды камней, гранитов и сланцев, приносимых каждый год льдами.

Исполинская Обь, которую древние географы считали прямым путем в Восточный Китай, судоходна почти на всем протяжении своего течения. Если включить Улунгур в бассейн Оби и рассматривать его как одну из главных ветвей реки, то длина этого громадного потока составит почти 5700 км.

Но судоходная сеть Обской системы гораздо значительней. Летом — все большие притоки и, пока не спадают воды весеннего разлива, многие из второстепенных давали доступ баркам и плоскодонным пароходам. Так, суммарная длина судоходных путей этого бассейна простиралась до 16 000 км. Во второй половине XIX в. с каждым годом увеличивалась численность парового флота, рассекающего своими колесами желтоватые или темно-красные воды этих рек. Первый пароход, спущенный в бассейн Оби в 1844 г., прошел сначала по реке Туре. Всех пароходов на реках Обского бассейна в 1877 г. насчитывалось 34, суммарная мощность их равнялась 2655 л. с. Предлагались разные проекты каналов для соединения бассейна Оби с реками Европейской России. Но слишком высокие проломы гор Урала и суровый климат севера Сибири не позволили сделать это.

Половина населения Сибири обитала в южной части бассейна Оби, в поясе первоначального исторического пути, то есть вдоль Большого сибирского тракта. Здесь жили почти исключительно славяне, совершенно заменившие татар, рассеянных отдельными, не связанными между собой группами в степях, подальше от городов и рек. Некоторые из этих татар, более или менее обрусевших, жили недалеко от Тобольска, где некогда находилась столица их царства. Ещё в XIX в. здесь встречались русские, которым молва приписывала татарское происхождение, но они сохраняли сходство со своими предками только чертами лица. Ачинские телеуты, жившие

между Кузнецком и Красноярском отдельными аймаками, тоже стали русскими. На восток от Оби, между городами Томск и Енисейск, жили татары-кизильцы, или красные (названные так в отличие от бийских черных татар), занимали долину реки Чулым. Их особенное наречие, одно из самых чистых среди тюркских языков, приняло в себя много русских и монгольских слов. Но, подобно тюркскому диалекту теленгутов или телеутов, оно отличалось отсутствием арабских и персидских выражений. Это объясняется тем, что, не став мусульманами, красные татары, прежде придерживавшиеся шаманства, а позднее — православные христиане, никогда не общались с мусульманами юга.

Башкиры азиатского Урала, как и другого его склона, тогда входили в состав европейских Пермской и Оренбургской губерний.

Северную часть Обского бассейна заселяли племена вогулов, остяков и самоедов. Вогулы — уральцы по преимуществу, но русские постепенно оттеснили их к востоку. Особенно много их жило в долине реки Конды, непосредственного притока Иртыша. Вогулы говорили между собой своим старым наречием, но по одежде, образу жизни, роду занятий, по нравам и обычаям большинство их стали такими же русскими, как крестьяне, переселившиеся с другой стороны гор. Сами они уже в конце XIX в. называли себя русскими. Те из них, которые занимались хлебопашеством и жили в избах, сливались постепенно с массой окружающего населения.

Звероловы вогулы лучше сохраняли нравы и обычаи тех инородцев, с которыми воевал атаман Ермак. Одетые в мохнатые малицы с капюшонами, украшенными с левой и правой стороны ушами животных, они походили издали на лесных зверей. Но выражение лица у них робкое, даже пугливое. Звероловы брили бороду и усы, которые зимой превращались бы от дыхания в лед. И это открытое, безволосое лицо

придавало еще более добродушный вид их физиономии. Вогулы никогда не перечили приказам русских купцов, эксплуатировавших этих простодушных людей и своими вымогательствами обращавших в рабов. Они добровольно приносили подати городским властям и вперед обязывались делать все, что им приказут. Само собой разумеется, что вогулы позволили, хотя и не без сопротивления, обратить себя в православие.

Став христианами по приказу начальства в 1722 г., они ходили на исповедь и к причастию, венчались в церкви, крестили своих детей. Но по-прежнему имели домашних богов. Эти грубые создания обычно крепились к коре сосны, ели или березы. Поэтому русские многие просеки называли шайтанка или шайтанская (то есть «Чертова»). Со своей стороны вогулы называли черта Тосподь, происходящее, вероятно, от русского слова Господь. Считалось, что они поклонялись также солнцу (культ очень естественный в стране холодов и туманов). И, чтобы иметь хорошую, ясную погоду, обращались с мольбами к дневному светилу. Шаманы пользовались безграничным доверием. «Наши шаманы лучше попов, — говорят вогулы. — Попы предсказывают нам то, что будет после смерти, шаманы же возвещают то, что случится в жизни».

Тверже в вопросах веры держались мусульмане. Историк С. М. Соловьев приводит живописные подробности этой борьбы цивилизаций середины XVIII в. (между Тобольским иерархом и инородцами). В Петербург с жалобой на митрополита Сильвестра явились ходоки бухарцев, служилых и ясачных татар, которых держали в оковах, морили голодом и этим принуждали креститься «по своему желанию». Митрополит присылал в юрты священников для крещения, но попы пьянствовали и требовали подарков, а кто не давал, тех обвиняли в «поношении веры христианской». По ложным доносам, без всякого следствия, били смертным боем и этим принуждали кре-

ститься. Татары и бухарцы приуныли и пришли в разорение, не смея из домов своих отлучиться, чтобы без них митрополит жен и детей не крестил. Когда владыке сообщили об этой жалобе, он ответил, что все это неправда, и прислал свой список обвинений.

Самым крупным племенем северо-запада Сибири были остяки (от татарского уштяк, или чужой). Это соответствует русскому наименованию чудь, которое славяне давали первобытным жителям древней Сибири. Вскоре многие остяки, в соседстве русских поселений, забыли свой родной язык, и только по преданию их еще причисляли к остяцкому племени.

Когда казаки покорили Сибирь, остяки противопоставили завоевателям многочисленные армии. В то время они имели государство и жили в городах. Только в 1501 г. казаки разрушили 41 такое укрепление. Позднее эти звероловы или рыболовы жили в жалких низеньких землянках или юртах, покорно платили ясак, когда это позволяла их крайняя бедность. Достаточно было показать сыну узел на веревке, сделанный его отцом, чтобы напомнить про его долг. И сын считал священной обязанностью уплатить этот долг.

Жена у остяков покупалась, как скот, и считалась существом нечистым, не имевшим даже имени. Женщина никогда не наследовала имущества, напротив, она сама составляла часть наследства. Однако кротость нравов предохраняла её от насилия. Многие остяцкие семьи могли послужить образцом любви и согласия для русских поселенцев. В южных областях, где влияние татар, прежних властителей края, предшествовало русским, обычай требовал, чтобы женщины закрывали лицо, как мусульманки. А на севере они ходили открыто, как самоедки, и одевались так же.

Самоеды обитали на крайнем севере Сибири, вокруг устьев Оби, Таза и по берегам Енисея. Эти низкорослые люди, робкие, гостеприимные и смирные,

еще исповедовали религию крови и втыкали куски сырого мяса в зубы своим идолам.

Только в конце XVII в. русские начали понимать значение подземных руд. В это время заработали первые плавильные заводы на восточном склоне Среднего Урала, построенные на месте старых копей жившего здесь прежде народа чудь, разрабатывавшие всю местную руду (за исключением железа).

До 100 000 мастеровых работали одновременно на рудниках и заводах Урала. С открытием «золотых полей» Калифорнии и Австралии значение Урала упало. Точно так же русская медь уже не могла оспаривать европейские рынки у медных рудников Австралии, Боливии и Чили. Но железо Урала пользовалось таким же почтением, как и шведское. А по некоторым дорогим каменным породам, особенно по своим великолепным малахитам, Урал и теперь еще занимает первое место.

Железная дорога, соединившая административную, бедную и печальную Пермь и промышленный, европейского вида Екатеринбург, позволила действительно эксплуатировать эти богатства Урала. В Нижнем Тагиле, обогатившемся от золотых, платиновых и железных рудников, работал чугуноплавильный завод — самый крупный в Сибири. Холм, называемый Высокой горой, с 1720 г. питал рудой плавильные заводы: Тагильские и Невьянские.

Город Верхотурье, расположенный в долине Верхней Туры, построили в 1598 г., на месте древнего вогульского городища Нером-Кура. Здесь стоял древнейший монастырь русской Азии. С постройкой в 1763 г. новой дороги из Перми в Екатеринбург, проходящей гораздо южнее, Верхотурье утратил свое значение торгового города.

В долине реки Тагил работало еще больше горных заводов, чем в верховьях Туры. В верхней долине реки Нейвы, которая начинается к востоку от истоков Тагила, находился знаменитый Нейвинский завод,

основанный в 1699 г. Подобно Пизе, Невьянск тоже имеет свою наклонную башню. Но эта массивная постройка страны вогулов далека от итальянского изящества.

К востоку от Невьянска и на той же реке Нейве стоит город Алапаевск, с железо- и медеплавильными заводами. Здесь тоже трудились тысячи рабочих и рудокопов. Рынком мануфактурных горнозаводских городов и окружающих их промышленных сел, легкодоступным для барок и телег, стал город Ирбит, расположенный при слиянии речки Ирбит с Ницей, которая принимает в себя Нейву и далее соединяется с Турой. Этот татарского происхождения город в начале русской колонизации был простой слободой. Но в феврале каждого года он становился Нижним Новгородом Сибири.

По соединении с ирбитской Ницей река Тура протекает город Туринск (древний Епанчин) и затем спускается на юго-восток к Тюмени, одному из замечательных городов Сибири. Город Тюмень славился ещё до прибытия казаков в Сибирский край. На карте Герберштейна 1549 г. он нарисован обнесенным каменной стеной. Татары Сибири еще в начале XX в. называли его древним именем Дженгис тура, или Город Чингисхана, так как приписывали его основание знаменитому завоевателю.

Здесь соединялись многочисленные дороги, западная оконечность главного судоходного пути Сибири и березовая аллея громадной протяженности. Последний циклопический проект выполнили по указу Екатерины II, повелевшей насадить эти деревца на всем пространстве от Нижнего Новгорода до горных заводов Урала, которые угрозами ссылки и смертной казни она пыталась защитить от топора русских и башкир. Тюмень стала, несмотря на близкое соседство Ирбита, одним из важных торговых центров бассейна Оби. Здесь тоже проходила ежегодная ярмарка, где торговали чаем и другим товаром.

Но более всего город славился своей мануфактурной промышленностью.

Во времена блистательного Петербурга Тюмень имела амбиции стать Сибирским Манчестером. В 1871 г. здесь насчитывали более 100 различных предприятий, в том числе механическая мастерская по производству паровых машин и судостроительная верфь парового флота. Из лесов, растущих по Туре, поставляли этой верфи лучшее в Сибири дерево. Город и окрестные села производили домашнюю утварь и деревянную тару. Здесь каждый год изготовлялось около 50 000 телег и саней. Тюмень слыла главным портом Оби, хотя она соединялась с сетью речного судоходства только в весеннее половодье. Летом пароходы обычно не могли пройти в реку Туру, им приходилось останавливаться на Тоболе, на половине пути из Тюмени в Тобольск, у пристани села Артамонова.

Екатеринбург, лежащий у сибирского ската Урала, не пользовался даже временными выгодами речного судоходства. Но он имел достаточно развитые сухопутные пути. В 10 км к северо-востоку находится Березов, или Березовский завод, который когда-то имел важное значение из-за своих золотых и платиновых рудников, открытых в 1820 г. Горные заводы Верхне- и Нижне-Исетские выплавляли чугун.

Екатеринбург во времена блистательного Петербурга кичился своей европейской культурой и считался одним из красивейших в России. Он спускался по отлогой покатости к берегу реки Исеть, которая здесь расширяется и образует судоходное озеро, окруженное деревьями. Каменные белые дома с зелеными крышами, похожими на плиты малахита, поднимались над живописными деревянными домиками. И над всем высились колокольни и позолоченные купола церквей. Вдали на горизонте виднелись волнообразные очертания Уральских гор.

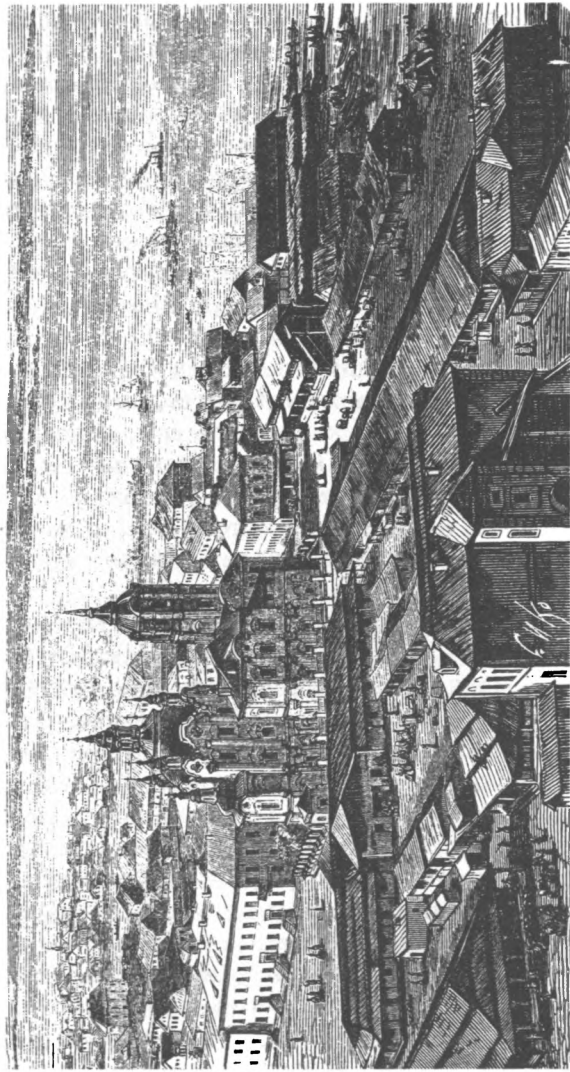
Первый домик Екатеринбурга построили в 1722 г., и город стал быстро развиваться благодаря соседству

богатых рудников. Гранильная фабрика пользовалась большой известностью. Здешние шлифовальщики драгоценных и полудрагоценных камней отправляли в Европейскую Россию порфиновые вазы, столы и другую мебель из малахита, родонита, множество различных изделий из дымчатого топаза, яшмы, горного хрусталя, превосходно вырезанные и отполированные, но не отличавшиеся разнообразием рисунков. Существовавший прежде в Екатеринбурге монетный двор, где чеканилась медная монета, иногда также золотая и платиновая, упразднен в конце XIX в.

Город Курган, лежащий на левом берегу Тобола, напоминает своим именем о существовании древнего насыпного холма «Царская крепость», обнесенного каменной стеной и рвом. Русские, раскопав курган, нашли здесь золотые и серебряные украшения. Ранее здесь стояла крепостица, которую из-за постоянных обвалов берега, подтачиваемого водами Тобола, пришлось покинуть.

Ишим — приток Иртыша, омывает несколько важных городов. Акмолинск (от татарского Ак-мо-лы — Белая могила) лежит недалеко от истоков Ишима. Далее на запад — Атбасар, бывшая казачья станция, основанная для контроля за кочевниками, ставшая мало-помалу городом мирных земледельцев и торговцев. Петропавловск — самый многолюдный город во всем бассейне Ишима, живописно смотрелся на фоне скал с развалинами старинной крепости.

Тобольск — бывшая столица Сибири, в конце XIX в. по числу жителей занимал только 6-е место. А между тем он занимает выгодное географическое положение при соединении долин двух больших рек Иртыша и Тобола, и, следовательно, в центре судовой сети Западной Сибири. Однако Тобольск находится выше 58-го градуса северной широты, правда, ближе к экватору, чем Петербург. Но, в отличие от бывшей столицы, Тобольск развенчан еще ранее. Прежде, чтобы пройти перед губернаторским двор-

Наводнение в Тобольске, 1872 г.

цом, купцам приходилось делать крюк к северу. От эпохи татар не сохранилось ничего. Бицик-тура, или Женский город, существовавший здесь во время нашествия Ермака, казаки разрушили совершенно. То есть даже и следов не осталось. На высоком холме стоит мраморный обелиск с надписью: «Покорителю Сибири Ермаку». В XVIII в. два больших пожара опустошили город. Тем не менее Тобольск, с его церквями, высоко поднимающими свои разрисованные купола, старинным кремлем, господствующим с горы над нижними кварталами на берегу широкого Иртыша, считался одним из самых величественных городов Сибири. Барки и досчаники привозили на рынок ежегодно до 8200 т разной рыбы. Ниже Тобольска на Иртыше уже городов не было. И только на месте столицы царства остяков, на холме, господствующем с южной стороны над двумя равнинами Иртыша и Оби, стояла большая деревня Самарова. Туземцы покинули это поселение, а на их место водворились русские ямщики.

Среди предпринимателей Сибири в начале XVIII в. выделялись купцы Поповы из Архангельской губернии. Как и многие потомки древних новгородцев, они имели традиционные связи с Сибирью. Купцы изыскивали трассу Северо-Екатеринбургского канала для соединения бассейнов Камы и Северной Двины. Затем этот судоходный канал строился государством (с перерывами) в 1785—1822 гг.

Затем Поповы начали торговлю с Китаем через Кяхту и в 1804 г. разработали проект соединения каналом Енисея с Кетью и тем самым — Западной и Восточной Сибири непрерывным водным путем. Они предлагали на свои средства, оценивая затраты в 500 000 рублей, построить 64-километровый водный путь и через 80 лет передать государству. Но правительство отказалось.

В 1812 г. С. И. Попов приказал своим приказчикам-казакам разведать полезные ископаемые в казахских

степях. Через 4 года казаки привезли свинцово-серебряную руду с верховьев реки Тундык (на границе современных Карагандинской и Павлодарской областей). Хотя Средний казахский жуз еще в 1740 г. принял подданство России, империя Степь практически не контролировала. Там процветали родовые распри и барым-та (баранта), когда любому немусульманину грозили плен и продажа в рабство. С. И. Попов под видом богатого татарина из Тары, наняв ташкентского муллу, штейгера и 10 казаков, выдававших себя за казанских татар, во главе торгового каравана в 1818 г. проник к верховьям Тундыка. При поддержке казахских биев Попов разведкал месторождения серебра, медной руды и выходы каменного угля.

Разрабатывать месторождения не позволяла анархия, царившая в степях. С. И. Попов подарками убедил старшин казахских родов в необходимости размещения казаков и установлении порядка. Ближайшие к линии роды Среднего жуза подали прошения о поселении среди них казаков!

В Петербурге о непосредственном контроле над Степью тогда и не думали. С. И. Попов разработал проект административного устройства в Степи, смешанного из русских чиновников и казахских старшин. В 1823 г. в Степи поселили части казачьих полков и создали Омскую область, а на следующий год — ее первые «заграничные» округа: Кокчетавский и Каркаралинский, в которых находились открытые С. И. Поповым руды и уголь.

Затем началась разведка месторождений руд и угля уже под охраной казаков. В 1830 г. С. И. Попов послал старшего сына в юго-восточный Казахстан на поиски россыпей золота. До конца 40-х годов XIX в. его добыли там более 328 кг. Завод по переработке свинцово-серебряной руды ежегодно давал в это время по 820 т свинца и 656 кг серебра. Вслед за продвижением разведочных партий С. И. Попова, покупкой или арендой земли у казахов один за другим создались

новые «заграничные» округа Омской области: Аяузский, Барнаульский и др. Только во время Крымской войны 1854—1855 гг., когда блокада прервала импорт, из поставленной Поповым руды Петербург за 2 года получил 4100 т свинца, 8200 кг серебра, а ежегодная добыча угля достигла 9840 т.

К северу от Алтайских гор и Барнаульских равнин на берегу Оби стоял городок Колывань, который еще в начале XIX в. был простым острогом и имел некоторое значение как место рыбной ловли и рынок земледелия. Главным торговым центром этого региона стал Томск, лежащий близ правого берега Томи, в 100 км от слияния этой реки с Иртышом. Из всех городских поселений Сибири Томск, может быть, наиболее походил на европейский город по архитектуре, роскоши магазинов, оживлению главных улиц. Уже во второй половине XVII в. Томск непосредственно торговал с Бухарой, и татарские купцы занимали в нем особый квартал. Томские казаки — самые предприимчивые колонизаторы, стали истинными завоевателями Сибири. Услуги, которые они оказали, распространяя русское могущество, были признаны и награждены в XVII в. званием «боярских детей». Сотни рабочих мыли золото. Гордость Томска — единственный тогда в Сибири университет. Как все города Сибири, Томск лежал на огромном пространстве. В 1876 г. пароходная пристань находилась в 7 км от центра.

К востоку от Томска к городам Мариинск и Ачинск, лежащим в бассейне реки Чулым, с 1866 г. поднимались пароходы. Но ниже по течению Оби так называемые города состояли из групп невзрачных домишек. Далее, на всем пространстве от Томска до слияния Иртыша с Обью, то есть на расстоянии более 1600 км, стояли только два бедных городка, или вернее местечка: Надым (по-остяцки болото) — ниже впадения реки Кеть в Обь и Сургут — при устье небольшого притока того же имени, откуда вывозили в

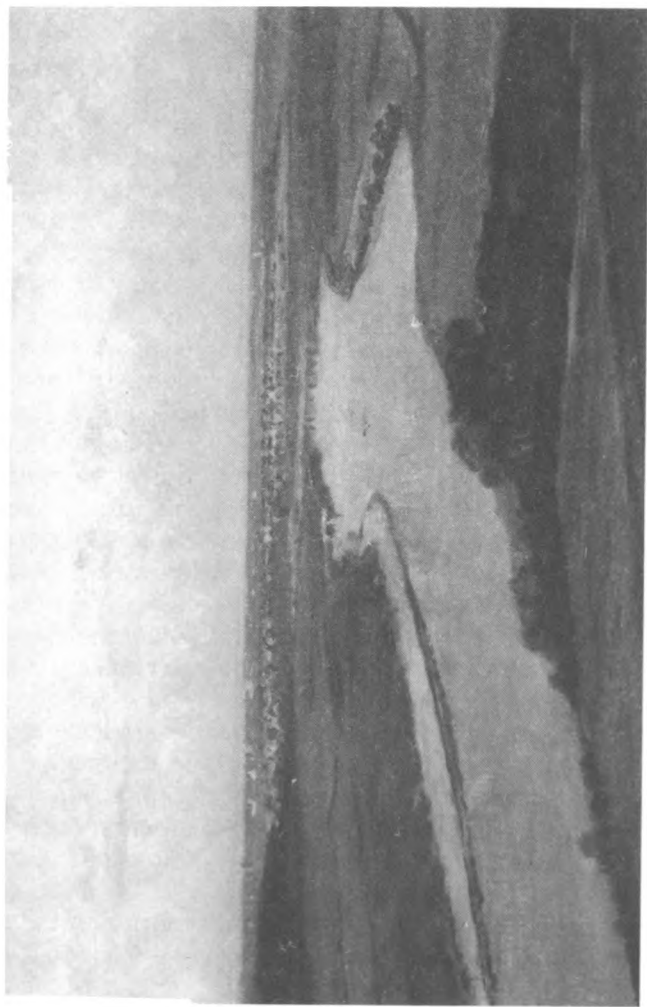
большом количестве кедровые орехи. Чтобы достать кедровые шишки, туземцы карабкались высоко на деревья при помощи железных крючьев, привязанных к рукам, ногам и груди.

В 700 км ниже, на реке Сосьве (уральский приток Малой Оби), находится Березов — самый северный город Обского бассейна, прославившийся как место ссылки сподвижника Петра, некогда всесильного князя А. Д. Меншикова. В свое время эту трагедию живописно осветил художник В. Суриков. Здесь же закончили жизнь Остерман, Долгорукие. После этих знаменитых изгнанников многие осужденные умерли медленной смертью на мерзлой земле, вдали от друзей и врагов, оторванные от всех радостей жизни и от волнующих страстей. Березов лежит на рубеже обитаемого мира. Там с трудом разводили только некоторые огородные овощи. Большинство животных, повсюду сопровождающих человека, не могли следовать за ним далее. Так, воробей в своих странствованиях к северу не переходит за Березов и с наступлением зимы обычно переселяется на юг.

Легендарная Мангазея, основанная казаками-звероловами на реке Таз, уже давно прекратила существование, её сменила деревушка Тазовка.

Пароходство в Западной Сибири началось еще в 40-х годах XIX в. Первое время очень слабые, единичные попытки отважных пионеров терпели неудачи. И только в 70-х годах этот могучий рычаг поднял местную промышленность и дал толчок развитию торговли.

Значение бассейна Оби особенно велико, так как некоторые из судоходных рек на севере близко подходят своими верховьями к горным заводам Урала, открывая дешевый естественный путь для сбыта продукции на громадное расстояние вплоть до Китая. А реки южной части бассейна, обслуживающие Алтайский горный округ, протекали по хлебобордной

Северная Двина. Худ. В. Верещагин.
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Господин Великий Новгород, или Мудрость великоросса.
Худ. К. Васильев

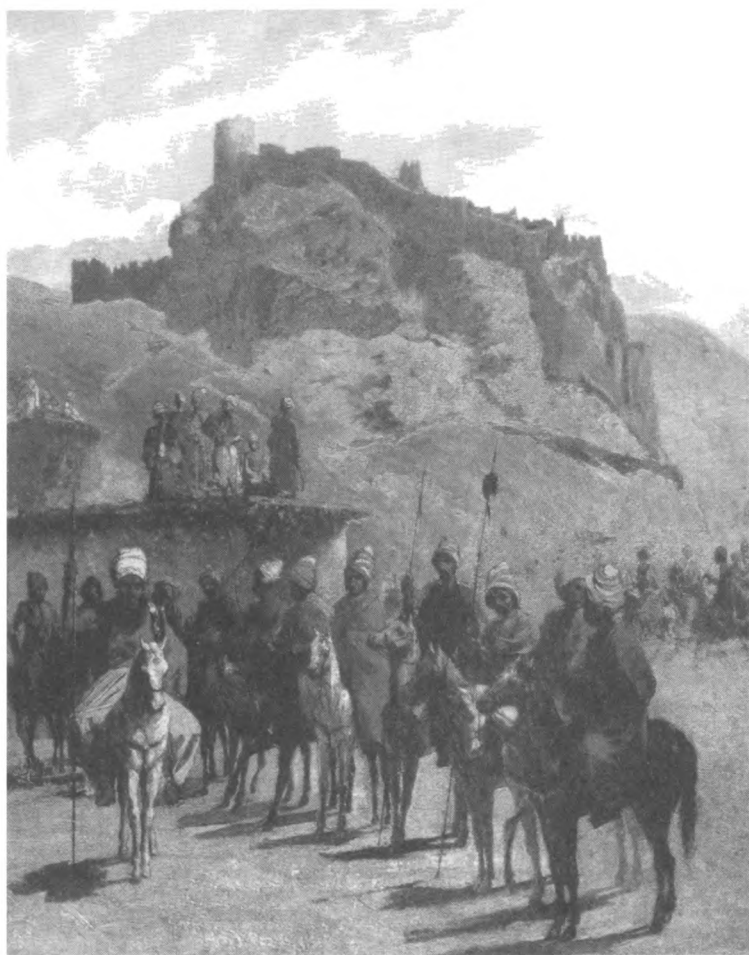
Воевода Новгорода Александр Невский. Худ. П. Корин

Марфа Борецкая. Худ. П. Корин

Казачка станицы Червленной Акси́нья Федюшкина. 1842.
Худ. Г. Гагарин, акварель. Государственный Русский музей,
Санкт-Петербург

**Всадники. Худ. Г. Гагарин.
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург**

Григорий Гагарин и Михаил Лермонтов. Сражение при реке Валерик. 1840. Худ. Г. Гагарин, акварель. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Сражение между русскими войсками и черкесами при Ахатли 8 мая 1841 г. Худ. Г. Гагарин. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

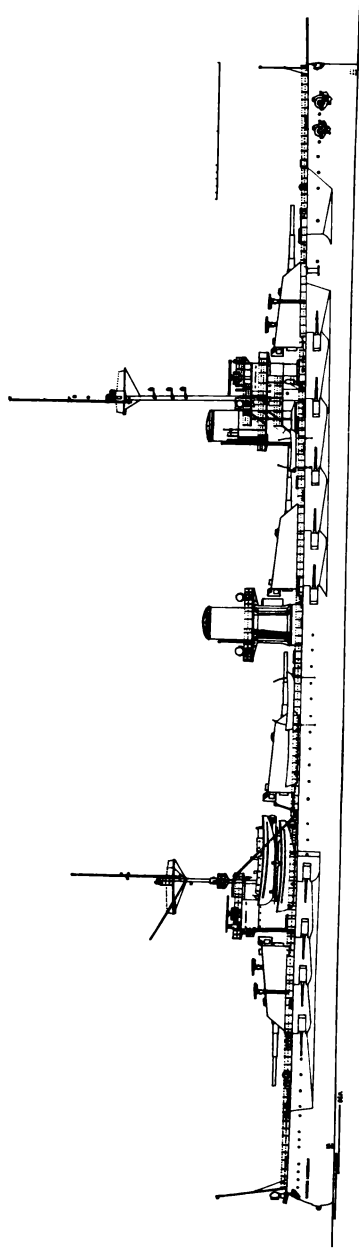
**Киргизские кибитки на реке Чу.
Худ. В. Верещагин. 1869—1870.
Государственная Третьяковская галерея, Москва**

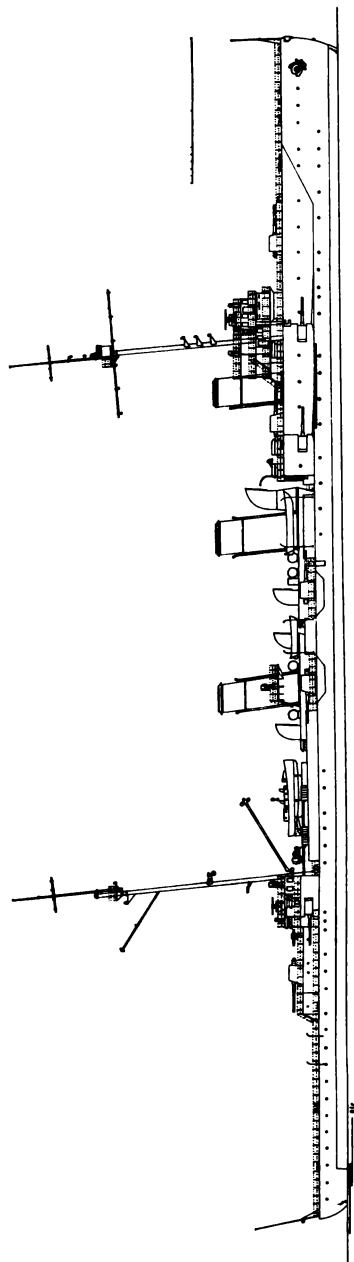
**У крепостной стены. «Пусть войдут!» Худ. В. Верещагин. 1871.
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург**

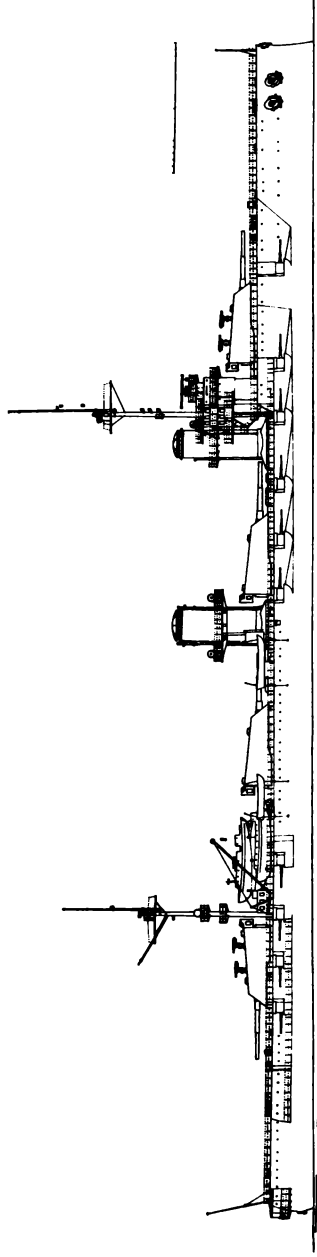
Атака. Худ. А. С. Гавриляченко

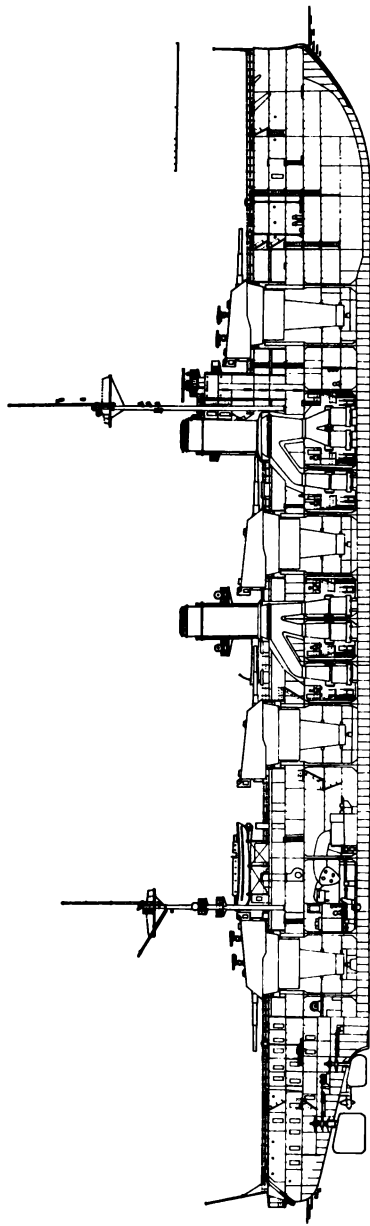
Линейный корабль «Император Александр III», 1917 г.
Реконструкция И. И. Черникова

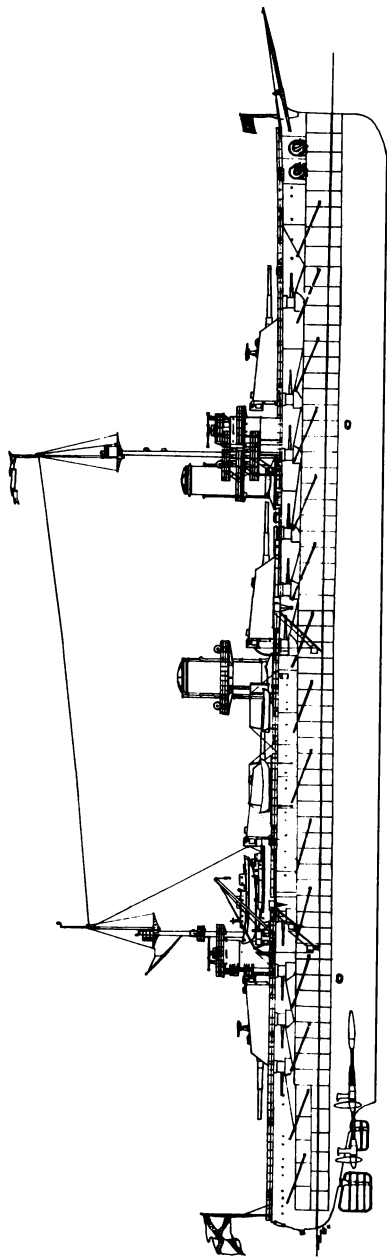
Легкий крейсер типа «Адмирал Нахимов» .
Реконструкция И. И. Черникова

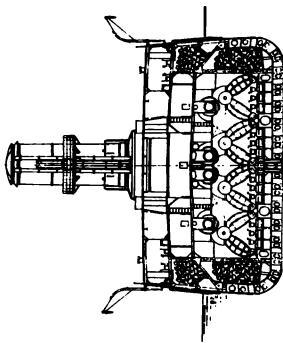
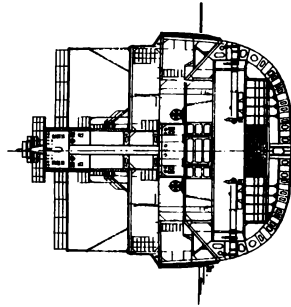
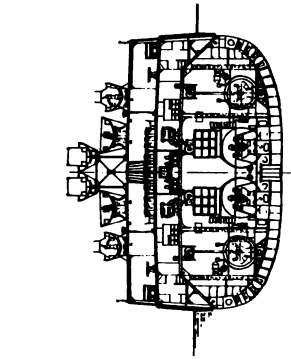
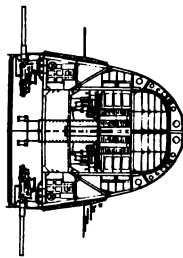
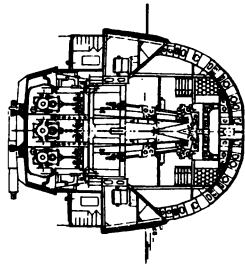
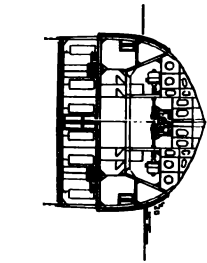
Линейный корабль «Император Николай I», 1917 г. Первоначально предполагалось назвать «Иоанн Грозный»
Реконструкция И. И. Черникова

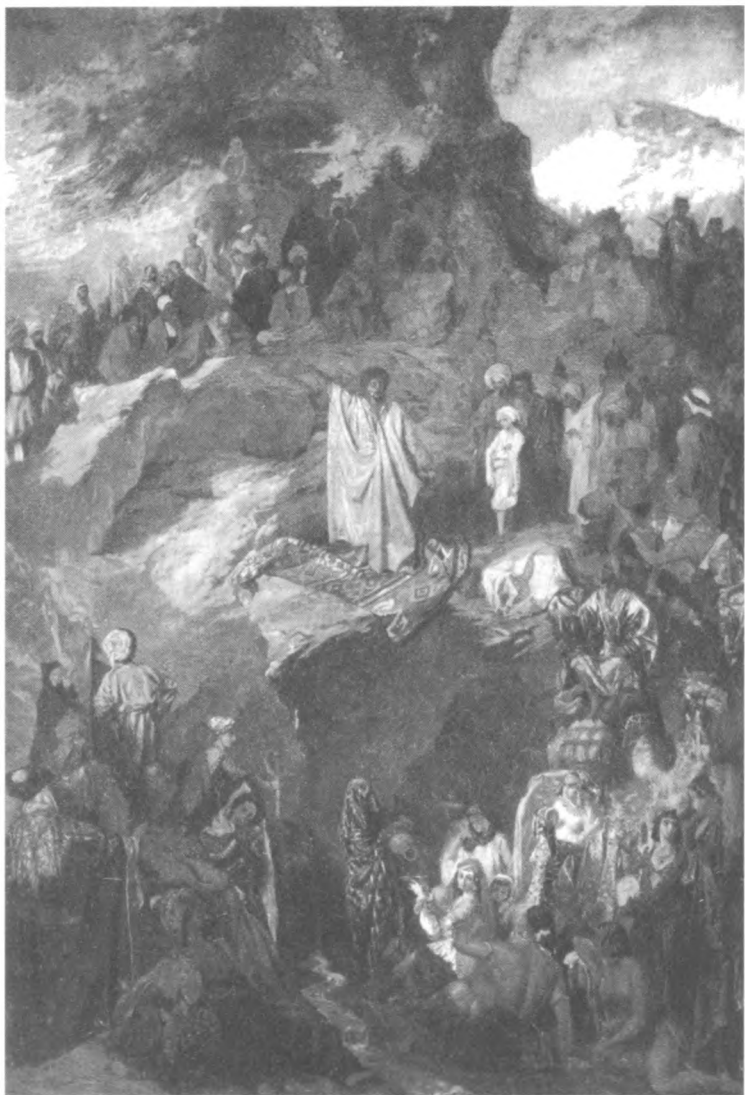
Линейный корабль «Император Николай I», продольный разрез, 1917 г.
Реконструкция И. И. Черникова

Линейный корабль «Императрица Екатерина II», 1915 г. Водоизмещение 24 960 т, основные размеры 169,46 × 28,07 × 8,36 м, 4 паровые турбины суммарной мощностью 27 000 л. с., скорость хода 21 уз. Двенадцать 305мм, двадцать 130мм пушек, восемь 75мм зенитных орудий, 4 пулемета. Реконструкция И. И. Черникова

Поперечные сечения
Реконструкция И. И. Черникова

**Проповедь Магомета. Худ. Г. Гагарин.
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург**

местности, производившей в иные годы громадный избыток хлеба и также нуждавшейся в дешевом транспорте.

На реках Западной Сибири работали, как правило, буксирные и буксиро-пассажирские пароходы. Но их активность после постройки Транссибирской железной дороги заметно упала.

Наряду с величайшими реками в мире, такими как Обь и Иртыш — в особенности первая, имеющая ширину от 2 до 5 км, а при весеннем разливе подобная морю, — здесь встречались небольшие судоходные реки шириной лишь около 100 м, выглядевшие, по сравнению с двумя гигантами, жалкими ручейками. Однако и по этим рекам «лилипуткам» судоходство шло не менее интенсивно, так как они служили связующими звеньями между главными водными артериями и транзитными пунктами.

От верховьев до города Барнаула река Обь образуется из слияния двух рек: Бии и Катуни, берущих начало в Китае. Сразу после слияния этих рек Обь уже считалась судоходной. До города Барнаула, на расстоянии 298 км, река протекает по гористой местности, от Барнаула до устья реки Томи, на расстоянии 800 км, — по местности менее возвышенной, течение здесь значительно слабее. Плавание здесь было вполне доступно во все время навигации. Ширина реки довольно значительная — местами превышает 2 км, а весной вода разливается на десятки километров. Такие широкие плесы представляют большие неудобства в бурную погоду для малосильных пароходов, которым при открытой местности трудно найти укрытие. Для сплавного судоходства это также являлось громадным тормозом.

В навигацию 1898 г. перевозку пассажиров начали осуществлять не только по Оби, но и по Иртышу. Инициатором выступила известная судостроительная и судоходная фирма Сибири «Курбатов и Игнатов». К этому времени на Иртыше уже работало от

25 до 30 пароходов, но все они главным образом занимались транспортировкой груза, а не пассажиров.

Главной хлебной пристанью Западной Сибири считался город Барнаул. Кроме того, в начале XX в. с товарной станции Сибирской железной дорогой Новониколаевск, удачно расположенной на берегу Оби, стали отправлять сливочное масло. Вскоре эта станция приобрела для судоходства Сибири громадное значение, и поэтому вокруг нее раскинулся город, который за бурные темпы роста называли Сибирским Чикаго. А до проведения железной дороги на этом месте стояло невзрачное село Кривошеково.

Ранее для всех грузов, следовавших водным путем из Европейской России в Сибирь, конечным перевалочным пунктом служил город Томск. С проведением же железной дороги через легендарное село Кривошеково выяснились громадные преимущества его как перевалочного пункта по сравнению с Томском, оставшимся вне главной магистрали. Кроме того, водный путь к Томску по реке Томи, с её очень быстрым течением, был вполне судоходным только весной. После спада весенних вод Томь иногда настолько мелела, что грузы приходилось оставлять в устье, после чего или перегружать на мелкоосидающие суда (паузки), или же, при очень малой воде, перевозить сухопутьем.

Железная дорога прошла через Обь в месте, до которого судоходство совершалось беспрепятственно всю навигацию. Поэтому Томск не смог далее сохранить за собой прежнего значения. Новониколаевск с благоприятными для судоходства условиями оказался серьезным конкурентом. И уже в начале XX в. почти вся прежняя деятельность Томска как транзитного пункта сосредоточилась в бывшем селе Кривошекове, имевшем совсем недавно только 200 душ, а вскоре — более 25 000 жителей и переименованном в город Новониколаевск, который с каждым годом рос с чисто американской быстротой.

Ранее, до постройки Сибирской магистрали, из-за недостатка пароходов купцам оставалось только гадать, какое количество заготовленного груза и когда именно удастся им отправить. Регулярного грузового и пассажирского движения здесь вовсе не было. Судовладельцы из-за отсутствия конкуренции не брали на себя ответственности за сроки доставки груза и фрахты назначали по своему произволу. Грузоотправитель находился от них в полной зависимости. С постройкой железной дороги купцы освободились от тягостного произвола пароходчиков, получив возможность отправлять свои товары новым путем.

В 1903 г. весь паровой речной флот Западной Сибири составляли 114 пароходов суммарной мощностью в 8000 л. с.

За немногими исключениями, все пароходы были построены в Тюмени на двух судостроительных заводах: «Жабинский» (товарищество Курбатова и Игнатова) и «Пирсон и Гуллет». Первый из них начал заниматься судостроением еще в 1870 г., но, пользуясь положением монополиста, очень мало заботился об улучшении технологии строительства судов. Поэтому новые заказы по стальному судостроению большей частью поступали на завод «Пирсон и Гуллет», строивший прекрасные пароходы. Инженеры завода внимательно следили за всеми усовершенствованиями в технике. Так, здесь впервые построены для Сибири пароходы с машинами тройного расширения, оказавшиеся лучшими по эксплуатационным показателям.

Грузовой караван составляли деревянные баржи волжского типа, но только меньших размеров, с тем чтобы иметь возможность работать на больших и малых реках. Как правило, баржи имели длину 64,0—76,8 м и ширину 9,96—11,38 м. Баржи длиной в 85,34 м встречались очень редко из-за их крайне неудобной и опасной буксировки по малым извилистым рекам.

Кроме Тюмени баржи строили еще в Тавде и Сосьве, а также на верхнем плесе Оби. Для перевозки грузов в мелководье служили паузки, которые, в отличие от барж, при большей ширине имели меньшую длину, а для уменьшения осадки большинство их строилось без палуб.

Общее число барж и паузков составляло приблизительно 400, из них барж — до 300, то есть менее трех на каждый пароход.

Половина пароходов принадлежала четырем главным фирмам: товариществу Западно-Сибирского пароходства и торговли — 29 пароходов мощностью 2615 л. с.; Богословскому горнозаводскому обществу и торговому дому «Корнилов и наследницы» — по 10 пароходов мощностью 855 л. с. каждый; торговому дому «М. Плотников и сыновья» — 9 пароходов по 660 л. с., из них два — пассажирские, новейшей постройки, американского типа, совершали срочные рейсы между Томском и Барнаулом. Фирма имела, кроме того, свои рыбные промыслы на Оби и первую в Сибири фабрику рыбных консервов.

Из-за громадных лесов Сибири топили пароходы здесь только дровами. Самая высокая цена на дрова держалась по Иртышу, между Омском и Семипалатинском, так как здесь очень мало леса. Заготовленные дрова выставлялись на берег, на котором часто не имелось никаких приспособлений для погрузки. Пароходы приставали прямо к берегу и клали трапы на так называемый приплесок (нижние, подмытые водой уступы к берегу). Большие пароходы при погрузке теряли каждый раз не менее двух часов.

Команда на больших пароходах состояла из 30—35 человек, на средних и малых — из 12—20 человек. На большом пароходе команду составляли: капитан, помощник капитана, 2 лоцмана, 2 штурвальных, 12 матросов, 1 машинист, 2 помощника машиниста, 4 масленщика и 10 кочегаров. На баржах требовались:

1 водолив, 1 подручный и 6—10 матросов, смотря по величине баржи.

Из-за особых условий службы и жизни содержание служащих на сибирских пароходах превышало жалование на волжских. Капитаны получали 1—2 тыс. рублей, механики — немного меньше, помощники капитанов и механиков 500—800 рублей, лоцмана — от 500 до 1000 рублей за навигацию. Раньше, когда вовсе не было навигационной обстановки на реках, лоцманы получали до 2000 рублей за навигацию. Месячное жалование штурвальных и масленщиков составляло 25—35 рублей, кочегаров — 16 рублей, матросов 10—12 рублей.

Должности капитанов на сибирских пароходах, как правило, занимали лица, не имевшие специального образования, а иногда даже не получившие практической подготовки. Учитывалось лишь кумовство, протекции и связи. Излишне, конечно, говорить о том, что этот национальный обычай причинял много хлопот судовладельцу.

Сибиряки

Русские уже в XVIII в. составляли 87,5% сибиряков. В число тех, которые называли себя русскими, входили славяне или дети от смешанных браков. Во всяком случае, язык, нравы и обычаи сделали их единоплеменниками завоевателей края. В конце XIX в. русские преобладали: славяне, немцы и финны, говорящие русским языком, — все стали одинаково русскими.

Происхождение большинства сибиряков хорошо известно. Первыми славянами, торговавшими с народами Сибири, стали звероловы и промышленники Новгорода. Затем, после того как в середине XVI в. матушка Москва окончательно разгромила Великий город, в Сибирь пришли казаки Ермака. Но только небольшое число тех и других привели с собой жен.

Большая часть браков совершалась с туземными девушками. До середины XIX в. почти все прибывали в край подневольно (солдаты, чиновники, ссыльные). Первыми добровольными поселенцами, — если не считать несколько отдельных групп, пришедших в прежнее время, — стали крестьяне, устремившиеся из России на Нижний Амур сразу после присоединения Северной Маньчжурии к России. При крепостном праве, понятно, не могло быть добровольного переселения. Помещики берегли своих крестьян для обработки земель и посылали в Сибирь, по крайней мере, в округи, не имевшие рудников или приисков, только тех несчастных, от которых хотели отделаться. Правда, эти изгнанники, перестав быть рабами, скоро достигали на поселении большого материального достатка. Сибирь населялась также раскольниками и мятежниками.

Имя Сибири стало синонимом «страны ссылки». Каждый успех и продвижение русских в Азии отмечался линией тюрем. При присоединении новых земель партии ссыльных медленно тянулись через степи и леса, свидетельствуя в отдаленных окраинах империи об её могуществе. Едва только основывался где-нибудь в Сибири острог, монастырь, крепостица, как тотчас же открывались и кельи для ссыльных. Колонии Пелым, Березов, Селентинск, Албазин уже при самом рождении стали служить местом заключения. Как только донесение об открытии новой земли достигало Петербурга, сразу же направляли туда каторжников. Так история Сибири сливается со скорбной историей ссылки.

Первым из Руси изгнали набатный колокол города Углича, виновный в том, что он созвал народ во время убийства царевича Дмитрия клевретами Бориса Годунова. В 1591 г. его осудили на «урвание языка и уха» (подобно обычным уголовным преступлениям) и сослали в Пелым. Затем сюда вскоре последовали граждане Углича, а также все лица, ка-

завшиеся подозрительными Борису. В начале русской колонизации Сибирь не получала других ссыльных, кроме государственных преступников. Но в конце XVII в. малороссам из Левобережной Украины пришлось направиться по той же дороге. Затем ссыльные раскольники увеличили собой число сибиряков, но многие из них погибли в пути от истощения, голода и пыток. По этому поводу раскольниковый поп Аввакум писал в своих записках: «Начальники и конвойные неумолимы, палки их больно бьют, кнуты их режут кожу, а пища наша — падаль, которую и волк не станет есть!» — «И эти мучения долго продлятся?» — спрашивала его жена, падая в изнеможении. «До самой смерти», — кротко отвечал Аввакум. «Да будет воля Божия», — говорила она с новым мужеством. В этих сибирских раскольниках легко узнать людей, первое испытание которых при вступлении в общину состояло в том, что они давали себе класть горячие угли в уши.

Петр I сослал стрельцов-староверов, укомплектовавших гарнизоны самых отдаленных острогов на берегах Великого океана. Затем придворные интриги привели в Сибирь других невольных колонистов, вельмож и временщиков: Меншиковых, Долгоруких, Биронов, Минихов, Толстых, Бутурлиных. «До свидания на том свете», — могли они сказать своим друзьям, отправляясь в Сибирь. И действительно, большинство их бесследно пропало, тщетно искали потом этих несчастных изгнанников в лесах и тундрах. С 1658 г. сюда начали отправлять поляков, но их массовая ссылка началась при Екатерине II, когда этой участи подверглись дворяне-конфедераты, затем товарищи польского националиста Костюшко, далее около 900 поляков, служивших под знаменами Наполеона I. Особенно многочисленными стали партии политических преступников, отправленные после польской революции 1830 г. и других национально-освободительных восстаний тех лет. Эти поляки много

сделали для экономики Сибири, улучшив управление рудниками, создав многие местные промыслы, садоводство и развив образование. На 1863 г. в Сибири насчитывалось 18 023 поляка.

Сибиряки очень симпатизировали прибывшим в 1826 г. ссыльным декабристам, которым вначале приходилось терпеть большую нужду. Но мало-помалу, благодаря преданности их жен, пожелавших разделить участь мужей, судьба этих «путчистов» улучшилась.

Декабристы продемонстрировали так не характерную для русских солидарность и нравственное превосходство над своими тюремщиками.¹ Они организовали братскую общину, заботившуюся о том, чтобы никто из них не терпел нужды и чтобы все одинаково могли пользоваться книгами, журналами. Впоследствии и другие политические ссыльные присоединились к населению Сибири. Эти каторжники шли пешком, как и арестанты, осужденные за обычные уголовные преступления, и работали в тюрьмах, рудниках или на казенных заводах, не имея права читать, объединяться в товарищества или выбирать себе род занятий по своему вкусу.

Еще в конце XIX в., вплоть до постройки Транссибирской магистрали, ссыльные шли пешком, прикованные рукой к длинному железному пруту, преодолевая путь почти в 6500 км, отделяющие тюрьмы Руси от Забайкалья. Это «путешествие» длилось два года.

Сибиряки, ряды которых одновременно пополнялись худшими и лучшими из русских, естественно составляли во многих отношениях резкий контраст с жителями Европейской России. С одной стороны, наследственность, с другой — влияние новой среды привело к тому, что сибиряки создали особую группу

¹ Моральную неполноценность русских людей следует оставить на совести автора.

среди народов Российской империи. Их природный ум, в то время редко отягощенный образованием, отличался большой сметкой. Никогда не зная крепостного права, располагая большим, чем у русских, пространством земли и менее зависимые от чиновников, сибиряки обладали сильным чувством равенства. При отсутствии раболепия в голосе и манерах, они не отличались природной кротостью нрава и наивным добродушием славян Европейской России. Знаменитый художник В. Суриков говорил: «В Сибири народ другой, чем в России, — вольный, смелый».

Казаки Сибири

О казаках Сибири нужно сказать особо, так как здесь войска создавались специально для охраны границ.

После завоевания Сибири ватагой атамана Ермака казаки по собственной воле шли всё дальше на восток. Спустя 60 лет эти герои, преодолев все опасности, вышли к берегам Охотского моря.

Как правило, эти станичники — потомки донцов, которым в конце XIV в. пришлось покинуть родину и скрыться в лесах Новгорода, в Югре, на реках Каме и Северной Двине. По казачьим преданиям, их там проживало немало.¹

Пока остатки казаков Ермака из «старой сотни», служили в городе Тобольске, в Сибирь шли толпы промышленников и стрельцов с воеводами. В степи и горах появились границы с воинственными теленгутами, киргизами, монголами. На новых границах, от крепости Звериноголовской у восточного подножия Уральских гор и дальше вдоль Иртыша, стали укрепленные городки, посёлки и пикеты, заселенные казаками. Так появились городовые казаки Сибири: тюменские,

¹ Документального подтверждения этому нет.

тобольские, сургутские, березовские, тарские, нарымские, кетские, томские, кузнецкие и другие.

Все станичники за Уралом первоначально считались казаками Сибири, но со временем это наименование осталось только за Сибирским казачьим войском, старшинство которого ввели с 1582 г. Казаки всегда жили и служили отдельно, нарушая свою обособленность только для братских по крови запорожцев. Другие в сибирские станицы не допускались, и даже значительно позднее по указу 1658 г. пополнялись только казаками-малолетками, уже прошедшими хорошую школу, заменяя иногда свою родню, или как «охочие» участвуя в походах.

По словам профессора Ф. А. Щербины, у сибиряков бытовало выражение: «Я казак и ты казак, а кто не казак, то чужой».

Глава 2. Красный яр на Енисее

Енисей необыкновенно красив, здесь словно воплотилась сама Сибирь, с её горами, реками и акварельными красками Минусинской степи.

Текущие в Северный Ледовитый океан воды Енисея принадлежат двум бассейнам. Селенга, начинаясь в горах, окаймляющих пустыню Гоби, круто извивается по холмистому плоскогорью, затем впадает в большую поперечную долину, залитую водами Байкала. А уже через поперечную ложбину, перпендикулярную к этому обширному озеру, выходит река Ангара, текущая по ровной покатости к Енисею.

Енисей начинается в горах Алтая. Затем, пройдя ряд ущелий, перерезывающих параллельные края хребта Саян, спускается с юга на север к Ледовитому океану. Длина реки вместе с Селенгой и Ангарой около 5500 км.

По истории населяющих их народов два бассейна: западного Енисея и Прибайкальского — разнятся между собою и потому будут рассмотрены отдельно.

Енисей получает свои первые воды из Китая. В России эвенки называют его Еханес, или Большая река, отсюда — русское название Енисей. В 15 км от границы река вступает в тесное ущелье, стены которого отстоят одна от другой на 32 м. В этом проломе около 500 м длиной течение так быстро, что оно редко замерзает зимой. Но сразу за ущельем река разливается по бассейну с незначительным падением, и здесь свыше 5 месяцев в году Енисей покрыт толстым льдом. Ниже другие пороги и стремнины также прерывают течение реки. Многие из этих стремительных потоков опасны для проходящих плотов и барок, однако непреодолимых препятствия для судоходства нет. Из них самый опасный — так называемый Большой порог, ниже впадения реки Ус. Здесь волны кружат и поворачивают плывущие плоты задом наперед, так что боязливые гонщики просят привязывать себя к бревнам. По выходе реки из Саянских гор вид местности вдруг изменяется совершенно: дикие скалы исчезли, и далеко за горизонт расстилается зелень степей. Пороги между Красноярском и Енисейском считались более опасными. Эти стремнины покрывали реку кипящей пеной, и беспорядочное столкновение их волн производило такой оглушительный шум, что матросы на судах не слышали друг друга. Длина главного порога около 10 км, и барки или суда, спускающиеся вниз по течению, пробегают это расстояние менее чем в полчаса. Но в целом среднее и нижнее течение Енисея — тихое и спокойное.

Вдоль левого берега, выше Минусинска, на 50 км тянется Абаканская степь. Ручьи здесь иссякают, не достигнув реки, и блестят соляные озера. На западе от Минусинска Качинская степь обнимает большую часть равнины, ограниченной с юга рекой Абакан, и

даже переходит с левого берега на правый — возвышенный. Многочисленные притоки, спускающиеся большей частью с восточной покатости, усиливают этот могучий поток и делают Енисей одной из величественных рек Азии гораздо ранее, чем он соединится с Верхней Тунгуской. Средняя ширина его здесь — от 1,5 до 2 км. Весной река разливается на 6 км в ширину, а глубина ее, которая обычно равна 11,7 м, превышает тогда 17 м.

Суда, плывущие вниз по течению, спускаются со скоростью от 10 до 16 км/ч, смотря по высоте воды. Даже здесь Енисей по полноводности не уступает Дунаю. Верхняя Тунгуска более чем вдвое увеличивает объем воды. Под давлением этого могучего потока река изгибается к западу. И на протяжении нескольких километров два течения, одно мутное и желтоватое (Енисей), другое темно-синее, почти черное (Тунгуски), катят свои воды в одном и том же русле, соединяясь по бокам большими водоворотами. Под конец обе реки сливаются так, что их уже невозможно различить. Замечательно, что линия слияния есть в то же время граница между видами рыб: у осетров и стерлядей Тунгуски спина черная, тогда как те же рыбы, живущие в верхнем и низовом Енисее, имеют сероватый цвет.

Ниже соединения с Верхней Тунгуской река течет между низменным, или луговым берегом по левую сторону и высоким берегом по правую, обычно называемым каменным берегом. Однако ниже впадения притока Сим оба берега становятся возвышенными. Длинный ряд утесов, на которых все выступы кажутся черными от гнезд ласточек, перерезывает русло, останавливает течение реки и заставляет реку разлиться. В бассейне шириной более 15 км насчитывается более 50 островов, образуемых переплетающимися рукавами. При узких воротах этой естественной запруды, когда вода стоит на низком уровне, некоторые проходы предоставляют судам глубину не

более 1,4 метра. Это единственное препятствие для больших пароходов в низовьях Енисея. Во многих местах реки лот достигает дна только на глубине около 42 м.

После Большой, или Верхней, Тунгуски в полосе лесов с Енисеем соединяются Подкаменная Тунгуска и Нижняя Тунгуска. А также и другие реки, почти столь же многоводные: Бахта, Елугуй, Курейка. Нижняя Тунгуска, развернутая длина которой исчисляется в 2700 км, имеет около 1 км в ширину.

В низовьях, где исполинская река протекает через пояс вечной мерзлоты, Енисей не получает более притоков. Впрочем, здесь он уже походит скорее на морской залив. Берега удалены один от другого на 50, местами даже на 60 км и более. В этом обширном пресноводном фьорде, открытом всем ветрам, беспрепятственно гуляющим по гладкой, безлесной тундре, плавание очень опасно для плоскодонных судов, и рыбаки не любят отходить далеко от берегов. Но перед тем как соединиться с морем, река снова суживается, и устье её имеет 20—21 км в ширину. В холодные годы оно открыто для судоходства только 50 дней, с 10 июля до конца августа. Морские льды, гонимые ветром, и речные льдины, увлекаемые ледоходом, сталкиваясь, образуют громадные заторы, движущиеся ледяные горы, разрушающие берега и срывающие со дна песчаные мели, чтобы перенести их на другое место.

В XIX в. почти все прибрежные жители занимались рыболовством, так как хлебопашество и скотоводство составляло незначительный источник пропитания для русских. Оттого судоходство на Енисее ограничивалось ловлей и перевозкой рыбы.

Эта огромная река, оживляющая обширный бассейн, мало использовалась человеком. Область, орошаемая Енисеем и его притоками, изобилует металлами, лесами, рыбой, дичью, а юг её может кормить миллионы людей. Между тем на всей судоходной сети

Енисея (общая длина которой, не считая Байкала, превышает 8000 км) в 1876 г. ходили только 4 парохода да 2 парусных судна грузоподъемностью 49 т.

Большую часть судов составляли плашкоуты, буксируемые пароходами, и барки из отесанных четырехугольных брусьев. Нагруженные зерном в верховьях реки, эти суда спускались до низовых пристаней, где выгружались, а плашкоуты и барки разбирались и продавались на дрова или постройки. В конце XIX в., когда купцы Англии и Сибири стали осваивать морские пути из западной Европы к устью Енисея, появилась надежда, что торговля разовьется и на реке, которая по судоходству еще так далеко отставала от Оби.

Один из прибрежных народов, сойоты, жили в трех долинах России, но племя их гораздо многочисленнее в Китае. Прежде им приходилось приносить каждый год свой ясак мехами русским сборщикам и китайским чиновникам, но потом сойоты отошли подальше от границы, чтобы избежать двойного налогообложения. Так некогда населенные просторы обратились в пустыни. Сойоты имели сноровку в разных ремеслах: они добывали руду, выплавляли из нее полосы чугуна, отливали пули, приготавливали порох, ремонтировали ружья. Эти туземцы плавали по рекам и озерам на плотах из бревен, связанных веревками из конского волоса. Почти все кочевники, они не имели других богатств, кроме своих стад овец, коров, яков, табунов лошадей. Их стройные и красивые верховые кони очень ценились в Минусинске. Молоко и молочные продукты: сыр, масло, кумыс — составляли главную пищу сойотов. С особенным наслаждением и слишком часто они пили перебродившее молоко и быстро пьянели.

Другой народ — урианхи, но их племена смешивались с коленами сойотов. Главная масса урианхов жила по берегам озера Косогод и на верхних притоках Селенги и Ангары. Некоторые урианхи жили звероловами в лесах, но большая часть их занима-

лась скотоводством. Искусные земледельцы, они сеяли ячмень и просо, и на их землях встречались оросительные каналы, проведенные по склонам гор. Но феодальные порядки вели к обнищанию народа. Их князек обладал многочисленными стадами, а простой народ терпел нужду во всем и жил в рабстве. Каждого богатого «господина» окружала толпа слуг, которые постоянно ухаживали за ним, одевали и раздевали его, поднимали на руках, чтобы посадить на лошадь, и даже клали пищу в рот. При такой жизни урианхи разделились на две враждебные партии. Бедняки склонялись больше в сторону русских, тогда как дворяне и ламы опирались на китайских и монгольских чиновников.

Эвенки занимали бассейны рек Тунгусок (Верхняя, Подкаменная и Нижняя), и большую часть Амура.

В конце XIX в. на реках бассейна Енисея стояло не много городов, да и те, за исключением двух или трех, на самом деле были просто местечками. Купцы самого южного из них (Минусинска, величавшегося столицей Сибирской Италии) торговали с верховьями реки Кем и с Монголией. Занимая прекрасное положение на правом берегу Енисея, на живописном фоне амфитеатра гор, этот город владел богатыми месторождениями. В 1835 г. здесь нашли золото и ежегодно добывали около 800 кг желтого металла. Кроме того, в соседних горах имелись свинец и медь. Но эти руды не разрабатывались после отмены крепостного права в 1861 г., так как вольные горнопромышленники искали драгоценный металл. Залежи каменного угля также не имели никакой ценности из-за обширных лесов, слабо развитой промышленности и недостатка удобных путей сообщения. Соляные озера в окрестностях Минусинска использовались только для местных нужд. Железную руду разрабатывали только сойоты, так как уральские заводы в изобилии поставляли железо и чугун.

Далее по течению Енисея, в 75 км ниже Минусинска, стояло селение Абаканское (или Абаканск), бывшее важной крепостью в XVIII в.

Главный город Енисея Красноярск построен, как показывает его имя, у основания красноватых, крутых утесов, на глинистом полуострове, образуемом слиянием рек Енисея и Качи. Занимая выгодное положение при большой судоходной реке, в месте пересечения её главным сибирским трактом, город развивался быстро. Здесь в 1848 г. родился великий художник В. И. Суриков, дед которого был атаманом Енисейского казачьего полка.

Енисейск по значению только второй город на берегах Енисея, хотя он носит название этой реки. В XVII в., когда перевозка товаров шла только водным путем, енисейская ярмарка, на которой меха обменивались на железные изделия, была одной из важнейших в Сибири. Но постройка большой сибирской дороги, проходящей через Красноярск, отвлекла торговлю сюда.

Ниже Енисейска река протекает уже по пустынным местам. Там и сям на берегах показываются бедные деревушки, с полуразвалившимися хижинами, да и те встречались все реже. Одна из этих — Туруханск, считалась городом, и жившие в нем чиновники были такими же ссыльными, как и несчастные, осужденные на невольное пребывание здесь.

Казачи Енисея

В XVIII в. енисейцы служили в пограничной страже Сибирской казачьей линии.

В 1701 г. они двинулись в Саяны (1243 казаков, в том числе 728 енисейских и красноярских с пушками и 515 томских и кузнецких) и прекратили угон хакасов в Джунгарию и Монголию. В 1707 г. на Енисее заложен мощный Абаканский острог.

Ранней весной 1718 г. 300 казаков дворянина И. Нашивонкова поставили Саянский острог в ущелье Западного Саянского хребта (в коридоре при выходе Енисея в Хакасскую степь). Зимой, когда лед сковывал водяной поток на 4 месяца, коридор на протяжении веков служил единственной дорогой из Хакасии в Туву с Монголией, и теперь его надежно «закрыл» сильный пограничный форпост.

При Екатерине II енисейцев стали наделять землями по 6 десятин, но жалованье и продовольственный паек им урезали.

В начале XIX в. казаков уже свели в полки и обучали строевой верховой езде. В 1822 г. из енисейцев, красноярцев и туруханцев сформирован 6-сотенный Енисейский городской казачий полк (полковой атаман, 6 сотников, 6 хорунжих, 46 урядников, 7 писарей, 7 мастеровых и 600 казаков). Казаки являлись на службу конными со своим обмундированием и снаряжением. В 1839 г. им выдали 458 устарелых кремневых ружей со штыками и 546 пистолетов.

В 1851 г. полк переподчинен Военному ведомству и реорганизован в Енисейский конный казачий полк (861 человек, при развертывании увеличивался до 3000, в 1852 г. — 4391 человек). Срок службы 20 лет: 3 года подготовки, 12 лет строевой и 5 — в запасе. Служба чередовалась: 4 года в строю и 8 лет на льготе. Неспособные к службе уплачивали особый налог в казну. По решению станичного правления, в порядке исключения, разрешалась замена призываемого казака другим по обоюдному согласию. Обмундирование, снаряжение и лошадь казак приобретал за свой счет, оружие, провиант и фураж выдавались от казны. Земельный надел казака — 30 десятин, офицерам — по 60 десятин. Во время Крымской войны енисейцы заняли устье Амура, и некоторые участвовали в боях.

В 1871 г. Енисейский казачий полк упразднен. На службе остались только 2353 человека, из которых для внутренней службы в Енисейской губернии создали

Красноярскую казачью сотню (1 командир сотни, 4 командира казачьих команд в посторонних ведомствах, 8 урядников, 1 трубач, 80 казаков, 4 писаря и 6 денщиков). Срок службы — 22 года: 15 лет полевой (с 19 до 35 лет) и 7 лет внутренней (с 35 до 42 лет), с чередованием — 1 год на действительной службе и не менее 2 лет на льготной. В 42 года казаки выходили в отставку.

Все это сказывалось на экономическом благополучии казаков, которым приходилось 5 раз снаряжаться на службу, а в экстренных случаях выходить вне очереди. По сравнению с крестьянами они значительно отставали в производстве зерновых (10,1% хозяйств совсем не сеяли хлеба, а 9,2% не имели собственной пашни).

В 1904 г., после нападения 27 января флота Японии на русскую эскадру в Порт-Артуре, Красноярскую казачью сотню развернули в Красноярский 3-сотенный дивизион, который нес охранную службу в городах Томске, Минусинске и Красноярске. В 1906 г. дивизион расформирован и обращен в прежний состав сотни.

В Первую мировую войну енисейцы сразу выставили Красноярский 3-сотенный дивизион, сформировали Каратузскую, Саянскую и Таштыпскую казачьи дружины, отправленные в пограничный Усинский округ. Стали призывать на казачью службу зажиточных образованных хакасов. В 1915 г. сформированы несколько маршевых команд и отправлен на Кавказский фронт Енисейский казачий полк.

В 1917 г. енисейских казаков насчитывали более 14 000 человек обоего пола. Февральская революция открыла перед ними новые перспективы. 25 мая 1917 г. I съезд енисейцев провозгласил создание Енисейского казачьего войска. В сентябре атаманом войска избран есаул А. А. Сотников. В Гражданскую войну енисейские части сражались на стороне белых на Урале и боролись с красными партизанами.

Глава 3. Священное море

Далекий и загадочный Байкал, как один из символов Сибири, еще совсем недавно вдохновенно воспевался на застольях и вечеринках. Имя это, видимо, пошло от якутского Бай-хай (Богатое или Счастливое море). Байкал известен у монголов как Далай-Нор, или Священное море. Сибиряки так его и называли, утверждая, что христианская душа может погибнуть здесь «разве только в состоянии смертного греха». Монголы, урианхи и русские негодовали, когда при них Байкал называли озером, говоря, что море гневается, когда его называют озером, и отзывались о нем всегда в самых почтительных выражениях.

Морю Байкал, пятому по величине озеру Земли (33 000 кв. км), во многих русских сочинениях по географии еще в XIX в. давали первое место в мире. При этом, видимо, игнорировали Великие Озера США (так называемое пресноводное Средиземное море), а также озера Шанца (Виктория) и Танганьика в Африке. Тем не менее, хотя Байкал уступает по площади озерам Африки, Нового Света и даже Средней Азии, но превосходит их массой воды, ибо глубина его равна 1373 м. Это открытие сделали зимой 1876 г. ученые — ссыльные поляки Дыбовский и Годлевский.

Вдоль западных берегов Байкала, у выхода Ангары, живописно стоят наиболее грандиозные утесы. Над поверхностью вод поднимаются высокие мысы в виде башен высотой от 195 до 305 м, с выступами, покрытыми сосновым лесом и кустарником. Между этими изрезанными гrotами мысами виден амфитеатр гор, поднимающихся над террасами ступенями исполинской лестницы.

Байкал производит на путников грозное впечатление. На берегах нигде не видно жилья или нивы, везде только дикая природа и пустыня. Вид гор меняется

очень мало, едва заметно. Один мыс сменяется другим подобным же выступом. За окруженной скалами бухтой открывается другая такая же, потом опять бухта и так далее. Тут поневоле задашься вопросом, не кружит ли возница на одном и том же месте.

Леса, покрывающие скаты гор и узкие полосы побережья, состоят из хвойных пород Сибири: сосен, елок или лиственниц. Нигде нет ясеня, вяза, дуба, которые придают такую прелесть ландшафту обилием листвы, разнообразием оттенков зелени и величественным видом высоких стволов. Под конец этот однообразный темно-зеленый колорит соснового бора, как и черноватая крутизна скал, с их красными цветками и коричневыми стеблями, заставляют вспомнить все русские песни о ямщике, степи и пурге.

Байкал слишком обширен, чтобы впадающие в него притоки могли показать заметное течение. Воды на глади озера движутся от одного берега к другому по воле ветров. Один из них известен как баргузин, потому что он якобы выходит из бухты, в которую впадает река Баргузин. Противный ветер, дующий с запада и юго-запада, по имени деревни у западного угла озера зовут култуком.

Озеро замерзает зимой в конце ноября или в начале декабря и снова освобождается ото льда только в мае месяце. Лед постепенно растет от краев все далее к середине, пока, наконец, вся поверхность не покрывается белой скатертью. Но внезапные бури ломают хрупкий слой, и только когда лед от берега до берега приобретал толщину 1,25 м, лихие почтовые тройки проносились без всякой опасности. Но даже и тогда лед не переставал колебаться. Проезжающие ясно слышали глухой шум воды, перекатывающейся под твердым сводом. Иногда от внезапного удара лед начинал сотрясаться и издавать металлический звук. Иногда протяжный треск, как бы стон, возвещал, что лед раскололся, и в массе его появлялись

узкие трещины длиной несколько километров. Лошади с разбегу обычно перескакивали их, иногда кибитка проваливалась в мерзлую воду. Но, как правило, все оканчивалось благополучно и путников успевали вытащить на лед.

Понятно, что в этом внутреннем море, на берегах которого не существовало тогда ни одного города, судоходство также было незначительно. Правда, первый пароход задымил на Байкале в 1844 г., но только для переправы между иркутским берегом и дельтой Селенги. В этой части Святого моря и сосредоточивались все перевозки. Здесь проходили товары и пассажиры из Сибири в Китай и в бассейн Амура. Случалось, что неуклюжие, похожие на большие деревянные ящики парусники, гонимые ветром, блуждали в тумане по две недели, чтобы сделать этот небольшой 100км переход. Правда, управлялись эти суда с большим трудом, поэтому «мореходы» Байкала, буряты или русские, выходили в плавание только при попутном ветре. Между периодом навигации и санной ездой товарные обозы шли сухопутной дорогой вокруг западной оконечности озера.

Байкал получает воды с территории площадью в 320 600 кв. км. При этом бассейн Селенги (в Монголии и в Забайкалье) занимает не менее двух третей. Селенга разворачивает свою длинную кривую на протяжении 1100 км. Эта река доступна для плоскодонных судов на всем низовье (от слияния её с Орхоном), и купцы Кяхты отправляли по ней чай. Так от границы Китая до Ледовитого океана шел судоходный путь длиной 4800 км: сначала из Селенги в Байкал, затем из Ангары в Енисей и, наконец, по Енисею до самого моря.

Селенга, Баргузин (по берегам которого жили буряты), Верхняя Ангара (протекающая через гористую страну тунгусов), а также другие притоки приносят в Байкал свои воды. Из озера «убегает» только Ангара — одна из могучих рек Азии. По выходе из

широкого залива, осененного лиственницами, Ангара обтекает «Шаманский камень» и стремительно несется по покатости. Скорость течения так велика, что темно-синие, почти черные воды Ангары еще продолжают бежать перед высокими берегами Иркутска, когда все её притоки уже покрылись толстым льдом. Зима давно уже наступила со своими 10- и 20-градусными холодами, а река все еще свободна ото льда и начинает замерзать только после 30-градусных морозов, продолжающихся несколько дней подряд. Весной разломанные льдины ударяются о ледяные мосты, которые еще держатся на более тихих водах ниже по реке, громоздятся у входа в теснины. Высота этих ледяных гор иногда достигает 42 м и более.

Между этими теснинами Ангара самая знаменитая — та, в которой река катит стремнины и даже образует водопады, где не могли ходить обычные суда. На протяжении около 70 км вниз от слияния Сибирской Оки и Ангары, из которых последняя получает от этого места новое название — Верхней Тунгуски, следовали 9 порогов (падунов, или шиверов). Рев волн слышали за несколько километров до порогов.

Пароходы проходили эти пороги без особых усилий, но быстрое движение и шум волн волновал пассажиров. Ниже слияния с Илимом Ангара протекает у основания других скал, поднимающихся почти на 183 м над водой. Это последние вершины берегов реки. Перед слиянием с Енисеем Ангара принимает большой приток Чуну, который приносит ей воды обширного бассейна, орошаемого золотоносными потоками, спускающимися с Саянских гор. Во многих из береговых утесов Ангары залегают пласты каменного угля.

Так же как и на Енисее, русские составляли господствующее население в долине Селенги, на Байкале и по берегам реки Тунгуски. Эвенки и буряты в то время являлись единственными обитателями лесов.

Эвенки и буряты сильно отличались по своему характеру. В то время как эвенк смел и весел, скромен, почтителен и прямодушен, бурят обычно боязлив, угрюм, груб, ко всему равнодушен и плутоват. Его широкое скуластое лицо редко озарялось открытым взглядом. Сильные, коренастые, широкоплечие и дородные буряты, с тяжелой походкой матроса, ходили на своих братьев монголов. Главный их порок — пьянство, и хмельное пьянило сильнее, чем русских.

Буряты сами себя называют гуннами, то есть людьми. На берегах Байкала и в окрестностях Иркутска буряты более или менее обрусели и приняли православие. Кое-где шло смешение племен, и, в то время как буряты делались казаками, станичники, в свою очередь, стали походить на бурятов. Во многих селениях трудно было распознать истинную суть жителей, и все они, казаки и буряты, говорили на двух языках. Эта благостная идиллия создавала иллюзию воскресшей Монгольской империи. В станице казак хвастал своим умением говорить по-монгольски, подобно тому как в городе цивилизованный русский щеголял своим прекрасным французским диалектом.

Эвенк — исключительно зверолов, бурят, пришедший из степей Монголии, — по преимуществу скотовод, но на берегах озер он стал и рыбаком. Как и калмыки, буряты ездили верхом на быке, но предпочитали лошадей.

Малорослые лошадки бурятов легко делали перезды в 50 и даже в 100 км, сохраняя обычную рысь и не требуя ни корма, ни питья. В конце такой огромной дистанции животные выглядели еще бодрыми. Зимой бурят обычно оставлял своего коня на ночь в открытом дворе, чтобы приучить его к 40- и 50-градусным морозам, от которых гибли лошади другой породы. За это буряты очень ценили своих товарищей, которые переносили их так быстро через степи

или леса. Обычай запрещает им убивать или продавать верховых лошадей. Буряты убивали в пищу только тех животных, которые никогда не носили на себе всадника. По преданию, верховой конь должен сопутствовать своему хозяину при переселении его на тот свет. Но лукавые буряты пытались надуть своего бога, привязывая возле могилы какую-нибудь старую, негодную клячу или молодого жеребенка, да и то на тоненькой, некрепкой веревке. Испуганное животное скоро разрывало свои путы и присоединялось к табуну. «Мы отдали его Богу, Бог возвратил нам его назад», — так обычно извинялся наследник умершего. В некоторых округах буряты научились у русских косить сено, пахать землю и сеять хлеб. А в Иркутской губернии они даже стали более искусными земледельцами, чем их учителя. В ведении хозяйства их превосходили только поселенцы-староверы, известные как «семейские», самые трудолюбивые имышленные из сибиряков.

Буряты, покоренные в XVII в. казаками, давно оставили всякую мысль о возмущении, принадлежат к числу самых мирных подданных России.

Город Кяхта, охранявший границу в бассейне Селенги, долгое время держал монополию торговли с Китаем. В 1728 г., после заключения дружественного трактата между империями, основались на расстоянии каких-нибудь 200 м одна от другой две купеческие конторы. На южной стороне пограничной черты Маймачен, или Склад, китайцев, на северной — русская Кяхта, защищенная укрепленным постом казаков.

И, может быть, во всем свете не существовало столь замечательного примера противоположности во внешнем виде этих торговых местечек. Кяхта походила на красивый квартал европейского города, и главная её церковь, увенчанная позолоченным куполом, считалась богатейшим храмом Сибири. Маймачен символизировал предместье Пекина, поэтому

содержался гораздо лучше, чем другие города севера Китая. Ворота покрывали скульптуры, стены оклеены полосами красной бумаги. Во всех жилищах пели птицы, и загнутые кверху углы крыш увешаны колокольчиками, которые постоянно звонили при малейшем ветерке. Между двумя слободами китайцы воздвигли высокую досчаную стену в форме ширм, чтобы предохранить свои дома от пагубного влияния русской духовности. На этих ширмах они нарисовали иероглиф «счастье». Так, всякое вредное влияние, исходящее из Кяхты, равно как и русское богохульство, задерживалось китайским экраном и отражалось в пустыню.

После Кяхты главный город в бассейне Селенги — Верхнеудинск, лежит у слияния Уды и Селенги, по которой пароходы поднимались сюда. Портом на Байкале для этого города служило село Посольское, дома которого теснились вокруг богатого монастыря на западной стороне устья Селенги. Деревня Лиственничная на берегу залива, откуда выходит Ангара, служила пристанью, где едущие из Иркутска путники садились на суда, чтобы переправиться через Байкал. Култук на западной оконечности озера — рыболовная гавань. Душ-Качан у северного конца бассейна — тоже пристань, где тунгусы платили ясак шкурами пушных зверей.

Столица Восточной Сибири — Иркутск, стоит не на берегу реки Иркут. В 1652 г., через 9 лет после открытия Ангары, казак Иванов основал на левом берегу этой реки, при впадении в нее Иркут, контору для выемки у туземцев шкурок пушного зверя. Но с 1669 г. эта торговая колония переместилась на другую сторону Ангары, к устью её притока Иркут. Здесь мало-помалу выстроился большой город Иркутск. Большинство жителей составляли мужчины: чиновники, солдаты, купцы. Зимой население города увеличивали тысячи золотоискателей, возвращавшихся из окрестных долин.

Иркутск, с широкими и прямыми улицами, низкими домами, гордилась тем, что здесь находится одно из древнейших зданий Сибири. Но это не что иное, как остатки острога, построенного казаками в 1661 г. На триумфальных воротах города, воздвигнутых в 1858 г., после заключения Айгунского трактата, красуется горделивая надпись: «Дорога к Великому океану». Первенство в городе держали винокуренные и водочные заводы.

Иркутское войско

В ноябре 1722 г. казаков Иркутской провинции определили для службы на границе с Китаем и разрешили их семьям жить в острожках-караулах.

В 1758 г. 400 семей переселены в Забайкалье для охраны Акшинского участка границы. В 1761 г. из них формировали команды пограничников, в том числе на Тункинской дистанции. Через 3 года на их усиление вновь переселили часть иркутских казаков. В мае 1798 г. Военная коллегия учредила в Иркутске 5-сотенный казачий полк (4 сотника, 8 урядников, 16 капралов, 379 казаков — всего 407 человек). В 1798 г. казаки Иркутской губернии переданы гражданскому ведомству.

В 1822 г. из казаков сформирован 6-сотенный Иркутский городской конный полк. В 1851 г. полк переподчинен Военному ведомству и реорганизован в Иркутский конный казачий полк.

В 1871 г. полк упразднен и сформирована отдельная Иркутская казачья сотня (1 командир сотни, 1 помощник командира, 4 командира команд, 12 урядников, 1 трубач, 110 казаков, 4 писаря и 6 денщиков). Срок службы: полевой 15 лет и внутренней 7 лет, с чередованием — 1 год на действительной службе и не менее 2 лет на льготной. По достижении 42 лет казаки выходили в отставку. Казаки, находившиеся на льготе, подчинялись гражданскому ведомству (МВД). По

свидетельству П. А. Кропоткина, посетившего Тункинскую дистанцию, казачьи станицы постепенно стали утрачивать свой особый облик, а казачье население непрерывно смешивалось с коренным бурятским населением. Нередко можно было встретить казаков и казачек с бурятскими лицами, свободно говоривших по-русски и по-бурятски, занимавшихся как земледелием и скотоводством, так и охотой и рыболовством.

В 1904 г. с началом Русско-японской войны казаки развернули Иркутскую казачью сотню в 3-сотенный дивизион и взяли под охрану монгольскую границу в долине Иркута. В 1906 г. дивизион расформирован и обращен в прежний состав сотни.

В Первую мировую войну казаки выставили Иркутский 3-сотенный дивизион. В 1915 г. сформированы несколько маршевых команд и отправлен на фронт конный полк.

В 1917 г. иркутские казаки насчитывали свыше 12 000 человек обоего пола и пользовались 81 тыс. десятин земли. В марте 1917 г. Учредительный круг провозгласил создание Иркутского казачьего войска. Первым атаманом стал генерал П. П. Оглоблин. В Гражданскую войну иркутские казаки сражались на стороне белых и боролись с отрядами красных партизан.

Глава 4. Моряки на Амуре

Если император Петр Великий вывел Русь к Балтике, а Екатерина II — на Черное море, то Николай I в середине XIX в. обеспечил свободный речной выход в Тихий океан, так как огромная империя уже не могла играть в Азии роль только сухопутной державы и вознамерилась стать еще и морской. А для господства в водах Тихого океана требовались военно-морские базы.

Так как Китай почти 150 лет не допускал никого плавать по Амуру, эту реку не удавалось исследовать. Между тем Амур мог дать ожидаемые выгоды только при условии, что его устье доступно для судов с моря. И после реформ Петра I Великого, прекратившего самоизоляцию Москвы и основавшего Российскую империю, интерес к Амуру возрос. Для этого с конца XVIII в. из Петербурга сюда посылались гидрографические экспедиции, сделавшие ошибочный вывод о недоступности реки с моря.

Исследователей смущали слухи, что Китай якобы защитил Амур мощными крепостями и сильной флотилией. Лишь в 1844 г. Николай I приказал выяснить судоходность Амура с моря. Но, опасаясь насторожить Англию и Китай, это не сделали. Год спустя к устью реки пошел небольшой бриг Российско-Американской компании «Константин» под командованием поручика корпуса штурманов Гаврилова. Однако из-за недостатка средств и по болезни Гаврилову не удалось выполнить поручение. Неудача побудила Николая I отказаться от этих попыток.

Но вопрос вскоре возбудил капитан-лейтенант Г. И. Невельской (1813—1876). Собрав исторические сведения об Амуре и сопоставив все факты, Невельской сделал вывод, что устье Аура проходимо. Назначенный командиром транспорта «Байкал», которому предстояло идти в Тихий океан, Невельской просил разрешения исследовать устье Амура. Ходатайство это, поддержанное генерал-губернатором Восточной Сибири Н. И. Муравьевым (впоследствии графом Амурским) и начальником главного морского штаба, адмиралом, князем А. Е. Меншиковым, представили императору Николаю I. Прибыв в Петропавловск и сдав груз, пылкий Невельской, не ожидая высочайшего разрешения, направился к устью Амура и здесь 42-дневным плаванием блестяще подтвердил правильность своих предположений: Амур оказался доступным для морских судов.

Одновременно Невельской открыл: 1) что Сахалин, который все считали полуостровом, есть остров, отделенный от материка удобным для морских судов проходом; 2) что Амурский лиман имеет два доступных входа со стороны моря — из Татарского пролива и из Японского моря, и 3) что на юго-восточном берегу Охотского моря имеется закрытая от всех ветров бухта святого Николая, превосходящая своими качествами бухты всех русских портов на Дальнем Востоке.

Так удалось рассеять почти 200-летнее заблуждение, и Сибирь, отрезанная от океана тундрами, горами и тайгой, получила возможность сообщения с побережьем. Послав донесение в Петербург, Невельской продолжил исследование реки. Между тем эту бурную деятельность петербургские старцы встретили враждебно и предлагали наказать его за дерзкий, самовольный уход из Петропавловска. Однако император Николай I не только простил Невельского, но и наградил чином капитана 2-го ранга.

В начале 1850 г. Невельской прибыл в столицу и представил материалы экспедиции к Амуру. Вскоре его снова послали на Восток, в распоряжение Н. И. Муравьева, для дальнейшего исследования реки. Несмотря на явные стратегические выгоды, Особый комитет, опасаясь конфликта с Китаем и Англией, разрешил основать на восточном побережье Охотского моря лишь одно зимовье (Николаевский пост), строго запретив активные шаги в лимане Амура.

Но энергичный Невельской начал действовать на свой страх и риск. Прежде всего он решил убедиться, какие меры принял Китай для обороны реки. К великому изумлению, оказалось, что Китай игнорирует Амур, не имея по берегам его от устья до Хинганского хребта никаких крепостей или военных постов, а тем более, военной флотилии. Выяснилось также, что племена, живущие по Амуру, Сунгари и их притокам, не платят Китаю податей (ясака). Знакомый с историей межгосударственных отношений Китая и

России, Невельской изучил Нерчинский трактат 1689 г. и убедился в историческом праве России на Амурский край.

Так, 150 лет Россия, имея права на Амурский край, не использовала их из-за географического и политического невежества своей элиты. Невельской решил объявить принадлежащим России Приамурский край с островом Сахалин, и 1 августа 1850 г. на мысе Куегда в недавно основанном Николаевском посту русские моряки подняли андреевский флаг.

Однако решительные действия Невельского вызвали недовольство чиновников. И на этот раз Особый комитет счел его поступок дерзостью, достойной разжалования в матросы, о чем и доложил императору. Но, получив от Н. И. Муравьева донесение, Николай I назвал поступок Невельского «молодецким, благородным и патриотическим», наградил его орденом Владимира 4-й степени и на докладе Особого комитета положил свою легендарную резолюцию: «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен».

Для исследования края и охраны Амура в Николаевском и Петровском посту разместились Амурская экспедиция капитана 1-го ранга Невельского (несколько морских офицеров и 60 матросов).

Прибыв в 1852 г. к месту назначения, Невельской начал исследование края. Почти за 4 года экспедиция (лейтенанты Бошняк, Куприянов, мичманы Чихачев, Разградский, Петров, прапорщик корпуса штурманов Воронин, доктор Орлов, топографы Штегер и Попов, и приказчик Российско-Американской компании Березин) провела опись берегов, составила ряд карт и собрала материалы для будущих дипломатических переговоров с Китаем. Терпя лишения от недостатка провизии, топлива, перевозочных и других средств, подвергаясь опасности среди диких племен, моряки, почти отрезанные от культурного мира, провели колоссальную работу национального значения. Благодаря этому Россия приобрела богатый

край, положив начало своего развития на берегах Тихого океана. Неся огромную ответственность перед Родиной, моряки несколько раз сознательно превышали данные им полномочия и, побуждаемые патриотизмом, на своих плечах вынесли всю тяжесть этой славной работы.

Вот её результаты: 1) открыв вход в Амур с моря, Невельской и его сподвижники объявили Амур принадлежащим России; 2) присоединили к России Сахалин, Уссурийский край и побережье от устья Амура до границы с Кореей; 3) исследовали край по хребту Хингана, бассейну рек Уди и верхнего Амура, доказав, что со времени Нерчинского трактата 1689 г. Петербург имеет права на владение этим краем; 4) разрешили вопрос о необходимости обладания для России побережьем к югу от Амура, открыв несколько удобных бухт и гаваней (Де-Кастри, Императорская гавань и другие); 5) своим справедливым, гуманным и внимательным отношением к инородцам возбудили их симпатии к России и обеспечили мирное присоединение новых областей; 6) открыли залежи каменного угля на Сахалине.

Н. И. Муравьев-Амурский, как трезвый политик, полагал, что единственным способом для России остаться среди великих держав является широкий выход к Тихому океану, интенсивное освоение так называемой русской Калифорнии на Аляске и активное заселение Дальнего Востока. Дипломаты Петербурга проявляли здоровую осторожность, но Муравьев не стал ограничивать себя бюрократическими препонами. С учетом этого в 1851 г. генерал-губернатор Восточной Сибири приказал основать посты Николаевск, близ устья Амура, Мариинский и Александровский на оконечностях перекатов, соединяющих Амур с заливом Де-Кастри. Он, создав Забайкальское казачье войско, куда привлек потомков донских и запорожских казаков, наметил пути выхода к Великому океану и заложил новые города.

Тяжелые времена пришлось пережить русским в ходе Крымской войны, когда, ввиду реальной западной угрозы, пришлось укреплять побережье Сахалина и прочие земли, не защищенные от нападений кораблей Франции и Англии, эскадра которых бомбардировала Петропавловск-Камчатский. Но надежды давал быстрый рост русского населения на Дальнем Востоке — от 1,5 млн человек в 1811 г. до 2,7 млн в 1851 г.

В 1854 г. генерал-губернатор сам спустился по реке во главе маленькой армии. На протесты китайских чиновников Муравьев-Амурский ответил тем, что показал им свою флотилию из пароходов, барок и плотов, вооруженных пушками. Во время Крымской войны, построив ряд укреплений, Россия окончательно овладела левым берегом Амура.

После окончания Крымской войны 1854—1855 гг. император Александр II поручил Н. И. Муравьеву вести переговоры с Китаем о новых границах между империями. Начавшиеся в 1857 г. переговоры удачно завершились 15 мая 1858 г. Айгунским договором, по которому весь Приамурский и Уссурийский край отходил России. Объявляя об успешном окончании многолетних трудов Амурской экспедиции, Н. И. Муравьев издал приказ: «Товарищи, поздравляю вас. Не тщетно трудились мы: Амур стал достоянием России. Святая православная церковь молит за вас, Россия благодарит. Да здравствует император Александр II и процветает под его кровом вновь приобретенная страна». Так, благодаря энергии, смелости, патриотизму и трудам Невельского Россия приобрела свободный выход к Тихому океану.

Наконец, в 1860 г., после того как союзные войска Англии и Франции заняли столицу Китая, Петербург приобрел большие территории. Без всякой войны, только искусной дипломатией, Китай уступил на юг от Амура и на восток от его притока Уссури — сначала на правах общего владения, а затем в полную собст-

венность — области морского побережья до границ Кореи.

Только при Александре II началось строительство военно-морской базы на Тихом океане. Это в значительной мере изменило геополитическое положение России в мире.

Глава 5. Самая дальняя Украина

Амур, как и три другие великие реки Сибири, всегда имел большое значение как исторический путь русских переселенцев. В старину он служил дорогой монголам, маньчжурам и всем приходившим в движение народам востока Азии. Эта река стала продолжением Сибирского тракта, по которому следовали, но уже в противоположном направлении, казаки-завоеватели и русские колонисты. Нижнее течение Амура дополняет естественный путь, который начинается на расстоянии почти 10 700 км в устье Невы. Вместе с тем Приамурье предоставляло людям ту важную выгоду, что оно находится в более умеренном (сравнительно с остальной Сибирью) климате.

Более половины бассейна Амура лежит в Монголии и Маньчжурии. Поверхность земель, изливающих в эту реку свои воды, составляет около 2 048 000 кв. км, что в 4 раза превосходит площадь Франции. Если рассматривать реку Керулен как составную часть бассейна Амура, то общее протяжение реки и её притоков составит 5000 км.

Один из притоков Амура, Керулен, начинается в горах Монголии Кентей и, протекая на север вдоль основания одной из террас плоскогорья Гоби, изливается в озеро Далай. Это Святое море (таково значение монгольского слова далай) принимает в себя также реку Урсун, исток озера Буир-нор. Из озера лениво вытекает узкий поток мутной воды, Далай-гол, соединяющийся

с речкой Хайлар, составляющей живой исток реки Аргунь.

Речка Хайлар после соединения с речкой Далайгол, получив имя Аргунь, течет на северо-восток, параллельно цепям Станового хребта, образуя границу между Китаем и Сибирью.

Река Шилка, соединившись с Аргунью у мыса Стрелка, называется с этого места Амуром. Бассейн Шилки почти весь лежит в России. Только река Онон (которая вместе с Ингодой является главным притоком Шилки) начинается в Монголии. Аргунь превосходит Шилку длиной своего бассейна, но Шилка, протекая по более сырой области, катит больше вод.

Прозрачная Шилка важна сама по себе. Если для проводящих всю жизнь в седле монголов излюбленной дорогой служила звонкая почва степей, то станичникам, предпочитавшим спускаться или подниматься по рекам, судоходная в низовьях Шилка давала прямой путь на восток, по другую сторону гор Хингана. Воды Шилки носили струги и челны казаков, не раз пытавшихся утвердиться на берегах Амура или поддержать уже основанные там станицы, прежде чем Муравьев-Амурский в 1853 г. не овладел окончательно всем течением главной реки дальней укрainy.

Происхождение имени Амура неизвестно. Одни производят его от гиляцких слов «Я-мур», означающих Большую реку. Для других оно есть не что иное, как измененное название Маму, употребляемое коренными жителями, обитающими по нижнему течению реки. Третьи, наконец, полагают, что имя это пошло от того, что первые казаки, укрепившиеся в верховьях Амура, в городке Албазин, на берегах ручья Эмури, впоследствии стали придавать долине этого маленького потока, столь храбро оспариваемой ими, легендарную важность. Так что прозвище Эмур или Амур стало наименованием всего края и протекающей через него великой реки.

У мыса Стрелки, в месте слияния Шилки с Аргунью, Амур имеет уже от 5,7 до 7,1 м глубины, а ширина его около 500 м. Правый берег Амура, как правило, выше левого. После того как с левой стороны в реку вливаются притоки Зея и Бурей, Амур, ударяясь о цепь гор Малого Хингана, проходит через нее ущельем в 170 км длиной. В конце XIX в. вдоль реки здесь существовала только тропинка, да и та исчезала под водой во время разливов. Всадникам, чтобы попасть с одной стороны хребта Малый Хинган на другую, приходилось удаляться от берега Амура и пробираться с большим трудом через леса, объезжая выступы гор или мысы в несколько сот метров высоты. После выхода из этого ущелья Амур изгибается к востоку, затем к северо-востоку, следуя толчку, который сообщает ему могучая река Сунгари (то зеленатого, то молочного цвета, откуда и произошло маньчжурское название Молочной реки).

Выше впадения Сунгари Амур и его притоки имеют изменчивую высоту воды, и уровень их быстро падает летом. Поэтому судоходство среди порогов очень рискованно. Ниже слияния с Сунгари в период летних дождей Амур принимает вид моря. Острова покрываются водой, река, разветвляющаяся на протяжении 10—20 км, сливается в один безбрежный поток. Иногда деревни уносились вместе с крутоярными берегами, на которых они стояли. И вырванные с корнем деревья, даже целые леса плыли длинными вереницами, увлекаемые течением. Поэтому казакам часто приходилось переносить свои прибрежные станицы.

Сунгари всем своим течением находится в Китае. Река орошает бассейн с многочисленными городами и возделанными равнинами. Но русский Приамурский край и сопредельная страна по течению Сунгари, хотя и составляли часть одного бассейна, имели разные центры притяжения. На Амуре движение людей и товаров шло с запада на восток, из Иркутска

в тогда ещё станицу Хабаровку и на берега Тихого океана. А население китайского бассейна Сунгари устремляло свои взоры на юг, к Мукдену, Желтому морю и Пекину. Сообщение между Сунгари Китая и русскими купцами случалось очень редко.

После Сунгари главным протоком нижнего Амура считалась река Уссури, которая только с 1860 г. стала частью России. Выбранная как граница между империями, она течет с юго-запада на северо-восток в продольной впадине, разделяющей два параллельных хребта Шань-Алинь и Сихотэ-Алинь. Долина Уссури служила военным и торговым путем, идущим с берегов Амура к южным портам русской Маньчжурии.

Уссури принимает это имя только в средней части своего бассейна, ниже впадения всех верхних притоков. Из них только один — река Сунгача выходит из так называемого «Средиземного моря», ибо таков смысл китайского Хань-кай, от которого пошло наименование обширного озера Ханка площадью 3400 кв. км. Глубина его, несмотря на громкое название, не превышает 10 м, но можно идти поперек озера на расстоянии 1 км, не находя более 30 см воды. Однако в период летних дождей, приносящих огромное количество воды в Нижний Амур, Ханка выходит из берегов и разливается на огромное пространство. В низменной равнине «Средиземное море» очень богато рыбой. В первые годы колонизации края и в реке Уссури рыба всякой породы водилась в изобилии, в особенности стерлядь, карпы и лососи. Переходя вброд потоки, которыми река сообщается с озером, в период нереста, путники просто руками ловили рыбу десятками. В некоторых местах рыба кишела так, что слышался глухой шум от её плавников. Озеро Ханка покрыто метровым льдом 5 месяцев. В бассейне Амура зимой термометр часто показывает минус 40 градусов, а в Нерчинском заводе нередко случались даже 45-градусные морозы. Зато летом жара там почти так же сильна. Эта часть Сибири, хо-

тя она лежит на берегах Тихого океана, находится, однако, в области континентального климата.

Большая река Амгунь, спускающаяся с Бурейских гор, соединяясь с Амуром, образует нечто вроде внутренней дельты. Против этой дельты, недалеко от гиляцкой деревни Тыр, высятся на скале правого берега, три колонны — из мрамора, порфира и гранита, покрытые монгольскими надписями. Эти пограничные знаки Срединной империи в конце XIII — начале XIV вв. воздвигла династия Иоань. Но, по преданиям казаков, они обозначали предел завоеваний Александра Македонского, который «спрятал там свое оружие и оставил колокол».

Сразу же ниже утеса Тыр Амур изгибается к северо-востоку, затем к востоку и, наконец, изливается в мелководный лиман Татарского пролива. Все пространство от берегов континента до острова Сахалин занято подводными мелями, между которыми извиваются судоходные фарватеры, которые перемещаются после каждой бури. И лоцманам приходится каждый раз следовать с лотом в руках. Затруднения при входе, а также продолжительное замерзание льда, запирающее устье Амура 6 месяцев в году, затрудняли торговлю. Плавание в лабиринте низовьев Амура, малоизученном даже в XIX в., было довольно опасным. Так, во время одной бури более 40 барок, нагруженных хлебом, потонули на фарватере. Три четверти продовольствия для Николаевска и постов Уссурийского края поглотили волны.

Поэтому Петербургу пришлось обратить внимание на юг Амура, чтобы найти там порты, способные обеспечить торговлю со всем миром. МИД начало бурную дипломатию, и в 1858 г. добилось совместно с Китаем владения областью морского побережья между Амуром и Кореей, затем, в 1860 г., оформило ее в исключительную собственность России.

Тунгусы Амурского края делились на колена, из которых иные мало общались друг с другом или даже

явно враждовали между собою. Обманы и надувательства русских и якутских торговцев еще во второй половине XIX в. не успели испортить их нравы, и путешественников удивляла безукоризненная честность тунгусов.

Гольды — одно из племен эвенков, встречались преимущественно на правом берегу Амура и на берегах Сунгари и Уссури. Народ робкий и боязливый, они редко соприкасались с китайцами, маньчжурами или русскими. Гольды питались почти исключительно рыбой и проводили столько же времени на воде, как и на земной тверди. Когда на реке сильное волнение, они плавали на больших лодках с обрубленным четырехугольным носом. А в тихую погоду быстро скользили по гладкой поверхности вод на своих легких челнах из березовой коры.

Колонизация шла медленно. Из-за неудачного выбора мест около болот или лесных чащей, слишком трудных для расчистки под пашни, многие поселения пришлось покинуть. Однако военные посты, рыболов-

Гольды

ные станции, склады съестных припасов обеспечили славянам надежные точки опоры. Русское население росло в Амурских степях около Благовещенска и в бассейне Уссури. Тогда как казаки, поселенные на нижнем течении Уссури, в станицах на расстоянии от 25 до 32 км одна от другой, жили в крайней бедности.

Несколько семей из Финляндии, получив земли в верховьях Уссури, покинули их и переехали во Владивосток. Чехи по собственной инициативе предлагали колонизовать долину Уссури и маньчжурское побережье, но с условием организации своего муниципального правления. Однако Россия отвергла эти предложения, признав их идеологически вредными и опасными для империи. Можно сказать, что все попытки колонизации в бассейне Амура не имели успеха. Чтобы в два года занять линию от Забайкалья до Владивостока, в спешке и любой ценой основывались казачьи станицы. Но все выбранные места оказались непригодными для земледелия. Вообще, колонисты лучше приживались и преуспевали там, где они менее всего подвергались вмешательству и надзору властей.

Город Охотск в XIX в. никогда не имел более 1000 жителей. Тем не менее его слабенький порт в лимане рек Охоты и Кухттуи всё-таки работал. До 1807 г., когда впервые пошел корабль из Кронштадта в Охотск, мимо Мыса Доброй Надежды, вся провизия и предметы, необходимые для Сибирской флотилии, отправляли из Якутска сухим путем. Для перевозки этой клади через Алданские горы каждый год требовалось по 30 000 лошадей. В 1844 г. американская компания для рыбной ловли и торговли мехами пушного зверя перевела свои конторы и верфи из Охотска в Аян, занимающий более благоприятное положение на том же берегу моря, но тремя градусами ближе к экватору, в менее суровом климате. Другой город, состоящий из нескольких десятков домов, стоит недалеко от юго-западного угла Охотского моря,

на реке Уде. Это Удский острог — один из древнейших казачьих постов.

Русские городки на Амуре, основанные значительно позже Охотска, быстро превзошли древний город, державший в своих руках торговую монополию на Тихом океане. Столица Забайкалья Чита, построенная в равнине, открытой всем ветрам, имела важный административный ресурс. Но река Ингода, которая вступает ниже Читы в горное ущелье, становилась судоходной только во время весеннего разлива. И только в этот непродолжительный промежуток времени по ней отправлялись барки с хлебом, солью, солониной и мануфактурой для всех колоний Амурского края. Суда эти строились в громадных лесах, тянувшихся выше Читы.

Нерчинск перенесли с 1812 г. на левый берег Нерчи, в 4 км от Шилки, по которой могли ходить лишь мелкие суда. Начальный пункт крупнотоннажного судоходства находился в селе Сретенском, где имелись склады и механические мастерские. Здесь зимовала большая часть русских судов, плавающих на Амуре.

Однако Нерчинск, как рынок всей области, имел большее значение. Здесь встречались для обмена русские и тунгусы. На многочисленных рудниках Нерчинского округа добывали серебросвинцовую руду, ртуть, медь, железо, олово и цинк. Золотые прииски, залежи каменного угля, месторождения драгоценных камней, наконец, минеральные источники — все это придавало особую значимость городу. Здесь гноили декабристов и других политических ссыльных, осужденных на работы в рудниках. Главная карательная колония России находилась в Карийских золотых приисках, расположенных на берегу Шилки, ниже села Сретенского.

Со времени первых вторжений казаков на берегах Амура уже имелись города. Среди них древний Албазин — крепость на левом берегу Амура, захваченная

в 1651 г. атаманом Хабаровым. Китайским войскам пришлось осаждать и брать Албазин три раза. У подножия крепости казаки выстроили большую станицу, которая обросла деревьями и кустарником, превратившись в живописную зеленую горку.

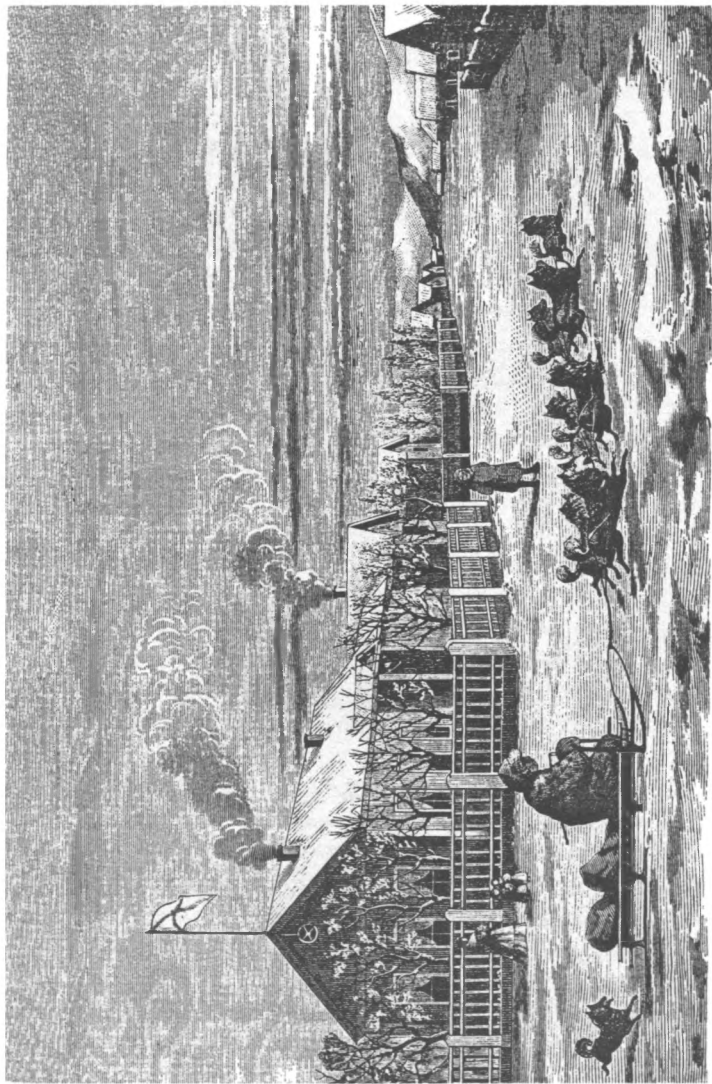
Построенный солдатами Благовещенск, с его широкими улицами, обставленными низкими домами с красными крышами, и голыми окрестностями, наводил уныние. Особенно в сравнении с многолюдным китайским городом Айгуном, стоящим на левом берегу Амура, в 37 км ниже Благовещенска.

Большинство поселенцев в окрестностях Благовещенска составляли трудолюбивые раскольники-дубоворы. Эти люди без опеки военных начальников выбирали места для своих деревень на реках Зее и Завитой. При переселении их из России по весне первыми пришли молодые парни и мужики, с запасами провизии и лошадьми, которых они обменяли у маньчжур на рабочих быков. И когда через несколько месяцев прибыли семьи, избы уже стояли, а упряжки в 6, 7 или 8 пар волов расчистили чащи мелкого дубняка. Вскоре деревни переселенцев имели цветущий вид и резко контрастировали с печальными казачьими станицами, устроенными по приказу начальства среди мелкого кустарника, скал или болот. Лишь одна из самых богатых станиц — Михайло-Семеновская, располагалась у выхода из ущелья реки Буреи.

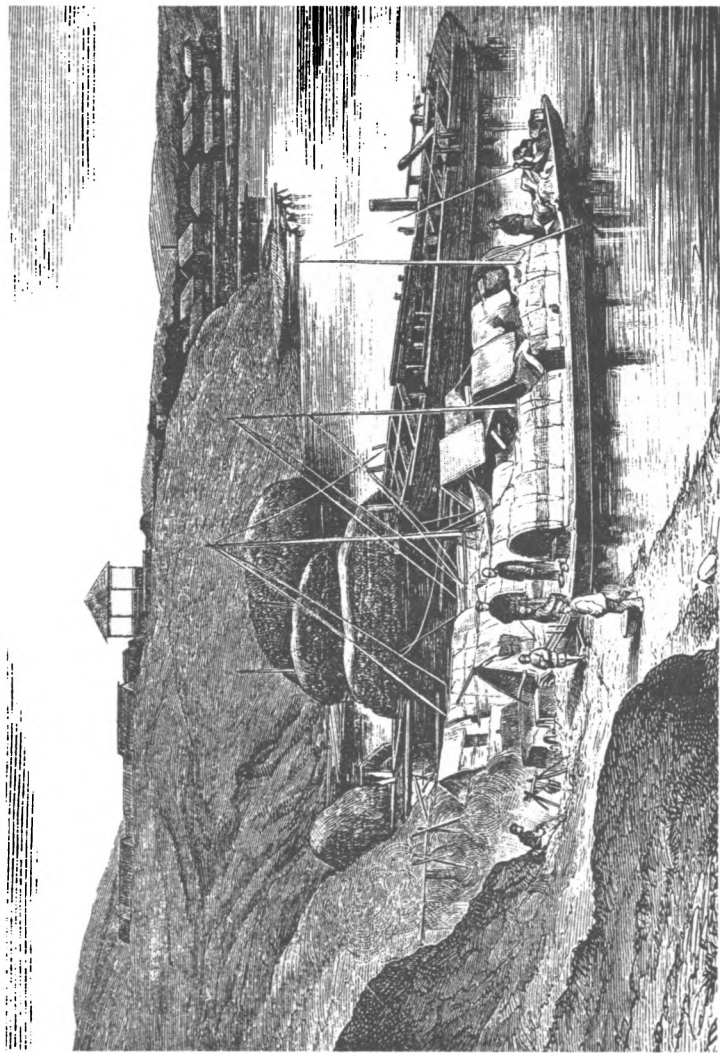
Станица Хабаровка считалась столицей Нижнего Амура и морского побережья. Названная так в честь неустрашимого казачьего атамана Ерофея Хабарова, который первый спускался вниз по течению Амура почти до самого устья, Хабаровка стояла на скате холмов, даже крутых утесов, господствующих над правым берегом Амура, при впадении в него Усури. Её удачное географическое положение в точке разделения трех больших судоходных путей, образуемых Средним и Нижним Амуром и его притоком Усури, давало экономические выгоды.

Русские колонии в низовьях Амура оказались наименее удавшимися из всех поселений Сибири. Некоторые из основанных там сел пришлось даже совсем покинуть из-за крайне неблагоприятных условий, дождей и неплодородной почвы, болотистой в низинах, каменистой на покатостях высот, покрытых большими деревьями. Софийск и Мариинск сохранились благодаря своему положению на Амуре при входе в долину, ведущую к заливу Де-Кастри. Николаевск (бывший гиляцкий Чербах) как порт устья Амура немного работал летом. Там имелись даже конторы американских купцов, но почти все местное население города составляли солдаты и чиновники. Даже вольные жители смотрели на себя как на ссыльных, и большинство их жило здесь лишь временно. В Николаевске (этом лагере из деревянных домиков) женщины составляли незначительное меньшинство.

Владивосток — само имя свидетельствует о важном политическом значении, которое придавали ему основатели этой военно-морской базы в 1860 г. Пролив, соединяющий Амурский и Уссурийский заливы, называли Восточным Босфором, а гавань, в которую ведут проходы пролива, врезающегося полукругом в полуостров Муравьева-Амурского — Золотой Рог. Из этого видно, что городу-крепости предназначалась роль Второго Рима. История показала всю зыбкость этих честолюбивых планов относительно обоих Стамбулов. Ибо половину горожан составляли китайцы и корейцы. Манзы, джонки, сараи и вся их домашняя утварь придавали Владивостоку своеобразную азиатскую физиономию, совершенно отличную от славянских городов. В 1880 г. Владивосток стал самым оживленным русским портом на Тихом океане. Впервые, благодаря усилению этой базы, Россия оказалась более сильной, чем Великобритания, в морях Китая и Японии. Но расходы по возведению на берегах Золотого Рога: доков, плотин, верфей и арсеналов — оплатили налогопла-

Дом губернатора в Николаевске-на-Амуре, 1870 г.

Маньчжурские лодки и базар в Николаевске на Амуре, 1870 г.

Владивосток, 1870 г.

тельщики, а не частные предприниматели. Половину населения города составляли солдаты, чиновники, освобожденные каторжники и ссыльные поселенцы. Только несколько ремесленников представляли тут добровольно поселившихся русских. Женщины встречались очень редко. Вообще Владивосток имел вид военного. Розничная торговля находилась всецело в руках китайцев.

Казакaи Забайкалья

Забайкальское казачье войско формировали из казаков (появившихся здесь впервые в 1639 г.), эвенков и бурят, ставших здесь внушительной опорой Петербурга. Об этом сообщал в 1726 г. императрице Екатерине I чрезвычайный посол в Китае граф С. В. Рагузинский. Эта укрaina поражала грандиозным пространством, но, несмотря на обилие богатств, очень запустела из-за глупости прежних правителей. На границе с Китаем не оказалось ни одного укрепления или крепости. Города выглядели как села с деревянными церквями и в случае нападения могли сгореть в два часа.

Однако, все разведав, посланник довольно спесиво отозвался и о Китае тех лет: «Они войны сильно боятся, но от гордости и лукавства не отступают; и если бы граница вашего императорского величества была в добром порядке, то все можно делать по-своему. Государство китайское вовсе не так сильно, как думают и как многие историки их возвышают; я имею подлинные известия об их состоянии и силах, как морских, так и сухопутных. Ханом никто не доволен, потому что государство свое притесняет и уже несколько тысяч людей казнил, а несколько миллионов ограбил; в народе нет ни крепости, ни разума, ни храбрости, только многолюдство и чрезмерное богатство. Хан тешился сребролюбием и домашними забавами. Никто из министров не смеет говорить правду, они тешат ха-

на лживыми рапортами и беспрестанной стрельбой, пушечной и ружейной, будто для воинских упражнений, а более для устрашения народа и ханских родственников, чтоб не бунтовали».

Посланник Петербурга укрепил города и села, поставил крепость на Чикойской Стрелке и рассчитывал на преданность доблестных бурятов. Затем Рагузинский объяснил чиновникам Китая, что прежде Россия, участвуя в трех войнах против Швеции, Турции и Персии, которые все закончила чрезвычайно для себя выгодно, сносила многие унижения от них. «Теперь же, не имея ни с кем войны, послала меня к вам искать дружбы и удовлетворения».

И 20 августа 1727 г. на реке Бурее заключили договор, уточнивший границы. Для этого на речке Кяхте и сопке Орогойте установили караульные знаки двух империй. Между ними тут же началась торговля.

В 1762 г. сформирован 5-сотенный полк эвенков, а в 1764 г. — 4 полка бурятов.

В начале XIX в. для службы на границе из городских Нерчинской и Верхнеудинской команд казаков сформирован 6-сотенный Забайкальский конный полк.

В 1851 г. из городских казаков, бурят и эвенков создано Забайкальское казачье войско. Казаки сформировали 3 конных полка (№ 1—3), эвенки — 1 конный полк (№ 4), буряты — 2 конных полка (№ 5, 6) и крестьяне Нерчинского заводского округа — 12 пеших батальонов (№ 1—12). Всего в войске числилось 48 169 казаков, из них на действительной службе в конных частях — 5230 человек, в пеших — 12 486 человек. Штаб войска квартировал в Чите. Станицы стояли в восьми округах: Читинском, Акмолинском, Баргузинском, Верхне-Удинском, Нерчинском, Нерчинско-Заводском, Селенгинском и Троицко-Савском.

Забайкальцы охраняли границу, преследовали контрабандистов, ловили беглых, конвоировали

этапы, охраняли заводы и золотые прииски, а также отбывали воинскую повинность за пределами своего края.

Кроме службы казаки занимались охотой, рыболовством, скотоводством и хлебопашеством, которое, однако, из-за неблагоприятного климата давало малый урожай. Мороз в некоторых районах доходил до 50 градусов по Цельсию, а ураганные ветры зимой часто сдували не только снег, но и верхний покров почвы. Поэтому сеялись одни яровые хлеба со слабой урожайностью.

При аннексии берегов Амура главные силы отряда генерал-губернатора Муравьева составляли забайкальские казаки. В 1856 г. они же начали осваивать Амурскую область, и до 1862 г. туда переселились свыше 3000 семей.

В 1881 г. войско насчитывало 150 000 человек обоего пола, в том числе 74 000 мужчин, комплектовавших 4 конных полка и 2 усиленные конно-артиллерийские батареи в мирное время и 12 конных полков и 4 батареи в военное время.

Забайкальцы учредили одну стипендию для студента Военно-медицинской академии, две стипендии в Иркутской технической школе и четыре стипендии в Читинской гимназии.

К началу XX в. Забайкальское казачье войско состояло из 91 000 душ мужчин и 89 000 женщин. Из них 25 000 ламаитов, а остальные православные. В мирное время войско выставляло 3 конных полка, 6 пеших батальонов и три 6-орудийные батареи. По мобилизации военного времени их число утраивалось.

В 1913 г. население войска превышало 280 000 лиц обоего пола, из них служили в мирное время до 3000 казаков, комплектовавших 1 гвардейскую полусотню, 4 конных полка и 2 батареи.

Всего 63 станицы и 516 поселков войска владели 10 млн десятин земли.

Забайкальское войско заявило о себе во время борьбы с Боксерским восстанием в Китае и прославилось во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. Победами под Пекином, Тяньцзином, Эюром, Хинганом, Цицикаром, Мукденом, Гензаном забайкальцы по праву гордились.

В Первую мировую войну казаки выставили 9 конных полков, гвардейскую полусотню и 5 батарей — всего 14 000 человек.

После падения монархии забайкальцы поддержали советскую власть, и их значительная часть сражалась в революционных партизанских отрядах. В конце 1920 г. Забайкальское войско ликвидировано. Многие сторонники белых погибли в боях, небольшая их часть вместе с семьями поселилась в Китае. Уцелевших казаков края вскоре репрессировали.

Амурское войско

Форпостом освоения Приамурья стало укрепление Албазин. В 1684 г. Москва объявила прилегающие земли воеводством, но не удержала его за собой.

Возвращение стало возможным только в 1854 г. Забайкальцы высадились на левый берег Амура и основали станицы. В 1857 г. сюда переселили 450 семей численностью 1850 человек, и 17 станиц заняли пространство свыше 1000 км от Стрелки до Хингана.

В 1858 г. из забайкальцев создано Амурское казачье войско. Поселения казаков заняли берега Амура и Уссури. В 1889 г. станицы и поселки на реке Уссури выделены в отдельное Уссурийское казачье войско, а Амурское войско пополнили 62 семьи забайкальских и 1052 семьи донских, кубанских и оренбургских казаков.

К 1903 г. амурцы насчитывали 30 000 душ обоего пола и 1000 иногородних. Кроме охраны границы, казаки из 7 станиц с их выселками выставляли конный

полк, а из остальных трех станиц с их выселками — пеший полубатальон.

Земельные юрты состояли из пахотных, луговых и лесных угодий (по 40 десятин на казака). Однако земля не давала благополучия. При поголовной военной службе семьи не всегда могли обработать свой пай. Кроме того, часто приносили убытки разливы Амура и проливные летние дожди. Малоснежные и суровые зимы не позволяли сеять озимые, случался массовый падеж скота. Подспорьем в хозяйстве служили рыболовство, охота, содержание почтовых станций, заготовка дров для пароходов, а иногда добыча серебра и золота.

В 1913 г. войско насчитывало 49 000 человек обо-его пола и проживало в 12 станицах, 69 хуторах и 15 выселках (970 000 десятин земли). Столицей являлся город Благовещенск. Управлял казаками военный губернатор Амурской области как наказной атаман.

В мирное время казаки комплектовали: гвардейский взвод, конный полк и Амурско-Уссурийскую казачью флотилию (пароход «Атаман», катер «Дозорный» и баржа «Лена»).

Амурцы прошли боевое крещение в Китае в 1900—1901 гг., прославились на Русско-японской войне 1904—1905 гг.

В Первую мировую войну войско выставило 4 конных полка, 5 особых сотен, конно-артиллерийскую батарею, гвардейский взвод — всего 5700 человек.

После падения самодержавия большая часть фронтовиков поддержала соввласть. Но в марте 1918 г. контрреволюционные амурцы свергли большевиков в Благовещенске. Но через неделю, после боя с революционными частями, им пришлось бежать в Китай. В начавшейся братоубийственной войне значительная часть казаков сражалась в составе красных партизанских отрядов. В конце 1920 г. Амурское казачье войско ликвидировано.

Флот Амура

Становлению Петербурга на Дальнем Востоке во многом способствовала река Амур. Первоначальная казачья колонизация края шла исключительно по рекам: Амуру, Зеи и Уссури. И вплоть до XX в. они служили наиболее дешевыми, удобными, а часто и единственными путями сообщения. Даже при постройке Сибирской железной дороги по рекам Приамурья подвозили строительные материалы, а затем они стали своеобразными подъездными путями этой магистрали.

Но судоходство здесь затруднялось ежегодным мелководьем, особенно по Шилке, Верхнему Амуру и Уссури, и поздним вскрытием Нижнего Амура. Осложнял навигацию и мелкий лиман Амура, преграждавший доступ морским судам. Поэтому для улучшения фарватера рек в 1886 г. пришлось установить особый сбор с плававших по Амуру судов, который давал ежегодно 12 000 рублей. Однако на эти средства удавалось только удалять наиболее опасные камни с фарватера.

В 1896 г. система речных сообщений Приамурского края увеличилась, так как удалось получить согласие Китая на плавание русских пароходов по Сунгари для покупки хлеба, скота и других припасов в китайских городах Саньсин и др.

Пароходство по Сунгари понемногу росло. Так, 16 июля 1897 г. возвратился в Хабаровск из плавания по Сунгари пароход купца Тифонтая «Соболь», на котором привезли 100 голов скота, китайскую муку майзу и зерно.

Амурское судоходство быстро развивалось. Так, если в 1894 г. по реке ходило 55 пароходов и 51 баржа, то через 2 года число пароходов возросло до 94, а барж — до 129. Грузоподъемность же увеличилась в три раза.

Речной флот Амура в 1903 г. насчитывал уже 153 парохода и 218 барж. Однако если не принимать

в расчет суда Амурского общества пароходства и торговли (получавшего крупные субсидии из бюджета) и казенные пароходы, в том числе и Китайско-Восточной железной дороги, флот состоял из 105 пароходов и 109 барж.

Амурская линия имела значение лишь как стратегический путь, соединявший аванпосты на Дальнем Востоке с Россией. В связи с этим и приходилось содержать на Амуре флот, способный в случае надобности перевозить войска и военные грузы. Понятно, что содержание для этой цели казенного флота требовало от империи слишком больших затрат. Однако с уничтожением речного флота и прекращением грузовых перевозок по Амуру усложнялась бы задача охраны границы.

Дефицит рабочей силы увеличивал стоимость содержания пароходов. Так, если на Волге на 1 и. л. с. мощности машины приходилось 24,6—32,8 т груза, то на Амуре (и особенно на Шилке) — только около 6,5 т. При этом следует заметить, что пароходчики Амурской линии, зарабатывая менее своих коллег на Волге, несли более крупные расходы, как по эксплуатации, так и по ремонту. Дело в том, что проживание, а поэтому и труд, обходилось здесь в 2—3 раза дороже, чем в центре России. Кроме того, груз по Амуру большей частью шел только в одну сторону.

Казаки Усури

Уссурийское войско создано в 1889 г. после выделения Уссурийского полубатальона с его землями из состава Амурского войска. В дальнейшем формировалось переселением забайкальцев, пополнялось добровольцами из донских, оренбургских, уральских, кубанских и терских казаков. Первым наказным атаманом войска стал губернатор Приморской области генерал-лейтенант П. Ф. Унтербергер.

Территория войска разделена на три участка — Полтавский (Полтавская станица), Уссурийский (Казакевическая, Козловская и Донская станицы) и Платоно-Александровский (Платоно-Александровская станица).

В 1913 г. население войска насчитывало 34 500 человек обоего пола и в основном проживало в 6 станицах, 67 поселках и 15 выселках (617 000 десятин земли). Столицей войска являлся город Владивосток.

В мирное время казаки комплектовали: 1 гвардейский взвод, 1 казачий дивизион, Амуро-Уссурийскую казачью флотилию (пароход «Казак Уссурийский» и баржа «Булава»).

Уссурийцы получили известность за бои в Русско-японской войне 1904—1905 гг., особенно в стремительных рейдах по вражеской территории знаменитого конного отряда генерал-майора П. И. Мищенко.

В Первую мировую войну войско выставило 1 конный полк, 1 конный дивизион, 5 особых конных сотен, 1 гвардейский взвод — всего 2500 человек.

После падения самодержавия уссурийцы втянулись в братоубийственную бойню. Большинство казаков погибло в боях. В конце 1920 г. Уссурийское казачье войско ликвидировано.

Глава 6. Великая магистраль

Строительство Транссибирской магистрали имело огромное стратегическое значение, так как она связала с Амуром бассейны остальных рек Сибири, текущих на север и северо-запад. Не только три главные реки: Обь, Енисей и Лена, — но и все другие потоки спускаются к северу, следуя почти по линии меридианов. Главные реки Сибири считаются величайшими в мире. Ни одна из великих рек Европы не может сравниться с Енисеем или Леной. И только Амур выливается в Тихий океан.

Веками чиновники не особо заботились об улучшении путей сообщения Сибири. Их вполне удовлетворяла сеть судоходных рек и Большой тракт — путь чайных караванов. И лишь граф Муравьев-Амурский, после подписания в 1860 г. Пекинского договора, засыпал Петербург просьбами о строительстве железной дороги от столицы к Владивостоку, что могло кардинально изменить статус России на берегах Тихого океана.

Но только в 1870 г. появились проекты улучшения путей, вызванные ростом военного могущества Японии и упадком Китая. Чтобы сохранить свое влияние на Дальнем Востоке, Петербургу пришлось задуматься о возможно быстрой переброске во Владивосток войск и снабжения. Сначала предполагали улучшить водные пути сообщения, соединив каналом бассейны Оби и Енисея. Но созданную таким образом дорогу очень удлинляли громадные речные излуины и то, что она закрывалась льдом на 8 месяцев в году.¹

Однако реальные действия по строительству железной дороги в Европейской России начались только после 1880 г. И лишь через 2 года император Александр III решил, что магистраль нужно продлить до Сибири. Дело шло медленно, со скрипом, и император с грустью писал в своем дневнике: «Печально наблюдать, что ничего существенного еще не сделано в направлении овладения богатствами этой богатой, но нетронутой страны; со временем здесь что-то нужно будет делать». Но прошло еще 5 лет, прежде чем Россия приступила к действиям. Помогло почти 2500-километровое путешествие наследника Николая по Амуру. Эти огромные девственные просторы убедили цесаревича в необходимости решить проблему сообщения Приамурья с центром.

¹ Значение Транссибирской железной дороги автором изложено весьма упрощенно.

Впереди лежали безграничные горизонты Азии, на гранях которых стояли две империи. Поэтому ради гарантированной обороны подходов к берегам Тихого океана Петербургу пришлось строить Транссибирскую магистраль — величайшую железную дорогу мира, подлинное чудо света тех лет, ибо Великая китайская стена тогда еще лежала в руинах. Так Великая железная дорога приблизила Дальний Восток к России.

После вполне понятных переживаний по финансовым издержкам и трудностям выполнения работы в 1889 г. вышло постановление о постройке Сибирской железной дороги, и во Владивостоке торжественно начали работы. Для освящения начала строительства Великой магистрали наследник престола Николай вбил в 1891 г. первый костыль в полотно магистрали. Транссиб позволил сократить путешествие из Петербурга к Сахалину с 3 месяцев, как это было в 1890 г., до 1 недели.

Предстояло уложить около 7500 км пути. Чтобы сократить время постройки, работы велись сразу в нескольких местах: на западном начальном пункте линии — в Златоусте на Урале; в середине — около Омска, куда пароходы доставляли по Северному Ледовитому океану и Оби необходимые материалы; во Владивостоке — на Тихом океане и так далее.

Девственные леса и стремление быстрее завершить работу не позволяли даже думать о двухколейной дороге. Одного взгляда на Обь, Иртыш, Енисей было достаточно, чтобы опустить руки. Здесь 6 месяцев почва промерзает почти на 2 м глубину. Для строительства грандиозной дороги пришлось создать огромную армию из 36 000 чернорабочих, 4000 каменщиков, 43 000 плотников, 6000 прокладчиков полотна, 13 000 вагонетчиков, 2000 мастеров по переправам и много других технических специалистов.

Заключенные с Сахалина оказались плохой подмогой, пока им не стали зачитывать 8 месяцев работы за 1 год лишения свободы. Судимость более двух лет

сокращалась вдвое. Высланным в Сибирь каторжникам сокращали сроки. Свободным строителям стали давать земли. После этого в 1892—1895 гг. магистраль продвигалась со скоростью более 500 км в год. Растущая внешняя угроза заставила сделать в 1895 г. бросок вперед — на 1000 км в год.

В 1899 г. два крайних участка — от Владивостока до Хабаровска с одной стороны и от Златоуста до Иркутска с другой — удалось закончить вчерне, и по ним уже пошли поезда. Страна выбивалась из сил на этой грандиозной стройке.

Оставался еще центральный участок, где затруднения оказались более значительными, чем предполагали. Пик трудностей пришелся на Восточную Сибирь, где в долине Амура наводнения разрушили сотни километров пути. В 1900 г. для объезда озера Байкал требовалось 47 дней.

Граф С. Ю. Витте предложил, экономя 1500 км пути до Владивостока, проложить эту часть магистрали по территории Китая. Петербург рассчитывал на благодарность Пекина за помощь в 1895 г., когда Россия отвергла посягательства Японии на континентальные владения Китая.

Витте удалось убедить Пекин, что, провозглашая территориальную целостность Китая, Россия может оказать военную помощь лишь при наличии этой железной дороги. «Чтобы охранить территориальную целостность Китайской империи, нам необходимо провести железную дорогу во Владивосток кратчайшим путем — через Монголию и Маньчжурию».

Китай позволил построить отрезок Великой Сибирской магистрали (КВЖД) через Маньчжурию. Строительство КВЖД началось только весной 1898 г. К этому времени многое изменилось. Россия завладела Ляодунским полуостровом, теперь требовалась дорога не только во Владивосток, но и ответвление в базу флота Порт-Артур. Летом 1898 г. русские железнодорожные рабочие прибыли в жалкое

селение Харбин, которое феноменально быстро превратилось в современный город с банками и телеграфом, с каменными домами и отелями, став оплотом Петербурга в Северном Китае.

Витте видел Великую магистраль как русский ответ на строительство Суэцкого канала и проведение Трансканадской железной дороги. К 1902 или 1903 г. уже ожидалось окончание работ. Вполне понятно, что многие участки линии, построенные слишком быстро, впоследствии потребовали переделки.

Судьба России в Азии в значительной мере находилась в руках тех строителей и инженеров, которые, преодолевая чудовищные препятствия, создавали величайшую в мире железную дорогу. Летом 1903 г. они рвали скалы для создания тоннелей вокруг озера Байкал, стремясь спрямить огромный путь, единственную дорогу из Европы на Дальний Восток. Озеро длиной почти в 700 км стояло буквально на пути, окруженное высокими горами, и следовало найти рациональный способ его преодоления.

На озере Байкал для Великой магистрали потребовался паром-ледокол для зимнего плавания и перевозки груженого поезда. Титаническими усилиями пришлось построить эту грандиозную переправу, перевозившую железнодорожные составы три раза в сутки. Вначале паром мог брать максимально 27 вагонов, или 40 вагонов за сутки.

Паром «Байкал» в разобранном виде морем доставили из Англии в Петербург, а затем по железной дороге — до крайней станции сибирской дороги, откуда — на санях до озера Байкал. Здесь завод Армстронга построил мастерские и плавучий понтон-док для сборки и спуска его на воду. В России это был первый случай перевозки в разобранном виде судна столь значительной величины. Вся работа по постройке, разборке и упаковке парома в Англии заняла 6 месяцев.

Итак, узкая ниточка Транссибирской магистрали связала Дальний Восток с центрами тяжелой индустрии

на Урале, военного производства, сосредоточенного в Петербурге, и складами сельхозпродуктов в Сибири.

В декабре 1903 г. плотный лед покрыл Байкал. И в январе 1904 г. хитроумный паром «Байкал», который уже начал перевозить 5 поездов с войсками в сутки, встал в заторах. Меньший по размерам паром «Ангара» (не приспособленный для перевозки поездов) также застрял во льдах. Теперь отправляющимся на Дальний Восток войскам приходилось в лютый холод идти пешком по льду озера. Через каждые 7 км они останавливались для обогрева.

Периодически бушевали шторма, северный ветер разбивал лед, и молодые, неловкие новобранцы тонули в полыньях. Первые потери Россия понесла здесь, в этом ледовом аду. Но генералы спешили: события подгоняли русскую армию.

Реквизировали 3000 лошадей с санными, переправлявшие солдат. Инженеры поставили железнодорожный путь; паровоз не мог пройти по недостаточно крепкому льду, но лошади могли тянуть вагоны с амуницией, продовольствием, техникой. Однако за 2 недели отчаянной работы только 12 вагонов преодолели путь на восточный берег озера.

Эти события остужали самые горячие головы, уверенные в дальневосточном успехе. Природа просто не создала на всей планете более весомых препятствий, и преодолевать их приходилось с величайшим напряжением.

Созданная с целью скорее стратегической, чем колонизационной (так же как на Кавказе и в Туркестане), магистраль дала неожиданно хорошие результаты и в Сибири. Благодаря этой железной дороге чрезвычайно медленное до того заселение края получило громадный толчок. В то время как с 1887 по 1892 г. в Сибирь ежегодно переселялось только 40 000 человек, в 1894 г. их перевалило уже за 80 000, в 1895 г. — 100 000, а в 1896 г. — около 200 000. То есть население увеличилось более чем

вдвое, по сравнению с тем днем, когда решили строить Сибирскую железную дорогу.

Активное заселение, в свою очередь, повлекло за собой интенсивное развитие экономики. В то время как вывоз мехов и драгоценных металлов, являвшихся долгое время единственной продукцией Сибири, не показал значительного роста, новые геологические разведки открыли на Алтае и даже в равнине вблизи железной дороги богатые залежи каменного угля, железа и меди. В короткий срок Сибирь стала страной крупной металлургии. С другой стороны, расположенная между девственным лесом севера — тайгой — и пограничными с Китаем горами, плодородная полоса производила непрерывно возрастающую массу хлеба. Сибирский хлеб уже начали отправлять в Европу водой по большим рекам и Северному Ледовитому океану. Не оставалось сомнения, что, когда этот водный путь удастся изучить лучше, экспорт достигнет значительных размеров.

Бурное экономическое развитие Сибири заставило Петербург заняться ее интеллектуальными и моральными нуждами. В конце XIX в. издавались указы, учреждавшие государственные банки, изменявшие способы взимания налогов и т. д. Перестали отправлять туда каторжников. Увеличилось число учебных заведений. Самый важный из них — Томский университет. Со дня основания в 1892 г. его щедро снабжали средствами магнаты сибирской торговли, которые, не без основания, воображали себя «янками» Азии и мечтали о будущем развитии Сибири, подобном США.

Глава 7. Хунхузы и казаки

В конце XIX в. русские впервые узнали о краснобородых разбойниках хунхузах, действовавших на огромных просторах Маньчжурии, Северного Китая и Кореи. Эти бродяги, бежавшие от правосудия или

произвола властей Поднебесной, грабежом добывали свой кусок. Для этого они создавали общины, весьма солидарные между собой. Хунхузы грабили прежде всего зажиточных китайцев городов и сел, преимущественно торговцев, и лишь в крайнем случае — земледельцев. Они также брали заложников и получали за них выкуп в пользу шайки. Для этого разбойники имели многочисленных агентов среди симпатизировавшего им населения. Некоторые деревни Китая иногда поголовно заселяли бывшие хунхузы, осевшие на месте, но не порвавшие связей со своими подельниками. До прихода русских в Маньчжурию здесь существовали особые страховые общества, входившие в сделку с хунхузами и гарантировавшие торговцам, за известную плату, конечно, безопасный проезд и провоз товаров. Но в начале XX в. хунхузы заявили о себе открытыми разбоями, причина которых крылась в преследовании их русскими войсками.

Русская оккупация Маньчжурии заставила хунхузов уйти в самые дикие, незаселенные места края, удаленные от торговых дорог. Это так обозлило разбойников, что они несколько лет нападали на КВЖД, её служащих и на китайцев, сочувствующих русским. Особую агрессивность хунхузы проявили зимой 1900 г., когда из малоисследованных ущелий далеких Чань-бо-шаньских хребтов огромные шайки дерзко нападали на русскую железную магистраль и мирных жителей. Бессильные власти Китая не могли справиться с разбойниками, так как их деморализованные войска, почти наполовину завербованные из таких же бандитов, неоднократно разбивались хунхузами.

Поэтому Петербургу пришлось заняться хунхузами. Предпринятые для их уничтожения походы отрядов генералов Каульбарса, Перпицкого, Фоки и Мищенко увенчались полным успехом, но лишь к осени 1901 г. удалось захватить главных предводителей шаяк. Эти карательные операции показали, что хунхузы в Маньчжурии оказались серьезной

силой и после ухода русских войск из страны снова усилили свою деятельность, стараясь отомстить за свои неудачи местному населению.

Кроме этого, хунхузы еще в конце XIX в. появились также в Амурском и Приморском краях. Охрану границы России на реке Уссури несли уссурийские казаки, первоначально состоявшие в Амурском войске. В 1889 г. уссурийцев выделили в отдельное войско и после пополняли добровольным переселением казачьих семей с Дона, Урала и Кубани. Новые станицы и поселки разрастались вдоль берегов Уссури, и за их кордоном спокойно вели хозяйство земледельческие поселения русских и украинских крестьян. Всего там собралось казаков с семьями свыше 25 000 душ.

Освоение этого пустынного края стоило казакам многих трудов. Жизнь в глуши таила много опасностей. Их поля окружала непроходимая тайга с дикими зверями: тиграми, медведями, волками. Суровые морозы достигали 45 градусов Цельсия. В поле приходилось работать с винтовкой за плечами из-за постоянной опасности нападений не только зверей, но и китайских хунхузов. Урожаи часто гибли от продолжительной непогоды или особых злокачественных туманов. Поэтому, несмотря на плодородную черноземную почву, не всегда удавалось снять хороший урожай. В станицах и поселках почти отсутствовали медицинская помощь и народное образование, так как болезни лечили только одни фельдшера и работали только начальные школы.

Поэтому командиров уссурийским казакам присылали со стороны. Это были кавказские, казачьи, а часто — просто кавалерийские офицеры, которых станицы делали приписными казаками. Войсковое правление и наказный атаман находились во Владивостоке.

Шесть сотен казаков несли охрану своего участка границы с Китаем. Кроме этого они комплектовали Амуро-Уссурийскую казачью флотилию, созданную

в начале 1897 г. для безопасности расположенных по берегам Амура и его притоков Уссури и Шилки казачьих станиц.

Первоначально в состав Амуро-Уссурийской флотилии вошло 5 судов:

— небольшие речные пароходы «Атаман» и «Казак Уссурийский» (бывший «Шилка»);

— баржи «Булава» и «Лена»;

— речной паровой катер «Дозорный».

Базой казачьей флотилии стала пристань Иман на реке Уссури (ныне — город Дальнореченск Приморского края). Личный состав флотилии (40 человек) набирался из знакомых с речным делом рядовых казаков и урядников строевых частей Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. Первым командиром казачьей флотилии стал 30-летний капитан парохода «Атаман», штурман дальнего плавания Дмитрий Афанасьевич Лухманов (в дальнейшем — известный советский капитан дальнего плавания, писатель-маринист, Герой Социалистического Труда).

Флотилия существовала до октября 1917 г.

После Октябрьского переворота 1917 г. уссурийцы возродили у себя древние казачьи обычаи: вновь стали собираться в кругах, избирать атаманов, вместе с другими дальневосточными казаками вели борьбу против ленинцев. Когда же совласть восторжествовала, множество казачьих семей покинули свой край и ушли за близкую границу Китая.

Глава 8. Боксерское восстание 1900—1902 гг.

События по подавлению восстания 1900—1902 гг. в Китае еще раз показали стратегическое значение коммуникационной линии Амура, соединявшей аванпосты на Дальнем Востоке с центром России. В связи с этим и приходилось содержать на Амуре для массовой перевозки войск и грузов много-

численный речной флот, содержание которого требовало больших затрат. Но без речников усложнялась задача охраны границы империи.

Японо-китайская война 1894 г. и последовавшее за ней вторжение на побережье Китая Англии, Германии, Франции и России, с подчинением их управлению огромных областей, а также активная миссионерская деятельность пастырей христиан вызвали широкомасштабное национально-освободительное движение против «белых чертей» (так называли националисты всех европейцев).

После позорного поражения 1894 г. некоторые чиновники Китая робко пытались преобразовать прогнивший государственный аппарат империи, однако эта их «прозападническая» деятельность не встретила сочувствия народа, в связи с чем активизировалась реакционная политика партии вдовствующей императрицы. В стране развивались тайные общества против европейской культуры и христианства, а во главе их стояла секта «Большого кулака», или, как их называли янки, боксеры (и-хэ-туань).

Однако эти доблестные воины, в совершенстве владевшие боевыми искусствами, больше прославились рассказами о необыкновенной китайской духовности, а также разговорами о телепатии, телекинезе, сакральности и прочих своих колдовских способностях. В наше время все эти замечательные легенды о монахах Шаолиня и прочей экзотике экранизированы кинематографом США и стали достоянием всего мира. Но в начале XX в. об этом знали только возмущенные патриоты Китая, которых европейцы, в силу своего «варварства» и «невежества», просто расстреливали из револьверов и пулеметов.

Необходимость защиты, в первую очередь, военноморской базы в Порт-Артуре и недостаток войск в Квантунской области для подавления боксерского восстания привели к тому, что сюда стали переводить части Приамурского военного округа. Так, в

июне и июле 1900 г. отправились в Квантун и Печили 16 батальонов, 38 орудий, 6 сотен казаков, 2 саперные роты и 2 $1\frac{1}{2}$ железнодорожные роты. В начале июня китайцы стали нападать на охранную стражу, русских служащих и рабочих КВЖД. Затем беспорядки охватили почти всю Маньчжурию, а отголоски их раздавались даже в Монголии и Кульдже.

Ослабление сил Приамурского округа ухудшило положение России в Северной Маньчжурии и в приграничной полосе, так как, за исключением Харбина, китайцы захватили все полотно строящейся железной дороги. Затем от имени правительства Китая цзянь-цзюни (генерал-губернаторы) трех провинций Маньчжурии объявили войну России и потребовали прекращения постройки дороги, а также удаления охранной стражи и рабочих. Ответом Петербурга стало высочайшее повеление от 26 июня 1900 г. о вступлении войск в Маньчжурию.

Затем, 11 июля того же года, все войска Дальнего Востока и вновь туда посылаемые свели в четыре армейских корпуса (I, II, III Сибирские и Десантный). Кроме того, в Приамурском округе разворачивались батальоны 2-й линейной бригады, а затем и 1-й линейной бригады (в 2-батальонные стрелковые полки). Во Владивостокской крепости пехотный полк развернули в два 2-батальонных крепостных полка и вновь сформировали четыре запасных батальона. Однако из-за малой пропускной способности Сибирской железной дороги и речного флота Амура до прибытия этих подкреплений войскам Приамурского округа пришлось обходиться собственными силами.

Для удобства управления войсками Маньчжурию разделили на две части: северную — до условной линии, проходящей через железнодорожную станцию Телин, в которой действовали войска Приамурского военного округа генерал-лейтенанта Гродекова; и южную (войска Квантунской области) вице-адмирала Алексеева.

Для того чтобы вернуть под свой контроль КВЖД, кроме организации обороны Амура, предстояло построить военные дороги вдоль реки Шилка к Покровке, по Забайкалью от Сретенска к Хайлару, от Кайдалова на Хайлар и Цицикар и участками от Харбина к станции Пограничной, а также создать плавучие средства для сплава войск вниз по Шилке и затем по Амуру.

С началом боев Приамурский округ мобилизовал 53 батальона, 48 эскадронов и сотен, 18 пеших и конных батарей. Из них, за вычетом отправленных в Китай и Квантунскую область, осталось 36 батальонов, 40 эскадронов и сотен, 12 пеших и конных батарей. Одновременно с мобилизацией в обоих Сибирских округах шло формирование 16 запасных батальонов, 5 конных и пеших сотен казаков и различных тыловых структур. Сверх того, в двух округах Приморской области организовали народное ополчение из 30 пеших русских и 2 корейских сотен (суммарно 4131 человек).

Предполагаемая общая численность китайских сил в Маньчжурии (войска и милиция) простиралась до 100 000 человек.

Русские начали бои в Северной Маньчжурии для быстрого продвижения к Харбину, где под командованием генерал-майора Гернгросса собрались охранная стража и рабочие железной дороги. Для их выручки сформировали Харбинский отряд генерал-майора Сахарова, состоявший из:

1) Хабаровской колонны генерал-майора Алексева и Благовещенской колонны полковника Багенского, соединившейся у станции Михайлово-Семёновской и отсюда на баржах и буксирных пароходах двинувшейся к Харбину;

2) Никольского отряда полковника Чижана, шедшего от станции Пограничной к Муданцзяну и

3) охранной стражи из 7 рот и 18 сотен генерал-майор Гернгросса.

Генерал Сахаров 2 июля получил приказ деблокировать и укрепить Харбин.

Кроме того, для захвата Хайлара начал формироваться отряд генерал-майора Орлова, имевшего задачей организовать промежуточную базу и занять линию строящейся железной дороги до Хингана.

Между тем китайцы 1 июля обстреляли пароход «Михаил», следовавший с боевыми припасами в город Благовещенск. Хотя судно благополучно пришло в город, но были ранены: пограничный комиссар, подполковник Кольшмит, 4 казака и 2 лодмана. В это время в Благовещенске оставалось всего 1300 пехотинцев, 6 казаков и 8 орудий. Тогда как на китайском берегу Амура находилось: 2500 пехотинцев и 6 орудий; в Айгуне 500 человек пехоты и 2 орудия; в Сахалине 200 человек; в Махо и по Амуру до 3000 человек китайского гарнизона. Кроме этого прибывали подкрепления из Цицикара.

Учитывая особую важность Амура, для выручки Благовещенска и защиты единственной речной коммуникации Дальнего Востока Петербургу пришлось сформировать три специальных отряда:

- 1) Хабаровский полковника Сервианова — 3 батальона, 1 сотня казаков, 8 орудий;
- 2) Сретенский полковника Шверина — 2 батальона, 1 сотня казаков, 16 орудий и
- 3) Забайкальский генерал-майора Ранненкампа — 4 батальона, 2 сотни казаков, 18 орудий.

К счастью, китайцы не отважились на решительные действия. И русские к 20 июля в Северной Маньчжурии заняли на железной дороге станции Харбин, Хайлар, Муданцзян и Хунчун. Затем удалось разбить войска Китая, угрожавшие Благовещенску.

Между тем Хабаровская колонна, соединившись с Благовещенской, двинулась по реке Сунгари на 26 пароходах и 40 баржах. Эта огромная эскадра 4 июля достигла Лахасусу, затем высадившиеся войска без боя заняли город и подняли русский триколор.

Военные действия на Сунгари начались 5 июля. Из Харбина спускался пароход «Одесса» с двумя баржами на буксире, на которых везли служащих железной дороги с их семьями. Китайцы обстреляли суда. На следующий день «Одесса» встретила у Фугдина эскадру генерала Сахарова. Части Харбинского отряда 10 июля подошли месту, где обстреляли пароход «Одесса» и высадили карательные партии, которые сожгли прибрежные села. На следующий день отряд взял укрепленный лагерь и крепость Баянту, захватив 11 пушек (в том числе 5 крупнокалиберных). Затем 14 июля русские взяли и сожгли город Сан-син. Отсюда до Харбина оставалось 213 км, и этот путь удалось пройти без задержек. Весь 707-километровый переход продолжался 18 дней.

К Харбину русская эскадра подошла 21 июля, где её встретила охранная стража, отбившая два нападения китайцев. Теперь в Харбине, под командованием генерала Сахарова, сосредоточилось около 6000 человек при 22 орудиях. Русские укрепили город, а разъезды казаков пытались установить связь с Никольским отрядом. По реке Сунгари стали свободно ходить русские пароходы.

Хайларский отряд казаков генерала Орлова (Верхнеудинский конный полк, 2 пеших батальона, 1 конноартиллерийская батарея Забайкальского войска) собрался у Абагайтуя. Позже отряд усилили 3 сотнями и 1 ротой охранной стражи и 2 батальонами Читинского и Сретенского пехотных полков.

Хайларский отряд 12 июля перешел границу Маньчжурии, а 17 июля у железнодорожной станции Ангунь атаковал 5000 соединение Китая, которое разбил, при этом казаки захватили 2 орудия. Китайцы бежали к Цицикару, и станичники заняли Хайлар без боя.

Переход русских войск на правый берег Амура у Благовещенска позволил генералу Гродекову сформировать конный отряд генерала Ренненкампа

(4 сотни казаков и 2 орудия Забайкальского артиллерийского дивизиона), который 24 июля выступил на Мерген. Затем в помощь Ренненкампфу решили двинуть все свободные конные части, 3 батальона Сретенского полка, 2 батальона Читинского полка и 14 орудий Забайкальского артиллерийского дивизиона. Отряд должен был захватить Мерген, удобную промежуточную базу на пути к Цицикару.

25 июля генерал Ренненкампф нагнал отступавшие войска Китая, преследуя их до села Эюр. Здесь китайцы, получив значительные подкрепления, перешли в контрнаступление и стали охватывать Ренненкампфа с обоих флангов. Атаки казаков и огонь артиллерии заставили китайцев отступить. Станичники потеряли убитых: 2 офицера и 10 казаков; раненых: офицер и 24 казака. Санчжан Ренненкампф занял 27 июля и стал готовиться к переходу через хребет Хинган.

Никольский отряд полковника Чижа генерал Сахаров отправил к военному губернатору Приморской области генерал-майору Чичагову. И 5 июля отряд расположился у станций Муданцзян и Пограничная, где вел бои с китайцами.

Из-за малочисленности Никольского отряда продолжать работы на железнодорожной линии западнее Муданцзяна до взятия Нингуты стало невозможным. Поэтому генерал Гродеков приказал усилить его войсками Новокиевского района, где сформировали отряд генерал-майора Айгустова, который, овладев 17 июля городом Хунчуном, ушел на соединение с Никольским отрядом и принял командование объединенными силами. После этого, используя охранную стражу, генерал Айгустов восстановил связь Никольского отряда с Харбином.

Итак, к 22 июля после деблокады Харбина русские полностью очистили Амур от неприятеля и восстановили свободное плавание судов. Кроме того, удалось освободить и значительную часть железной

дороги в Маньчжурии, но еще почти 850 км строящейся линии оставалось в руках китайцев, которые могли разрушить её. Поэтому приходилось спешить. И действительно, с этих пор поступательное движение русских отрядов, в особенности казаков генерала Реннекампа, поражает своею быстротой.

Так, 28 июля Реннекамп выступил на Мерген и, пройдя реку Санчихэ, наткнулся в горах на сильный отряд китайцев, что заставило его остановиться и ждать подкреплений из Благовещенска. К счастью, китайцы активных действий не предпринимали. С прибытием же подкреплений отряд Реннекампа, усилившийся до 6 батальонов, 5 $\frac{1}{2}$ сотен и 20 орудий, атаковал, и китайцы отошли за перевал Хинган. Преследуя их, Реннекамп 4 августа подошел к городу Мерген и, после часовой перестрелки, занял его без потерь. Затем генерал Реннекамп, получив приказ идти к Цицикару, организовал промежуточную базу у Мергена.

Таким образом, к Цицикару уже с двух сторон подходили русские отряды. Кроме того, генерал Сахаров также готовился выслать сильный отряд и с третьей, восточной стороны. Из Хайлара генерал Орлов выслал 22 июля конный отряд из двух сотен казаков и двух орудий под командованием штаб-ротмистра Булатовича, который оттеснил китайцев от станции Джемерте и продвинулся до станции Якши, недалеко от перевала Хинган. Но, получив значительные подкрепления, китайцы перешли в наступление. Тогда 1 августа на станцию Якши двинулись форсированным маршем главные силы генерала Орлова. Завязался бой, после которого китайцы отступили на Хинган и заняли сильную позицию.

Значительно раньше, дождавшись подхода двух батальонов Читинского и Сретенского полков, генерал Орлов 13 июля прогнал китайцев. Затем, получив приказ подойти к Цицикару и не видя перед собой противника, генерал Орлов к 20 июля прибыл на

станцию Фулярди. Здесь отряд соединился с высланными ему навстречу частями генерала Ренненкампа, который, заняв город Мерген, дал своему изнуренному героическим походом и боями отряду 3-дневный отдых (казаки все эти 2 недели непрерывно атаковали, а пехота прошла 213 км в 7—9 дней).

К сожалению, не удалось организовать поставки продовольствия, поэтому доблестные, но изнуренные воины довольствовались лишь овощами или мясом без хлеба, иногда приходилось питаться только убитыми лошадьми. Однако, несмотря на все эти лишения, 8 августа казачий отряд занял Камниха-Чжан, а на следующий день, подойдя к реке Немер, увидел быстро уходящие войска Китая. Продолжая стремительное движение вперед, Ренненкампф 15 августа с 460 казаками и 8 орудиями подошел к Цицикару, который, как выяснилось впоследствии, оборонял китайский отряд в 6700 человек. Здесь же находился и злейший враг русских — цзянь-цзюнь Шеу (генерал-губернатор провинции Хейлундзянь). Однако, несмотря на это, как только китайцы увидели подходящие сотни казаков, то оставили окопы и стали отходить на юг.

Казаки остановились в 1 км от города и послали цзянь-цзюню ультиматум о сдаче Цицикара в течение часа, а самому Шеу следовало явиться к начальнику отряда. Вскоре перед генералом Ренненкампом стояли начальник штаба китайских войск и представитель от города; сам же цзянь-цзюнь, окончательно потеряв надежду победить русских «белых чертей», кончил жизнь самоубийством.

После этого командование обоими отрядами принял на себя старший в чине генерал Орлов. От генерала Сахарова известий не поступало, поэтому к нему послали с разездом казаков штаб-ротмистра Булатовича.

По деблокировании Харбина состав отряда генерала Сахарова увеличился до 7 батальонов, 24 поле-

вых пушек, 2 полевых мортир и 5 сотен казаков, не считая охранной стражи (13 сотен и 5 рот). Важнейшей задачей для этого только что сформированного Харбинского отряда стала охрана восточной линии железной дороги от Харбина к Муданцзяну.

Затем, 4 августа Харбинский отряд выступил против Ажехэ, занятого многочисленными китайскими силами. Но после непродолжительного боя город пал. Приняв меры для охраны железной дороги и связи с Никольским отрядом, генерал Сахаров с прочими войсками возвратился в Харбин, где 15 августа его отряд значительно усилился прибывшим сюда 20-м Восточно-Сибирским стрелковым полком, сотней казаков Амурского войска, полевой батареей и двумя мортирами.

Перевозки по Сунгари обеспечивали крейсировавшие по реке 5 пароходов с орудиями и стрелками, а также пароходы, стоявшие у Муданцзяна и выше Харбина. Эти простые меры быстро восстановили спокойствие на Сунгари и возобновили бойкую торговлю.

Одновременно с Цицикаром войска Никольского отряда заняли Нингуту, и к 20 августа 1901 г. уже вся северная часть магистрали КВЖД находилась снова в русских руках. Для возвращения же южной части дороги надлежало овладеть её главными пунктами — Гирином и Мукденом. Наибольшие разрушения линия получила именно в районе Мукдена, где и ожидалось ожесточенное сопротивление хунхузов. Однако неожиданно пал Пекин, осажденный союзными войсками Англии, Германии, Франции и России. Это сразу повергло в шок цзянь-цзюней Маньчжурии, руководимых из столицы. Так что к концу августа китайские войска уходили от казаков почти без боя.

К началу наступления на Гирин в Северную Маньчжурию прибыли подкрепления из России и Сибири, так что у генерала Гродекова оказалось достаточно

сил, чтобы сломить сопротивление в Гирине. Для взятия этого города из Цицикара, Нингуты и Харбина подошли 18 батальонов, 25 сотен казаков и 78 орудий, а в резерве этих войск в Харбине стояла 3-я стрелковая бригада (8 батальонов и 24 орудия). Кроме того, в состав этих войск входили 12 конных и 2 пешие сотни охранной стражи.

Отряд генерал-майора Орлова возвратился в Хайлар для охраны коммуникаций. А конный отряд генерал-майора Ренненкампа (922 казаков и 6 орудий) 24 августа выступил из Цицикара к Гирину. Переправившись через Сунгари и заняв без боя город Бодунэ, а затем Кауньченцзы, казаки 9 сентября выступили к Гирину. Скорость движения станичников была так велика, что передовая сотня к утру следующего дня проскакала 128 км, при этом казаки совершили тяжелый переход через перевал Лаолинь и имели в это время стычку с неприятелем.

К Гирину передовой отряд в 150 казаков подошел рано утром 10 сентября, в 7 часов. Не доходя 20 км до города, станичники встретили на рассвете 490 китайских пехотинцев, которые без выстрела сложили оружие. Выехавший навстречу отряду парламентар согласился на сдачу города, но передал просьбу цзянь-цзюня, чтобы войска не вступали в город. На это генерал Ренненкампа ответил, что идущие сзади войска останутся вне города, но передовой отряд в 150 человек войдет в город. Затем казаки в сопровождении парламентарта рысью влетели в Гирин и заняли дом цзянь-цзюня. В тот же день станичники передали сообщение передовой части Никольского отряда, который, с генерал-майором Крыжановским во главе, находился в 85 км от Гирина. Оказалось, что еще накануне прибыл в город разъезд из этого отряда, привезший по приказу генерала Гродекова письмо к цзянь-цзюню от управлявшего Китаем князя Цина, предписывавшего прекратить сопротивление. И генерал Ренненкампа во главе своего авангарда

13 сентября 1900 г. выступил на соединение с конным отрядом в Дагушан. А Гири́н в тот же день занял отряд генерала Крыжановского. И 18 сентября сюда же прибыл весь отряд генерала Айгустова.

После взятия Гирина военные действия в Северной Маньчжурии практически закончились. Далее казаки преследовали в дебрях шайки хунхузов.

После этого русские восстановили в Маньчжурии власть цзянь-цзюней, но без права командования войсками. Стычки войск с хунхузами продолжались и в 1901 г. Военные действия на севере Китая закончились 26 марта 1902 г., но русские оставались здесь гораздо дольше и выводились по мере возможности вплоть до конца 1903 г. В этой главе не рассматриваются бои в Южной Маньчжурии. Но следует отметить, что общие потери в Китае для русских оказались незначительными и за 2 года убитыми и ранеными не превысили 2000 человек.

Эти бои при подавлении восстания 1900 г. на севере Маньчжурии особо показали стратегическое значение Амура для обороны Дальнего Востока. Именно господство в бассейне этой великой реки позволило немногочисленным силам России контролировать не только Приамурье и Приморье, но и Северную Маньчжурию. Только достаточно мощный водный транспорт позволил Петербургу, при полном господстве Китая на суше, эффективно перебрасывать артиллерию, пехоту и снабжение по разветвленной системе рек Амурского бассейна, что и обеспечило успех русских операций в Маньчжурии.

Часть VI

СОСЕДКА АМЕРИКА

На первый взгляд может показаться, что в этом разделе поднимаются вопросы, не имеющие прямого отношения к теме книги. Конечно, Северо-Американские Соединенные Штаты (в современном понятии США) нельзя считать «русской Украиной». Однако история США и Аляски поучительна, так как позволяет узнать причины неудачной попытки русской колонизации Америки. Выше уже освещено продвижение русских в Сибирь, где всегда не хватало рабочих рук. В связи с этим к началу Русско-японской войны так и не удалось построить вторую колею Транссиба. Кроме того, дефицит рабочей силы стал одной из причин строительства военно-морской базы в Порт-Артуре. Полезно знать, как решали аналогичные проблемы американцы. Это — массовая эмиграция, механизация труда и широкое просвещение населения. Кроме того, на опыте Великобритании можно ознакомиться с вопросами отношений центра и регионов при формировании политической нации из так называемых эмигрантов.

Раздел этот полезен также и тем, что США удалось реализовать амбиции мировой империи. Так что сейчас Великий Рим пребывает в Нью-Йорке.

Принято считать, что первые американцы (предки индейцев и эскимосов) пришли из Сибири 20—30 тысяч лет назад, преследуя зверей по льду Берингова пролива. Затем индейцы создали грандиозную цивилизацию, циклопические постройки которой поражают воображение до сих пор. Но сейчас США составляют часть европейской культуры. Еще в V в. до н. э. Англией владели кельты, затем в конце I в. н. э. значительную часть Британских островов оккупировал Рим.

Но в III в. жившие в устье Эльбы германские племена саксов, англов и ютов начали грабить города Британии, так что в 407 г. римлянам пришлось отозвать свои грозные легионы. Воинственные пришельцы застали здесь кельтов, заповедником которых оставалась еще в VI в. свободная Ирландия и Шотландия.

В VIII в. ирландцы впервые достигли Фарерских островов и Исландии. А в IX в. эти острова вторично открыли и колонизовали норманны. В 874 г. викинги открыли Исландию, в 982 г. — Гренландию, а в 985—995 гг. — Винланд (Северная Америка). Затем Америку вновь открыл итальянец Христофор Колумб в 1492 г.

И только в начале XVII в. казаки по следам охотников алеутов перебрались на Аляску, а в начале XIX в. русские поселились в Калифорнии.

Глава 1. Этнография США

Америка действительно стала плавильным котлом наций. В XIX в. США часто и несправедливо называли англосаксонской республикой, хотя и саму Великобританию тогда населяли не только потомки англов и саксов, но и такие бесспорные кельты, как бритты, иры, валлийцы и галлы. Поэтому, быть может, кельты представлены в США даже сильнее, чем немцы. Так, в конце XIX в. здесь на 60 млн с лишним жителей насчитывалось всего только 18 млн англичан или их потомков. Как бы то ни было, американцы, столь разные по происхождению, стали народом новым, измененным скрещением, климатом и образом жизни, отличным от того, в котором жили их предки. Даже в жилах белого человека течет кровь француза и англичанина, ирландца и немца, испанца и скандинава, с примесью крови индейца и негра.

Первыми иммигрантами в Северной Америке стали французы. В 1562 г. гугенот Рибо основал коло-

нию на юго-восточных берегах территории, названной им Флоридой, которую уже потом английские оккупанты переименовали в Каролину. До эпохи больших иммиграций XIX в. население Новой Англии состояло преимущественно из англосаксов, с незначительной примесью потомков шотландских и ирландских пресвитериан и наемных работников, набираемых где попало. Кроме того, из Африки ввозились негры, поэтому на борту одного и того же судна плыли свободные люди и невольники. Так готовилось столкновение, обогрившее кровью землю Америки в середине XIX в.

В бассейне Миссисипи и в областях, простирающихся до берегов Тихого океана, англосаксам предшествовали французы и испанцы. На берегах Великих озер французы и метисы основали там и сям несколько деревень. Всю английскую территорию атлантической покатости огромным полукругом оцепили пустынные земли, на которые Франция заявила свои права на основании редко разбросанных становищ, построенных её колонистами. По другую сторону бассейна Миссисипи, на побережье Техаса, в долинах Пекоса и Рио-Гранде, наконец, на берегах Калифорнии все белые оказались испанцами или креолами-кастильцами. И теперь еще обитатели Новой Мексики называют себя в большинстве потомками спутников Кортеса.

В те времена семьи пуритан Массачусетса, фермеры Коннектикута и соседних штатов были очень плодovitы. Поэтому отсюда в равнины запада двигался мощный поток людей. Даже легендарные походы полчищ Старого Света не сравнятся с этим свободным и мирным движением великой нации. Каким жалким зрелищем казалась в сравнении с этим переселением государственная колонизация Великобритании, контролируемая чиновниками, выбиравшими земли для переселенцев, регулировавшими заселение и сочинявшими законы против возможных уклонений будущих

жителей! Известно, что в первой половине XIX в. треть белого населения Соединенных Штатов, то есть 8 млн человек, считались предками одной или нескольких из 4000 семейств пуританских колоний первой половины XVII в. Их влияние на судьбы Америки трудно переоценить. «Предки странники», без сомнения, были самодурами и фанатиками, но они всем рисковали не только для того, чтобы искать золото или обогащаться производством колониальных товаров, но и, прежде всего, чтобы завоевать себе свободу верить, жить и управляться по-своему.

Великая эмиграция увлекла после окончания войн Наполеона авантюристов и обездоленных из Европы в Новый Свет, «обыкновенное убежище потерявших надежду», по выражению Сервантеса, изменила население Штатов. Немцы и ирландцы массами устремились за океан. Англичане переселялись прямо из метрополии или из Канады. Скандинавы, наконец, русские, итальянцы и португальцы изменили кровь пионеров Бостона.

В 1848 г. началась золотая лихорадка в Калифорнии, и к европейцам добавились мексиканцы, перуанцы, чилийцы и креолы. Канаки с Сандвичевых, тагалы с Филиппинских островов, малайцы из Зондского архипелага также вошли в эту смесь. И хотя китайцы и японцы обычно держались в стороне, однако и они способствовали смешению племен и рас, совершавшемуся здесь в колоссальных размерах.

Сыны Израиля, очень редкие в первое время иммиграции, стали в последние годы XIX в. одним из заметных и быстро растущих этносов. Вскоре уже в каждом городе имелась многочисленная колония евреев, немецких или русских. Мало того — как бы для дополнения этой пестроты тысячи цыган переселились в Новый Свет, чтобы продолжать там свою кочевую жизнь.

Жители Новой Англии, которых обычно называют янки (это прозвище первых английских колонистов,

распространенное позднее на всех североамериканцев), до нашествия в их штаты ирландских и франко-канадских переселенцев считались самыми чистыми представителями так называемой англосаксонской расы. Янки всего более походили на англичан по манерам, традициям, обычаям, они постоянно демонстрировали сыновью привязанность к своей исторической родине и проявляли наибольшее уважение к драгоценному сокровищу общего языка. Но как ни сильны были узы кровного родства и симпатий, за три века, под влиянием иной природы и образа жизни, в населении Новой Англии произошли разительные перемены.

Новые англичане интеллектуально и нравственно преобладали в США. Перечень американских писателей свидетельствует об этом. В применении науки к промышленности янки также занимали первые места. Однако они несколько пренебрежительно оставляли другим американцам важнейшую роль в грубой избирательной борьбе, в государственной и общественной службе. Тем не менее янки не раз решительно влияли на великие исторические события нации. Им США обязаны политической независимостью. Первое восстание против метрополии вспыхнуло в главном городе янки — Бостоне. Отвоевав себе свободу, они затем пошли освобождать своих соседей. Маленький северный штат Массачусетс один имел больше республиканских войск, чем все штаты юга вместе взятые. Точно так же нравственному влиянию Новой Англии США обязаны отменой рабства. Именно янки стали инициаторами двух великих национальных революций. Со временем, после заселения остальной страны и перемещения центров культуры, торговли и богатства, их влияние стало уменьшаться. Однако северные штаты все еще сохраняли косвенно свое лидерство в народном образовании, так как именно штаты Новой Англии снабжали остальной союз учителями и учительницами.

Подобно тому, как янки выделяли новые кланы в другие земли Соединенных Штатов, преимущественно

на Запад, так же точно виргинцы заселили последовательно центральные штаты, Кентукки и Теннесси. Затем они колонизовали Замиссисипье. В конце XIX в. некоторые ученые утверждали, что от 8 до 10 млн жителей союза ведут свой род от виргинцев, хотя в самой Виргинии белое население составляло всего 1 млн человек. Но эта колонизация, по мнению некоторых историков Конфедерации, привела к оскудению основного ствола, убавила его физические силы и нравственную энергию. Уход молодых и деятельных членов общества, тогда как дома оставались слабые, больные, люди без инициативы, стал дестабилен для белой расы. Как бы то ни было, не могло быть и речи о вырождении потомков этих эмигрантов Виргинии, особенно живших в верхних долинах реки Теннесси и её притоков. Напротив, население Кентукки славилось своей красотой, силой и ловкостью.

Ирландцы в конце XIX в. еще выделялись в англо-американском обществе. После большого голода, постигшего Ирландию, началась массовая эмиграция оттуда за океан. Толпы несчастных, бежавших с проклятого острова, состояли почти исключительно из ирландцев-католиков, побуждаемых к единению верой и страданиями. В 1880 г., когда эмиграция достигла наибольших размеров, около 190 000 сынов Зеленого Эрина высадились в портах США.

К этому времени во всей заатлантической республике насчитывали 1 855 000 жителей, родившихся в Ирландии, и 4 529 000 — родившихся в Америке от отца-ирландца. Число живших в Америке уроженцев Зеленого острова превысило в два раза число островитян, оставшихся в метрополии. Любопытно, что ирландцы, почти все без исключения земледельцы у себя на родине, в США обычно меняли род занятий. В то время как немецкие крестьяне продолжали заниматься обработкой почвы и рассыпались по деревням и поселкам от побережья Атлантики до Миссисипи, ирландцы предпочитали оставаться в больших

городах или их предместьях. Сначала они работали носильщиками, чернорабочими, грузчиками, землекопами, затем, скопив немного долларов, становились ремесленниками, подрядчиками, торговцами и, принимая горячее участие в политике, не упускали случая урвать кусок общественного пирога в виде доходного местечка.

Ирландские женщины нанимались служанками и со временем, через брак с земляками или с американцами, входили в свободное общество. Они также оставались, как правило, в городах. Так земледельческая Ирландия создала по другую сторону океана Ирландию городскую. Но этот новый Эрин мало-помалу терял свою силу. Обезлюдевшая метрополия посылала ему уже ежегодно лишь небольшой контингент новых переселенцев. Браки и деловой расчет растворяли ирландцев в англо-американском мире. А так как католицизм имеет в США последователей всякого языка и расы, религия перестала влиять на сохранение ирландской нации. Любопытно, но почти во всех частях союза ирландцы всегда становились на сторону защитников рабства, без сомнения, из ненависти к неграм, оспаривавшим у них работу. Во время Гражданской войны ирландцы Нью-Йорка и других больших городов Севера поощряли южан к их долгому и упорному сопротивлению.

Немцы в Соединенных Штатах распались на две совершенно различные части: потомков бывших наемников, привезенных во времена английского господства, и переселившихся добровольно с 1848 г. Почти вся первая волна иммиграции пришла из Швабии и долины Рейна. Когда Вильям Пенн в конце XVII в. купил у индейцев земли, ставшие впоследствии колониальной провинцией, затем штатом Пенсильвания, многие жители Рейна, крестьяне из Шварцвальда и Альп, пришли поселиться вокруг него. За этими пионерами последовали другие эмигранты, выросшие в тех же условиях крайней нищеты.

Очень многие из них шли пешком, побираясь, вдоль Рейна до Голландии, где нанимались на несколько лет к какому-нибудь капитану судна, который перепродавал их на рынках американского порта.

Что касается евреев, обычно причисляемых к немцам или русским, то общее число их в конце XIX в., вероятно, доходило до 500 000 человек, а их колонии, почти исключительно городские, быстро росли после усиления эмиграции из России.

В сравнении с ирландцами и немцами, другие европейцы в гораздо меньшей мере заселяли США. Колонисты, пришедшие из Франции, особенно в Нью-Йорк, Калифорнию и Луизиану, оказались крайне малочисленны (даже включая сюда потомков французских эмигрантов XVII в., более или менее смешавшихся с массой американского населения).

Скандинавские иммигранты (шведы, норвежцы, датчане и исландцы) стали относительно многочисленными в конце XIX в. Выходцы из этих стран прибавили очень ценную силу к земледельческому населению холодных северных штатов Висконсин и Миннесота.

Также и итальянцы, до конца XIX в. направлявшиеся исключительно в Южную Америку, вскоре освоили дорогу на север континента, и их предприимчивость, страсть к наживе, крайняя умеренность в потребностях, легкость, с которой итальянцы акклиматизируются, делали их естественными колонистами для всех частей союза. Вскоре итальянцы везде захватили в свои руки розничную торговлю фруктами.

Но если белое население стало более или менее однородным, то остался другой, весьма значительный этнос, слияние с которым совершилось так слабо, что большинство американцев белой расы не могли думать о нём без ужаса. Это — африканцы, число которых в XIX в. достигало 7 или 8 млн, составляя девятую часть всего населения союза. Они пришли сюда не по своей воле, как большинство других иммигрантов.

Это — потомки невольников, привезенных работорговцами и продававшихся как рабочий скот. В своих первых экспедициях на берега Флориды и в Новую Мексику испанские завоеватели приводили с собой черных рабов.

Однако принцип «свободы и равенства всех людей» не отменил рабства чернокожих. Пенсильвания первая между старыми провинциями в 1780 г. отменила у себя рабство для детей, которые родятся после издания этого акта. Остальные штаты Севера один за другим последовали её примеру и даже приняли решение, что территория «Северо-запада» образует впоследствии несколько новых свободных штатов. В южных же штатах ничего не менялось, и торговля невольниками официально сохранялась до 1808 г. Но и после этого времени торговля эта продолжалась. До середины XIX в. на берега Флориды и Алабамы высаживались транспорты негров с острова Куба.

Различие законодательства и образа жизни в северных и рабовладельческих штатах, совпадая с территориальной границей, начертанной с востока на запад, вскоре придало вопросу о невольничестве политическое значение. Борьба в конгрессе стала непрерывной, и мало-помалу политики Юга, которые вначале еще стыдились открыто защищать рабство, стали более энергичными в своем сопротивлении и осмелели в нападении. В 1820 г. им удалось ввести в союз новый рабовладельческий штат Миссури. Представителям Севера приходилось уступать даже по вопросам внутреннего права. Так билль 1850 г. обеспечил 113 000 землевладельцам Юга возвращение их беглых невольников. Крепче сплоченные, чем их противники, более привыкшие командовать, помещики-плантаторы постоянно одерживали победы в законодательных прениях.

Однако вскоре ораторских и юридических триумфов южанам показалось мало, требовалось увеличить свои владения, чтобы устоять против экономи-

чески мощных общин Севера. После того как Франция и Испания уступили Луизиану и Флориду, эти два новых рабовладельческих штата, усилив политическое влияние плантаторов, помогли им завоевать Миссури. Затем экономическое вторжение, дипломатия и открытая война позволили рабовладельцам присоединить Техас. Но, несмотря на это, по промышленности и богатству южане значительно уступали северянам. Рабовладельцам ничего более не оставалось, как порвать политическую связь с союзом. Это означало только войну, но «рыцари Золотого Круга» уже давно готовились к ней. И, когда она вспыхнула, южане имели на своей стороне все преимущества нападающего.

В этих кровавых сражениях отличился донской казак Турчанинов Иван Васильевич (1822—1904). Этот станичник в 19 лет окончил Петербургское артиллерийское училище и в 24 года стал слушателем Академии Генерального штаба, которую окончил с отличием. Принимал участие в войне с Турцией и в 33 года за исключительные способности произведен императором Николаем I в полковники, с назначением начальником штаба Гвардейского корпуса.

Но перспективы блестящей карьеры и личного благополучия тускнели в сознании казака при виде произвола и бесправия, бытовавших в России, и висевших постоянной угрозой над родным Доном. Гнетущая безнадежность русской действительности и заманчивые либеральные идеи принудили его бросить всё и отправиться на поиски обетованной страны, где царил дух свободы и прогресса.

В 1856 г. Иван Васильевич вместе с женой оставил Россию, эмигрировал в США, обосновался в штате Иллинойс и стал работать инженером-топографом в железнодорожной компании. Джон Бэзил Турчин (имя, которое он носил после получения гражданства США) вскоре стал известен как горячий противник рабства. Естественно, что в начавшейся Гражданской

войне полковник Турчин оказался на стороне северян и даже командовал 19-м Иллинойским полком, с которым выступил 12 июля 1861 г. на фронт.

Турчин удачно сочетал казачьи способы боевых действий с патриотизмом и идейностью американских солдат, военное воспитание которых он основывал на принятой у станичников строгой, но сознательной дисциплине. Таким образом удалось создать отличный по боеспособности полк. Для руководства подчиненными Турчин выпустил брошюру «Обучение бригады», которую приняли в военных кругах Севера как лучшее наставление по тактике полевой войны.

«Неистовый казак», как его прозвали сослуживцы, со славой шел в авангарде наступающей дивизии Митчела. Но во время одного удачного рейда по тылам противника его молодцы не устояли перед соблазном легкой наживы и разграбили город Афины. Под давлением некоторых начальников, которые, по словам газет того времени, «вероятно, завидовали успехам бешеного казака», командиру боевой группы войск генералу Бюлю пришлось отдать его под суд за нарушение уважения к личности и частной собственности.

Суд ограничился постановлением об увольнении Турчина из армии. Солдаты же негодовали, считая, что их командира, противника рабства, осудили именно рабовладельцы. К их радости, постановление суда осталось без выполнения. Более того, президент Линкольн произвел его в генерал-майоры и назначил командиром бригады.

Турчин вскоре заслужил новые лавры «маршем к океану», победами в сражениях при Чикамога (19—20 сентября) и на горном хребте Миссионери-Ридж (25 ноября 1863 г.). На этом участке фронта, имевшем решающее значение для всей кампании, он считался лучшим командиром.

Негры практически не принимали участия в Гражданской войне. Лишь около 300 000 чернокожих

вступили добровольно или по принуждению в ряды войск северян. Впоследствии освобожденные, но не получившие земли, которая могла бы обеспечить им действительную независимость, негры оказались брошенными в жизненную борьбу без союзников. Им пришлось принять себе девизом выражение, вошедшее в поговорку на Юге: «Рой землю рылом, свинья, или умирай!»

В конце XIX в. чернокожие составляли лишь девятую часть населения США, но число их во многих местах равнялось или даже превышало белых. Примирение далеко не достигнуто, так как к различию социального положения присоединяются контраст цвета кожи и сохранившееся от прежнего времени взаимное озлобление.

В это же время американцы начали задумываться, не грозит ли их судьбе другой расовый вопрос. Часто стали толковать о китайцах, как будто предстояло настоящее нашествие желтых, готовых отнять у белых территорию, только что завоеванную у краснокожих. Вскоре в Сан-Франциско и во всех городах западного ската Скалистых гор китайцы, казалось, кишмя кишели в бедных кварталах, и каждый корабль с Дальнего Востока привозил оттуда сотни новых эмигрантов. Правда, успокаивало то, что эти кули не были свободными работниками. Их на грабительских условиях вербовали китайские компании. Поэтому китайцы почти все прибывали в США сильно задолжавшими. Большая часть их скудного заработка уходила на уплату, с кабальными процентами, издержек перевозки, к которым предусмотрительно прибавлялась плата за будущее обратное путешествие либо в живом состоянии, либо в красивом гробу.

Как бы то ни было, янки в конце XIX в. достигли такого могущества, что никакое другое государство мира уже не могло и думать мериться с ними. Почти без армии и располагая лишь второклассным военно-морским флотом, США не боялись наций с наилучшим

образом организованными вооруженными силами. Янки могли себе позволить пренебрежительно относиться к обороне, зная, что никогда неприятельское нашествие не достигнет берегов Соединенных Штатов. Или, по крайней мере, что они сумеют отразить нападение.

История США поражает тем, что ранее этот континент, населенный звероловами, знавшими лишь самое примитивное земледелие, даже не считали принадлежащим к цивилизованному миру. Тем не менее в короткий срок нескольких поколений страна заняла первое место по росту населения и развитию промышленности. Что касается сознания своей силы, то американский народ обладает им в такой степени, что его правительство может позволять себе иногда злоупотреблять этим. Без сомнения, народ Соединенных Штатов, рост которого совершался такими изумительно быстрыми темпами, представляет собою смесь всех этнических элементов Европы. Но самое это смешение разных национальностей, а также различие среды и новые условия быта создали американцев как необычный и оригинальный тип людей.

Глава 2. Историческая география США

Менее чем за сто лет земли США расширились значительно. В 1776 г. восставшие в Северной Америке колонии Великобритании, провозгласив свою независимость, имели лишь 13 штатов, от Нью-Гемпшира до Джорджии включительно. Их территории, окаймленные побережьем Атлантического океана, простирались на запад, по другую сторону Аппалачских гор, только до берегов двух больших озер Эри и Онтарио и до лесов Огайо.

Борьба колонистов с Англией ограничивалась только частью поморья между Бостонской бухтой и заливом Чезапик. Территория новой страны исчис-

лялась тогда в 1 млн кв. км, что составляло около одной восьмой нынешних владений, не считая Аляски.

В 1782 г. мирный договор с Великобританией, признав независимость США, значительно увеличил их площадь, в которую вошли не только владения, уже занятые белыми, но также многие земли на западе, находившиеся еще во власти индейцев-звероловов. На севере официальной границей стало течение реки Святого Креста (Сент-Круа), которая и поныне разделяет Канаду и США. На юге пояс побережья, уступленный Великобританией, ограничивался территорией Флориды, принадлежавшей тогда испанцам.

В 1803 г., после присоединения Луизианы, уступленной Францией за 80 млн франков, территория Соединенных Штатов удвоилась во второй раз. Эта сделка дала США, уже владевшим побережьем Атлантики, надежду утвердиться со временем на берегах Великого океана.

Многие публицисты Франции тех лет называли политическим преступлением эту уступку Луизианы. Но, колонизовав побережье у Нового Орлеана и Мобила, горстка французов не смогла бы долго сопротивляться напору Штатов, насчитывавших тогда уже свыше 6 млн жителей. Кроме этого, Франция, практически не имевшая флота, по уши увязшая в войнах Наполеона, не могла рассчитывать на успех еще и за океаном.

Испании, несмотря на давность ее прав оккупанта и опорную базу на Кубе, также пришлось уступить политической необходимости. В 1819 г. Испанская империя отказалась от полуострова Флорида за 5 млн пиастров. Так США овладели северным берегом Мексиканского залива.

Владения США расширялись самопроизвольно, и янки оставалось только выжидать, чтобы совершившиеся факты решали дело в их пользу.

Так, в 1842 г. штат Мэн присоединил земли почти до побережья Святого Лаврентия и верхний бассейн

реки Святого Иоанна (Сент-Джон), который, как считали англичане, принадлежал Канаде. Точно так же в 1846 г. границу, установленную в 1782 г. за Лесным озером, янки продолжили по прямой линии 49-й параллели до Тихого океана. После этого нижнее течение Колумбии и весь бассейн Змеиной реки отошли к Штатам. Между тем эти места, открытые канадцами, формально принадлежали Англии, которой пришлось уступить спорную территорию еще раз.

Захваты на землях Мексиканских Штатов отличались еще большим размахом. В 1835 г. США вырвали у Мексики первый клочок земли — обширную территорию Техаса. Плантадоры, переселившиеся со своими невольниками, организовали здесь независимую республику, через 9 лет добились включения своего штата в состав США и этим спровоцировали войну. Однако неравенство сил оказалось таким, что Мексика не могла долго выдержать борьбу, и в 1848 г. к Штатам отошли покатоности Колорадо, Утахское плоскогорье и Калифорния. Но даже приобретение этого огромного побережья на Тихом океане для янки показалось мало. Пять лет спустя США купили на юге от реки Хила другую полосу мексиканской территории, говоря, что эта земля необходима для постройки железной дороги. Действительно, один из трансконтинентальных рельсовых путей проходит по этой территории, поделенной ныне между Аризонной и Новой Мексикой.

Со времени этих крупных приобретений у Мексики янки более не захватывали территории на севере и юге. Но на северо-западе континента США купили в 1867 г. другую страну громадных размеров, и притом совершенно неизвестную. Это — Аляска, бывшая Русская Америка, с обширной областью лесов, гор, тундр и льдов, что для русских, однако, не имело до конца XIX в. никакого экономического значения. Но среди политиканов продажа Аляски расценивалась

как признание Россией главенства Соединенных Штатов на американском континенте. И как предостережение Великобритании, сюзеру Канады.

Глава 3. Флот США

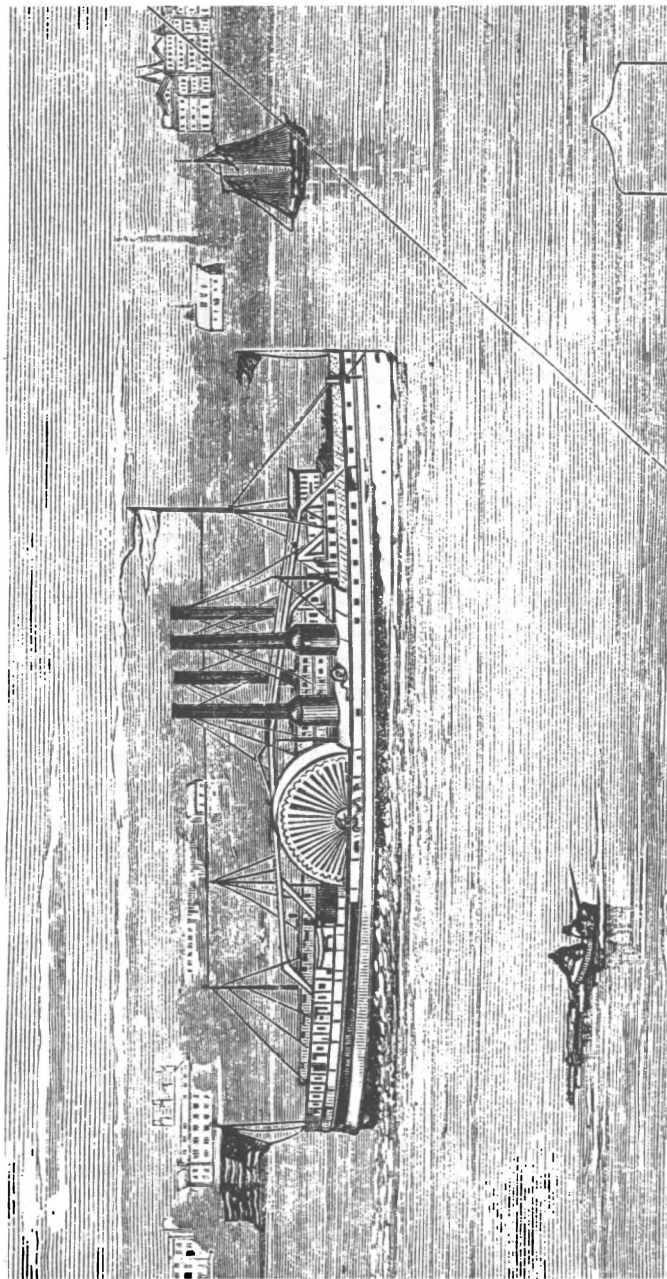
Когда народ Америки реализовал свою духовность в виде артиллерии и флота, то стало ясно, что он способен создавать уникальные классы и типы кораблей с мощным вооружением.

При этом предприимчивость янки никогда не действовала на авось и не делала бессвязных, безрезультатных попыток. Главная черта американского характера состоит в том, чтобы, устремив наибольшую силу к одной цели, достичь её в кратчайшее время. Во всех отраслях промышленности янки поступали именно так. Вместо медленной ручной работы в обработке хлопчатой бумаги американцы приспособили машины. То же самое произошло в полиграфии, судостроении, сельском хозяйстве.

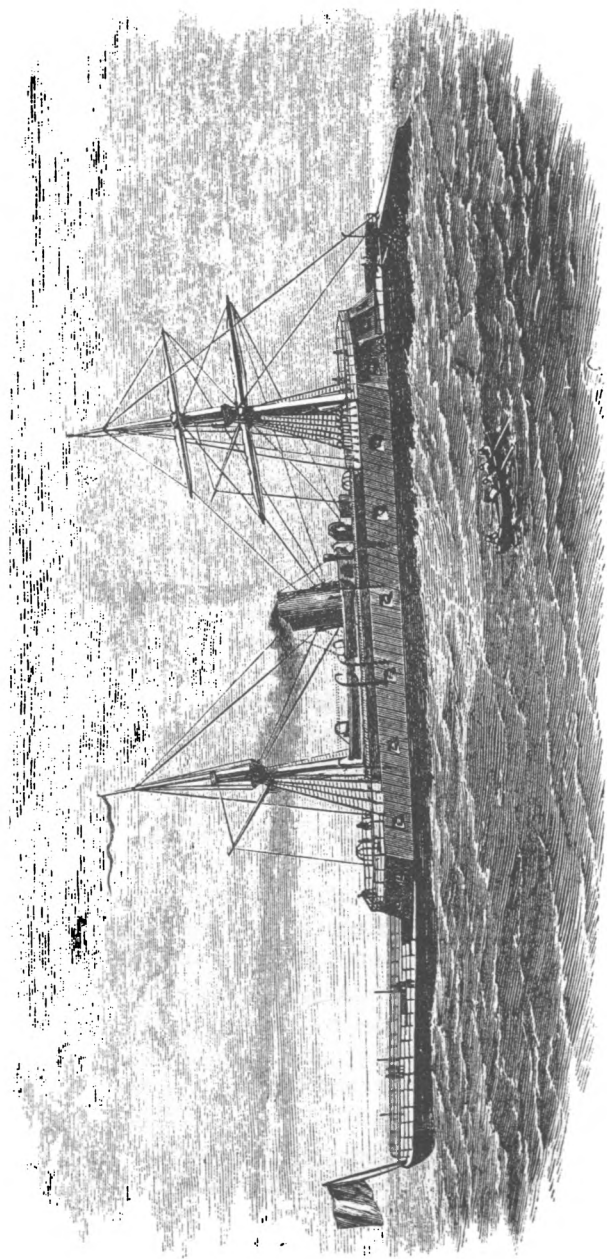
Американец, не желая, чтобы послания двигались со скоростью паровозов, ввел электрический телеграф для передачи мысли в один миг на расстояние в сотни миль. Не довольствуясь медленным шитьем слабых рук, он соединял силу и скорость пятидесяти иголок в одно и двигал все это паром.

Когда янки строил корабль, то старался достичь наибольшей скорости хода и вооружить его одной пушкой, но с мощностью залпа одного борта. Поэтому вместо пятидесяти малых пробоин корабль противника получал один огромный пролом, после чего или сдавался, или шел ко дну. Так флот США всего лишь выражал национальный дух янки.

Суда колонии Великобритании не отличались большими размерениями и не представляли собой ничего особенного. Однако сразу после завоевания независимости Соединенные Штаты стали строить

Пароход в Нью-Йорке

Броненосный фрегат «Данденборг»

фрегаты, способные по огневой мощи заменить линейный корабль. Этого удалось достичь небольшим увеличением размерений обычного фрегата и увеличением калибра его орудий. Воплощением этой идеи стали спущенные на воду в 1797 г. фрегаты «*Constitution*» и «*United States*», имевшие длину 53,34 м, ширину 13,26 м. По своим основным размерениям новые американские фрегаты равнялись английским 90-пушечным линейным кораблям, а по огневой мощи превосходили их. Вес бортового залпа американских фрегатов превосходил английские корабли одного с ними класса в 1,63 раза. Поэтому в войну 1812 г., когда английский 44-пушечный фрегат «*Guerriere*» лег борт о борт с американским 44-пушечным фрегатом «*Constitution*», то янки через 15 минут захватили британский корабль. В этом случае нельзя было упрекать британцев в недостатке храбрости или воинской выучки, ибо дело решали передовые технологии.¹

Второй этап американского кораблестроения начался после войны 1812—1815 гг., когда правительство Соединенных Штатов построило 6 линейных кораблей, которые по своей огневой мощи также значительно превосходили своих европейских собратьев.

Гражданская война США 1862—1865 гг. сыграла огромную роль в становлении американской нации. Все, что происходило до этого в науке, промышленности и искусстве, зачастую являлось подражанием европейской и преимущественно английской цивилизации. Следует отметить, что творческая мысль американцев значительно перерабатывала и изменяла все, что они перенимали у других. При этом Соединенные Штаты во всем, что касалось увеличения силы человека и произ-

¹ Здесь автор следует американской версии событий. Первые большие фрегаты с тяжелыми орудиями были построены шведами и русскими (на Черном море) более чем за 10 лет до американцев.

водительности труда, далеко опередили многие государства.

Перед началом войны флот США состоял всего лишь из 26 кораблей, на которых стояла современная крупнокалиберная артиллерия. Но этого явно не хватало для блокады огромного побережья мятежных штатов, перевозки войск и борьбы с фортами противника, стоявшими на реках и в гаванях. Тогда в первый раз американцы ясно поняли громадное значение коммерческого флота, созданного частными предпринимателями. Быстроходные паровые транспорты, построенные для мирных целей, но способные носить мощную артиллерию, оказались так же хороши и для войны.

И эти импровизированные корабли, приспособленные из купеческих судов, оказались вполне боеспособными, чему в Европе вначале не придали должного значения. Дело в том, что морская бюрократия Старого Света ориентировалась на большое количество маломощных пушек и полагала, что корабль с десятью пушками всегда победит противника с одной пушкой на борту. Однако только по числу стволов нельзя было судить о боевой мощи американских кораблей. В начале Гражданской войны 50-фунтовое нарезное орудие считалось самым мощным во французском флоте, а британцы рассчитывали на разрушительную силу 68-фунтовых гладкоствольных пушек. Между тем даже небольшие канонерские лодки Америки имели 100-фунтовые нарезные, а некоторые из второклассных корветов — 150-фунтовые нарезные или 229мм гладкоствольные пушки. Оригинальный характер вооружения составлял отличительную и самую важную черту флота США. Поэтому бывшее купеческое судно, вооруженное одним 279мм орудием на поворотной платформе или тяжелым нарезным, могло оказаться достойным противником для европейского корабля, батарея которого имела легкие пушки устаревшей артиллерии.

Эта война принесла США сознание своей силы, и даже в способах её ведения проявились многие оригинальные и характерные черты американской нации. Военные действия проводились на таких громадных пространствах и таким оружием, которого Европа до этого не знала.

Вновь построенный броненосный флот Соединенных Штатов, с уникальными кораблями и артиллерией, стал воплощением национальной американской идеи. Неожиданное для Европы появление мониторов и толстых пушек произвело переворот в корабельной архитектуре тех лет и военно-морском искусстве всего мира. В ходе этой войны произошло первое сражение броненосцев, после которого огромные флоты деревянных кораблей и даже лучшие броненосцы Англии и Франции стали бесполезными.

Действительно, «Монитор», небольшой башенный корабль США, вооруженный двумя 279мм пушками, выиграл четырехчасовой бой с большим броненосным фрегатом «Мерримак». Это оказалось сражением не только между Севером и Югом, но и между американской и европейской системой броненосцев. Дело в том, что на «Мерримаке» была применена европейская система броненосцев, за исключением наклонных бортов, которые даже увеличивали надежность конструктивной защиты. То есть этот корабль мятежного Юга вполне мог соперничать с любым броненосцем английского или французского флота.

При создании своего флота янки руководствовались двумя основными идеями, принципиально отличавшимися от принятых в европейских государствах. Первая, существовавшая еще со времен вооружения первых деревянных кораблей, заключалась в уменьшении числа орудий и в увеличении массы их залпа. Другая, идея монитора, состояла в том, чтобы уменьшить наружную поверхность броненосного корабля и чтобы в двух башенных орудиях сосредото-

чить всю массу залпа. Башня эта, пушки в которой могли обстреливать любую точку горизонта, — обеспечивала преимущество перед большим числом орудий, стоявших в батареейной палубе.

Европейские же государства в то время стремились увеличить число орудий сравнительно небольшого калибра и для этой цели увеличивали размеры своих кораблей. Американцы, наоборот, избрали для атаки разрушительную силу тяжелого заряда, а для обороны — небольшую поверхность непроницаемой брони. Поэтому результаты знаменитого боя первых броненосцев показали, что в постройке и вооружении речных и прибрежных кораблей Америка опередила Европу.¹

Уже в те, далекие от нас времена элита Америки не сомневалась в необходимости развития народного образования, так как военная мощь страны измеряется не только количеством боевых машин, но и числом образованных людей. В век техники стало ясно, что страна со всеобщим образованием получает преимущество перед тем государством, где люди пребывают в невежественном, инфантильном состоянии. Машины, повышающие производительность и качество труда в промышленности и на транспорте, могли с таким же успехом применяться и для ведения боя. Выстрел, направляемый одним человеком, управляющим громадным орудием при помощи паровой машины, мог утопить неприятельский корабль гораздо быстрее, чем часовая канонада из сотни старых орудий, управляемых тысячею матросов.

Во время этой войны американцы показали всю свою изобретательность, создав мониторы даже с 508мм пушками и минным оружием. И, благодаря образованности своих детей, США смело смотрят в свое будущее.

¹ Корабли американского флота того времени были хороши только в прибрежных водах и на реках.

Глава 4. Продажа Аляски

Продажу Аляски русские до сих пор забыть не могут, и об этом даже народные песни слагают. Однако там проиграло безответственное государство в лице одной из его естественных монополий. Этот монстр не мог противостоять частной инициативе предпринимателей США. Даже Британская империя уступила своими бывшими подданным, то что уж тут говорить о легендарных русских чиновниках.

Казаки-землепроходцы открыли Аляску в XVII в. Уже в 30-х годах XVIII в. экспедиции И. Нагибина, В. Беринга, А. Мельникова, И. Федорова и М. Гвоздева провели первое обследование её берегов. Но лишь с экспедиции А. Чирикова 1741 г. принято считать открытие Аляски. До конца XVIII в. Балтийский флот отправил к берегам Аляски 80 исследовательских и торгово-промышленных экспедиций. В 1784 г. купец И. Шелехов основал на Аляске первое русское поселение. В 1798 г. купцами Шелеховым, Мыльниковым и Голиковым основана Соединенная Американская компания. Но в 1799 г. — Российско-Американская компания (РАК) получила в монопольное пользование все промыслы и недра Русской Америки (то есть Аляски и Калифорнии). Это объяснялось просто: РАК работала под «крышей» царской семьи. Что позволило в разгар Крымской войны совершить фиктивную сделку с американскими партнёрами из Сан-Франциско, оформив на них всё имущество компании. И Англия не покусилась на Аляску.

В конце 50-х гг. XIX в. младший брат Александра II Константин Николаевич, генерал-адмирал и начальник Морского министерства, впервые высказал идею о продаже Аляски. Прямые переговоры со Штатами не состоялись из-за начавшейся Граждан-

ской войны, но после её окончания Аляску продали за 7,2 млн долларов. Из них 165 000 долларов ушло на взятки некоторым американским сенаторам и газетчикам: в Вашингтоне тоже нашлось немало людей, считавших сделку ненужной.

Присоединение Аляски прибавило около 1 500 000 кв. км к империи Соединенных Штатов. Теперь страна лежит между двумя океанами, Канадой, Мексиканским заливом и плоскогорьем, представляя громадное пространство в 7 838 000 кв. км. Это в 15 раз превосходит площадь Франции.

Часть VII

ЦУСИМА

Предусмотрительно и благополучно разрешив возможные территориальные проблемы в Америке, Россия неожиданно столкнулась с другим тихоокеанским хищником. В конце XIX в. бурно росла военная и экономическая мощь энергично модернизовавшейся Японии, которая тогда делала еще осторожные шаги и не верила в свои силы, так как она только что оставила стратегию «блестящей изоляции» и после легендарных походов XVI в. в Корею не предпринимала решительных попыток укрепиться на континенте. Токио пока занимался лишь экономической и военной модернизацией своего архипелага. В ходе этих мер, впоследствии названных революцией Мэйдзи, правительство Японии в 1884 г. призвало в свою армию германских инструкторов, а на флот — англичан. Идеи адмирала Нельсона — бить флот противника в его собственных портах — стали близки японцам — умелым мореплавателям, легко воспринимающим чужой опыт. В акватории Тихого океана особо остро проявилось противостояние двух последователей Запада — России в Европе и Японии в Азии. К слову сказать, в былинные времена блистательного Петербурга считались неприличными публичные высказывания на тему Евразии и необыкновенной русской духовности. Даже лихие матросы-путчисты броненосца «Потемкин» в своих революционных воззваниях обращались не к турецкому султану, а к правительствам и народам цивилизованной Европы. Их прокламация теперь экспонируется в Морском музее в Петербурге.

К началу войны Россия успела построить военноморские базы в Порт-Артуре и Владивостоке, имя которого говорит о политическом значении, которое

ему придали основатели в 1860 г. Пролив, соединяющий Амурский и Уссурийский заливы, назвали Восточным Босфором, а гавань, в которую ведут проходы пролива,— Золотой Рог. То есть Владивостоку предназначалась роль второго Царьграда.

Глава 1. Тихоокеанский тигр

Около 7500 лет до н. э. на территории Японии существовала неолитическая культура каменного века. А в V в. до н. э. уже появилось развитое земледелие и животноводство, с широким применением бронзовых орудий. С I в. до н. э. применяются железные орудия, а в III столетии появляются племенные союзы, среди которых особо выделяется Ямато. Буддизм широко распространен в Японии с VI в.

В Европе впервые узнали о Японии от путешественника Марко Поло (1254—1324), а ему об этом сообщили во дворце Хубулай-хана. Но собственно открытие Японии сделали португальские мореплаватели в 1542 г., которые впоследствии завезли на острова некоторые образцы огнестрельного оружия, известное в Европе с конца XIII в.

Нужно отметить, что и в то время японцы очень быстро осваивали новые технологии, так что приблизительно через два поколения, при сигунах дома Токугава, в 1616 г. одна треть ополчения уже вооружалась ружьями. История Японии очень живописна, однако, не вдаваясь в подробности, следует сказать несколько слов об эпохе реформ 1868—1870 гг. До этого культура Японии, в том числе и система образования, строилась на основах цивилизации Китая, не выдержавшей вооруженного столкновения с «белыми дикарями». Поэтому японцам пришлось осваивать более успешную культуру Запада.

Реформа образования началась в соответствии с манифестом Микадо 1879 г. Начальное обучение должны

были проходить все дети 6—14 лет. Понятно, что многого не удалось сделать вовремя. Так, в 1885 г. только 49,6% детей посещали школы, в 1897 г. — 81,8%, и только с 1900 г. обучение стало бесплатным.

На строительство японской армии большое влияние оказала немецкая военная система. Прибывшего в 1884 г. профессора Берлинской военной академии Меккеля благодарные японцы возвели в степень первого учителя «большой войны».

Меккель участвовал в реорганизации японской армии, составлял для нее уставы и инструкции и считается основателем военной академии в Токио. Главнокомандующий японскими войсками в Русско-японской войне маршал Ойяма являлся поклонником немецкой военной доктрины; во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. он был военным агентом в прусской армии.

Нужно отметить, что в конце XIX в. народное образование Японии достигло уровня передовых стран Европы. Так, в 1895 г. 11% населения Японии посещали школы. Для Британии это число составляло — 15%, для Франции — 14,5% и для России — только 3%. То есть по начальному образованию Япония примерно в четыре раза превосходила Россию.

Глава 2. Вооруженные силы России

Вооруженные силы Российской империи к началу войны отставали в своем развитии от передовых армий Европы, что стало следствием экономической и политической отсталости страны.

Хотя русская промышленность во второй половине XIX в. бурно развивалась — мощность ее производственного аппарата возросла вдвое, а отраслей тяжелой индустрии в три раза, — все же Россия в начале XX в. по выплавке чугуна значительно отставала от США, Англии и Германии, занимая после

них четвертое место (обогнав Францию); угля она добывала в 20 раз меньше США, почти в 14 раз меньше Англии, в 6 раз меньше Германии и в 2 раза меньше Франции.

Царизм недооценил силы Японии, не ожидал развязки войны в 1904 г. и не принял достаточных мер для использования своих экономических и военных возможностей, которые во много раз превосходили возможности Японии. Дальний Восток к началу войны не имел промышленности для обеспечения хотя бы важнейших нужд армии. Переброска войск, оружия, продовольствия на театр войны и на самом театре затруднялась плохой сетью путей сообщения, одноколейностью и низкой провозоспособностью Великого сибирского пути (3 поезда в сутки и только 6 поездов через 3 месяца после начала войны).

Господствовавшие в вооруженных силах предвоенные взгляды на характер ведения войны и боевых действий не отвечали современным требованиям.

В 1904 г. русских войск на Дальнем Востоке числилось около 100 000 человек, в том числе в регулярных войсках: офицеров — 2985 и нижних чинов — 89 470, в казачьих войсках: офицеров — 264 и нижних чинов — 5116. Войска Приамурского округа были сведены в 1-й и 2-й Сибирские корпуса.

Корабли флота

Что касается военно-морских сил, то к началу войны основными классами судов флота являлись: эскадренные броненосцы, бронированные и легкие крейсера и миноносцы.

Основные классы кораблей конца XIX в. имели следующие показатели: броненосцы — водоизмещение до 14 550 т (русские) и до 15 200 т (японские), скорость хода — до 18 узлов; броненосные крейсера — водоизмещение от 7700 до 13 800 т, скорость хода — 18—21 узел; легкие крейсера — водоизмеще-

ние 2400—6700 т, скорость хода — 19—25 узлов. Чертежи и характеристики кораблей приведены в Приложении 1.

Глава 3. Война и Первая русская революция

Трагические итоги Крымской войны 1854—1856 гг. показали отставание России от великих держав, где бурно шла технологическая перестройка, связанная с производством паровых машин, нарезной артиллерии, броненосных кораблей и минного оружия. Это поставило все страны в одинаковые условия, когда их конкурентоспособность напрямую стала зависеть от способности осваивать новые технологии. Одновременно прошло так называемое открытие Японии великими державами. Тогда правящая элита Петербурга считала себя частью Европы и спесиво относилась к Японии, маленькая, победоносная война с которой могла объединить подданных и списать все предыдущие просчеты руководства. Вот такой вот предполагался «блицкриг». Однако Русско-японская война 1904—1905 гг. показала, что за прошедшие 50 лет именно Япония стала мощным государством европейского типа, способным эффективно осваивать современные технологии.

Нужно отметить, что многочисленные длительные и тяжелые переходы русских кораблей и эскадр из Петербурга в Японское море, совершенные во второй половине XIX — начале XX в., при полном отсутствии по пути военно-морских баз России, показали высокий профессионализм матросов, кочегаров, машинистов, механиков и штурманов Балтийского флота. Так что причины упадка и загнивания Императорского флота России, видимо, следует искать в вышших эшелонах государственной власти.

По поводу Русско-японской войны 1904—1905 гг. вышло довольно много книг, а еще больше научных

и популярных статей. Однако эта тема до сих пор популярна, особенно среди моряков и историков Петербурга. И это, видимо, следует связывать с трепетным отношением общества к флоту и позором унижения после Цусимы. Попытки понять причины поражения продолжаются и до сих пор. Сравнительные исследования количественных и качественных показателей военно-морской техники России и Японии, проведенные в последние годы, показали их незначительные отличия. Однако эти имеющиеся корабли, вооружение и технику в империи использовали крайне неэффективно. Поэтому причины поражения, видимо, следует искать в прогнившем, неповоротливом, неэффективном и преступно безответственном государственном аппарате России. Сравнительно мало исследователи задаются вопросом о профессиональной и боевой подготовке вооруженных сил России, а также о глубоком моральном и духовном кризисе, поразившем русское общество.

Нужно отметить, что к началу XX в. Япония эффективно владела как европейской техникой, так и современными политическими технологиями, поэтому в эту войну Страна восходящего солнца использовала на севере Маньчжурии китайские отряды, перерезавшие русские коммуникации. Диверсионные отряды китайцев приносили много ущерба. В то же время высокопоставленные чиновники Маньчжурии получили указания сотрудничать с японцами, которые ценили это и жестоко наказывали тех военных, кто вел себя оскорбительно для китайцев, поставлявших японской армии домашний скот, тягловую силу, зимнюю одежду, овощи и фрукты.

Теперь у русских возникли большие проблемы в тылу, так как хунхузы грабили обозы и прерывали коммуникации. Даже казаки не рисковали покидать свои лагеря, и зима 1904/05 г. стала временем тяжелых испытаний. Судя по докладам Куропаткина, этот известный генерал слабо ориентировался в

обстановке, так как японских войск за его спиной не было, но действовали грамотно организованные диверсионные отряды китайских националистов под командованием японцев.

Надежда русских — Транссибирская магистраль — работала с перебоями. Жестоким испытанием стало столкновение поездов в декабре 1904 г. под Тайшетом. Эта авария остановила движение по «линии жизни». Так, к 15 декабря более 1000 вагонов с войсками остановились в чистом поле и в сибирской тайге к востоку от Тайшета и 4800 вагонов к западу от него. Через 4 дня число вагонов с запада выросло до 5200. Перевозка войск прекратилась на 10 дней, а общий порядок движения восстановился только через 23 дня. Следует отметить, что для снабжения действующей армии России требовалось не менее 900 паровозов, а работало только 300. Не хватало также топлива, большие сложности возникли с рабочей силой. Серьезного улучшения обстановки на Транссибе удалось достичь только в июне 1905 г.

Япония нанесла серьезный удар в ходе русской междоусобицы, когда талантливый разведчик, полковник Акаси большое значение придал националистам Финляндии и Польши. В конце июля 1904 г. финн Конни Зиллиакус собрал в Швейцарии польских и русских революционеров. Несмотря на постоянные интриги, раздоры и ссоры между собой, в одном эти славянские братья оказались едины, так как единодушно признавали необходимость перемен в России. Для разведки Японии это оказалось большой находкой. И пока действующая армия и флот прогнившей империи несли боевые потери, оппозиция расшатывала весь государственный механизм в ходе войны.

В это время среди политической элиты возвысилась фигура легендарного В. И. Ленина, которая впоследствии станет просто грандиозной в кровавой истории России. Однако тогда о Ленине мало кто знал даже среди чинов царской охранки. Поэтому через

посредничество известной революционерки Веры Засулич (чей брат воевал на Дальнем Востоке) Акаси организовал встречу прежде всего с малоизвестным теперь Г. В. Плехановым, а уже потом с Лениным, который произвел на главу японской разведки в Европе большое впечатление. Акаси писал в Токио: «У меня о нем сложилось мнение как об искреннем человеке, лишенном эгоизма. Он пойдет на все ради своей доктрины. Ленин — это личность, способная вызвать революцию».

Революционеры из 13 организаций России собрались в Париже 1 октября 1904 г. под председательством Зиллиакуса. Наиболее видными лицами этой конференции стали П. Н. Милюков (будущий лидер кадетов и министр иностранных дел Временного правительства); князь Павел Долгорукий (Рюрикович, помогавший крушить созданную некогда легендарным Рюриком огромную державу); Н. А. Чайковский, возглавлявший в Лондоне Общество друзей русской свободы; граф Гейден из Императорского Свободного экономического общества. Акаси пришел в изумлении от того, что все эти русские либералы не менее своих коллег на социал-демократическом и социал-революционном флангах ради так желаемых перемен готовились нанести удар по Российской империи именно в тяжелый для нее момент. И, за малым исключением, все они выступали против самодержавной монархии, для ликвидации которой могли пойти на многое.

Царское охранное отделение от одного из делегатов (Евно Азеф оказался агентом) знало об этом. Видя явное усиление сил, готовых нанести империи удар в спину, Акаси и его финский друг решили переехать в Лондон, оказавшийся наиболее безопасным местом проведения скрытых операций против России. В подвале книжного магазина Акаси и Зиллиакус устроили внушительный склад оружия и взрывчатых материалов (16 000 ружей, 3000 бомб,

300 пистолетов, 3 млн патронов). Этот арсенал ждал удобного случая для отправки в Россию. Япония стимулировала все виды внутреннего разлада империи, она видела в этом легитимное средство ведения военных действий.

Для снабжения революционеров России полковник Акаси купил два парохода: «Сесиль» и «Сиен», — экипажи которых укомплектовали революционеры Прибалтики.

Япония вложила деньги и в идейную подготовку русских оппозиционеров. Так, Акаси оплатил большую часть расходов выхода в свет первого номера газеты Ленина «Вперед» (были и другие спонсоры, в том числе Максим Горький). Ленин писал в этом номере: «Военное поражение неизбежно, а с ним неизбежно придет и десятикратное увеличение беспорядков, недовольства и восстание. К этому моменту мы должны готовиться со всей энергией».

В ответ на этот пламенный призыв выступили рабочие Путиловского завода в Петербурге, производившего пушки, железнодорожные вагоны и многое другое, необходимое для армии. Стачка началась после сообщений об унижительной сдаче Порт-Артура 1 января 1905 г. К путиловцам вскоре примкнули судостроительные верфи и Обуховские пушечные заводы. А когда царь традиционно благословлял воду на Неве, после чего Петропавловская крепость салютовала холостыми пушечными выстрелами, по непонятной причине один из снарядов оказался боевым. Порция шrapнели пролетела над участниками церемонии и выбила стекла окон Николаевского зала Зимнего дворца. На следующий день Петербург погрузился во мрак. Электричество кончилось, и столица проснулась, как в осаде.

Затем имперский Санкт-Петербург стал свидетелем охватившего его никогда ранее не виданного общественного движения. К 2 часам дня в воскресенье (9 января по старому стилю) 200 000 рабочих во гла-

ве с попом Гапоном вышли к Дворцовой площади. Раздались выстрелы, и снег обагрился кровью.

Председатель Совета министров С. Ю. Витте кричал вне себя: «Стрелять в безоружных людей, идущих к своему царю с его портретами и с иконами, — отвратительная вещь. Князь Святополк-Мирский должен подать прошение об отставке». Россия начала терять внешний финансовый кредит, а стабильность ее политической системы оказалась под вопросом. Банки Европы, после русских поражений и «Кровавого воскресенья», стали отказывать гигантской империи в кредите.

Поп Гапон после расстрела безоружных рабочих на Дворцовой площади бежал под защиту Акаси, который увидел в этом священнике «подарок небес». Революция нуждалась в жертвах и героях. Акаси решил просить батюшку организовать новую встречу революционных партий и организаций. Революционеры призывали к всеобщему восстанию летом 1905 г. При этом Польша и Финляндия готовились провозгласить свою независимость, а затем войти в федеративный союз с Россией — когда в ней революционные партии свергнут существующий политический режим. Обсуждались даже планы убийства царской семьи.

После окончания созванной Гапоном в Женеве конференции японский разведчик отбыл в Лондон. Здесь он организовал отправку в Россию всего необходимого оборудования, амуниции и снаряжения — бомб, пистолетов и пр. Все это готовилось для предстоящего восстания.

Япония имела сильное влияние как среди граждан Европы, так и у русских подданных. Из Японии в это время возвратился Юзеф Пилсудский и начал вплотную заниматься отправкой оружия в Польшу. Из России в Лондон прибывали революционеры, для которых терроризм оказался очень знаком, а техническая помощь Японии делала этих бойцов еще более опасными. В Варшаве началась забастовка, длившаяся

неделю, и эти события очень обнадеживали разведку Японии.

Чтобы читатель имел представление о мощи разрушительных сил, таившихся внутри Российской империи, следует немного сказать о выдающемся славянском деятеле тех лет — Юзефе Пилсудском (1867—1935), в 1892 г. возглавившем националистическое крыло Партии польских социалистов. По его инициативе состоялись тайные контакты революционеров с дипломатами Японии, изумленно слушавшими предложения о польско-японском сотрудничестве. Пилсудского пригласили в Токио для продолжения переговоров. В июле 1904 г. он предложил Японии финансировать партию польских социалистов и снабжать ее оружием. Пилсудский обещал мешать проведению мобилизации в Царстве Польском, осуществлять разведку и саботаж и, при благоприятных условиях, поднять восстание вместе с другими угнетенными народами России.

Однако японцы не поверили в реальность этих заманчивых прожектов. В этом их убедил руководитель национальных демократов Роман Дмовски, сказавший, что локальные выступления принесут вред как Польше, так и Японии, поскольку Россия в море крови утопит любой бунт, а затем перебросит свои освободившиеся силы на Дальний Восток. Поэтому лучше не начинать рискованной игры.

И Пилсудский вернулся из Токио с пустыми руками, не считая обещания финансовой помощи, которое, впрочем, Япония потом лояльно выполняла. Русско-японская война не принесла ожидаемых в Петербурге успехов. Следующие одно за другим поражения обнажали все изъяны абсолютистского режима. Множилось недовольство, и в России надвигалась угроза революции.

С учетом этой оптимистической перспективы революционеры Польши хотели поднять национальное восстание, предполагая заключить соглашение с

сепаратистскими движениями угнетенных народов Российской империи.

В феврале 1905 г. в Хельсинки революционеры убили наместника Финляндии. А через неделю с небольшим при выезде из Кремля бомба разорвала на части дядю царя, великого князя Сергея Александровича. Царь принял отставку министра внутренних дел Святополк-Мирского, затем он принял у себя представителей бастующих заводов, группу в 34 человека. Начался благодушный, патриархальный разговор. «Добрый день, дети мои». — «Мы желаем вам, ваше величество, доброго здоровья». И, после того как помазанник Божий указал представителям своих неразумных подданных на «неизбежные последствия» беспорядков в стране, случившихся «потому, что вы позволили увести себя в сторону и быть обманутыми врагами отечества», все дружно уселись пить чай с бутербродами.

Проверив эффективность подрывной деятельности русских революционеров, генеральный штаб Японии перевел полковнику Акаси грандиозную по тем временам сумму в 1 млн иен. Из этих средств доблестный разведчик израсходовал 750 000 иен — это означает, что в один день он тратил примерно 30 млн современных американских долларов. Немалые деньги, при том достаточно низком уровне жизни.

В это время полковник Акаси занимался югом России. Здесь одним из его наиболее близких сотрудников и порученцев стал грузин Деканоэзи, получивший после встречи с отцом Гапоном очень большую сумму в 40 000 иен для организации мятежа на кораблях Черноморского флота. В Японии ожидали бунта всего флота, но и случившегося оказалось немало. Эскадренный броненосец «Князь Потемкин Таврический», самый мощный артиллерийский корабль русского флота, 12 июня 1905 г. поднял красное знамя восстания на Одесском рейде и парализовал практически весь Черноморский флот. Здесь на

юге России оказались необыкновенно сильны ячейки социал-революционеров, и их гражданский представитель часто бывал на броненосце.

Воодушевленный этими событиями, Акаси добавил к «Сесилю» и «Сиену» третье судно — «Джон Графтон». В конце июля «Джон Графтон» встретился в Ла-Манше с другим судном, которое передало ему груз бомб, стрелкового оружия и боеприпасов, закупленных в Лондоне. С полным грузом «Джон Графтон» направился в Балтийское море, где Польша представляла собой большую пороховую бочку. И 1 мая поляки отметили сплошным бомбометанием, затем 19 июня 1905 г. восстала Варшава. Это грандиозное событие настолько поразило и вдохновило всю Россию, что долго потом еще русские люди с энтузиазмом распевали знаменитую «Варшавянку».

К августу «Джон Графтон» снабдил оружием повстанцев Литвы и передал груз для Москвы. После этого судно бросило якорь у небольшого острова недалеко от Выборга, ожидая прихода «Сесилия», в трюмах этого парохода лежал надежно укрытый груз оружия для подпольщиков Петербурга, которые, как знал Акаси, уже ждали дня гражданской мести. Кроме того, стоявший к этому времени в Финляндии «Графтон» загрузил в свои трюмы еще 8500 ружей, предназначенных для повстанцев Петербурга.

Затем начались восстания в Прибалтике, заставившие отказаться от отправки 20-го армейского корпуса на Дальний Восток. Но не успели воинские эшелоны выгрузиться, как над дворцом генерал-губернатора в Гельсингфорсе националисты подняли финское знамя. Кроме того, в Черное море пришло судно «Сириус» с 8000 винтовок для джигитов Кавказа.

Интересы Японии и широкой общественности России так гармонично совпадали, что за все время работы полковник Акаси потерял только трех офицеров. Один покончил с собой в тюрьме во время

следствия, второго выслали на поселение в Сибирь, а о судьбе третьего ничего не известно. Когда Акаси 18 ноября 1905 г. отплыл домой, в Японию, он видел результаты своих деяний — русский бунт. Кровь лилась в Москве, провинциях Прибалтики, Польше, на Кавказе. Своим агентам и сотрудникам в России Акаси пророчески писал из Токио: «Следует надеяться на будущее. Невозможно сместить правительство одним ударом, но мы вторгаемся в его укрепления шаг за шагом. Правительство царя падет».

Несмотря на блестящие победы императорских вооруженных сил, война с Россией истощила экономику и финансы Японии. Недовольство войной все более охватывало широкие круги Страны восходящего солнца. Постепенно угасал боевой дух японских войск в Маньчжурии, несмотря на одержанные там победы и продвижение на север.

И Россию к этому времени вымотала революция, поэтому империи начали переговоры о мире. Возглавлял полномочную делегацию России председатель Совета министров С. Ю. Витте, а делегацию Японии — министр иностранных дел Ютаро Комара. Мирные переговоры начались в американском городе Портсмуте.

С. Ю. Витте заявил корреспондентам, что Россия не побеждена в войне, что из земель Российской империи Япония заняла только остров Сахалин. Русские никогда никому военных контрибуций не платили, и разговор может идти только о передаче аренды Квантунского полуострова. Это заявление опиралось на более чем 500 000 русскую армию с 2000 орудий, стоявшую в полной боевой готовности на Сыпингайских позициях.

Дипломатический торг продолжался две недели. Посредничество американцев в мирных переговорах оказалось вовсе не бескорыстным. США как великую державу, не скрывавшую симпатий к Японии, теперь беспокоили ее военные успехи, особенно на

море. В расчеты Вашингтона совсем не входило чрезмерное усиление Страны восходящего солнца — в Белом доме смотрели далеко вперед. Так же думали политики Великобритании.

Портсмутский мирный договор подписали 23 августа (5 сентября) 1905 г. По нему Россия признала за Японией преобладающие интересы в Корее, уступала ей права на аренду Квантунского полуострова с Порт-Артуром и городом Дальним, передала Японии без оплаты южную ветку КВЖД со всем имуществом и южную часть острова Сахалин.

Япония вовремя сумела закончить войну, которая сопровождалась большими жертвами с обеих сторон. Россия потеряла в общей сложности около 270 000 человек, в том числе свыше 50 000 убитыми. Потери Японии исчислялись в 270 000 человек, включая 86 000 убитыми.

После прочтения этой главы у читателя может создаться представление о том, что причины поражения России в войне 1904—1905 гг. сводятся лишь к успешности действий китайских разбойников и японской разведки. Конечно же это не так, российская революция проходила не под диктовку Токио, а развивалась по своим внутренним законам, и эта война показала не столько силу Японии, сколько слабость России, в частности — неэффективную работу её спецслужб.

Так как полицию не готовили к борьбе с массовыми беспорядками, то в 1905 г. возросло значение военных, охранявших заводы, фабрики, учреждения и улицы городов. Однако в памяти народной остались не гусары и драгуны, а казаки, которых презрительно называли нагаечниками. Даже летом 1906 г. напряжение в обществе оставалось. Люди перед казаками разбегались, но со свистом, руганью и камнями заполняли улицу вновь. А в ответ на угрозу расстрела перед жандармами вставали женщины и дети.

Глава 4. Порт-Артур

В ночь на 27 января (9 февраля) 1904 г. японские миноносцы атаковали русские корабли, стоявшие на рейде Порт-Артура. Эскадренные броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан», крейсер «Паллада» получили тяжелые повреждения. Около 12 часов того же дня в корейском порту Чемульпо японская эскадра напала на крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец». После неравного боя русские моряки затопили свой крейсер и взорвали канонерскую лодку.

С началом войны японский флот блокировал в Порт-Артуре 1-ю Тихоокеанскую эскадру. Лишь броненосцу «Цесаревич», трем крейсерам и несколькими миноносцам удалось прорвать кольцо вражеской блокады.

Для усиления 1-й Тихоокеанской эскадры из Либавы на Дальний Восток в октябре 1904 г. вышла 2-я Тихоокеанская эскадра вице-адмирала З. П. Рожественского. У Гибралтара основная часть кораблей, в том числе новейшие броненосцы «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино», «Орел» и «Ослябя», — под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского направилась вокруг Африки. А броненосцы «Наварин» и «Сисой Великий», имевшие меньшую осадку, во главе с контр-адмиралом Д. Г. Фелькерзамом пошли через Суэцкий канал.

Первоначально русским морякам ставилась задача деблокировать Порт-Артурскую эскадру, затем объединенными силами установить господство на море и отрезать японскую армию на материке от островов метрополии. В конце декабря 1904 г. эскадра З. П. Рожественского прибыла к острову Мадагаскар и соединилась с отрядом Д. Г. Фелькерзама.

Но 20 декабря 1904 г. после 8 месяцев осады Порт-Артур пал, а на внутреннем рейде крепости затонула эскадра, на соединение с которой шел

З. П. Рожественский. Дальнейшее движение на Восток стало авантюрой, но царские стратеги решили усилить эскадру З. П. Рожественского старыми кораблями: броненосцем «Император Николай I» (1891), броненосным крейсером «Адмирал Нахимов» (1887), а также тремя броненосцами береговой обороны (1896—1899), доведя число броненосных кораблей до 12, как у японцев.

Для этого в феврале 1905 г. из Либавы вышел Отдельный отряд судов контр-адмирала Н. И. Небогатова. После тяжелого изнурительного похода обе эскадры соединились у побережья французского Индокитая и в середине мая 1905 г. под общим командованием З. П. Рожественского подошли к Корейскому проливу.

Главные силы японского флота, ожидавшие русскую эскадру, состояли из трех броненосцев типа «Микаса», броненосца типа «Фудзи», шести броненосных крейсеров типа «Асама», а также двух крейсеров новейшей постройки «Касуга» и «Ниссин».

Глава 5. Цусима

Самый удачливый из японских разведчиков, вспомогательный крейсер «Синано-мару», ночью 14 мая обнаружил в темноте три ярких огня одного из госпитальных судов русской эскадры. Сблизившись, японец вскоре различил более 10 крупных кораблей и многочисленные дымы. Командир крейсера, капитан 1-го ранга Нарукава, продолжая наблюдение на почтительном расстоянии, в 4 часа 25 минут дал радиограмму: «Противник в квадрате 203». Донесение, полученное на борту флагманского броненосца «Микаса» адмиралом Х. Того, поразило его редким совпадением: Высокую гору в Порт-Артуре, взятие которой решило судьбу русской 1-й Тихоокеанской эскадры, японцы называли «высота 203».

Стало ясно, что русские шли в Корейский пролив, и в 6 часов 15 минут 3 японских боевых отряда и 5 отрядов истребителей вышли в море из района Мозампо. В составе 1-го боевого отряда в кильватере «Микасы» шли броненосцы «Сикисима», «Фудзи», «Асахи», броненосные крейсера «Касуга» и «Ниссин» (флаг вице-адмирала С. Мицу). 2-й боевой отряд вел вице-адмирал Х. Камимура на броненосном крейсере «Идзумо», за которым следовали «Адзума», «Токива», «Якумо», «Асама» и «Ивате».

В состав 4-го боевого отряда контр-адмирала С. Уриу входили бронепалубные крейсера «Нанива», «Такатихо», «Акаси» и «Цусима», 5 отрядов истребителей объединяли 21 корабль, из которых четыре — с плавучими минами на борту. Малые миноносцы с трудом держались на волнении, зарываясь в воду, как подводные лодки, и Х. Того отослал их до наступления ночи в залив Миура на островах Цусима. Сам он, обходя Цусиму с севера, направился к острову Окиносима, где рассчитывал встретить русскую эскадру. Далеко впереди главных сил на сближение с ней уже шли отдельные крейсера-разведчики, 3-й боевой отряд вице-адмирала С. Дева и 5-й боевой отряд вице-адмирала С. Катаока.

К 6 часам утра русская эскадра увеличила ход с 6 до 9 узлов. Левую колонну больших кораблей вел «Император Николай I», за которым в кильватер держались «Генерал-адмирал Апраксин», «Адмирал Сенявин», «Адмирал Ушаков», крейсера «Олег» под флагом контр-адмирала О. А. Энквиста, «Аврора», «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах». Контр-адмирал Н. И. Небогатов на мостике «Императора Николая I» давно понял, что командующий избрал кратчайший путь прорыва во Владивосток — через восточную часть Корейского пролива, которую русские называли проливом Крузенштерна, а японцы — Цусимским.

После восхода солнца погода прояснялась, но горизонт оставался во мгле, видимость не превышала

6—7 миль. Волнение от свежееющего юго-западного ветра сильно раскачивало эсминцы и мало отражалось на больших кораблях. Однако брызги воды попадали на стекла оптических прицелов, а качка снижала точность наводки орудий низкобортных броненосцев береговой обороны.

В седьмом часу из мглы неожиданно вынырнул старый японский бронепалубный крейсер «Идзуми» и пошел параллельным курсом в 60 кбт правее русских кораблей. До острова Цусима оставалось 40 миль.

Потеря оперативной внезапности сделала бой неизбежным. На первый план выступала тактика, которая требовала развертывания эскадры в боевой порядок с выдвижением вперед быстроходных разведчиков для обнаружения броненосных сил противника и вскрытия особенностей их построения. Однако русские не попытались отогнать японских разведчиков своими крейсерами, а также поставить помехи их радиопереговорам, то есть затруднить адмиралу Х. Того получение информации о боевом порядке эскадры.

Действия Рожественского в роковое утро 14 мая стали лишь закономерным следствием его пренебрежения тактическим замыслом сражения и пассивности, свойственной большинству флагманов и старших офицеров русского флота.

В 9 часов 45 минут к эскадре подошел 5-й боевой отряд вице-адмирала С. Катаоки (броненосец «Тин-Эн», крейсера «Ицукусима», «Хасидате», «Мацусима» и из 6-го отряда — «Акикусима»), который лег на параллельный курс в дистанции 65—70 кбт. Японские корабли медленно обгоняли русские.

Наконец у З. П. Рожественского созрел план о перестроении в боевой порядок. По сигналу с «Суворова» 1-й и 2-й броненосные отряды увеличили ход до 11 узлов и повернули «все вдруг» на 2 румба влево с целью обогнать и принять в кильватер отряд Н. И. Небогатова. Маневр шел крайне медленно и занял более часа.

За это время с левого борта приблизился 3-й японский боевой отряд вице-адмирала С. Дева в составе крейсеров «Касаги», «Титосе», «Отова» и «Ниитака». Ранее С. Дева проскочил на юг и теперь догонял русскую эскадру. Сходящимися курсами противники вскоре сблизились до 40 кбт.

Тревогу пробили по команде с флагманского броненосца. На русских кораблях все ждали сигнала «открыть огонь». Нарастающая напряженность разрядилась без приказа: из левой средней 152мм башни броненосца «Орел» комендор произвел случайный выстрел, принятый другими кораблями за долгожданный сигнал к открытию огня. Вслед за «Орлом» огонь по японцам открыли «Ослябя», все три броненосца береговой обороны, «Дмитрий Донской» и даже «Князь Суворов».

Японский отряд, отвернув влево «все вдруг», поспешил увеличить дистанцию и почти скрылся в тумане. Его не преследовали, сигналом «не бросать снарядов» З. П. Рожественский остановил стрельбу.

Перестрелка и отступление японцев вызвали подъем боевого духа. Мало кто воспользовался положенным отдыхом: все ждали продолжения боя. И оно не замедлило последовать.

В 12 часов 00 минут в середине восточной части Корейского пролива «Князь Суворов», а за ним и вся эскадра повернули на курс норд-ост 23° — во Владивосток. Строй главных сил к этому времени представлял собой длинную — более 4 миль — кильватерную колонну из 14 кораблей трех броненосных отрядов, «Олега» и «Авроры».

В 13 часов 15 минут «Сисой Великий» обнаружил главные силы противника, пересекавшие курс эскадры справа налево на расстоянии около 60 кбт. Вскоре броненосцы Х. Того и крейсера Х. Камимур, плохо заметные во мгле благодаря серо-оливковой окраске, увидели и с мостика «Князя Суворова». На фоне хмурого неба четко просматривались только

огромные красно-белые стеньговые флаги японцев с изображением восходящего солнца.

Итак, 12 броненосным кораблям японцев противостояли 12 русских броненосцев в одной кильватерной колонне. «Адмирал Ушаков» замыкал боевой порядок главных сил.

К 13 часам 40 минутам 1-й и 2-й боевые отряды японцев пересекли курс русских, их головной корабль «Микаса» находился на 4 румба впереди левого траверза «Князя Суворова». В 13 часов 45 минут с дистанции всего 40 кбт от «Князя Суворова» «Микаса» начал поворот влево на курс норд-ост 67°. Следуя своему адмиралу, за ним практически в одной точке поворачивали остальные броненосцы и крейсера 1-го боевого отряда. Они на время даже заслонили от русских крейсера Х. Камимуры, шедшие позади и несколько правее своих броненосцев. «Асама» и «Ивате» могли открыть огонь не ранее чем через 15 минут после поворота «Микаса».

В такой обстановке русским было выгодно атаковать противника, используя высокую скорость для быстрого сближения со сдвоенной японской колонной на дистанцию эффективного применения бронебойных снарядов. Но З. П. Рожественский, упорно придерживаясь пассивного образа действий, лишь приказал открыть огонь по японскому флагманскому кораблю. В 13 часов 49 минут, когда «Микаса» или «Сикисима» уже лежали на новом курсе, «Князь Суворов» начал пристрелку из левой носовой 152мм башни.

Флотоводческого таланта Рожественского хватило только на то, чтобы в начале сражения поднять флажный сигнал «I», что означало «стрелять по головному кораблю противника». Больше никаких сигналов по эскадре адмирал не передавал. Затем инициатива полностью перешла к Того.

Броненосцы береговой обороны открыли огонь сразу вслед за «Суворовым», грохот тяжелых орудий нарушил тревожную тишину. «Адмирал Ушаков»

стрелял по «Ниссину» и «Касуге», отличавшимся от других японских кораблей далеко разнесенными дымовыми трубами с мачтой посередине.

За 20 минут боя «Сикисима» вместе с броненосными крейсерами нанес гибельные повреждения «Ослябе». «Микаса», «Фудзи» и «Асахи» к этому времени подожгли «Князя Суворова» и обстреляли «Императора Александра III».

Около 14 часов 25 минут горящие «Ослябя» и «Князь Суворов» вышли из строя вправо и больше в него не вернулись. С выходом из строя флагманских кораблей эскадра фактически лишилась управления, потому что З. П. Рожественский приучил всех флагманов и командиров ждать только его указаний.

Около 14 часов 50 минут «Ослябя» погиб, перевернувшись на траверзе 3-го броненосного отряда, в 5—6 кбт от «Адмирала Ушакова». По корпусу 13 000-тонного исполина, как муравьи, ползли люди.

В 15 часов 40 минут слева из мглы показались два броненосных отряда Японии, и бой снова закипел по всей линии. «Сисой Великий», пораженный 203мм снарядом, с пожаром патронов в батарее вышел из строя. «Император Николай I», занявший его место, вскоре тоже получил два попадания. Но главными целями японцев стали три головных броненосца — «Бородино», «Орел» и «Император Александр III». Х. Того и Х. Камимура снова быстро выходили вперед, охватывая голову русской колонны и уменьшая дистанцию с 35 до 20 кбт.

Между колоннами главных сил оказался подбитый «Князь Суворов», получивший новые тяжелые повреждения. В этой фазе боя на японском броненосце «Сикисима» преждевременный взрыв собственного снаряда разрушил правое носовое 305мм орудие. «Микаса» и «Ниссин» получили по одному попаданию крупными снарядами, осколок разрыва последнего о носовую башню ранил в боевой рубке вице-адмирала С. Мицу. Трое других японских флагманов —

Х. Того, Х. Камимура и Х. Симамура — все сражение провели на прикрытых матросскими койками верхних мостиках и остались невредимыми. По странному стечению обстоятельств З. П. Рождественский тоже получил тяжелое ранение именно в боевой рубке, в то время как Н. И. Небогатов избежал осколков на мостике «Императора Николая I».

Японцы стреляли более метко. Русские артиллеристы с трудом различали всплески падений своих снарядов и зачастую стреляли «на глаз» или по дальномеру, японские накрывали цели залпами, с хорошо заметными столбами разрывов. Переходя на поражение, они увеличивали темп стрельбы, добиваясь нескольких попаданий подряд.

Желая поддержать своих, «Бородино» вошел в промежуток между сражавшимися крейсерскими отрядами. Н. И. Небогатов последовал за ним, и 3-й отряд, открыв огонь по японским бронепалубным крейсерам, оказался в самом центре сражения. Обстановка усугубилась подходом с севера 5 броненосных крейсеров Х. Камимуры, вставшего на защиту бросившихся наутек после первых же попаданий своих «младших братьев».

Броненосцы 3-го отряда обстреляли крейсера вице-адмирала С. Дева и контр-адмирала С. Уриу. В 16 часов 41 минуту флагманский корабль последнего «Нанива» (3600 т) вышел из строя, получив пробоину у ватерлинии. Через 8 минут снаряд калибром не менее 254мм пробил на глубине 3,6 м угольную яму «Касаги» (5000 т) и вызвал затопление котельного отделения. С. Деву пришлось оставить поле сражения и с помощью «Титосе» отконвоировать поврежденный крейсер к берегам Японии. «Касаги» стал единственным японским кораблем, вышедшим из строя до конца Цусимского сражения.

Огонь крейсеров Х. Камимуры по скоплению русских кораблей и транспортов тоже оказался довольно эффективным. «Адмирал Ушаков», обходя вы-

шедшего из строя «Императора Александра III», получил попадание 203мм снарядом в правый борт у 15-го шпангоута близ ватерлинии. Позднее третий снаряд сделал вмятину в броне кормовой башни. Осколки этих и других снарядов изрешетили шлюпки и дымовые трубы.

Около 17 часов русская эскадра, следуя за «Бородино», постепенно склонившись вправо, вновь повернула почти на норд — к Владивостоку. Через полчаса Х. Камимура, лишенный поддержки броненосцев Х. Того, счел благоразумным прекратить погоню и, выйдя из боя, затерялся в тумане. Навсегда оставив позади подбитого «Князя Суворова», к 17 часам 40 минутам эскадра выстроилась на северном курсе в боевой порядок из нескольких кильватерных колонн.

Главным шел «Бородино», в кильватер которому держался только «Орел». Значительно левее и отстав от них, шел «Император Александр III», имевший крен и управлявшийся с трудом. За «Императором Александром III» шел 3-й броненосный отряд Н. И. Небогатова. Адмирал к этому времени сам командовал «Императором Николаем I». Разрывом попавшего в ствол левого 305мм орудия 203мм японского снаряда ранило командира корабля В. В. Смирнова, не вернувшегося в рубку после перевязки.

Левее и позади колонны 3-го броненосного отряда друг за другом следовали «Наварин», «Сисой Великий», справившийся с пожаром в батарее, и «Адмирал Нахимов». Крейсера «Олег», «Аврора», «Дмитрии Донской», «Владимир Мономах», «Светлана», «Алмаз» и «Жемчуг» образовали подобие строя кильватера на левом траверзе броненосцев, там же в беспорядке держались «Изумруд», эсминцы и часть транспортов.

В таком боевом порядке эскадра и вступила в бой: в 17 часов 42 минуты по правому борту из мглы вынырнули броненосцы Х. Того, которые с дистанции около 35 кбт открыли огонь по «Бородино». Заходящее солнце некоторое время слепило японских комендоров,

мешая им пристреляться. Но вскоре стрельба противника стала вновь точной: «Бородино», а временами и «Орел» скрывались за стеной разрывов начиненных шимозой японских снарядов. С 18 часов 30 минут к броненосцам Х. Того присоединились и крейсера Х. Камимуры, обстрелявшие концевые русские корабли медленным огнем с дистанций 40—50 кбт.

Около 18 часов эскадру догнал эсминец «Буйный», командир которого капитан 2-го ранга Н. Н. Коломейцов под огнем противника подошел к «Князю Суворову» и снял с него раненого командующего эскадрой вместе с частью штаба и несколькими матросами. Выполняя волю З. П. Рожественского, к «Императору Николаю I» направили эсминец «Безупречный» для сообщения о передаче командования Н. И. Небогатову с приказом следовать во Владивосток.

В это время «Император Александр III», заливаемый водой через большие пробоины в носовой части, с креном вышел из строя. Пытаясь вступить в кильватер «Адмиралу Сенявину», он вскоре попал под огонь крейсеров Х. Камимуры, оказавшийся для него гибельным. Некоторое время корабль с сильным пожаром на рострах еще держался на курсе позади и правее «Адмирала Ушакова». На мостике и на подбойном борту виднелись люди, сигнальщик семафорил: «Терплю бедствие», — но уцелевшие орудия продолжали стрельбу.

«Адмирал Ушаков» в 16 часов, обгоняя поврежденный «Наварин», прикрыл его бортом и поддержал огнем, обстреляв японские крейсера. В это время (около 18 часов 40 минут) «Император Александр III» с нарастающим креном стал склоняться влево — прямо в борт «Адмирала Ушакова». Увеличив ход, В. Н. Миклуха уклонился и пропустил его за кормой. Через несколько секунд 14 000-тонный «Император Александр III» перевернулся вверх килем. Некоторое время его днище, ставшее последним прибежищем многих уцелевших моряков, еще виднелось на по-

верхности в 4—6 кбт от броненосцев 3-го отряда. В 18 часов 50 минут и оно скрылось под водой. Крейсер «Изумруд», пытавшийся оказать помощь оставшимся в воде людям, был отогнан огнем японских броненосных крейсеров. Все 865 человек, находившиеся на борту «Императора Александра III», разделили судьбу своего корабля.

Через 20 минут от взрыва кормовых погребов боезапаса перевернулся и погиб «Бородино». Гибель этого героического броненосца, памятника самому кровопролитному сражению XX века, завершила и самое тяжелое поражение в истории российского флота. Уверенный в победе адмирал Х. Того уступил поле сражения многочисленным отрядам истребителей и миноносцев, которые с трех сторон окружали остатки 2-й Тихоокеанской эскадры.

Гибель «Императора Александра III» и «Бородино» ошеломила моряков уцелевших русских кораблей. Для большинства офицеров стало очевидным полное поражение эскадры.

Следующий удар противник нанес по 5 наиболее сильным русским броненосцам 3-го броненосного отряда, имевшим значительную огневую мощь и пострадавшим сравнительно мало. Наибольшие повреждения получили «Император Николай I», лишившийся 305мм орудия, и «Адмирал Ушаков», на котором затопило носовое отделение. Снижение скорости до 10 узлов и ухудшение маневренности серьезно ослабили боеспособность этого броненосца. Из японских кораблей серьезно пострадал лишь «Асама», получивший подводную пробоину в кормовой части. Поступление воды заставило его застопорить ход в ночь на 15 мая, но корабль, исправив повреждения, вернулся в строй. Затопленные отсеки оказались и на «Ивате», а на «Адзума» были подбиты 203мм и 152мм орудия. В целом пять из шести японских броненосных крейсеров сохранили боеспособность и достаточное количество снарядов для продолжения боя. По разным

источникам, на каждом крейсере боекомплект составлял от 320 до 440 203мм снарядов, часть их хранилась прямо в башнях главного калибра.

Распределение попаданий и потерь отражает степень организации эскадренного огня, которая у японцев оказалась значительно выше. Это позволило нанести смертельные удары четырем лучшим броненосцам российской эскадры, которые при пассивном маневрировании по очереди оказались под сосредоточенным огнем противника.

При сравнении японских и русских броненосцев видно, что броненосцы типа «Бородино» незначительно уступают японским только в толщине брони. Чем же тогда объяснить их гибель в Цусимском сражении?

Прежде всего нужно сказать о несовершенстве главного оружия броненосцев — крупнокалиберной артиллерии — и способов ее боевого применения.

Наиболее тяжелые последствия имело решение Морского технического комитета о принятии на вооружение в 1892 г. новых облегченных снарядов, что должно было способствовать повышению (до 20%) их начальной скорости полета и, следовательно, значительному увеличению пробивающей способности и настильности траектории. Последнее значительно улучшало меткость стрельбы, которая считалась в русском флоте наиболее важным качеством. Эти выводы были справедливы только для боевых дистанций до 20 каб, которые в русских правилах артиллерийской службы считались предельными. Однако основной тенденцией в тактике броненосных флотов стало быстрое увеличение боевых дистанций, достигших в Цусимском сражении 55—70 каб. Это, а также использование зарядов с бездымным порохом, повысивших дальнобойность почти втрое независимо от массы снаряда, свело к нулю достоинства легких снарядов. На больших дистанциях они имели малую пробивающую способность и большое рассеивание,

резко снижавшее меткость. Помимо этого, русские снаряды обладали малым фугасным действием за счет недостаточного содержания взрывчатого вещества и его низкого качества по сравнению с японской шимозой (мелинитом). Были случаи, когда снаряды не разрывались. К тому же они имели грубые взрыватели, которые не взрывались при попадании в небронированный корпус, не говоря уже об ударах о воду. Запас фугасных снарядов на русских кораблях был неоправданно мал, так как все расчеты строились на бронебойные снаряды.

Серьезные недостатки имела и материальная часть корабельной артиллерии даже новейших броненосцев. Несмотря на удовлетворительную конструкцию башенных установок главного калибра, пушки обладали сравнительно малой скорострельностью из-за большого времени открывания и закрывания замков орудий и малой скорости подачи боеприпасов. Углы возвышения орудий были недостаточны для увеличившихся боевых дистанций. Отсутствовали на кораблях и современные прицелы. Новые оптические дальномеры с увеличенной базой на броненосцах только что установили, и дальномерщики еще не успели полностью их освоить.

На низком уровне оказалась боевая подготовка артиллеристов недавно вступивших в строй кораблей, которые не провели положенного количества учебных артиллерийских стрельб. Не успели они и отработать организацию централизованного управления артиллерийской стрельбой нескольких броненосцев и эскадры в целом. Артиллеристы оказались не подготовленными к ведению артиллерийского огня на больших дистанциях. Правила артиллерийской службы не содержали указаний по использованию артиллерии на дистанциях боя свыше 20 каб. Все это резко снижало эффективность артиллерийского огня.

В ходе сражения выявились недостатки в защите и конструкции корпуса, которые, прежде всего, сказа-

лись на живучести боевых рубок. Их выход из строя парализовал управление не только отдельных броненосцев, но и эскадры в целом.

Броня башен 305мм орудий успешно выдерживала попадания японских снарядов того же калибра, но часто выходили из строя электроприводы башенных механизмов из-за нарушения контактов электрических соединений и обрывов кабелей, трассы которых не бронировались. Менее надежными оказались башни 152мм орудий.

Однако многие эти недостатки можно было исправить до начала или уже в ходе войны. В целом техника соответствовала мировым стандартам. Подвела преступная безответственность политической и военной элиты. Промышленность и экономика России вполне позволяли быстро провести модернизацию кораблей и вооружения, а также подготовить личный состав. Прогнившая, коррумпированная империя на эту бойню потратила в 2,5 раза больше средств, чем Япония, обладавшая меньшим промышленным, людским и экономическим потенциалом.

Часть VIII

ПЕРЕДЕЛ МИРА

Такое впечатление, что этого ждали как некую надежду на грядущие перемены, и Первую мировую войну русские восприняли вначале с таким же энтузиазмом, как и Русско-японскую. Эта вспыхнувшая иллюзия единства предоставила России последнюю возможность объединить правящий режим, общественность и широкие массы народа. Огромные толпы людей вышли на улицы Петербурга, чтобы поддержать царя и его семью. Мобилизация прошла довольно гладко, и к декабрю 1914 г. в армию призывали около 6 млн человек.

Патриотизм поддерживался энергией добровольцев. Актеры и музыканты отправились на фронт, чтобы развлекать войска. Светские дамы собирали средства на нужды фронта или добровольно отправлялись туда как медсестры. Газеты, почтовые открытки и даже барды в кабаках не уставали славить доблестных казаков и воинов-героев прошлой Руси. При этом царь и русская православная церковь занимали во всей этой шумихе довольно скромную роль, так как люди уже ждали человека с ружьем.

Увы, но за 10 лет перед войной промышленность, армию и флот так и не реформировали. Отчаянная поспешность, с которой Россия вступила в войну, не подготовившись к ней, говорит о многом. Социальная напряженность привела ко многим, почти ежедневным актам терроризма. Видимо, правящая элита рассчитывала на то, что война священная все спишет (сейчас уже не секрет, что именно в то время появилось клише «Великая Отечественная»), и теперь оставалась только надежда на помощь Божью да на покров Божьей Матери. Действительно, после того как многих подданных отправили на фронт, терроризм пошел на спад.

Однако Господь попустил, и государство, не готовое к империалистической бойне, получило Гражданскую. Нужно отметить, что в Первой мировой войне Россия могла победить, так как необходимый для этого технологический, интеллектуальный и экономический потенциал у неё имелся. И нижеприведенные главы по истории боевой техники это иллюстрируют. Но именно для России, с её огромными пространствами и сложным социальным устройством, возрастало значение оперативного, ответственного и качественного управления.

Русь со времен Ивана Грозного стремилась захватить проливы. Как правило, этому мешали Англия и Франция. Зимой 1915 г. русские дипломаты достигли соглашения с Антантой о том, что после войны Стамбул и большая часть проливов станут территорией империи.

Однако к моменту окончательного обсуждения последних деталей соглашения значительная часть общественной солидарности России после поражений на фронте и очевидной беспомощности властей уже была безвозвратно утрачена. В самом начале войны Россия, выполняя свои обязательства перед Францией, наступала в Восточной Пруссии. Не отмобилизованная надлежащим образом, не имевшая надежной связи и средств коммуникаций, при бездарном командовании войсками армия потерпела сокрушительное поражение под Танненбергом, потеряла 190 000 пленными и отступила назад.

Весной 1915 г. армия Германии прорвала фронт под Горлицей и двинулась по территории Польши. Обнаружилась полная неспособность правительства царя планировать продолжительную войну, а острая нехватка оружия и боеприпасов стала критической. Порой солдат отправляли на фронт без винтовок, которые приходилось забирать у убитых товарищей. К сентябрю войска России оставили Варшаву, Вильну и всю Польшу.

Глава 1. Флот турбин и чудовищных пушек

Гонка вооружений перед переделом мира шла, прежде всего, на флотах. Корабли всегда были самыми сложными инженерными сооружениями в мире и характеризовали интеллектуальную мощь нации.

После Цусимы начали строить линкоры с главной артиллерией из 8—12 орудий крупного калибра, измененной системой бронирования, увеличенной скоростью (применение турбин), повышенной боевой устойчивости и непотопляемости (более рациональная конструкция корпуса и увеличение водоизмещения). Однако эти качественные изменения требовали времени. В ряде стран строили промежуточный тип корабля — преддредноута. Так, перед Русско-японской войной наряду с крупным (305мм) и средним (152мм) появился промежуточный калибр 203—254мм, например «Кинг Эдвард VII» в Англии, «Евстафий» в России и «Катори» в Японии.

Затем, при сохранении крупного и промежуточного, исчез средний 152мм калибр (броненосцы типа «Лорд Нельсон» в Англии и «Андрей Первозванный» в России). Подобные же корабли построила Австрия (тип «Радецкий») и Япония («Аки» и «Сатсума»).

Однако два калибра главной артиллерии осложняло управление огнем из центрального поста. Наблюдение за падением залпов на больших дистанциях требовало применения одного, по возможности наиболее крупного калибра снарядов.

В октябре 1905 г. Англия заложила новый тип линкора «Дредноут» («Неустрасимый»). Небывалые темпы строительства поразили мир. «Дредноут» спустили на воду через 4 месяца после закладки. В октябре 1906 г. корабль закончил ходовые испытания. Название его стало нарицательным. С этого момента линейные корабли всех стран стали делиться на два подкласса — дредноуты и додредноуты. При

этом боевая мощь флотов характеризовалась только числом дредноутов. Благодаря своей защите, мощи артиллерии и высокой скорости дредноуты обретали преимущества в боевой устойчивости и выборе позиции боя. Устаревшие броненосцы были совершенно бессильны в борьбе с ними.

Вслед за Британией к строительству дредноутов спешно приступила Германия. Английские линейные корабли вооружались орудиями более крупного калибра, чем германские, но уступали в бронировании. Короткие и широкие германские дредноуты выигрывали в массе бортовой брони, что позволяло делать на них броневой пояс выше и толще.

Различия между типами линейных кораблей Германии и Англии объяснимо целями их применения. Командование Германии предполагало, что более сильный флот Англии будет атаковать немецкие дредноуты непосредственно у их баз. Поэтому такие важнейшие тактико-технические характеристики, как дальность плавания и скорость, считались второстепенными, а бронированию придавалось первостепенное значение. Во флоте Англии, стремившемся навязать противнику место, время и дистанцию боя, наоборот, уделяли больше внимания дальности плавания, скорости и калибру главной артиллерии.

Соперничество между Англией и Германией в гонке морских вооружений создало благоприятные условия для политических авантур стран, экономически менее развитых. Построив эскадру из дредноутов и линейных крейсеров, они могли рассчитывать на упрочение своего положения в мире, присоединяя свой флот к той или иной из противоборствующих стран. Этой политики придерживалась и Россия, построив 4 дредноута и заложив 4 линейных крейсера.

Флоты других стран, участников Первой мировой войны, по числу дредноутов уступали Англии и Германии.

Стратегические задачи Балтийского флота заключались в обороне Финского залива и в «поддержании интересов империи во внешних водах». Боевое ядро эскадры планировалось составить из 4 дредноутов и 4 линкоров додредноутного типа: «Андрей Первозванный», «Император Павел I», «Слава» и «Цесаревич».

Неосуществленные проекты

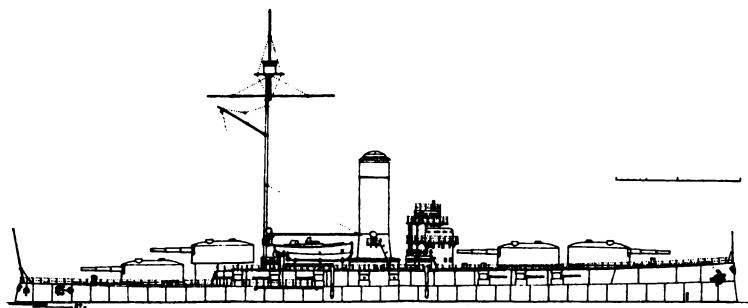
Идея увеличения калибра башенной артиллерии не нова. Её впервые осуществили янки во второй половине XIX в. Затем в 1877 г. русский инженер Э. Е. Гуляев представил Институту морских инженеров Англии проект броненосца (водоизмещение 35 000 т, скорость хода 12 уз), защищенного 610мм броней, вооруженного сорока 305мм пушками в 4-орудийных, 2-ярусных башнях. Следует напомнить, что 2-ярусные башни появились на флоте США спустя 30 лет.

Затем в 1905 г. Э. Е. Гуляев разработал проект броненосца «уширенного» типа водоизмещением 21 500 т. Корабль мог иметь на вооружении восемь 305/50мм и двадцать 120мм пушек.

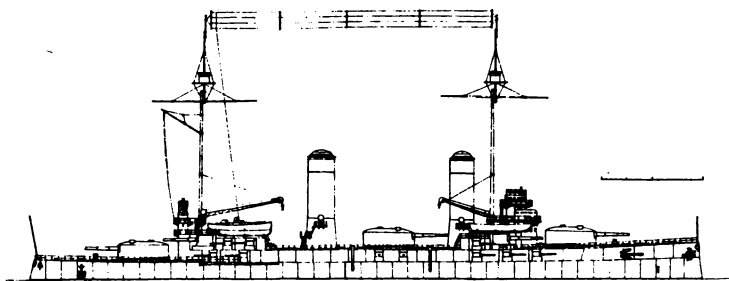
В том же году Императорское русское техническое общество объявило конкурс на проект броненосца в 10 000 т, при небольшой осадке и скорости хода 15 уз., вооружение состояло из восьми 305мм орудий. Этот дешевый и мелкокалиберный корабль для поддержки береговых укреплений и действий в открытом море мог составить ядро Черноморского и Балтийского флотов.

Первую премию присудили инженеру Путиловского завода Г. Ахенбаху, а вторую — В. М. Катышеву, их чертежи здесь представлены. Но водоизмещение этих проектов превысило заданное.

Лига обновления флота разрабатывала так называемые броненосные канонерские лодки для защиты минно-артиллерийской позиции Балтийского флота в Моонзунде, где могли действовать линейные корабли

Проект броненосной канонерской лодки, 1905 г. Водоизмещение 10 000 т, скорость хода 12—14 уз., восемь 305мм и шестнадцать 120мм пушек. Реконструкция И. И. Черникова

Проект Г. Ахенбаха, 1905 г. Десять 305мм (из них 4 в бронированных казематах, 6 — в башнях) и двадцать 120мм пушек. Реконструкция И. И. Черникова

противника. При водоизмещении эскадренного броненосца в 10 000 т мощная артиллерия и солидное бронирование достигались за счет уменьшения массы машин, поэтому их скорость ограничивалась 12—14 уз. Пожертвовать скоростью, как элементом трудно достижимым, считалось уместным, так как развивать ее до высоких пределов в прибрежном плавании все равно затруднительно и, как правило, не нужно. При относительной простоте конструкции стоимость таких кораблей не превышала 8—9 млн рублей, и постройка их могла быть проведена в 3 года.

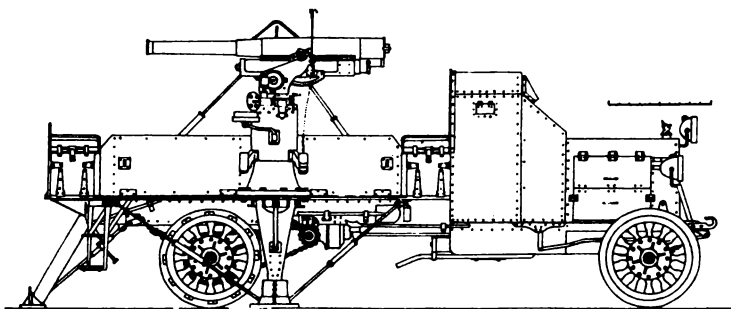
Глава 2. Война моторов

Совсем недавно много говорилось об отсталости царской Руси, чтобы на этом фоне показать грандиозность достижений Советов. Конечно, империя зачастую уступала во внедрении новых образцов вооружений и техники, но к этому привело неэффективное использование технической и экономической мощи страны. Здесь приведены некоторые примеры возможной моторизации армии.

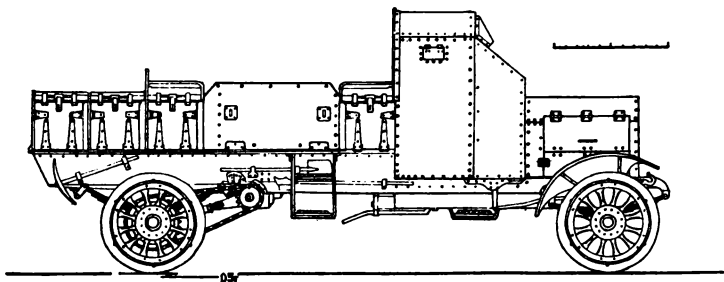
Бурное развитие авиации привело к созданию зенитных установок, которые для повышения мобильности стали монтировать на автомобили. К началу Первой мировой войны инженер Путиловского завода Ф. Ф. Лендер создал 76мм зенитную пушку.

В августе 1914 г. Главное артиллерийское управление заказало заводу 12 таких орудий и установку их на шасси грузовых автомобилей. В декабре, после изготовления первых 4 орудий, началось формирование зенитной автомобильной батареи.

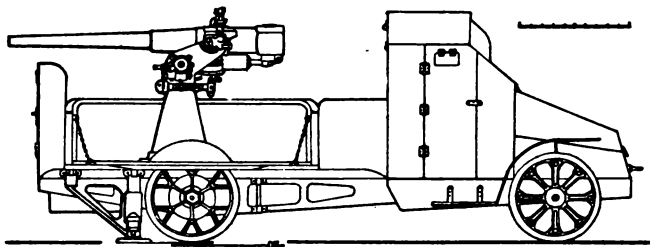
В качестве шасси артсистем использовались 5-тонные грузовики Русско-Балтийского завода «Руссо-Балт» тип «Т». Орудие устанавливали в кузове с опускающимися при стрельбе упорами, а двигатель и кабину защищали броней. Кроме 4 машин с пушкой

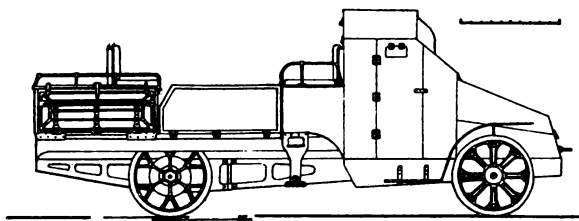
Бронированная зенитная 76мм установка «Руссо-Балт», тип «Т». Масса 6,6 т; одна 76мм пушка Лендера; экипаж — 6 чел.
Реконструкция И. И. Черникова

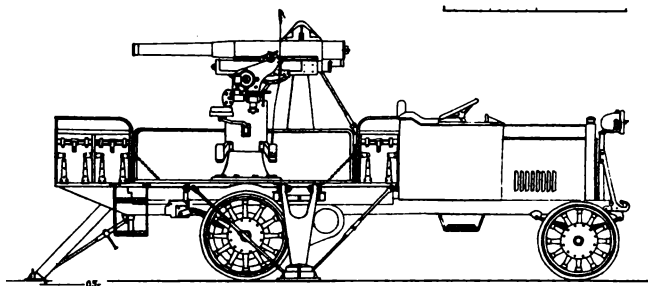
Бронированный зарядный ящик «Руссо-Балт», тип «М». Реконструкция И. И. Черникова

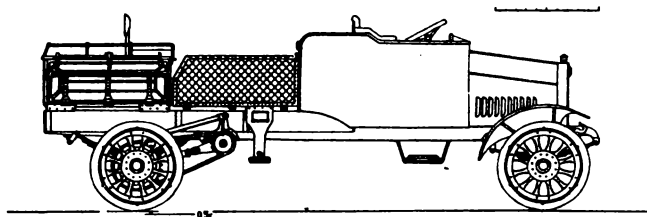
Бронированная зенитная 57мм установка «Остин» (3-тонный).
Одна 57мм пушка Гочкиса. Реконструкция И. И. Черникова

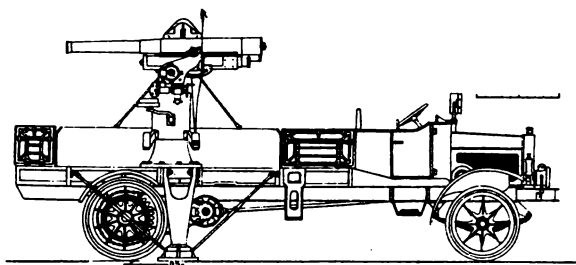
Бронированный зарядный ящик «Остин» (3-тонный). Реконструкция И. И. Черникова

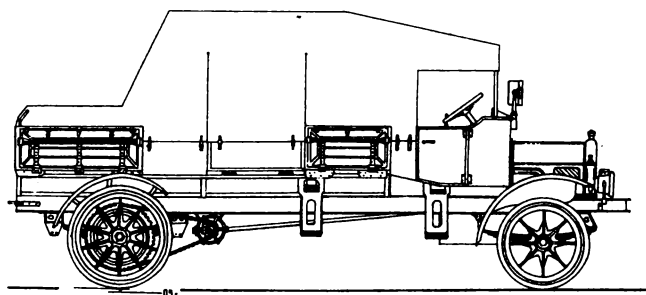
**Флотская зенитная 76мм установка «Руссо-Балт», тип «Т». Одна 76мм пушка Лендера; экипаж — 6 чел.
Реконструкция И. И. Черникова**

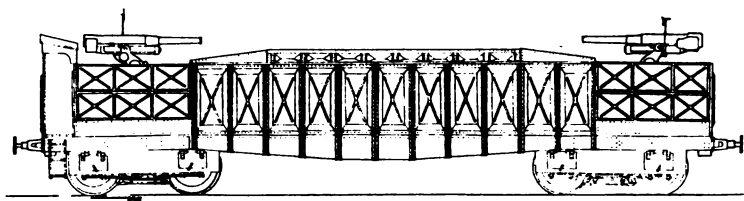
Флотский зарядный ящик «Руссо-Балт», тип «М». Реконструкция И. И. Черникова

Флотская зенитная 76мм установка «Уайт» (5-тонная). Одна 76мм пушка Лендера; экипаж — 6 чел. Реконструкция И. И. Черникова

Флотской зарядный ящик «Уайт» (3-тонный). Реконструкция И. И. Черникова

Блиндированная зенитная железнодорожная платформа. Две 76мм пушки Лендера. Реконструкция И. И. Черникова

в состав 1-й отдельной батареи входили 4 зарядных ящика на шасси грузовика «Руссо-Балт» тип «М» (2-тонный). Они также имели бронированную кабину и служили для перевозки лотков со снарядами и запасов горючего.

Успешно пройдя испытания стрельбой и пробегом, 20 марта 1915 г. батарея капитана Тарновского отправилась на фронт.

В ноябре 1914 г. Путиловский завод начал переделывать 57/40мм пушку Гочкиса для стрельбы с углами возвышения до 65 градусов. В июне 1915 г. на артиллерийском полигоне испытывался образец такой установки на 3-тонном грузовике «Остин» с бронированной кабиной. При боевой массе в 5,36 т двигатель мощностью 30 л. с. позволял двигаться со скоростью 35 км/ч. По результатам испытаний Главное артиллерийское управление решило сформировать батарею 57мм зенитных орудий. Однако осуществить это не удалось, так как пушки погибли при пожаре в Брест-Литовске, и единственный образец установки в декабре 1915 г. передали в 1-й тракторный дивизион.

Зенитные пушки устанавливались и на обычные автомобили «Руссо-Балт», заказанные Морским министерством для противовоздушной обороны Флангово-шхерной, а также Свеаборгской и Моонзундской приморских позиций.

Американской фирме «Уайт» заказали двенадцать 5-тонных и столько же (для оборудования в зарядные ящики) 3-тонных грузовых автомобилей. При стоимости за машину соответственно 4390\$ и 3620\$ фирма гарантировала поставку через 2 месяца.

Первые восемь 5-тонных и столько же 3-тонных шасси «Уайт» прибыли на Путиловский завод 3 августа 1916 г. А в декабре завод изготовил и установил на шасси 76мм пушки Лендера.

В заключение следует упомянуть о блиндированной железнодорожной 4-осной платформе, вооруженной двумя 76мм пушками Лендера. Эти мощные

установки создавались путиловцами на базе 50-тонных угольных полувагонов «Фокс-Арбель» и предназначались для обороны стратегических объектов, в частности — особо важных железнодорожных узлов и царского поезда.

Чудовищные проекты

Подобно броненосному кораблю танк сочетал 3 основных качества — огонь, защиту и подвижность. В начале XX в. кораблестроители, составляя техническую элиту России, занимались также и проектированием танков.

В середине XX в. уже освещался проект сверхтяжелого танка кораблестроителя В. Д. Менделеева, предложенный им в сентябре 1916 г. Военному ведомству. Однако еще ранее существовал проект незаслуженно забытого корабельного инженера К. Ф. Дриженко. Этот пробел в истории техники связан с тем, что в свое время предусмотрительная матушка Москва выгребла многие фонды из центральных архивов Ленинграда. Поэтому сведения об этих двух инженерах оказались все равно что в разных галактиках.

Так как артиллерию тех лет перевозили, как правило, лошадьми, то увеличение калибра обрекало батареи на малую подвижность, уничтожая сам смысл её существования. Даже орудия полевой артиллерии, свернув с дороги, на рыхлой или болотистой почве становились лишь условно подвижными. И усилия большого количества лошадей оказывались напрасными, что в лучшем случае вынуждало повернуть обратно, в худшем же приходилось обрезать построения и бросать завязнувшее в болоте орудие. Конная тяга обладала теми серьезными недостатками, что лошадей легко выводил из строя даже ружейный огонь, они быстро уставали и всегда требовали фуража, даже при отсутствии работы.

Передвижение тяжелой крепостной артиллерии влекло за собой еще большие трудности. Даже перевозка по заранее подготовленной дороге, по постоянно подкладываемым доскам и то не всегда приводила к желаемым результатам. Орудия же некоторых калибров могли передвигаться только на железнодорожных платформах.

Учитывая малую подвижность артиллерии, противник стремился занять безопасные от неё плацдармы, что заставляло артиллеристов работать в считавшихся ранее непроходимыми местах. Появление двигателей внутреннего сгорания позволило перевозить тяжелую артиллерию по полям, лугам и болотам. В связи с этим поручик Дриженко в начале 1916 г. предлагал Морскому министерству установить 203мм орудие на защищенной противопульной броней гусеничной платформе, которую он называл самодвижущейся башней.

Конструкция башни состояла из стальной коробки, в поперечном сечении напоминавшей трамвайный вагон. Впереди стояла 203мм крепостная гаубица в 14 калибров длиной (наибольший угол возвышения — 45, наибольший угол снижения — 0 и угол обстрела — 10 градусов), в средней части — погреб боевого запаса и, наконец, сзади — два бензиновых двигателя. Для отражения атак пехоты и конницы на крыше башни стояли два пулемета.

Дриженко подробно разработал чертежи фундамента и подкреплений корпуса под 203мм гаубицу, а также оригинальную пулеметную башенку. Компрессор обеспечивал работу пневматики, обеспечивавшей равномерное давления гусениц на почву, вне зависимости от её профиля.

Два двигателя располагались над гусеницами в бортовых нишах и работали каждый на свою гусеницу (длина звена — 300 мм, ширина ленты — 800 мм).

Посты управления находились впереди, где имелись два броневых колпака для водителя и командира

башни, находившегося справа от орудия и через переговорную трубу управлявшего водителем. Кроме того, командир и водитель по переговорным трубам могли общаться с механиком, пост которого находился у задней стены башни. Запуск двигателей мог осуществляться как электростартером, так и вручную.

Машина имела систему освещения, применявшуюся тогда на автомобилях, то есть электрическую от аккумуляторной батареи и одного из вспомогательных генераторов, обеспечивавших работу электростартеров.

Для защиты орудия и амбразуры от пуль оно прикрывалось броневым цилиндрическим щитом. В походе мортира на специальной подвижной платформе задвигалась внутрь корпуса.

При обстреле башни визиры в броневых колпаках могли закрываться заслонками, и предусматривалось наблюдение за горизонтом через перископ. Если противник попадал в мертвую зону обстрела пулеметов, он мог уничтожаться огнем карабинов и револьверов через закрываемые заслонками бойницы в бронированных 10мм стенках башни (крыша — 6 мм). Такая броня в то время считалась непробиваемой не только для пули, но и, частично, для осколков. Установку противоснарядного бронирования конструктор считал вполне возможной, но отказался от этого для уменьшения боевой массы самоходной установки.

Три сошника монтировались к днищу и могли подниматься при переходах. Из них два, так называемые костыли, стояли впереди корпуса и один сзади, который и являлся сошником в полном смысле этого слова, так как главным образом через него и передавалась горизонтальная проекция реакции гаубицы благодаря врезающейся в почву вертикальной пластине.

Снарядные и зарядные погреба оборудовались на 32 выстрела. Снаряды лежали в нишах вдоль башни и подавались на линию огня специальным зарядником.

Так как из-за большой массы машины обычные деревянные мосты не могли её выдержать, то конструктор рассчитал башню на плавучесть и остойчивость, благодаря чему она могла переправляться вплавь через реки с пологими берегами и двигаться по косогору с уклоном 25 градусов. Поэтому выходы валов и задняя дверь для входа в башню делались водонепроницаемыми, а амбразура гаубицы могла закрываться специальным щитом из прорезиненной парусины.

Личный состав: командир, водитель, наводчик, 2 подающих и механик — всего 6 человек.

Итак, все технические проблемы создания самоходной 203мм установки имели реальные решения, за исключением гусениц, оригинальная конструкция которых выглядела слишком сложной и вряд ли могла быть работоспособной.

Видимо, это и явилось основным камнем преткновения, так как считалось, что в России нет надежных конструкций подобных машин. Кроме того, наверное, за отсутствием в окрестности Ревельской морской крепости бездорожья и глубоких водоемов, Морское министерство интереса к проекту К. Ф. Дриженко не проявило.

Это лишний раз характеризует национальные особенности потоков информации в России, так как в столице имели смутное представление о том, что происходит в Самаре. А между тем механик Мамин еще в 1902 г. уже построил здесь трактор с простой и надежной ходовой частью.

Кроме этого, созданием сверхтяжелого танка занимался В. Д. Менделеев — сын знаменитого химика. Инженер-кораблестроитель, Василий Дмитриевич подготовил чертежи нескольких вариантов боевой машины, составил подробную объяснительную записку и в начале сентября 1916 г. представил в Главное военно-техническое управление (ГВТУ) весь комплект документов.

В одном из вариантов масса его машины достигала 173,2 тонн. Танк имел на вооружении 120/45мм пушку Канэ, пулемет в опускающейся башне и защищался 150мм броней спереди, а с борта и кормы — 100мм.

Подача выстрелов на линию огня осуществлялась при помощи тележки и пневматического подъемника. Боезапас — 51 выстрел, из них 46 хранились в специальной боеукладке (крюйт-камере).

Для стрельбы при помощи пневматической системы корпус опускался на грунт и ложился на днище.

Двигатель мощностью 250 л. с. мог обеспечить скорость 24,8 км/ч. Запас топлива 2580 литров бензина. Гусеницы шириной 520 мм.

При движении по бездорожью в цилиндрах-амортизаторах автоматически регулировалось давление.

Предложив именно Военному ведомству построить этот танк, Менделеев, в отличие от Дриженко, имел больше шансов на успех. Однако уж очень массивным получилось это чудище. В случае применения специального транспортера, подобного тем, которые использовало Морское министерство при перевозке подводных лодок из Петербурга во Владивосток, танк могли перевозить по железной дороге.

Хотя конструктору и удалось решить все технические проблемы, но канцеляристы справедливо определили проект как нереальный в условиях русского бездорожья, и он так и остался на бумаге. Однако, как знать, быть может, сейчас в Монино стоял бы свой, доморощенный «Маус», опередивший Запад на 30 лет. И было бы чем гордиться подрастающему поколению.

Однако складывается впечатление, что проект Менделеева не имел шансов на успех совсем по другой причине. Дело в том, что в 1915 г. приступил к конструированию своей боевой машины с колесами большого диаметра капитан Н. Н. Лебеденко — начальник опытной лаборатории ГВТУ. Машина напоминала сильно увеличенный пушечный лафет, при

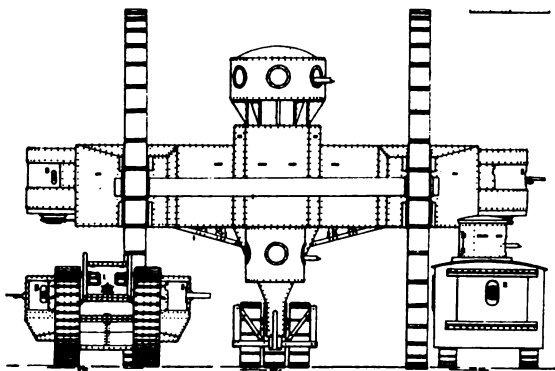
этом справедливо полагалось, что огромные колеса легче смогут преодолевать рвы и окопы.

Идею одобрил лично Николай II, которому бра-
вый капитан подарил самоходную модель танка,
приводившуюся в движении от пружины часового
механизма, подобно детским игрушкам. Лебеденко
получил крупную сумму в 210 000 руб. золотом, и
работы засекретили.

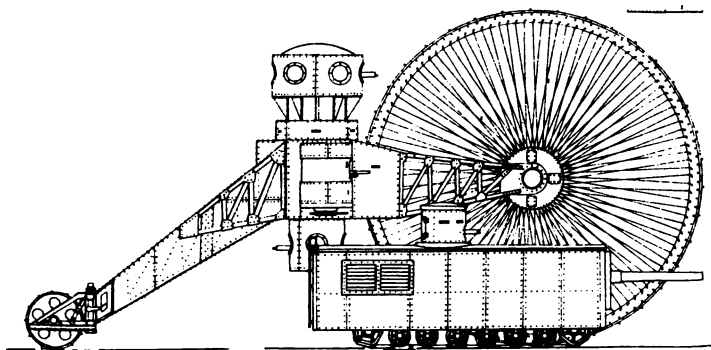
Создание танка в большой тайне начали 27 февра-
ля 1915 г. Машину проектировало Московское специ-
альное конструкторское бюро, предварительную сбор-
ку провели на манеже у Хамовнических казарм, а
окончательную — в июле 1917 г. на опушке подмо-
сковного леса вблизи города Дмитрова. Каждое из
двух колес диаметром 9 м приводил в движение
240-сильный двигатель «Майбах», снятый со сбитого
немецкого дирижабля. Придававший машине устой-
чивость хвостовой каток меньшего диаметра служил
также и для поворота.

Взревели германские моторы, и под громкое, тро-
екратное, раскатистое «Ур-ра!», в клубах сизого ды-
ма, Царь-танк тронулся с места, проехал 10 м, зало-
мал березу и встал.

После этого плод сумрачного гения капитана Ле-
беденко так и не сдвинулся с места. И долгие годы за-
бытый начальством бедный монстр ржавел в лесу.
Его поливали дожди, палило солнце, и мороз-воево-
да игриво щипал за стальные бока. Скрипели петли,
и глухо хлопали крышки броневых люков. Ветер пу-
тался и завывал в спицах колес, которые, на самом
деле, оказались не такими уж и большими и теперь
не могли испугать даже одинокого припозднившего-
ся путника. Вот если бы они действительно имели
циклопические размеры и торчали над лесом подоб-
но колесу обозрения в ЦПКиО!.. Недаром же русские
с восхищением называли его «чертовым колесом» и
народные песни об этом слагали. Вот тогда бы на-
чальство точно деньги нашло...

Британский танк MkV «самец» (масса 30 т, скорость 8 км/ч, две 57мм пушки, 3 пул.) и проект танка Менделеева на фоне монстра капитана Лебеденко (масса 40—44 т, скорость 1,68 км/ч, две 37мм пушки, 2 пул.). Очевидно слабое вооружение, величественная пышность форм и неспешная степенность при царском шествии танка Лебеденко по полю боя. Масса танка Лебеденко явно занижена. Реконструкция И. И. Черникова

Танк Менделеева (масса 173,2 т) на фоне чудовища капитана Лебеденко (масса 40—44 т), вид сбоку. Очевидно, что всем хорошо проект Менделеева, однако, что называется, «тяжеловат батюшка» не только по шоссейному, но даже по железнодорожному мосту тех лет не пройдет, не говоря уже о танке Лебеденко, который ни в какие ворота не лезет. Из чертежа очевидно, что масса танка Лебеденко занижена, а его опорная поверхность меньше, чем у машины Менделеева. А теоретическая скорость 17 км/ч также не соответствует действительности.

Реконструкция И. И. Черникова

Царь-танк, как его между собой называли немногие из посвященных военных, стал самой большой из когда-либо построенных русских боевых машин. Однако впоследствии, уже при соввласти, его потихоньку разобрали на металл. Это могли сделать и специально, чтобы не оставлять чудо-памятник в назидание потомкам. Чтобы и не догадывались граждане налогоплательщики, на какую совершенно секретную хрень могут тратиться ихние бюджетные денежки.

В 1923 г. монстра разобрали на металл.

Конечно, на этом параде монстров проект корабельного инженера Дриженко выглядит более разумно, так как реально учитывал национальные особенности русского бездорожья. Однако не выдержал поручик конкуренции с капитаном Лебедеenko, обладавшим большим административным ресурсом и влиянием на своих эмоциональных начальников, грезивших в тиши кабинетов, как по всему фронту, от моря до моря, насколько хватает глаз, с музыкой, пойдут машины в пламенный поход, форсируя реки, как арбы — арыки в Туркестане.

Все остальные разговоры и причитания о загадках славянской души лежат в плоскости «если бы да кабы» — случилось то, что случилось, и иначе быть не могло.

Глава 3. Царица полей

Так обычно называли пехоту, которая героически переносила все тяготы войны и несла самые большие потери. Конечно, эти отважные люди стоят того, чтобы польстить их самолюбию, но без поддержки артиллерии пехота превращалась в пушечное мясо.

Мобилизация, проведенная сразу по объявлении войны, дала России 114 дивизий, 94 из которых ушли против Германии и Австрии. Им противостояли 20 немецких и 46 австрийских дивизий.

Армия России имела артиллерию лишь для маневренной войны, о позиционной тогда не задумывались, и 76мм полевая пушка Путиловского завода обр. 1902 г. считалась лучшей в мире. Так же как и полевые орудия: легкая 122мм гаубица и 107мм тяжелая пушка. Генеральный штаб стал финансировать производство тяжелой осадной артиллерии, закончить которое предполагалось аж к 1921 г.

Война пришла раньше, и Россия имела 959 батарей (7088 орудий), что почти в два раза превосходило союзную Францию (4300 орудий). Но противники превосходили Россию и Францию как по общему числу орудий (Германия — 9388, Австро-Венгрия — 4088), так, что важнее, по тяжелой артиллерии (Германия — 3260, Австро-Венгрия — 1000 орудий). На вооружении армии России стояло всего лишь 240 тяжелых орудий.

Дивизия Германии, уступавшая русской по численности (12 батальонов против 16), превосходила ее по артиллерии (80 орудий, из них 8 тяжелых, против 54). Дивизия Австрии при равном с русской количестве стволов имела 4 тяжелых орудия. Поэтому огневая мощь дивизии Германии в полтора раза превосходила русскую.

Но так как по боевой выучке русские превосходили противника, Германии не удалось реализовать свое количественное и качественное превосходство в артиллерии.

Генеральный штаб России отвел на всю войну не более 6 месяцев. На этот срок и заготовили боеприпасы (по 1000 снарядов на ствол). Считалось, что за это время батареи не расстреляют и половины. Французы запасли по 1300 снарядов, немцы недалеко ушли вперед — 1500 снарядов на ствол. В этих прогнозах крепко просчитались все, но, когда выявился непредвиденный расход снарядов, количество и темпы подачи их на фронт зависели от организации и мощи промышленности и транспорта, а это уже определя-

лось ответственностью и эффективностью действий государства.

Поэтому вскоре проявился ужасный счет, по которому каждый выведенный из строя противник обходился гибелью двух русских солдат. Это стало приговором всему властью имущему классу России, жившему беспечно, не обращая внимания на отсталость Руси в своевременном и массовом внедрении новых технологий. В Петербурге прекрасно пели, танцевали и писали стихи, русская элита не хотела быть «эдисонами» и презирала материальную культуру. Гораздо веселее казалось создавать мировую литературу, балет и анархические теории.

Глава 4. Штурм крепости Перемышль

Во время этой страшной войны захватом Перемышля гордились все русские. Эта твердыня, как символ интеллектуальной мощи Австрии, считалась лучшей в Европе, осада ее могла продлиться год и более.

Крепость защищала Венгерскую равнину (узел 5 шоссейных, 2 железных дорог и переправа на реке Сан при выходе её из Карпат в Галицию). Работы по постройке начались в 1854—1855 гг., затем продолжались в 1875 г. В крепости были броневые башни артиллерии, наблюдательных постов и прожекторов, бетонные казематы и казармы-убежища.

Артиллерия поражала воображение: 2000 стволов, от устаревших 9 и 15см образца 1861 и 1880 гг., до современных 7,5 и 10,5см пушек, 12, 15 и 18см гаубиц, и даже 24 и 30,5см мортир.

Крепость вмещала: 40 000 человек гарнизона, консервную фабрику, паровые мельницы, хлебопекарни, склады различных запасов, шоссейные и переносные железные дороги, радиотелеграф и голубиную почту, телефон и телеграф, 12 аэропланов и шаров.

Но русские ринулись в Карпаты. С первых же дней сражения в Галиции артиллерия начинала бой, вела его и решала исход. Пехота Австрии, наступая густыми цепями, под убийственным огнем шрапнели, гибла по 3000—4000 человек за раз.

Австрийцы зывали о поддержке своей артиллерии. Плохо обученные стрельбе с закрытых позиций, батареи галопом выскакивали на открытые места. Стремительно разворачивали орудия, но успевали сделать только несколько выстрелов, и их немедленно уничтожали.

Германская артиллерия также несла жестокие потери из-за неумения стрелять с закрытых позиций. Так, 26 августа 1914 г. русская гаубичная батарея в бою под Тарнавкой подавила огонь 6 немецких батарей, выпустив всего 200 гранат. На позиции неприятеля осталось 34 орудия, вокруг них лежали перебитые расчеты и лошади.

Русская пехота наступала под грохот своей артиллерии. При таком темпе стрельбы стволы орудий раскалялись докрасна. Отсюда чудовищный расход снарядов. Более 2000 орудий Юго-Западного фронта расстреляли за 3 недели по 1000 снарядов на ствол. То есть запас на всю войну! На ближайших тыловых складах снарядов не оказалось, и 21 сентября фронт встал.

За 33 дня битвы в Галиции войска России продвинулись на 200 км. К 21 сентября крепость Перемышль попала в окружение. Австрия потеряла до 400 000 человек, из них 100 000 пленными, и свыше 400 орудий, то есть почти половину своего состава. Потери русских также были значительными — до 230 000 человек.

На фронтах наступило затишье. Германия, обманувшись в надеждах окончить войну до «осеннего листопада», лихорадочно искала выход из тупика позиционной войны, сулившей ей поражение. На западе войска кайзера глубоко вторглись во Францию,

где союзники, опутавшись колючей проволокой, о наступлении не думали. Непосредственная опасность угрожала только с востока. Здесь кровопролитные бои дали немцам малую часть Польши на левом берегу Вислы.

Россия, как начала, так и воевала в основном на чужой территории, взяв Галицию, стояла у Карпат. Стают снега, просохнет земля, и русские двинутся в Австрию. Генералы Германии единодушны — нужно сокрушить русского колосса. В противном случае неизбежен прорыв Юго-Западного фронта через Карпаты — и крах Австро-Венгрии.

Армии Антанты не проявят жертвенного порыва для того, чтобы оттянуть на себя силы Германии, как это сделали русские в кампании 1914 г. Руководство Германии сочло, что в 1915 г. они смогут выбить Россию из войны.

День и ночь в Восточной Германии и к востоку от Вены стучали колеса — эшелоны везли к Русскому фронту войска и боевую технику.

В январе-марте 1915 г. австрийцы, наступая по пояс в снегу, кладя дивизию за дивизией, пытались освободить Перемышль, комендант которого, генерал Кусманик истощенно доносил по радио об истощении запасов крепости. Все было тщетно, 8-я армия Брусилова, отбив натиск, перешла в наступление и медленно, но верно стала подниматься к перевалам Карпат.

Крепость окружила малочисленная 11-я армия генерала Селиванова (9-я кавалерийская и 58, 60, 69, 78, 82-я резервные пехотные дивизии). Русские, не имея пулемётов и даже походных кухонь, воевали доблестно. Кроме дивизионной работали 18 батарей 152мм и 4 батареи 107мм осадных пушек, затем из Кронштадта прибыли 6 береговых 279мм орудий.

В то же время гарнизон Перемышля усилили: 23-я дивизия гонведа, 93, 97, 108 и 111-я бригады ландштурма. Число защитников возросло в 4 раза

(160 000 человек), но и запасы сократились до марта 1915 г. И через 4 месяца, 22 марта 1915 г., по Европе разнеслась весть — Перемышль пал! Русские захватили в плен 9 генералов, 2500 офицеров, 120 000 солдат и 900 орудий. Антанта еще не знала таких побед. Главнокомандующий армией Франции Жоффри приказал выдать всем, от солдата до генерала, по стакану красного вина.

Австрия переживала тяжёлый шок.

Крепость победил не ураганный огонь чудовищных пушек, не лавина подавляющих масс штурмующих войск, а превосходство духа, боевое мастерство, доблесть русских солдат.

И пока австрийцы, а вернее братья-славяне, воевали до последней консервной банки, русские — до последнего кадрового солдата, неся огромные потери. В советское время еще жила песня о трех товарищах, «лучших на селе», оставшихся лежать под Перемышлем.

Глава 5. По горам турецким

Обычно казаки ассоциируются с конницей, но в Первую мировую войну они зачастую воевали в горах. Сохранилась замечательная песня тех лет «По горам Карпатским метелица вьется, черные морозы зимою трепшшат...». Станичники в XIX в. много воевали в горах Кавказа, Туркестана и Маньчжурии. На Кавказском же фронте в 1914—1917 гг. они стали самой грозной силой.

С объявлением 1 августа 1914 г. войны Германии и Австро-Венгрии 1-й и 2-й Кавказские армейские корпуса отправили на Западный фронт. Туда же ушли все полки 2-й очереди Кубанского и Терского войск.

На случай войны с Турцией в Закавказье остались только 1-й Кавказский казачий корпус и 2-я Кавказская казачья дивизия 2-го корпуса (полки и батареи

мирного времени). К началу войны в дивизию влили мобилизованный 3-й Кавказский полк Кубанского войска (5 сотен) войскового старшины Ефремова.

2-я Кавказская казачья дивизия генерал-лейтенанта Абациева включала два полка (1-й Лабинский полковника Рафаловича и 1-й Черноморский полковника Филиппова), 1-ю и 5-ю Кубанские казачьи батареи (по 6 полевых орудий). Затем сюда влили два мобилизованных полка (Кубанского войска 3-й Черноморский войскового старшины Кравченко и Терского войска 3-й Волгский полк полковника Тускаева).

После начала войны с Турцией в Персию вошли Закаспийская отдельная казачья бригада генерал-лейтенанта Николаева (1-й Таманский полк полковника Перепеловского, 1-й Кавказский полк полковника Мигузова, 4-я Кубанская казачья батарея (6 полевых орудий), 12-й Кубанский отдельный пластунский батальон 2-й пластунской бригады генерала Гулыги).

Кроме того, на Кавказ прибыли полки 3-й очереди Кубанского войска: 3-й Запорожский, 3-й Екатеринодарский войскового старшины Миргородского, 3-й Лабинский полковника Щелокова, 3-й Линейный полковника Кучерова.

Терское войско выставило 2 первоочередных и 4 третьеоочередных полка, из них: 3-й Кизляро-Гребенской полковника Урчукина, 3-й Сунженско-Владикавказский полковника Гладилина.

Всего 26 конных полков 6-сотенного состава, то есть 156 сотен. Кроме того, Кубанское войско выставило еще 45 особых конных сотен. Значит, всего 201 конная сотня. Боевая сила сотни военного времени исчислялась в 135 пашек в строю.

6-сотенный полк с обозами 1-го и 2-го разряда и разными командами доходил до 900 казаков и свыше 1000 лошадей.

Три Кубанские пластунские бригады имели 18 батальонов по 1000 штыков в каждом по штату военного времени.

Кроме того, на Кавказ прибыл 2-й Туркестанский армейский корпус (21 батальон, 40 орудий и 5 инженерных рот), квартировавший в Тифлисе и его окрестностях как армейский резерв.

Из юго-восточного Туркестана сюда же подошла Отдельная Сибирская казачья бригада генерал-майора Калитина (1-й Сибирский 6-сотенный «полк атамана Ермака Тимофеевича» полковника Раддаца, 2-й Сибирский 6-сотенный казачий полк и 2-я Оренбургская казачья 6-орудийная полевая батарея).

2-й Туркестанский корпус, Сибирская казачья и 3-я Кубанская пластунская бригады в первых боях против турок не участвовали.

Казачьи силы на Кавказе составляли половину всей Кавказской армии.

В Приморском районе, отделенном от Кавказской армии малодоступными горами Понтийского Тавра, стояли кубанцы. К началу войны здесь сосредоточились 6 батальонов, 1 сотня 3-го Лабинского полка и 8 орудий. 1-й Кубанский отдельный батальон полковника Расторгуева составлял основную силу этого отряда, усиленного затем 19-м Туркестанским стрелковым полком. При численном превосходстве турки имели здесь успех и к концу ноября 1914 г. подошли к Батуму. С Черноморского побережья пришлось снять 3-ю Кубанскую пластунскую бригаду генерала Геника и направить 15, 17 и 18-й батальоны в Батум, а 13, 14 и 16-й со штабом бригады — в Ардаган.

Но 9 декабря пехотная дивизия Турции 1-го Константинопольского корпуса вытеснила пластунов из Ардагана. И тогда из Тифлиса направилась единственная остававшаяся в резерве Сибирская казачья бригада генерала Калитина.

Сибиряки, словно вынырнув из-под земли, сомкнутым строем, с пиками наперевес, широким наметом, почти карьером, так неожиданно и резко атаковала турок, что те не успели защититься. Было что-то особенное и даже страшное в этих сибиряках.

Покололи пиками, потоптали конями турок, а остальных забрали в плен. Никто не ушел из храбрых и выносливых солдат Турции.

В героических операциях в необычайно сложных горных условиях казаки победно прошли по таким кручам, где не только отсутствовали дороги в европейском понимании, но даже было мало троп. Здесь шли пружинным шагом или ползли на локтях пластуны: 20 часов перехода и 4 — отдыха. А снег по пояс. Жесткие морозы. И на каждом шагу «чертовы мосты» или атаки дикой конницы курдов. Подходили без выстрела, а потом — в штыки. «Тактика, — говорили пластуны, — у нас простая: в нас стреляют — мы идем вперед; подошли — враг отступает...» Турки называли их «шайтанами в юбках» (черкесках). Генерал Гулыга приказывал санитарам: «Раненого пластуна не переворачивать без толку — входных пулевых ран в спину у пластуна не может быть!»

Трудно представить, что такое был Кавказ зимой, — дикая стужа, снег в 6 м высотой, каменные норы курдов без окон и дверей, топить нечем. Обозы стоят где-то, занесенные снегом. Тропа — в один конь. Лошади отгрызали хвосты друг другу. Весной, когда в долинах уже цвели абрикосы, казаки рубили просеки в снежных заносах и с боями занимали перевалы. От бескормицы кони погибали на глазах. Летом — раскаленная жара: ни деревца, ни воды. Все это — на высоте 3000 м. И казаки побеждали...

За всю войну никто из офицеров не снял своих серебряных погон и не заменил их на погоны защитного цвета. Красота кубанской парадной формы была исключительная: на черных черкесках и алых бешметах, расшитых кавказским галуном, при дорогом оружии в серебре, в эполетах сплошной блеск серебра. Легендарный командир 1-го Кавказского полка полковник Мистулов, георгиевский кавалер и храбрец, шагом шел на своем коне вдоль цепи спешенных казаков под свистящими пулями. Богом войны называли его кавказцы.

В августе 1916 г. молодые хорунжие и сотники, по высочайшему указу, стали подъесаулами. В 24 года они заслужили «самый красивый погон офицера с четырьмя золотыми звездочками», который в мирное время получали только к 30—35 годам!

Казаки прошли с боями пол-Турции, увидели исток Тигра, библейские Арарат и Евфрат, озеро Ван и Баязет. В 1917 г. 1-й Кавказский полк перебросили на Западный фронт, в Финляндию. В начале 1918 г. казачьи полки возвратились с фронта на Кубань и Терек.

Глава 6. Гибель империи

При безусловном господстве русского флота на Черном море, в Первую мировую войну он так и не выполнил стоявших перед ним стратегических задач, и в этом принято винить неожиданно прорвавшихся сюда германский линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау», якобы при злобном попустительстве союзников по Антанте. В результате Россия потерпела крах. Однако недолго наслаждались доблестные германские моряки плодами своей победы, так как вслед за Российской рухнули Австро-Венгерская, Османская и Германская империи.

Перед началом войны Германия, имея второй по мощи флот в мире, выделила для Средиземного моря только два корабля, предназначенных для удара по войсковым транспортам Франции, чтобы сорвать переброску в Европу колониальных войск. Один из них — линейный крейсер «Гебен» (водоизмещение 23 000 т, десять 280мм пушек, скорость хода 27,8 уз) и легкий крейсер «Бреслау» (водоизмещение 4500 т).

Однако скорость «Гебена» превосходила любой современный линкор или крейсер, и он, в соответствии с ужасным прогнозом премьера Англии Уинстона Черчилля, «мог, легко уклонившись от французских

линкоров и отбросив или обогнав их крейсера, обрушиться всей своей огневой мощью на беззащитные войсковые транспорты, топя одно за другим эти набитые солдатами суда». Действительно, во время войны флот Германии проявил большую дерзость и решительность в рискованных операциях против превосходящих сил противника, чем не могла похвастаться сама Англия.

Корабли Франции и Англии преследовали «Гебен», но адмирал Сушон ушел от погони, и 10 августа 1914 г. маленький отряд кораблей Германии неожиданно появился в Дарданеллах, принес с собой, как позднее признал Черчилль, «больше бедствий, крови, руин и неконтролируемых последствий, чем все другие военные корабли вместе взятые со времен изобретения корабельного компаса».

Затем Сушон проявил талант дипломата, с тем чтобы втянуть Турцию в войну. Это было нелегко, так как вначале Османская империя, еще надеясь поторговать своим нейтралитетом, попросила посла Германии разоружить «Гебен» и «Бреслау», но получила категорический отказ. Однако Турция, терпя обиды от «спесивых франков», решила отомстить Англии за недавний захват её новейших дредноутов, построенных в Шотландии, и великий визирь предложил купить у Германии эти великолепные корабли.

После этого «Гебен» и «Бреслау», переименованные соответственно в «Явуз Султан Селим» и «Мидилли», подняли турецкие флаги, и султан Мухамед IV лично обошел строй немецких моряков с турецкими фесками на головах.

Но Турция не собиралась вступать в войну. Напротив, воспользовавшись приходом отряда Сушона, она стала требовать от Антанты более высокой платы за свой нейтралитет.

Появление «Гебена» у входа в Черное море напугало Россию, и воинственную спесь, столь характерную для отношений с Портой в XIX в., с претензия-

ми Руси на Царьград, вдруг сменила изысканная вежливость.

В это время Сушон, как командующий флотом Турции, привыкал носить феску и входил в курс дела. Его флот не выходил в море с 1877 г., машины требовали ремонта, а на кораблях не было радиостанций.

Вскоре Сушон решил, что и береговой обороной должны руководить немцы, и только тогда можно будет на неё положиться. Поэтому 15 августа он затребовал из Германии личный состав фортов в проливах.

Пока Сушон трудился не покладая рук, в порты России шли, загруженные по марку, транспорты Франции и Англии, везя боевое снабжение.

Но турки, откровенно гордясь своим великолепным флотом, вступать в войну не собирались. Как немцы ни настаивали, великий визирь, с восточным искусством, уходил от конкретных ответов. Однако Сушон уже разбирался в загадках турецкой души, отличавшейся не только антизападничеством, но и русофобией.

У Сушона, использовавшего антирусские настроения сановников Турции, созрел простой план. Он решил напасть на русские черноморские порты так, чтобы ни Россия, ни Турция не смогли пойти на попятную.

К началу войны основу Черноморского флота составляли устаревшие корабли, базировавшиеся в Севастополе. Однако эти додредноуты могли противопоставить десяти 280мм орудиям «Гебена» свои шестнадцать 305мм и четыре 254мм пушки. Но русская эскадра не могла принудить «Гебен» к бою, скорость хода которого на 10 узлов превосходила самые быстроходные линейные корабли русских.

Но небывалое — бывает — как бы сказал Великий Петр. И план удался. Утром 29 октября командование Черноморского флота, захваченное врасплох внезапным набегом противника на Севастополь, плохо ориентировалось в обстановке. Поступавшие отовсюду панические донесения сбивали с толку.

Так начался первый этап гибели Российской империи. Гром орудий «Гебена», катапультировавший Турцию в войну на стороне Германии, услышали во всем мире. 4 ноября Россия объявила войну Турции, на следующий день к ней присоединились Франция и Англия.

Однако незамерзающие проливы Турции тут же захлопнулись, отрезав Россию от помощи союзников через Средиземное море. После этого военные поставки пришлось организовывать через Архангельск, замерзающий на полгода, и от Владивостока, стоявшего за 10 000 км от театра военных действий, по тонкой ниточке Транссибирской магистрали. Уже через месяц экспорт упал на 98%, а импорт — на 93%.

Вскоре Россия, с удавкой на горле, озлобленная недавним погромом Японией, мятежами и революциями, террором и реакцией, декаденством и полной неготовностью к глобальной войне, требующей тотальной мобилизации людей и промышленности, отрезанная от союзников, начала задыхаться. И это произошло через несколько месяцев после того, как снаряды «Гебена» подняли грязные столбы воды на рейде Севастополя.

Уже в конце 1914 г. армия России требовала артиллерию, винтовок, боеприпасов и прочего, а к весне 1915 г. израсходовала все военные запасы, накопленные ранее. Горы оружия и боеприпасов лежали в портах Англии и Франции, ожидая отправки в Архангельск, намертво скованный льдом.

Объединенный флот союзников двинулся к проливам, полный решимости прорвать их силой и восстановить связь с Россией. Но было уже поздно. Когда знакомишься с работами, связанными с операцией в Дарданеллах флота Англии, создается впечатление о полной разобщенности ведомств и о лукавстве русской элиты, не торопившейся помогать союзникам. Видимо, пока МИД торговался за проливы, царь хотел показать союзникам, что без России им проливы

не взять. С этим спорить трудно, так как Сушон блестяще организовал береговую оборону Турции.

Но весной 1915 г., всего лишь через полгода после того как грохот орудий «Гебена» прозвучал погребальным звоном над Российской империей, войска Германии перешли в наступление на востоке. После страшного удара фронт был прорван сразу в нескольких местах, и армии России стремительно откатывались, оставляя крепости, доселе считавшиеся неприступными. Возникла непосредственная угроза столице, Москве и Киеву. Все это привело к тому, что русские в этой войне надолго потеряли способность вести крупные наступательные операции.

Россия, еще со времен Ивана IV зарившаяся на проливы, много раз с той поры была на волосок от цели. Четыре могущественных ведомства (включая и русскую православную церковь) занимались этой проблемой. Но всегда что-то мешало сделать последний шаг и посадить на престол Царьграда русского царевича, загодя названного Костантином. Как правило, этому мешала Англия. Теперь, напротив, она, придя в ужас от катастрофы русской армии и хорошо видя, что после следующего удара немцев развалится уже само государство Российское, гробила свой флот в Дарданеллах, пытаясь пробиться на помощь агонизирующему союзнику. Англия почти официально обещала России проливы Турции в качестве компенсации за море пролитой русской крови.

Хотя этому очень мешал «Гебен», но несгибаемая государственная машина России, несмотря на преступную нехватку вооружения, боеприпасов и снабжения, интенсивно готовилась к параду победы в Стамбуле и создавала новую униформу армии по эскизам художника В. М. Васнецова, в своем творчестве пытавшегося проникнуть в глубины подсознания русских. Нужно отметить, что это ему удавалось, и форма, как у былинных богатырей, получилась на славу. Её успели пошить столь много, что долго по-

том Красная армия красовалась в островерхих шапках-васнецовках, переименованных в буденовки, и длиннополых шинелях с «разговорами».

Сакральная идея овладения проливами имела огромное значение для правящей элиты тех лет. Это даже не обсуждалось и по значимости приравнялось к совсем недавнему построению коммунизма. Предполагалось заказать для будущей Босфорской десантной операции 12 мониторов со сроком готовности к весне 1916 г.

Однако впоследствии для непосредственной поддержки десанта решили использовать устарелые, но прошедшие модернизацию линейные корабли «Три Святителя», «Ростислав», «Пантелеймон», «Евстафий» и «Иоанн Златоуст». Нужно особо отметить, что артиллерия главного калибра последних трех броненосцев изначально проектировалась для стрельбы по возвышенным целям береговых укреплений проливов, так как имела угол возвышения пушек в 35 градусов.

Постройка мониторов для Черноморского флота так и не состоялась, как, впрочем, и Босфорская десантная операция, для выполнения которой Черноморский флот технически был подготовлен.

Однако всю эту огромную машину вторжения разрушил социальный взрыв, и русским так и не пришлось брать проливы.

Заключение

Мировая война началась с того, что две армии Австрии, молодецки вторгнувшиеся в Сербию, 16—20 августа 1914 г. были наголову разбиты на реке Ядар. Австрийцы не успокоились и повторили вторжение, но 3—15 декабря того же года сербы их опять разбили при Руднике и, с огромными потерями, повторно вытеснили в пределы империи.

Это стало началом конца. Из союзников центральных держав Италия и Румыния объявили о вхождении в блок Антанты, мощь которого со временем только возрастала. В вооруженных силах Австро-Венгрии царили антивоенные настроения. Полки имперской армии, укомплектованные немцами и венграми, отличались стойкостью и воевали хорошо. Представители других народов таким боевым духом не обладали, при первом же удобном случае многие солдаты просто дезертировали — как поодиночке, так и мелкими группами.

Осенью 1918 г. чехи и словаки провозгласили в Праге независимую республику Чехословакию, хорваты и словенцы объединились с сербами в Королевство Югославию, итальянские области на юге Австрии присоединились к Италии, Галиция стала частью Польши, а Буковина и Трансильвания — составной частью Румынского королевства.

В начале войны Юзеф Пилсудский думал о присоединении российского Царства Польского к монархии Габсбургов, преобразовав её в триединую империю Австро-Венгро-Польшу. Эта концепция в то время считалась самой благоприятной, не исключая и других вариантов. Так оно и произошло, поэтому созданием независимой Польши далее занимались Франция и Англия.

Россия, вынашивая свою особую, сакральную идею овладения Царьградом, могла получить желанные для нее проливы, так как армия и Черноморский флот могли успешно выполнить это.

Но в конце февраля 1917 г. дискредитацию царизма усилили некомпетентность командования, инфляция, казнокрадство, низкая зарплата и острая нехватка продовольствия.

Из ставки Николай II ввел в столице военное положение. Казаки не стали выполнять приказы начальства, и генералы убедили царя отречься от престола, чтобы восстановить в стране мир ради продолжения войны с Германией.

Вот так неожиданно русские оказались вдруг без царя и в конце марта 1917 г. окончательно погрузились в давно предсказанную революцию. Армия распалась на вооруженные банды, которые грабили или возвращались на родину.

Хотя Россия и демонстрировала военную, политическую, экономическую и финансовую слабость, но о том, что империя рухнет, мало кто думал. За исключением большевиков и, конечно же, генерального штаба Германии. Величайший мыслитель, знаток русской души, политик и философ В. И. Ленин провозгласил гениальный лозунг: «Мир народам, а земля — крестьянам». После чего вооруженные русские мужики, прихватив с собой пулеметы и горные пушки, поехали с фронта землю делить, и царская Русь сгинула как дым.

Октябрьский переворот 1917 г. в Петрограде, переезд госаппарата в Москву и заключение Брест-Литовского сепаратного мирного договора Советской России со странами центрального блока и выход ненадежного союзника из Первой мировой войны всерьез озаботили Антанту. На ее глазах в одночасье рухнул Восточный — русский фронт, приковывавший к себе большую часть сил Германии и Австрии, и куда уходила большая часть их резервов, не считая двух сильнейших армий Турции на Кавказе.

Для Антанты революция, начавшаяся в Петрограде и затем перекинувшаяся на большую часть России, стала серьезным военно-политическим поражением в Первой мировой войне, которая шла к своему логическому завершению. Пройдет всего несколько месяцев, и Германия со своими союзниками — Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — признает свое полное поражение. Но за столом победителей Советской России не будет, и «заслугой» тому стал сепаратный мир.

Повод для вооруженного вмешательства во внутренние дела России, которая в начале 1918 г. стала угрожающе быстро делиться на красных и белых, был найден. Россия с ее огромными территориями и богатствами с началом Гражданской войны превратилась в огромный «лакомый пирог» для каждого, кто послал бы туда свои войска. Поскольку Белое движение боролось за старую Русь-матушку, Антанта оказалась на его стороне.

Вооруженная интервенция против Советской России почти одновременно началась на юге, севере и Дальнем Востоке. Но страны Антанты опередили Германия и Австро-Венгрия, чьи войска быстро оккупировали запад России, дойдя до Пскова и Дона. Турция взяла Баку с его нефтепромыслами. Однако, по условиям мира, который подвел итоги Первой мировой войне, войскам Германии, Австрии и Турции вскоре пришлось оставить Россию. На сцену вышла Антанта.

Гражданская война показала, что русским безразличны и самодержавие, и православие, и врата Царьграда. Действительно, в конце Первой мировой войны воинство Христа отвоевало так себе, ни шатко ни валко. Чего нельзя сказать о битве титанов за административный ресурс, прошедшей с полным напряжением сил, большевистским задором и пристрастием. Поражает также грандиозное применение технических средств, особенно бронепоездов и речных канонерских лодок, количество которых и огневая мощь, по

сравнению с периодом Первой мировой войны, чудовищно возросли.

В этой войне свою исключительную, но, видимо, последнюю песню сыграли станичники. Не помогло дружное наступление на души казаков всех военных, религиозных и научных кругов России, внесших в души казаков много ложных представлений, но искоренивших у них память об особых исторических правах, сознание обособленности не удалось. Да и со стороны русских еще со времен Золотой Орды, видимо, оставалось духовное отторжение этой своеобразной Внутренней Монголии. Поэтому после переворота 1917 г. возродились круги, провозглашена независимая республика, которая 2 года оборонялась в кровавой борьбе от новой русской власти Советов. Судьба казаков сложилась особенно драматично во Вторую мировую войну.

Русь же, перефразируя слова Александра Блока, свою разбойную красу неоднократно отдавала целому ряду большевистских чародеев. Но об этом нужно рассказать отдельно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

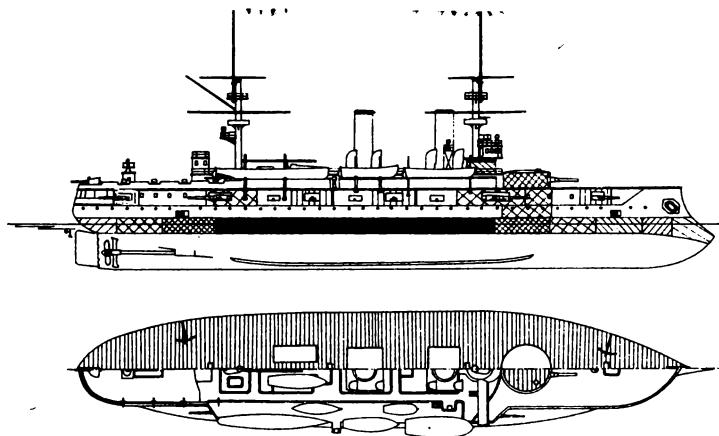
ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Основные классы и типы кораблей России 1889—1904 гг.

Особое место в защите границ Российской империи занимали корабли флота, технический уровень которых в целом соответствовал мировым достижениям. Поэтому здесь полезно рассмотреть разнотипные русские броненосцы, начиная от «Императора Николая I» (1891) до новейших типа «Бородино» (1903—1904). Наиболее интересные из них — «Наварин», «Сисой Великий», «Ослябя» и «Бородино».

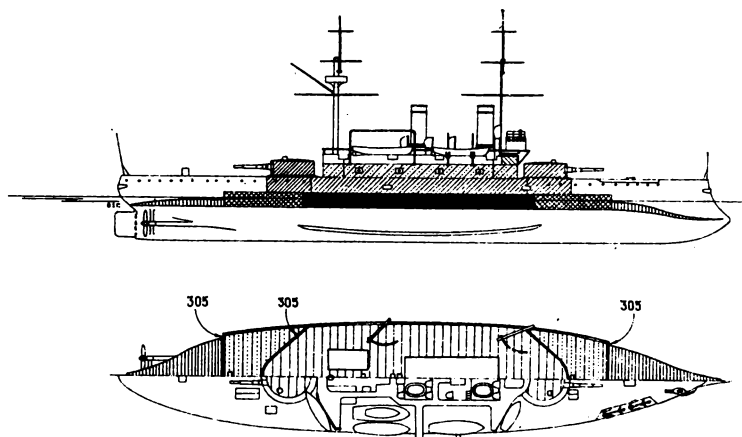
Приведенные автором оригинальные графические реконструкции кораблей иногда воспроизводят безымянные и вороватые московские «художники» в соответствии с их смутными понятиями об интеллектуальной собственности. Слово «художник» здесь взято в кавычки, так как у этих людей отсутствуют чувство меры и вкус. Дело в том, что при реконструкции корабля (который и поныне является самым сложным инженерным сооружением в мире), кроме чертежей приходится изучать большой объем иной технической документации. И только после анализа всех документов можно приступать к графическим работам. А для этого требуются необходимая квалификация и большая эрудиция в области истории кораблестроения. Так что в этой книге представлены наиболее точные чертежи реконструированных кораблей.

«Наварин» относился к так называемым цитадельным броненосцам с небронированными оконечностями корпуса. Толщина сталежелезной брони цитадели достигала 406 мм. Цитадель прикрывалась двумя броневыми палубами общей толщиной 114 мм. Карпасные палубы толщиной 57—76 мм достигали оконечностей корабля. Артиллерия главного калибра (305 мм) в 35 калибров длиной размещалась в двух

■ 368 ▨ 305 ▩ 254 ▤ 229 ▥ 203 ▧ 152 ▨ 127 ▩ 102 ▤ 76 ▥ 63 ▧ 51mm

Эскадренный броненосец «Император Николай I». Заложен на Франко-русском заводе в Петербурге в 1886 г., спущен 20.05.1889 и вступил в строй в 1891 г. Реконструкция И. И. Черникова

■ 406 ▨ 356 ▩ 305 ▤ 254 ▥ 152 ▧ 76 ▨ 63 ▩ 51mm

Эскадренный броненосец «Наварин». Заложен на Франко-русском заводе 19.05.1890, спущен 20.10.1893 и вступил в строй в 1895 г. Реконструкция И. И. Черникова

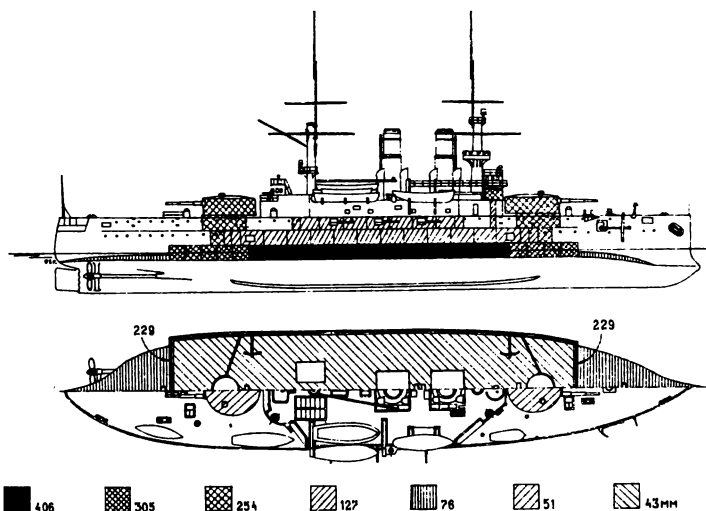
двухорудийных башнях в носу и корме, защищенных 305мм броней. Мощное бронирование «Наварина» делало жизненно важные центры корабля практически неуязвимыми для существовавшей тогда артиллерии. При водоизмещении 10 210 т корабль развивал ход около 15 уз.

Проект броненосца «Наварин» послужил основой для создания броненосцев «Три Святителя» на Черном море и «Сисой Великий» на Балтике, а также броненосцев береговой обороны «Адмирал Ушаков», «Адмирал Сенявин» и «Генерал-адмирал Апраксин».

Броненосец «Сисой Великий», за счет увеличения высоты надводного борта, имел повышенную мореходность. Более рациональной стала система бронирования: броневую палубу опустили до уровня верхней кромки броневого пояса.

Однотипные броненосцы «Полтава» (1897), «Севастополь» (1898) и «Петропавловск» (1897), входившие в состав 1-й Тихоокеанской эскадры, стали развитием проекта броненосца «Сисой Великий». Эти корабли отличались от своих предшественников более гармонично сочетающимися тактико-техническими характеристиками, обладали хорошими мореходными качествами и бронированием, большой дальностью плавания (до 3000 миль) и повышенной скоростью (свыше 16 уз). Количество 152мм орудий удалось довести до 12. Впервые на этих кораблях средняя артиллерия размещалась преимущественно в двухорудийных башнях и частично в казематах.

Броненосцы «Ослябя» (1901), «Пересвет» и «Победа» построены по проекту Морского технического комитета в 1894 г. Проектное водоизмещение ограничилось 10 500 т. Спустя год первоначальный проект пересмотрели в сторону увеличения водоизмещения до 12 674 т из-за новых требований к повышению скорости до 18 уз., мощности энергетической установки и дальности плавания. В результате Балтийский флот получил мощный мореходный броненосец нового

Эскадренный броненосец «Сисой Великий». Заложен на заводе «Новое Адмиралтейство» в Петербурге 25.07.1891, спущен 20.05.1894 и вступил в строй 18 августа 1896 г. Реконструкция И. И. Черникова

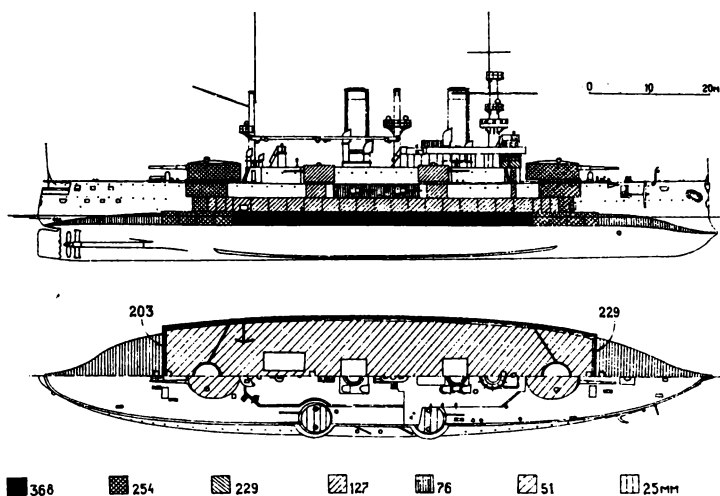

Схема бронирования броненосцев типа «Полтава». Реконструкция И. И. Черникова.

типа, способный длительное время действовать в океане вдали от своих баз. Постройка броненосца такого типа стала логическим завершением идей о крейсерской войне против Англии на морских коммуникациях. Для этих целей уже имелись крейсера «Генерал-адмирал», «Владимир Мономах», «Рюрик» и др. Предполагалось, что включение в состав крейсерской группы новых быстроходных броненосцев повысит ее боевую устойчивость, а изменение их тактико-технических характеристик сделает соединение более маневренным и автономным. О специальном назначении новых броненосцев говорили и уменьшенный до 254 мм калибр крупной артиллерии, и облегченные башенные установки, разработанные для броненосцев береговой обороны типа «Адмирал Ушаков». Сокращение нагрузки за счет уменьшения калибра артиллерии и бронирования борта до 229 мм позволило увеличить запас топлива, а следовательно, и дальность плавания до 6000 миль, что более чем в два раза превышало возможности предыдущих броненосцев. Экономическая скорость хода обеспечивалась при работе одной из трех главных машин и сокращенном количестве действующих котлов.

Корабль обладал хорошими мореходными качествами за счет высокого борта и удлиненного полубака, на котором размещалась одна из двух башен броненосца. Благодаря этому можно было с успехом использовать артиллерию главного калибра даже при значительном волнении моря. Башенные установки позволяли придавать 254мм орудиям углы возвышения до 35° вместо обычных 15°, что увеличивало дальность стрельбы. Артиллерия среднего калибра состояла из одиннадцати 152мм скорострельных пушек, противоминная — из двадцати 75мм орудий.

На броненосце «Ослябя» вместо сталежелезной брони применили гарвеевскую, что позволило снизить ее толщину и увеличить поверхность бронирования. Впервые в русском флоте на броненосцах этого

типа применили конструкцию броневой палубы со скосами, смыкающимися с нижней кромкой броневого пояса, как это было сделано на английском броненосце «Мажестик». Так сложилась типовая конструкция для всех последующих броненосцев. Бронирование броненосцев типа «Ослябя» по массе составляло всего лишь 23% водоизмещения корабля и приближалось к бронированию броненосных крейсеров.

В феврале 1898 г. правительство России выделило специальные ассигнования на кораблестроение для нужд Дальнего Востока. Морской технический комитет выработал технические задания для проектирования броненосца водоизмещением примерно в 12 000 т и в апреле 1898 г. отправил их на русские и иностранные заводы с предложением разработать конкурсные проекты. В итоге инженеры Франции предложили проект «Цесаревича», а США — «Ретвизана».

«Цесаревич» послужил прототипом для самой крупной серии эскадренных броненосцев русского флота. Проект составил инженер Лагань, расположивший двенадцать 152мм орудий в 6 двухорудийных башнях с вынесением средних башен на бортовые срезы, что давало им угол обстрела в 180 градусов и позволяло в носовом и кормовом залпах (то есть, когда корабль представлял наименьшую по площади цель) кроме концевых 305мм орудий использовать и восемь 152мм. Двадцать 75мм орудий стояли на незащищенной броней батареейной палубе.

Забронированный по французской системе корабль имел броневой пояс по всей длине корпуса толщиной 200—250 мм в средней части и 125—170 мм в оконечностях. Верхняя палуба имела толщину 38 мм. Нижняя палуба толщиной 38 мм, загигаясь вниз, образовывала на расстоянии 2 м от бортов броневую продольную переборку для защиты от подводных взрывов. Боевая рубка, башни главного калибра и их барбеты защищались 254мм броней, а башни среднего калибра — 150 мм.

Новой в проекте стала и 38мм броневая противоторпедная переборка протяженностью около 90 м, установленная в средней части броненосца на расстоянии 2 м от наружной обшивки по типу французского броненосца «Жорегибери». «Цесаревич» отличался от прежних броненосцев значительно более полным бронированием: масса новой крупновской брони, на 16—30% превосходившей по сопротивлению гарвеевскую, достигала примерно 30—32% водоизмещения.

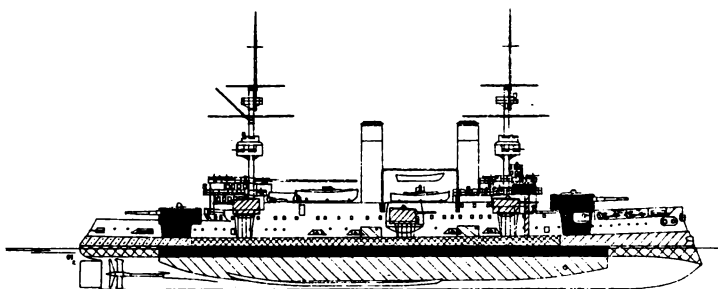
Орудия для корабля изготовил Обуховский завод, но башни, в отличие от существовавшей практики,— во Франции, не считая верхних откатных частей. Попутно выяснилось, что принятые в России станки для 305мм пушек не помещаются в башнях французского образца. Пришлось срочно проектировать новые станки и заказать их Путиловскому заводу за дополнительные 237 600 рублей. Петербургский Металлический завод изготовил торпедные аппараты. Все остальное, включая машины, котлы и прочие системы,— во Франции.

Достройка корабля затянулась: русские орудия и станки не вмещались во французские башни, не совпадали зарядные системы, оказались слабыми станки Путиловского завода. Все это потребовало многочисленных переделок и доводок, задержавших сдачу корабля.

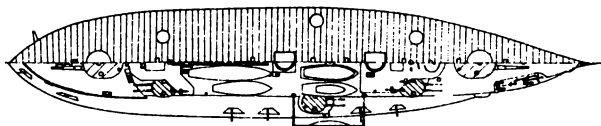
Новейшие эскадренные броненосцы «Бородино», «Император Александр III», «Князь Суворов», «Орел» и «Слава» строились по усовершенствованному русскими судостроителями французскому проекту броненосца «Цесаревич». Более полное бронирование включало два сплошных броневых пояса: нижний 203мм и 152мм верхний. Но это уменьшение, по сравнению с «Цесаревичем», толщины бортовой брони позволило закрыть бронированным казематом противоминную 75мм артиллерию, закрытом сверху 32мм броней и разделенном 25мм броневыми переборками. Благодаря этому предполагалось обеспечить высокую живу-

честь противоминной артиллерии. Снижение же толщины бортовой брони компенсировалось применением хромоникелевой цементированной стали, сопротивляемость которой на 20—25% превышала цементированную сталь. Расположение артиллерии главного и среднего калибра оставалось таким же, как у броненосца «Цесаревич».

Во многом была оригинальна принятая на броненосцах типа «Бородино» система внутреннего бронирования корпуса. Если на броненосце «Цесаревич» нижняя броневая палуба, загибаясь вниз, образовывала противоминную продольную переборку, то на трех последних кораблях этой серии нижняя броневая палуба, также загибаясь, упиралась в нижний срез броневого пояса и жестко крепилась к нему. Броневая противоминная переборка толщиной 38 мм и протяженностью

40 м противоминная переборка

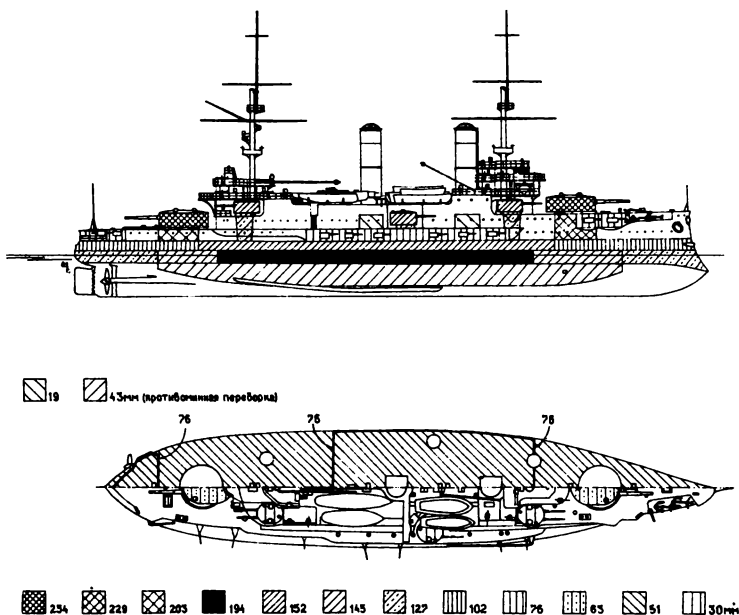
Эскадренный броненосец «Цесаревич». Схема бронирования.
Реконструкция И. И. Черникова

90 м устанавливалась самостоятельно и в верхней части крепились к загибу броневой палубы.

Все броненосцы типа «Бородино» имели одинаковое водоизмещение 14 200 т и скорость 18 уз. Энергетическая установка их состояла из 2 вертикальных паровых машин тройного расширения и 20 водотрубных котлов.

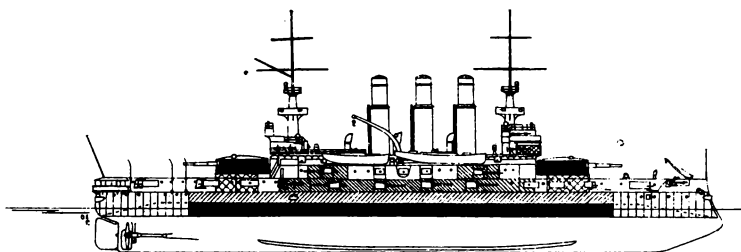
Еще до окончания приемных испытаний корабли зачислили в состав эскадры, за исключением броненосца «Слава», который достраивался.

Наиболее совершенным броненосным кораблем японского флота, приближавшимся по своим тактико-техническим характеристикам к типу «Бородино», был эскадренный броненосец «Микаса», построенный

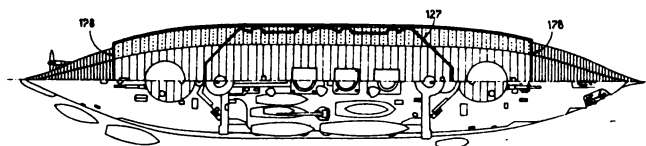

Эскадренный броненосец «Бородино», схема бронирования.
Реконструкция И. И. Черникова

заводом Виккерса в Англии, водоизмещением 15 300 т и скоростью 18 уз. Артиллерийское вооружение его состояло из четырех 305мм орудий, расположенных в 2 двухорудийных башнях, и 14 скорострельных 152мм орудий, из которых 10 располагались по бортам в цитадели и 4 на верхней палубе в отдельных бронированных казематах. Кроме этого на корабле имелось двадцать 76мм противоминных орудий и 4 подводных торпедных аппарата. Броневая защита эскадренного броненосца «Микаса» включала в себя главный броневой пояс по ватерлинии толщиной 228 мм в средней части и 102—180 мм в оконечностях. Высота броневых пояса составляла 2,4 м от ватерлинии. Над броневым поясом на протяжении 0,65 длины корабля

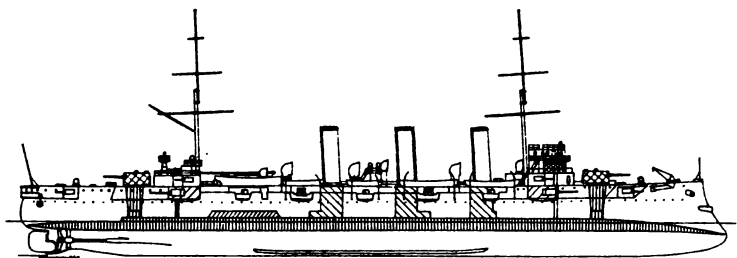

76 (каранас) 63 мм(скос)

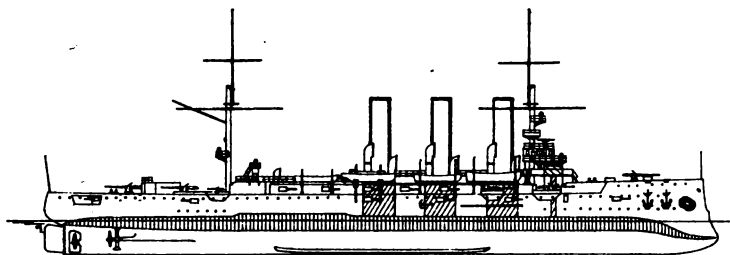

254 229 203 152 127 51 мм

Эскадренный броненосец «Ретвизан», схема бронирования.
Реконструкция И. И. Черникова

Бронепалубный крейсер 1-го ранга «Олег». Заложен на заводе «Новое Адмиралтейство» в Петербурге 6.07.1902, спущен 14.08.1903 и вступил в строй в октябре 1904 г. Реконструкция И. И. Черникова

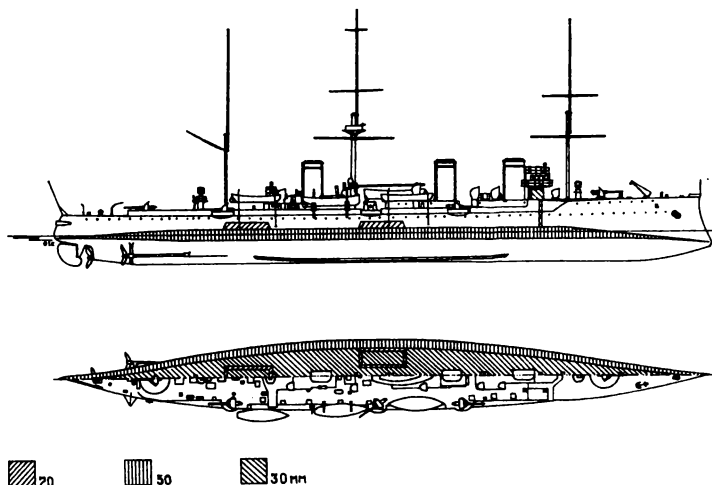

■ 152 ■ 63 ▨ 37mm

Бронепалубный крейсер 1-го ранга «Аврора». Заложен на заводе «Новое Адмиралтейство» в Петербурге 23.05.1897, спущен 11.05.1900 и вступил в строй 18 сентября 1903 г. Реконструкция И. И. Черникова

Миноносец «Сокол», 1895 г. Реконструкция И. И. Черникова

Бронепалубные крейсера 2-го ранга типа «Жемчуг». «Жемчуг» заложен на Невском заводе 1.06.1902, спущен 14.08.1903 и вступил в строй в октябре 1904 г. «Изумруд» заложен на Невском заводе в 1901 г., спущен в августе 1903 и вступил в строй в октябре 1904 г. Реконструкция И. И. Черникова

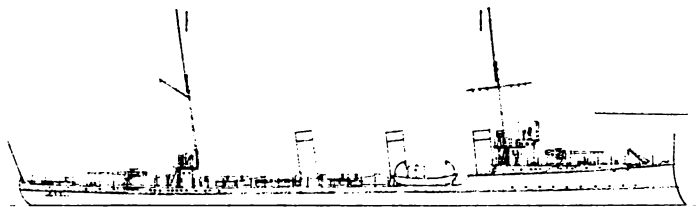
простиралась поднимающаяся до уровня верхней палубы цитадель, защищенная 152мм броней. Корабль имел 2 броневые палубы толщиной 75—125 мм и 25 мм. Незащищенная броней площадь надводного борта в оконечностях была немногим больше 30%.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

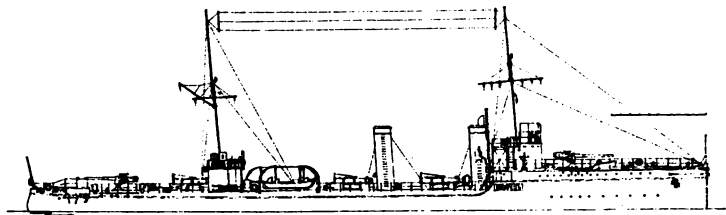
Корабли русского флота периода Первой мировой войны

В конце 1906 г. для Балтийского моря планировалось заложить четыре дредноута в 21 000 т каждый. Но Дума постройку линейных кораблей отклонила, и лишь вмешательство Николая II поставило точку в этой борьбе. В 1909 г. последовала закладка четырех дредноутов типа «Севастополь».

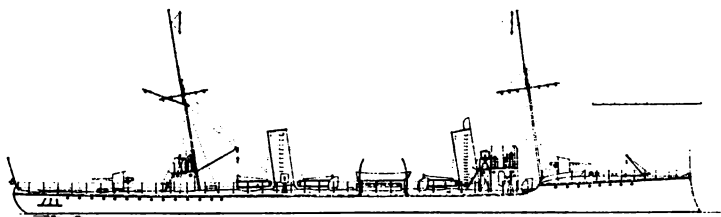
Весной 1910 г. стало известно о заказе Турцией в Англии трех дредноутов, что могло радикально изменить соотношение сил на Черном море. 26 июля морской министр доложил царю о целесообразности постройки новой бригады из трех дредноутов для Черноморского флота, и 23 сентября того же года Совет министров утвердил программу усиления Черноморского флота. В конце 1911 г. в Николаеве начали строить дредноуты «Екатерина II», «Императрица Мария» и «Император Александр III». Кроме того, заложили 9 турбинных эсминцев типа «Новик».

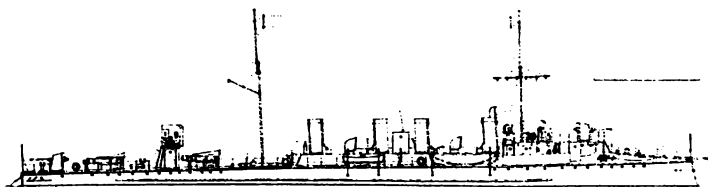
Эскадренные миноносцы «Украина», «Донской казак» и «Забайкалец», 1914 г. Реконструкция И. И. Черникова

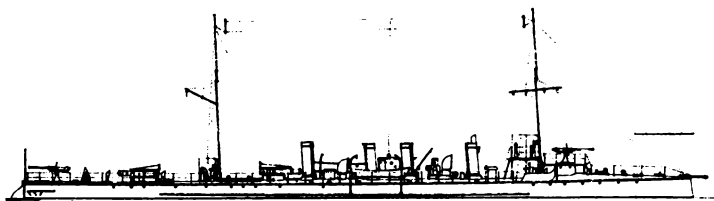
**Эскадренный миноносец «Амурец», 1914 г.
Реконструкция И. И. Черникова**

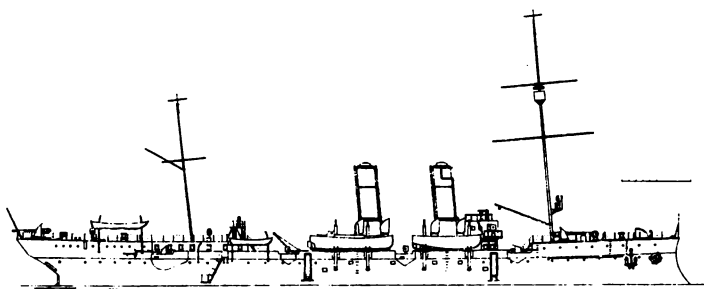
**Эскадренный миноносец «Инженер-механик Зверев», 1911 г.
Реконструкция И. И. Черникова**

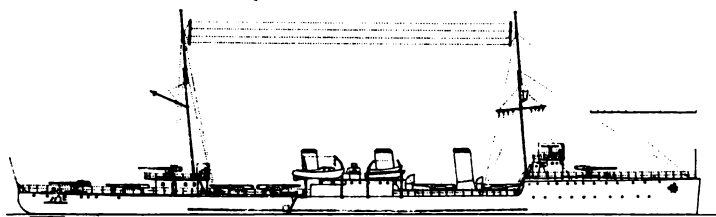
**Эскадренный миноносец «Громящий», 1914 г.
Реконструкция И. И. Черникова**

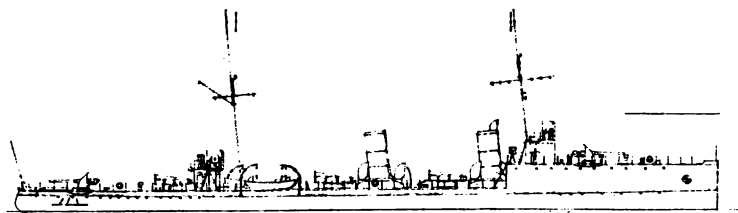
**Миноносец «Прыткий», 1914 г.
Реконструкция И. И. Черникова**

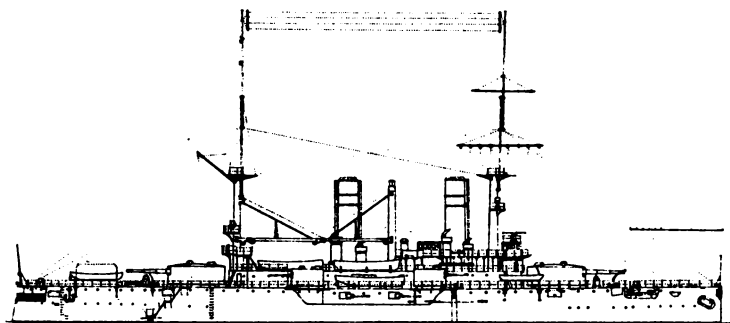
**Минный заградитель «Амур».
Реконструкция И. И. Черникова**

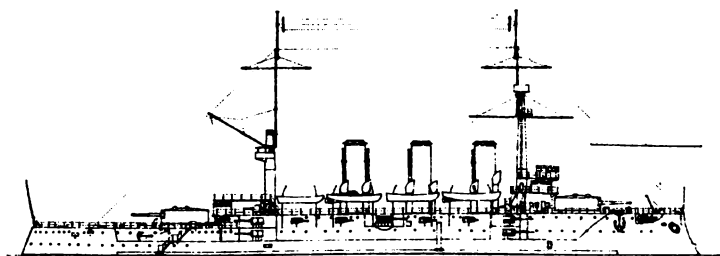
**Эскадренный миноносец типа «Счастливый», 1915 г.
Реконструкция И. И. Черникова**

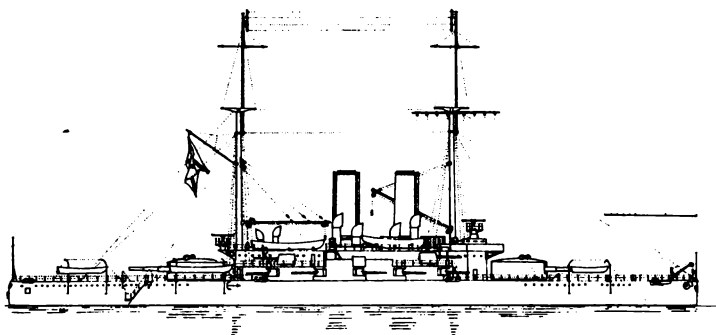
**Эскадренный миноносец «Лейтенант Шестаков», 1914 г.
Реконструкция И. И. Черникова**

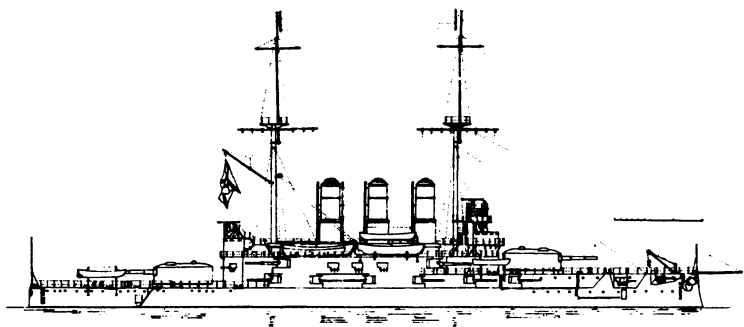
**Линейный корабль «Чесма», флотилия Северного Ледовитого
океана 1917 г. Реконструкция И. И. Черникова**

**Крейсер «Пересвет», 1916 г.
Реконструкция И. И. Черникова**

**Линейный корабль «Три святителя», 1912 г.
Вошел в строй в 1895 г. Реконструкция И. И. Черникова**

**Линейные корабли «Иоанн Златоуст» и «Евстафий», 1916 г.
Вошел в строй в 1905 г. Реконструкция И. И. Черникова**

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Казачьи песни Крымской и Первой мировой войн

Здесь представлены лишь две казачьи песни, между которыми 60 лет, то есть свыше двух поколений. Имена авторов, к сожалению, не дошли до наших дней. Но поражает их удивительная цельность и гармоничность, будто это писал один человек.

Песни зародились еще в глубокой древности. Иногда их слова и мелодии создавались одним человеком, но потом изменялись, совершенствовались и становились произведением общенародным.

У казаков эти творческие силы проявлялись всегда особенно отчетливо. Имеется пятитомное собрание казака А. М. Листопадова («Песни донских казаков», Музгиз, 1953), содержащие 1200 песен, широко распространившихся по свету. Обычно успех им создает не так содержание, как оригинальное звучание мелодии. Казаки «играют» песни. Но в данном случае перед нами завершенные литературные произведения, два романа, две судьбы, освещенные необыкновенно емко и мужественно.

Песня 1

Всем всем мальчик был доволен
Всем всем мальчик был доволен, никакой нужды не знал.
Всем всем мальчик был доволен, никакой нужды не знал.

А теперь все испытал,
В Севастополе бывал,
В чистом поле
Страх там и горе.
Каждый день и каждый
час

День мы мокнем,
Ночь дрожим,
Всю-ю ноченьку не
спим,
Прослыхали да наши
уши,
Чтоб врага нам не
проспать.
Море Черное шумит,
В кораблях огонь
горит,
Огонь тушим,
Турок душим.
Слава донским казакам!
Слава русская большая,
Ей гордимся мы всегда.
Коник верный подо
мною,
Пика — слава казака!
Коник верный подо мною,
Пика — слава казака!
Шашка — верная подруга
И винтовка на
врага!

Песня 2

Заря кровавая сгорела,
Заря кровавая сгорела.
На башне филин прокричал,
На башне филин прокричал.
Зачем ты снишься мне, станица. И та, с которою гулял,
И та, с которою гулял.
И та, которой любовался,
Как на лазоревый цвяток,
Мне служба трудна предстояла
Царю — Отечеству служить,
Царю — Отечеству служить,

А служба царская чижола.
Трявогу вахмистр кричить.

Какая может быть трявога,
Вчера мы столько верст
 прошли,
Вчера мы столько верст
 прошли,

Прошли мы польскую границу,
Прошли немецкое село,
Нас пули вражьи бьют
 жестоко,

Осколки будто град секут,
Осколки будто град секут.
И много раненых-убитых
Один с оторванной рукой.

Никто по нас не загорюет,
Окроме матушки родной,
Окроме матушки родной.
И здесь, далеко от России,
Мы все безвестно полегли,
Курганом головы сложили,
Но честь казачью сберегли.
Но честь казачью сберегли!

ЛИТЕРАТУРА

- Андреевич В. К.* История Сибири. В 5 т. М., 1889.
- Арбузов А. В.* Броненосцы типа «Екатерина II». СПб., 1994.
- Атласов Х. М.* История Сибири. Казань, 2005.
- Беляев И. Д.* О сторожевой и станичной службе. М., 1846.
- Боголюбов Н.* История корабля. М., 1879—1880. Т. 1, 2.
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1890—1905.
- Булатов.* Поход Туркестанского конно-горного батальона на Памиры в 1892 г. // Артиллерийский журнал. 1894 г. № 5.
- Бунич И.* Черноморская Цусима 1914—1921. СПб., 1999.
- Бунич И.* В огне государственного катаклизма. СПб., 2000.
- Бущинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889.
- Веселаго Ф.* Краткая история русского флота. СПб., 1893.
- Вильсон Х.* Броненосцы в бою. СПб., 1897.
- Володарский В.* Василий Верещагин. М., 2000.
- Грибовский В. Ю., Черников И. И.* Броненосец «Адмирал Ушаков». Л., 1996.
- Грушевский М. С.* История украинского казачества. СПб., 1913. Т. 1.
- Гружев М.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909.
- Денисон Дж.* История конницы. М., 2001. Кн. 1.
- Елисеев Ф. И.* Казаки на Кавказском фронте 1914—1917. М., 2001.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842—1843. Т. 1—12.
- Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1908. Ч. 1—3.
- Князьков С. А.* Из прошлого русской земли. СПб., 1907.
- Корнилова А.* Григорий Гагарин. М., 2004.
- Кузнецов А. Б.* Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ. Мн, 1986.
- Кусаинова Е. В.* Русско-ногайские отношения и казачество в XV — первой половине XVI века // Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград, 2000.
- Лурье В. М., Ященко В. В.* Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» И. Д. Сытина. СПб., 1995.
- Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особенно от покорения его Российской державе по сии времена. СПб., 1787.

- Михайлов А.* Первый бросок на Юг. М.; СПб., 2003.
- Мухаммедова Р. Г.* Татары — мишари. М., 1972.
- Небольсин П. И.* Покорение Сибири // Отечественные записки. 1849. № 60—63.
- Никитин А. П.* Основания русской истории. М., 2001.
- Павлов Д. Б., Петров С. А.* Японские деньги и русская революция. М., 1993.
- ПСРЛ, т. 12. СПб., 1901.
- ПСРЛ, т. 37. Л., 1982.
- Радлов В. В.* Сибирские древности. СПб., 1888—1902. Т. 1—2.
- Сборники Императорского Русского Исторического общества.* СПб., 1884, 1895. Т. 41, 95.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1860—1861. Кн. 1—5.
- Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. М, 1838—1844. Кн. 1, 2.
- Строгановская летопись* (Издана под названием «Сибирские летописи»). СПб., 1907.
- Судовой список.* Пг., 1916.
- Татищев В. Н.* История российская с древнейших времен. М, 1768—1772. Т. 1—3, 5.
- Тарнабул С., Мак-Брайд А.* Армия Монгольской империи. М., 2003.
- Титушкин С. И.* Русская корабельная артиллерия в 1904—1917 гг. // Судостроение. 1992. № 5.
- Череванский В. П.* Две волны. Историческая хроника. 1147—1898. СПб., 1898. Ч. 1, 2.
- Черников И. И.* Пароход «Редедя, князь Косоогский» // Судостроение. 2002. № 2.
- Черников И. И.* Речной флот Военного ведомства 1915—1917 годы // Гангут. 2000, 2001. № 25—27.
- Черников И. И.* Проектирование и постройка речных боевых кораблей. История отечественного судостроения. СПб., 1996. Т. 4.
- Черников И. И.* Гибель империи. М., 2002.
- Черников И. И.* Энциклопедия речного флота. М., 2004.
- Черников И. И.* Русские речные флотилии за 1000 лет. СПб., 1999.
- Черников И. И.* Флотилия Екатерины II // Катера и яхты. 2000. 171.
- Черников И. И.* Самарканд // Речной транспорт. 1988. № 6.
- Черников И. И.* Пароход Берда // Речной транспорт. 1988. № 3.

Черников И. И. Пароход «Фермер» // Речной транспорт. 1989. № 7.

Черников И. И. Черноморские десантные баржи // Судостроение. 1982. № 9.

Черников И. И. Речные канонерские лодки типа «Бурят» // Судостроение. 1987. № 8.

Черников И. И. Речные канонерские лодки типа «Вогул» // Судостроение. 1987. № 9.

Черников И. И. Бронированные канонерские лодки типа «Шквал» // Судостроение. 1987. № 10.

Черников И. И. Плавбатареи Амурской флотилии // Судостроение. 1983. № 10.

Черников И. И. Бронепароходы Днепровской флотилии // Судостроение. 1999. № 2.

Черников И. И. Канонерская лодка 1 Амударьинской флотилии // Судостроение. 2000. № 5.

Черников И. И. Речные канонерские лодки Первой мировой войны // Судостроение. 2003. № 5.

Черников И. И. Канонерская лодка «Тюлень». // Судостроение 1987 № 2.

Черников И. И. Броненосные батареи «Первенец» и «Не тронь меня» // Судостроение. 1985. № 1.

Черников И. И. Броненосная батарея «Кремль» // Судостроение. 1985. № 2.

Черников И. И. Сухопутная артиллерия на кораблях // Судостроение. 1989. № 9.

Черников И. И. Канонерские лодки типа «Красная Абхазия» // Судостроение, 1987. № 12.

Черников И. И. Черноморские десантные баржи // Судостроение. 1982. № 9.

Черников И. И. Из истории Амурской флотилии // Балтиец. 1980. 117.

Черников И. И. Гражданские суда в Военно-морском флоте России // Балтиец. 1981. № 40—42.

Черников И. И. Заградители «Ладога», «Нарова», «Онега» // Судостроение. 1988. № 7.

Черников И. И. Бронеавтомобиль «Путиловский Остин» // Кировец. 2005, № 28 (11318).

Черников И. И. Боевые гусеничные машины // Кировец. 2005, № 31 (11321), 34 (11324).

Черников И. И. Короткоствольная артиллерия // Кировец. 2006, 4 (11339), 5 (11340).

Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Петроград, 1918.

Шершов А. В. История военного судостроения. Л., 1940.

Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2.

Морской атлас. Описания к картам. М., 1959. Т. 3, Ч. 1.

Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

ЦГИА, ф. 206, оп. 1, д. 884. ф. 652, оп. 1, д. 942, д. 1097, д. 1095.

Хит И. Викинги. М., 2004.

Яцыно И. А. Курс морской артиллерии. СПб., 1901. Ч. 2.

Автор благодарит друзей и знакомых, оказавших помощь в подборе информации. Среди них: д. в. н., капитан 1-го ранга А. Е. Есбодаев; к. т. н., профессор, капитан 1-го ранга П. В. Захаров; д. т. н., профессор, полковник Ю. Ф. Каторин и все доблестные сотрудницы ЦВМБ.

Особо следует отметить станичников, совсем недавно пытавшихся возродить казачество на северо-западе Европы. Это: к. т. н., профессор О. С. Бударин; профессор, генерал-майор А. Г. Крамарев; донской казак А. Ю. Чмых, а также донские казачки С. Ю. Малова и Т. Б. Черникова.

Оглавление

От автора	3
Часть I. Окраины Европы	
Глава 1. Народ у края	7
Глава 2. Гунны в Европе	13
Глава 3. Русь изначальная и её украины	15
Глава 4. Юг Руси, или Томаторкань	25
Глава 5. Ушкуйники — мореходы Новгорода	29
Глава 6. Великие монголы	33
Глава 7. Украины Орды	36
Глава 8. Турки-завоеватели	41
Глава 9. Ляхове Украине	43
Часть II. Украины Московии	
Глава 1. Завоевание Волги	48
Глава 2. Выход на Каспий	51
Глава 3. Война в Ливонии	53
Глава 4. Край на Яике	66
Глава 5. Конкистадоры Москвы	68
Глава 6. Смута	75
Глава 7. От Москвы до самых до окраин	80
Глава 8. Присоединение Украины	87
Глава 9. Разбой в водах Персии	93
Часть III. Россия молодая	
Глава 1. Реформы Петра Великого	107
Глава 2. Покорение Дона	111
Глава 3. Украина пытается уйти к шведам	118
Глава 4. Казаки уходят в Турцию	121
Глава 5. Моряки в дальней украине	127
Глава 6. Империя времен Екатерины	130

Глава 7. Украйны в огне	132
Глава 8. Низовая Волга	137
Глава 9. Южный Урал	151
Глава 10. Покорение Кавказа	166
Глава 11. Защитники морских рубежей Отечества	187

Часть IV. Украйна в Туркестане

Глава 1. Продвижение в Туркестан	202
Глава 2. Господство на Аральском море	203
Глава 3. Битва в пустыне	211
Глава 4. Выход в Туран	224
Глава 5. Украйны Семиречья	231
Глава 6. Бои за Крышу Мира	234

Часть V. Сибирь и дальняя украйна

Глава 1. Великий край	238
Глава 2. Красный яр на Енисее	266
Глава 3. Священное море	275
Глава 4. Моряки на Амуре	283
Глава 5. Самая дальняя украйна	289
Глава 6. Великая магистраль	309
Глава 7. Хунхузы и казаки	315
Глава 8. Боксерское восстание 1900—1902 гг.	318

Часть VI. Соседка Америка

Глава 1. Энография США	331
Глава 2. Историческая география США	342
Глава 3. Флот США	345
Глава 4. Продажа Аляски	352

Часть VII. Цусима

Глава 1. Тихоокеанский тигр	355
Глава 2. Вооруженные силы России	356
Глава 3. Война и Первая русская революция	358
Глава 4. Порт-Артур	369
Глава 5. Цусима	370

Часть VIII. Передел мира

Глава 1. Флот турбин и чудовищных пушек	385
Глава 2. Война моторов	389
Глава 3. Царица полей	401
Глава 4. Штурм крепости Перемышль	403

Глава 5. По горам турецким	406
Глава 6. Гибель империи	410
Заключение	416
Приложения	420
Приложение 1. Основные классы и типы кораблей России 1889—1904 гг.	420
Приложение 2. Корабли русского флота периода Первой мировой войны	432
Приложение 3. Казачьи песни Крымской и Первой мировой войн	435
Литература	440

Литературно-художественное издание

Иван Черников

РУССКИЕ УКРАИНЫ

Завоевания Великой Империи

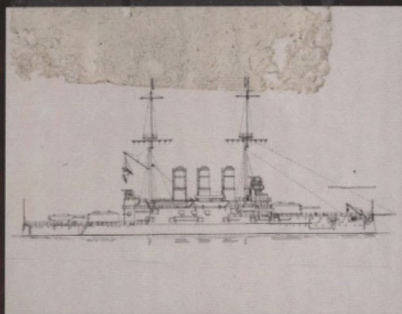
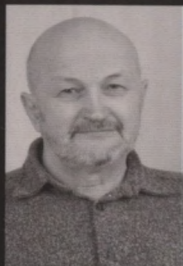
Ведущий редактор *В. Л. Пименова*
Художественный редактор *О. М. Бегак*
Технический редактор *В. В. Беляева*
Верстка *О. К. Савельевой, В. В. Третьяка*
Корректор *В. Н. Леснова*

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Астрель-СПб»
197373, Санкт-Петербург, Комендантский пр., 34,
корп. 1, ЛИТЕР А
E-mail: mail@astrel.spb.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Иван Иванович Черников,
историк, инженер-исследователь.
Автор книг «Гибель империи»,
«Энциклопедия мониторов» и др.,
а также более 100 статей
по истории флота.

Какой ценой достались России так называемые укрaines? Каким образом произошло триумфальное расширение ее границ от низовой Волги к горным хребтам Кавказа, Памира и далее — к берегам Тихого океана? Как было достигнуто техническое превосходство над соседними государствами? И почему Россия, великая держава, игравшая огромную роль в Европе, начала терять свои позиции? Автор не просто отвечает на все эти вопросы, он предлагает читателю новое видение ключевых событий, повлиявших на судьбу империи.

Книга предназначена широкому кругу читателей, как специалистам, так и любителям истории, географии и этнографии.

ISBN 978-5-17-052655-0

9 785170 526550